

ПУШКИН. ЧЕРНЫШЕВСКИЙ сог.

5583

сог. 7. 2

234 (I 1/2)

1573
0721

Владимиръ Пушкинъ
и др. сочиненія
въ два тома
въ распродажѣ

Сочиненія Пушкина съ приложеніемъ матеріаловъ для его биографіи, портрета, снимковъ съ его почерка и его рисунковъ и проч. Изданіе П. В. Анненкова. Томы I и II. Спб. 1855.

СТАТЬЯ ПЕРВАЯ.*)

Нетерпѣливое ожиданіе, настоятельная потребность русской публики наконецъ удовлетворяется. Два первые тома новаго изданія твореній великаго нашего поэта явились въ свѣтъ; остальные томы скоро послѣдуютъ за ними.

Событіями, радостными для всѣхъ образованныхъ людей русской земли ознаменовано начало 1855 года: въ одной столицѣ юбилей Московскаго Университета, столь много участвовавшаго въ распространеніи просвѣщенія, столь много содѣйствовавшаго развитію науки въ Россіи; въ другой столицѣ достойное изданіе твореній великаго писателя, имѣвшаго такое вліяніе на образованіе всей русской публики — какія торжества для русской науки и литературы!

Исполнѣ понимая всю важность такого событія, какъ изданіе сочиненій Пушкина, спѣшимъ отдать о немъ отчетъ публикѣ.

Мы не будемъ говорить о значеніи Пушкина въ исторіи нашего общественнаго развитія и нашей литературы; не будемъ и разсматривать съ эстетической точки зрѣнія существенныя качества его произведеній. На сколько то возможно для настоящаго времени, историческое значеніе Пушкина и художественное достоинство его твореній ужь оцѣнено и публикою и критикою. Пройдутъ годы прежде, нежели другія литературныя явленія измѣнятъ настоящія понятія публики о поэтѣ, который навсегда останется

*) Современникъ 1855, № 2. — Критика.

К. П.

4 Dec 1945

БІБЛІОТЕКА
Станіславського
УЧИТЕЛЬСЬКОГО ІНСТИТУТУ
№ 522

великимъ. Потому пройдутъ годы прежде, нежели критика будетъ въ состояніи сказать о его твореніяхъ что нибудь новое. Мы можемъ теперь только изучать личность и дѣятельность Пушкина на основаніи данныхъ, представленныхъ новыми изданіемъ.

Мы не будемъ обращать вниманія и на неизбежныя недостатки новаго изданія. Мы можемъ говорить только о томъ, что даетъ намъ издатель, и до какой степени удовлетворительно исполняетъ онъ то, что могъ исполнить.

И такъ, прежде всего скажемъ о системѣ и границахъ новаго изданія.

Основаніемъ ему послужило посмертное изданіе *Сочиненій Александра Пушкина* въ 11 томахъ. Но это посмертное изданіе, какъ извѣстно, было сдѣлано небрежно, по дурной системѣ, съ пропусками многихъ произведеній, съ неправильностями въ текстѣ, съ произвольнымъ и часто ошибочнымъ расположеніемъ произведеній по рубрикамъ, которыя только затрудняли изученіе и самыхъ сочиненій и постепеннаго развитія гения Пушкина. Потому обязанностью г. Анненкова было исправленіе недостатковъ въ новомъ изданіи. Онъ, говоритъ объ этомъ такъ :

«Первою заботой новаго изданія должно было сдѣлаться исправленіе текста изданія предшествующаго ; но это, по важности задачи, не могло произойти иначе, какъ съ представленіемъ доказательствъ на право поправки или измѣненія. Отсюда система примѣчаній, допущенная въ настоящее изданіе. Каждое изъ произведеній поэта, безъ исключенія, снабжено указаніемъ, гдѣ впервые оно явилось, какіе варианты получило въ другихъ редакціяхъ при жизни поэта, и въ какомъ отношеніи съ текстомъ этихъ редакцій находится текстъ новаго изданія. Читатель имѣетъ, такимъ образомъ, по возможности, исторію внѣшнихъ и, отчасти, внутреннихъ измѣненій, полученныхъ въ разныя эпохи каждымъ произведеніемъ, и по ней можетъ исправить недосмотры посмертнаго изданія, изъ коихъ наиболѣе яркіе исправлены уже и издателемъ предлагаемаго собранія сочиненій Пушкина. Многія изъ стихотвореній и статей поэта (особенно тѣ, которыя явились въ печати послѣ смерти его) сличены съ рукописями и по нимъ указаны числовыя помѣтки автора, его первыя мысли и намѣренія» (*Предисловіе къ II тому*).

За исправленіемъ текста послѣдовало дополненіе его: издатель воспользовался всеми указаніями о пропущенныхъ въ посмерт-

номъ изданіи произведеніяхъ Пушкина, когда либо напечатанныхъ, пересмотрѣлъ всѣ альманахи и журналы, въ которыхъ Пушкинъ помѣщалъ свои стихотворенія и статьи; но этимъ не ограничивались пополненія: въ распоряженіе издателя поступили всѣ бумаги, оставшіяся послѣ Пушкина, и онъ извлекъ изъ нихъ все, что еще оставалось неизвѣстнымъ публикѣ. Наконецъ къ библиографическимъ примѣчаніямъ и вариантамъ, о которыхъ говорили мы выше, прибавилъ онъ вездѣ, гдѣ могъ, объясненіе случаевъ и новодовѣ, по которымъ было написано извѣстное произведеніе.

Вмѣсто прежняго спутаннаго и произвольнаго раздѣленія по мелкимъ и неточнымъ рубрикамъ, составлявшаго одинъ изъ существенныхъ недостатковъ посмертнаго изданія, принялъ онъ строгій хронологическій порядокъ, съ распредѣленіемъ произведеній по немногимъ отдѣламъ, которыя приняты во всѣхъ лучшихъ европейскихъ изданіяхъ классическихъ писателей и указываются удобствомъ для читателей, эстетическими понятіями и сущностью дѣла:

I. Стихотворенія. Отдѣлъ первый — лирическія, отдѣлъ второй — эпическія, отдѣлъ третій — драматическія произведенія.

II. Проза. Отдѣлъ первый — Записки Пушкина: а) *Родословная Пушкиныхъ и Ганнибаловыхъ*; б) Остатки записокъ Пушкина въ строгомъ смыслѣ (автобіографическихъ); в) *Мысли и замѣчанія*; д) *Критическія замѣтки*; е) *Анекдоты*, собранные Пушкинымъ; ф) *Путешествіе въ Арзрумъ*. Отдѣлъ второй — романы и повѣсти (здѣсь же и *Сцены изъ рыцарскихъ временъ*). Отдѣлъ третій — журнальныя статьи, напечатанныя въ посмертномъ изданіи и напечатанныя въ журналахъ, но не вошедшія въ посмертное изданіе (одиннадцать статей). Отдѣлъ четвертый — *Исторія Пугачевского Бунта* съ приложеніями и невошедшею въ посмертное изданіе антикритическою статьею по поводу этого сочиненія.

«Затѣмъ (говоритъ издатель) въ рукописяхъ Пушкина отыскано множество отрывковъ, какъ стихотворныхъ, такъ и прозаическихъ, нѣкоторое число небольшихъ пьесъ и продолженія или дополненія его произведеній. Всѣ эти остатки

помѣщены въ *Матеріалы для біографіи Александра Сергѣевича Пушкина* и въ приложеніяхъ къ нимъ.

«Объяснивъ такимъ образомъ порядокъ и систему, положенныя въ основаніе новаго Сборника, издатель нисколько не скрываетъ отъ себя, что найдется еще много упущеній и недосмотровъ, какъ въ примѣчаніяхъ къ произведеніямъ нашего автора, такъ и въ другихъ отношеніяхъ. Совсѣмъ тѣмъ, издатель смѣетъ питать надежду, что при системѣ, взятой для новаго изданія, *всякая поправка свѣдущей и благонамѣренной критики скорѣе можетъ быть приложена къ дѣлу, чѣмъ прежде.* Арена для бібліографической, филологической и исторической критики открыта. Общимъ дѣйствіемъ людей опытныхъ и добросовѣстныхъ ускорится время изданія сочиненій народнаго писателя нашего, *иподѣ удовлетворительнымъ образомъ»* (*Предисловіе* къ II тому).

Критика новаго изданія должна согласиться съ этою скромною и безпристрастною его оцѣнкою, данною самимъ издателемъ. Оно лучшее изданіе, какое могло быть сдѣлано въ настоящее время; недостатки его неизбѣжны, достоинства его — огромны, и вся русская публика будетъ благодарна за нихъ издателю.

Изъ вышедшихъ двухъ первыхъ томовъ новаго изданія, первый заключаетъ въ себѣ *Матеріалы для біографіи Александра Сергѣевича Пушкина* съ его портретомъ (гравиров. Уткинымъ, въ 1838 году) и слѣдующими приложеніями: 1) Родословная А. С. Пушкина; 2) Сказки (три) Арины Родіоновны, записанныя Пушкинымъ; 3) Французскія письма (два) Пушкина по поводу *Бориса Годунова*; 4 и 5) Послѣднія минуты Пушкина, описанныя Жуковскимъ, и выписка изъ біографіи Пушкина, составленной г. Бантышемъ-Каменскимъ; 6) Пушкинскій переводъ XXIII пѣсни Аріостова *Orlando Furioso* (строфы 100—112); 7) Дополнительные октавы къ повѣсти *Домикъ въ Коломнѣ* (15) октавъ); 8) Продолженіе повѣсти *Рославлевъ*; 9) Замѣчанія на *Слово о Полку Игоревѣ*. Второе, третье, шестое, седьмое, восьмое и девятое приложенія въ первый разъ являются въ печати. Наконецъ къ этому тому приложены семь fac-simile Пушкина: 1) Почеркъ его въ 1815 г.; 2) Почеркъ его въ 1821 г.; 3) Листокъ изъ тетради, содержащій первый оригиналъ *Полтавы*; 4) Тотъ же листокъ, начисто переписанный; 5) Рисункъ съ

послѣдней страницы сказки : *Купецъ Остолопъ* ; 6) Рисунокъ, сдѣланный Пушкинымъ при повѣсти *Домикъ въ Коломнѣ* ; 7) Проектъ заглавнаго листа для драмъ и драматическихъ отрывковъ. Эти снимки исполнены прекрасно.

Второй томъ заключаетъ лирическія стихотворенія Пушкина съ 1814 по 1880 годъ (включительно) съ примѣчаніями издателя.

Прежде, нежели займемся подробнымъ разсмотрѣніемъ изданныхъ томовъ, скажемъ нѣсколько словъ о внѣшнемъ видѣ изданія. Форматъ его — болѣе in-оctavo, нѣсколько болѣе формата нашихъ журналовъ. Типъ текста очень удобный для чтенія, крупный и убористый. Сообразно формату, томы имѣютъ приличную полноту — болѣе тридцати печатныхъ листовъ каждый; такъ что вообще внѣшній видъ изданія должно назвать приличнымъ и удовлетворительнымъ.

Переходимъ къ разсмотрѣнію содержанія изданныхъ томовъ и, во первыхъ, къ изученію *Матеріаловъ для біографіи Александра Сергѣевича Пушкина*, составленныхъ издателемъ, г. П. В. Анненковымъ, и занимающихъ первый томъ.

Значеніе и достоинства біографіи А. С. Пушкина, составленной г. Анненковымъ, полнѣе будутъ выказываться самымъ изученіемъ ея содержанія, которое представляютъ наши статьи; теперь же скажемъ о ея характерѣ только нѣсколько словъ. Это первый трудъ, который надлежащимъ образомъ удовлетворяетъ столь сильно развившемуся въ послѣднее время стремленію русской публики познакомиться съ личностями дѣятелей русской литературы и образованности. Потребность эта ужъ вызвала довольно много монографій, отличающихся основательностью и подробностью бібліографическихъ и біографическихъ изслѣдованій. Публика приняла эти первые опыты съ живымъ сочувствіемъ, но не могла не видѣть въ нихъ важныхъ недостатковъ. Какъ и всякое новое направленіе, стремленіе къ подробнымъ и точнымъ изслѣдованіямъ отечественной литературы было неумѣренно въ своихъ проявленіяхъ. Каждая личность, почему нибудь обращавшая на себя вниманіе трудолюбивыхъ изыскателей, показала имъ не-

обыкновенно важною, заслуживающею самыхъ подробныхъ трактаций; каждый новый фактъ, ими отысканный, имъ казался чрезвычайно интереснымъ для всей публики, какъ бы мелоченъ въ сущности ни былъ. Потому почти все монографіи, являвшіяся въ послѣднее время, страдали важными недостатками и по содержанію и по формѣ. Растерявшись во множествѣ мелочныхъ подробностей, каждый авторъ былъ не въ силахъ обработать предметъ съ общей точки зрѣнія, и обрѣзавъ свою статью безчисленными библиографическими подробностями, среди которыхъ утомленный читатель совершенно запутывается, вмѣсто цѣльныхъ трудовъ давались публикѣ отрывки черновыхъ работъ, со всеми мелочными сличеніями буквъ и стиховъ, среди которыхъ или тонула или принимала несвойственные ей размѣры всякая общая мысль. Однимъ словомъ, вмѣсто изслѣдованій о замѣчательныхъ явленіяхъ литературы, представлялись публикѣ отрывочныя изысканія о маловажныхъ фактахъ; вмѣсто ученаго труда въ его окончательной формѣ представлялся весь необозримый для читателя процессъ механической предварительной работы, которая только должна служить основаніемъ для картинъ и выводовъ, изъ нея возникающихъ. Не такова біографія Пушкина, которую будетъ читать русская публика при новомъ изданіи его твореній. Она говоритъ не о какой нибудь темной личности, которая привлекла вниманіе изслѣдователя только потому, что была забыта, но забыта была только потому, что не заслуживала вниманія потомства. Творенія Пушкина, создавшія новую русскую литературу, образовавшія новую русскую публику, будутъ жить вѣчно, и вмѣстѣ съ ними незабвенною навѣки останется личность Пушкина. Важный трудъ, который знакомитъ насъ съ нею, представляется г. Анненковымъ въ совершенно обработанной литературной формѣ. Кропотливая мелочная работа сличеній и поисковъ, ему предшествовавшая, не выставляется на первомъ планѣ, затемняя для читателя черты великаго писателя и его трудовъ; изслѣдователь даетъ намъ завершенную картину жизни и творчества Пушкина. Сличенія годовъ, буквъ и отдѣльныхъ стиховъ отнесены въ примѣчанія, если нужны для полноты; составитель біографіи далъ читателямъ не черновыя свои бумаги, а жизнеописаніе, возведен-

ное окончательною обработкою къ формѣ литературнаго произведенія. Его работа должна послужить для нашихъ изслѣдователей исторіи литературы образцомъ біографій.

Приступимъ же къ ея изученію, чтобы ближе познакомиться съ Пушкинымъ. Не будемъ при этомъ утомлять читателей сличеніемъ матеріаловъ представляемыхъ г. Анненковымъ, съ прежними статьями и отрывками о жизни Пушкина, разбросанными по журналамъ, потому что всѣ эти отрывки теряютъ теперь свою важность. Мы коснемся этого впоследствии — и то въ такомъ только случаѣ, если отроемъ въ трудѣ г. Анненкова какое-либо значительное упущеніе, которое будемъ въ состояніи пополнить съ помощію новыхъ матеріаловъ.

О дѣтствѣ и лицейскихъ годахъ жизни Пушкина было въ послѣднее время сообщено русской публикѣ много свѣдѣній; потому не будемъ долго останавливаться на этомъ періодѣ, и передадимъ читателямъ только немногія изъ интересныхъ подробностей, представляемыхъ новою біографіею.

Многія черты въ характерѣ Александра Сергѣевича перешли къ нему по наслѣдству отъ Сергѣя Львовича. Отецъ поэта былъ блестящій, остроумный, неистощимый собесѣдникъ и съ увлеченіемъ предавался удовольствіямъ общества; беззаботность его характера доходила до разсѣянности, о которой г. Анненковъ приводитъ два анекдота. Однажды Сергѣй Львовичъ, любившій, сидя у камелька, мѣшать огонь, явился на разводъ съ обгорѣлою тростью, и получивъ за это отъ начальника замѣчаніе: „ужь вамъ бы, г. поручикъ, лучше явиться съ кочергою на ученье,“ жаловался потомъ женѣ на тяжесть военной службы. Въ другой разъ, отправляясь на придворный балъ, онъ позабылъ перчатки и потому не могъ танцовать. Изъ анекдотовъ, о его остроумныхъ отвѣтахъ приведемъ слѣдующій. Какая-то очень полная иностранка вздумала въ насмѣшку спросить его: „правда ли, М^г Пушкинъ, что вы, русскіе, людоѣды и ѣдите медвѣдей?“ — „Нѣтъ, madame, отвѣчалъ Сергѣй Львовичъ: мы ѣдимъ коровъ, какъ на примѣръ вы.“

До семи лѣтъ А. С. Пушкинъ своею вялою, тучною, неповоротливою, неподвижною приводилъ въ отчаяніе род-

ныхъ ; потому отъ него не ожидали ничего въ будущемъ ; потому даже не столько ласкали его, какъ сестру и младшаго брата. Учился онъ плохо, надѣясь на свою огромную память, повторялъ уроки за сестрой, когда ее спрашивали прежде, и не могъ ничего отвѣчать, когда спрашивали его первымъ. Но съ девятаго года развилась у него страсть къ чтенію ; онъ день и ночь проводилъ въ библіотекѣ отца, наполненной французскими писателями XVII и XVIII столѣтій. Скоро пробудилась у него и страсть къ авторству. Все его воспитаніе было ведено на французскомъ языкѣ ; отецъ поэта писалъ множество легкихъ французскихъ стиховъ для развлеченія въ обществѣ ; потому и молодой Пушкинъ началъ писать не по русски, а по французски. Сначала импровизировалъ онъ комедіи въ мольеровскомъ родѣ, потомъ задумалъ шутовскую поэмю въ 6 пѣсняхъ, описывавшую битвы карликовъ и карлицъ — она была сожжена обидѣвшимся авторомъ, когда учитель расхохотался, прочитавъ первыя страницы ; но начало поэмы сохранилось въ памяти чигавшихъ :

Je chante ce combat, que Toly remporta,
Où maint guerrier périt, où Paul se signala,
Nicolas Maturin et la belle Nitouche,
Dont la main fut le prix d'une horrible escarmouche.

Вотъ первые стихи, оставшіеся намъ отъ дѣтства Пушкина. Ему въ это время могло быть около десяти лѣтъ. Французскіе стихотворенія продолжалъ онъ писать и въ Лицеѣ. Слѣды пріобрѣтенной въ дѣтствѣ привычки писать и думать по французски остались въ Пушкинѣ на всю жизнь ; изъ множества примѣровъ, находимыхъ въ *Materialiaxъ*, приведемъ нѣкоторые. Не говоримъ ужъ о томъ, что часто Пушкинъ писалъ къ роднымъ своимъ французскія письма (Сергій Львовичъ выражаетъ свое радостное согласіе на бракъ сына также французскимъ письмомъ) ; еще замѣчательнѣе то, что въ русскихъ письмахъ, даже въ замѣткахъ набросанныхъ въ черновыхъ тетрадяхъ для памяти, Пушкинъ безпрестанно перемеживаетъ русскія фразы съ французскими. Г. Анненковъ говоритъ :

«Въ бѣглыхъ замѣткахъ, писанныхъ для себя наскоро, чудно мѣшаются у него оба языка, смотря потому, какой пришелъ первый на мысль... Почти нѣтъ замѣтки

въ его бумагахъ безъ галлицизмовъ и французскихъ фразъ. Вотъ, напримѣръ, замѣчательный образецъ этого смѣшенія: «Главная прелесть романовъ W. Scot состоитъ въ томъ, что мы знакомимся съ прошедшимъ временемъ не съ *enflure* фр. трагедіи, не съ чопорностью чувствительныхъ романовъ, не съ *dignité* исторіи, но современно, но домашнимъ образомъ. Они не походятъ, какъ герои французскіе, на холопей, передразнивающихъ *la dignité et la noblesse*. Ils sont familiers dans les circonstances ordinaires de la vie, leur parole n'a rien d'affecté, de théâtral, même dans les circonstances solennelles, car les grandes circonstances leur sont familières.» Пушкинъ сознавался, что писать по русски все-таки трудъ.»

Приготовивъ замѣтки, изъ которыхъ хотѣлъ составить предисловіе къ *Деревн. Годунову*, онъ набрасываетъ ихъ по французски. Написавъ стихотвореніе *Обвалъ*, онъ объясняетъ его заглавіе въ черновой тетради, прибавляя въ скобкахъ *Avalanche*.

Все это служить лучшимъ доказательствомъ, что въ комъ сильна народная стихія, въ томъ никакія иноземныя вліянія не подавятъ ее. Но несмотря на французское воспитаніе, несмотря на то, что въ кругу родныхъ его говорилось преимущественно по французски, Пушкинъ, какъ извѣстно, уже въ дѣтствѣ былъ окруженъ элементомъ народности; извѣстно, что главною представительницею этого вліянія была няня его, знаменитая Арина Родіоновна, которую потомъ прославилъ онъ въ дивныхъ, проникнутыхъ любовью, строфахъ. Безпредѣльная привязанность ея къ своему питомцу слишкомъ хорошо извѣстна; но и всему семейству Пушкиныхъ она была необыкновенно предана. Когда, продавая село Кобріино, къ которому была приписана Арина Родіоновна, Пушкины давали ей отпускную, вмѣстѣ съ ея двумя сыновьями и двумя дочерьми, она не хотѣла отойти на волю; потомъ, когда Пушкины хотѣли выкупить семейство ея дочери, Марьи, вышедшей за крестьянина села Захарова, Арина Родіоновна снова не согласилась, говоря: „Я сама была крестьянка; на что ей вольная!“ Извѣстно, что отъ нея Александръ Сергѣевичъ узналъ большую часть сказокъ и пѣсенъ, которыхъ зналъ такъ много, слушая ее, проникся онъ духомъ народнаго языка. Въ 1824 году онъ пишетъ изъ деревни: „Знаешь ли мои занятія? До обѣда пишу записки, обѣдаю поздно, послѣ обѣда ѣзжу верхомъ, вечеромъ слушаю сказки и вознаграждаю тѣмъ недостаткомъ проклятаго своего воспитанія. Что за прелесть эти сказки!“

Въ тетрадяхъ Пушкина г. Анненковъ нашелъ семь сказокъ, бѣгло записанныхъ со словъ няни. Изъ нихъ три были потомъ пересказаны имъ въ стихахъ, четвертая послужила для Жуковского основою сказки о царѣ Берендеѣ. Три (о царѣ Салтанѣ, о Берендеѣ, о купцѣ Остолопѣ и Балдѣ) напечатаны г. Анненковымъ въ числѣ приложеній къ биографіи. Вотъ, между прочимъ, въ какихъ словахъ записана у Пушкина присказка, изъ которой произошли знаменитые стихи предисловія, прибавленнаго ко второму изданію *Руслана и Людмилы* :

У Лукоморья дубъ зеленый ;
Златая цѣпь на дубѣ томъ :
И днемъ и ночью котъ ученый
Все ходитъ по цѣпи кругомъ :
Идетъ направо — пѣснь заводитъ,
Налѣво — сказку говоритъ.

„У моря-лукоморья стоитъ дубъ, и на томъ дубу золотыя цѣпи, а по тѣмъ цѣпямъ ходитъ котъ ; вверхъ идетъ — сказки сказываетъ, внизъ идетъ — пѣсни поетъ.“ Нѣтъ надобности говорить, что Пушкинъ въ своихъ стихотворныхъ передѣлкахъ сильно измѣнялъ подробности, то отбрасывая, то прибавляя новыя. Отъ этихъ передѣланныхъ сказокъ (о царѣ Салтанѣ и проч.) къ превосходно возсозданной въ истинно народномъ духѣ сказкѣ *О Рыбакѣ и Рыбкѣ* переходъ составляютъ два отрывка другихъ, переложенные въ стихи очень близко, оставшіеся забытыми въ бумагахъ Пушкина. Г. Анненковъ напечаталъ ихъ въ своихъ *Материалахъ*. Вотъ начало первой сказки, о томъ, какъ мужикъ убилъ медвѣдицу и взялъ ея медвѣжатъ :

Какъ весенней теплой порою,
Изъ-подъ утренней бѣлой зорюшки
Что ивъ лѣсу, лѣсу дремучаго
Выходила медвѣдица
Съ малыми дѣтушками медвѣжатами,
Поиграть, погулять, себя показать и т. д.

Но Пушкинъ знакомился съ народными сказками и пѣснями не по однимъ только рассказамъ своей няни — проникнувшись любовью къ народности, онъ и самъ входилъ въ простонародные

кружки, подслушивая тамъ языкъ и пѣсни. Въ 1825 г., проводивъ до Пскова своихъ деревенскихъ сосѣдей, онъ —

«время пребыванія въ Псковѣ посвятилъ тому, что занимало теперь преимущественно его мысли — изученію народной жизни. Онъ изыскивалъ средства для отысканія живой народной жизни въ самомъ ея источникѣ; ходилъ по базарамъ, терся, что называется, плечомъ къ плечу, и весьма почтенные люди города видѣли его переодѣтымъ въ мѣщанскій костюмъ, въ которомъ онъ даже разъ явился въ одинъ изъ почетныхъ домовъ Пскова. Не удивительно послѣ того, что П. В. Кирѣевскій, въ предисловіи къ своему *Собранію народныхъ пѣсенъ* говорить: «А. С. Пушкинъ доставилъ мнѣ замѣчательную тетрадь пѣсенъ, собранныхъ имъ въ Псковской губерніи.» Пушкинъ владѣлъ значительнымъ количествомъ памятниковъ народнаго языка, добытыхъ собственнымъ трудомъ.»

Въ тетрадяхъ 1830, г. Анненковъ нашелъ записанными „народныя пословицы, фразы и термины старой нашей литературы.“ которыя и сообщаетъ въ своихъ *Материалахъ*. Чтобы въ одномъ мѣстѣ собрать все, относящееся къ этому предмету, приведемъ и понятіе самого Пушкина о томъ, въ чемъ состоитъ народность произведеній литературы. Замѣтка его объ этомъ не окончена, но существенный смыслъ его мнѣнія ясенъ и совершенно справедливо выводится г. Анненковымъ изъ тѣхъ строкъ, которыя Пушкинъ успѣлъ написать :

«Съ нѣкотораго времени у насъ вошло въ обыкновеніе говорить о народности... Но никто не думалъ опредѣлить, что разумѣетъ онъ подъ словомъ народность. Одинъ изъ нашихъ критиковъ, кажется, полагаетъ, что народность состоитъ въ выборѣ предметовъ изъ отечественной исторіи. Другіе видятъ народность въ словахъ, оборотахъ, выраженіяхъ, т. е. радуются тому, что, изъясняясь по русски, употребляютъ русскія выраженія. Народность въ писателѣ есть достоинство, которое вполне можетъ быть оцѣнено одними соотечественниками: для другихъ оно не существуетъ, или даже можетъ показаться порокомъ. Ученый нѣмецъ негодуетъ на учтивость героевъ Расина; французъ смѣется, види въ Кальдеронѣ — Коріона, вызывающаго на дуэль своего противника и проч. Все это однакожъ носить печать народности. Есть образъ мыслей и чувствованій, принадлежащихъ исключительно какому нибудь народу. Климатъ, образъ жизни, вѣра дають каждому народу особенную фізіономію, которая болѣе или менѣе отражается и въ поэзіи. Въ Россіи...» Пушкинъ не докончилъ своей замѣтки (*прибавляетъ г. Анненковъ*), но легко видѣть, что народность онъ полагалъ естественнымъ, природнымъ качествомъ всякаго истинно замѣчательнаго писателя.

Только посредственный талантъ, или выбравшій ложную почву дѣятельности ненародеиъ, потому что заимствуетъ или поддѣлываетъ свой взглядъ, чувство, языкъ.»

Сколькимъ людямъ, толкующимъ нынѣ о народности, нужно посовѣтовать вникнуть въ смыслъ замѣтки Пушкина, набросанной двадцать пять лѣтъ тому назадъ, при самомъ началѣ этихъ толковъ.

Соединивъ въ краткомъ извлеченіи данныя, представляемыя *Материалами* г. Анненкова относительно двухъ важнѣйшихъ стихій, участвовавшихъ въ первоначальномъ образованіи поэтического характера Пушкина — относительно французскаго воспитанія съ одной стороны, русскаго элемента съ другой, стараемся, хотя кратко, прослѣдить свѣдѣнія о жизни Пушкина, доставляемыя этою биографіею.

Мы уже сказали, что не будемъ останавливаться на годахъ, проведенныхъ въ Лицеѣ, потому что этотъ періодъ подробно извѣстенъ русской публикѣ; но приведемъ изъ записокъ шестнадцатилѣтняго поэта отрывокъ, сохранившій воспоминаніе о его юношеской, вѣроятно, первой любви, и первоначальную редакцію тѣхъ строфъ *Евгенія Онгина* (глава VIII), въ которыхъ Пушкинъ воспоминаетъ о своей лицейской жизни.

«29-го. (какого же мѣсяца? быть можетъ декабря 1815 г., потому что предъидущія выписки у г. Анненкова относятся къ 10 декабря, а тетрадь принадлежитъ, по всей вѣроятности, 1815 году).

И такъ я счастливъ былъ, и такъ я наслаждался,
 Отрадой тихою, восторгомъ упивался!..
 И гдѣ веселья быстрый день?
 Промчались лѣтомъ сновидѣнья,
 Увяла прелесть наслажденья,
 И снова вокругъ меня угрюмой скуки тѣнь!..

«Я счастливъ былъ! нѣтъ, я вчера не былъ счастливъ; поутру я мучился ожиданьемъ, стоя подъ окошкомъ, смотрѣлъ на снѣжную дорогу—ее не было видно! Наконецъ я потерялъ надежду—вдругъ нечаянно встрѣчаюсь съ нею на лѣстницѣ... сладкая минута!

Онъ пѣлъ любовь, но былъ печаленъ гласъ.
 Увы, онъ зналъ любви одну лишь муку!

Жуковский.

«Какъ она мила была! какъ черное платье пристало къ милой Б. (фамилія была написана вполнѣ, но потомъ всѣ буквы, кромѣ первой, зачеркнуты, какъ видимъ на fac-simile этого отрывка, приложенномъ къ біографіи)

«Я былъ счастливъ 5 минутъ!»

Вотъ отрывокъ изъ *Евгенія Онегина* въ его первобытномъ видѣ:

I.

Въ тѣ дни, когда въ садахъ Лицея
Я безмятежно разцвѣталь,
Читалъ охотно Елисея, *)
А Цицерона проклиналъ ;
Въ тѣ дни, какъ я поэмѣ рѣдкой
Не предпочелъ бы мячикъ мѣткой,
Считалъ схоластику за вздоръ
И прыгалъ въ садъ черезъ заборъ ;
Когда порой бывалъ прилѣженъ,
Порой лѣнивъ, порой упрямъ,
Порой лукавъ, порою прямъ,
Порой смиренъ, порой мятеженъ,
Порой печаленъ, молчаливъ,
Порой сердечно говорливъ ;

II.

Когда въ забвеньи передъ классомъ
Порой терялъ я взоръ и слухъ,
И говорить старался басомъ,
И стригъ надъ губой первый пухъ, —
Въ тѣ дни... въ тѣ дни, когда впервые
Замѣтилъ я черты живыя
Прелестной дѣвы, и любовь
Младую взволновала кровь,
И я, тоскуя безнадежно,
Томясь обманомъ нылкихъ сновъ,
Вездѣ искалъ ея слѣдовъ,
О ней задумывался нѣжно,
Весь день минутной встрѣчи ждалъ,
И счастье тайныхъ мукъ узналъ.

*) Стирнная шутивая поэма.

Послѣдняя половина второй строфы относится, быть можетъ, къ той самой страсти, о которой говоритъ отрывокъ записокъ, сейчасъ нами представленный.

По выходѣ изъ Лицея, Пушкинъ, какъ извѣстно, увлекся удовольствіями молодости, развлеченіями свѣта и кружка друзей. Крѣпкое здоровье его не могло вынести изнурительнаго образа жизни и черезъ восемь мѣсяцевъ послѣ выпуска онъ вытерпѣлъ сильную горячку (въ февралѣ 1818 года). По выздоровленіи онъ вновь предался „водовороту“ его уносившему, какъ выражается г. Анненковъ. Какъ разсѣянна была его жизнь въ первые два года послѣ того, какъ онъ остался распорядителемъ своихъ дѣйствій, лучше всего свидѣтельствуетъ обстоятельство, что въ это время не велъ онъ записокъ, которыя начинаются только съ пріѣзда его въ Крымъ (въ 1820 г.). Въ Кишиневѣ и въ Одессѣ Пушкинъ также велъ жизнь разсѣянную и даже позволялъ себѣ множество шалостей. Обо всемъ этомъ писано было довольно много, потому здѣсь мы опять можемъ удовольствоваться немногими чертами. Свой эксцентрическій костюмъ въ Кишиневѣ самъ Пушкинъ описываетъ на Онѣгинѣ (въ одной изъ неизданныхъ строфъ);

Носилъ онъ русскую рубашку,
 Платокъ шелковый кушакомъ,
 Армякъ татарскій на распашку,
 И шапку съ бѣлымъ козырькомъ.
 Но только симъ уборомъ чуднымъ,
 Безиравственнымъ и безразсуднымъ,
 Была весьма огорчена
 Его сосѣдка Дурина,
 А съ ней Мизинчиковъ. Евгенийъ,
 Быть можетъ, толки презиралъ,
 Быть можетъ, и про нихъ не зналъ ;
 Но всѣхъ своихъ обыкновений
 Не измѣнялъ въ угоду имъ :
 Зато былъ ближнимъ нестерпимъ.

Изъ его приключеній сообщимъ только одно: въ 1822 году Пушкинъ пропалъ изъ Кишинева на нѣсколько времени; онъ присталъ къ цыганскому табору, кочевалъ съ нимъ, доходилъ

до границъ имперіи. Объ этомъ свидѣтельствуесть отрывокъ изъ *Цыганъ*, не появившій въ поэмѣ при ея изданіи :

За ихъ дѣшными толпами
 Въ пустынь, праздный, я бродилъ,
 Простую нищу ихъ дѣлилъ
 И засыпалъ предъ ихъ огнями...
 Въ походахъ медленныхъ любилъ
 Ихъ пѣсней радостные гулы,
 И долго милой Маріулы,
 Я имя нѣжное твердилъ.

Пламенные поклонники поэта, тогда уже признаннаго великимъ, съ ужасомъ смотря на такую растрату времени и силъ, по ихъ мнѣнію пагубную для таланта, съ укоридами или горестью умоляли его покинуть шалости и развлеченія, его недостойныя, и всѣ силы души обратить на славную дѣятельность, которой ждутъ отъ него всѣ образованные русскіе. Одно изъ такихъ писемъ (на французскомъ языкѣ) уцѣлѣло въ бумагахъ Пушкина, и г. Анненковъ сообщаетъ его въ переводѣ :

«Когда видишь того, кто долженъ покорять сердца людей, раболѣпствующаго передъ обычаями и привычками толпы, человекъ останавливается посреди пути и спрашиваетъ самого себя : почему преграждаетъ мнѣ дорогу тотъ, который впереди меня и которому слѣдовало бы сдѣлаться моимъ вожатымъ ? Подобная мысль приходитъ мнѣ въ голову, когда я думаю о васъ ; а я думаю о васъ много, даже до усталости. Позвольте же мнѣ идти, сдѣлайте милость. Если некогда вамъ узнавать требованія наши, углубитесь въ самого себя и въ собственной груди почерпните огонь, который несомнѣнно присутствуетъ въ каждой такой душѣ, какъ ваша.»

Такія заботливыя напоминовенія (прибавляетъ г. Анненковъ) Пушкинъ получалъ со всѣхъ сторонъ, до самаго 1830 года, съ котораго, какъ увидимъ, образъ его жизни совершенно измѣняется. Нельзя не сочувствовать столь благороднымъ и такъ прекрасно высказаннымъ сожалѣніямъ и требованіямъ, какія видимъ въ этомъ письмѣ ; но теперь мы знаемъ, что увлеченія молодости, пагубныя для натуръ слабыхъ и одностороннихъ, не повредили мощной и всесторонней натурѣ Пушкина — его геній развивался и мужалъ среди волненій юности, благодаря самымъ увлеченіямъ жизни, и мы къ нему, болѣе чѣмъ ко всякому другому, можемъ отнести его же собственное восклицаніе :

Блаженъ, кто съ молодю былъ молодъ!

Пушкинъ уѣхалъ изъ Петербурга авторомъ *Руслана и Людмилы*, возвратился въ Петербургъ авторомъ *Евгенія Онгина* и *Бориса Годунова*. Извѣстно, что по возвращеніи на родину, онъ до самой своей женитьбы увлекался, почти по прежнему, удовольствіями свѣта и наслажденіями молодости всякій разъ, какъ пріѣзжалъ въ Москву или Петербургъ, и неутомимо предавался труду, всякій разъ, когда уѣзжалъ въ деревню. Потому переходимъ прямо къ подробностямъ, какія сообщаетъ біографія о перемѣнѣ характера, обнаружившейся во время двухъ послѣднихъ (1829 г.) его пребываній въ Москвѣ до женитьбы. Большею частію останавливался онъ въ домѣ П. В. Н.—на.

«Изъ словъ П. В. Н.—на можно видѣть, какъ измѣнились привычки Пушкина, какъ страсть къ свѣтскимъ развлечениямъ, къ разпорѣчивому говору многолюдства смягчилась въ немъ потребностями *своего угла* и семейной жизни. Пушкинъ казался домохозяиномъ. Цѣлые дни проводилъ онъ въ кругу домашнихъ своего друга, на диванѣ, съ трубкой во рту и прислушиваясь къ простому разговору, въ которомъ дѣла хозяйственнаго быта стояли часто на первомъ планѣ. Надобны были даже усилія со стороны заботливаго друга его, чтобъ заставить Пушкина не прерывать своихъ знакомствъ, не скрываться отъ общества и выѣзжать. Пушкинъ слѣдовалъ совѣтамъ П. В. Н.—на, нехотя: такъ уже нужда отдохновенія начинала превозмогать всѣ другія склонности.»

Однако прежняя безпокойная жажда внѣшняго разнообразія, прежняя тоска, производившая „охоту къ перемѣнѣ мѣстъ — весьма мучительное свойство,“ не совершенно еще исчезла въ это время: начало 1830 года было занято планами путешествій; Пушкинъ задумывалъ съѣздить за границу, а когда этотъ проэктъ не исполнился, просилъ позволенія провѣщать въ Китай нашу миссію. Объ этомъ осталось даже воспоминаніе въ его стихахъ:

Поѣдемъ, я готовъ; куда бы вы, друзья,
Кудабы ни вздумали, готовъ за вами я
Повсюду слѣдовать, надмѣнной уѣбгая:
Къ подножью ли стѣны далекаго Китая,
Въ кипящій ли Парижъ, туда ли наконецъ,
Гдѣ Тасса не поетъ уже ночной гребець и пр.

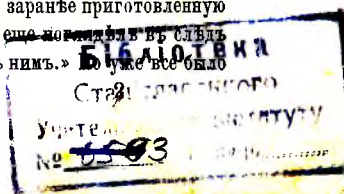
«Пушкинъ познакомился съ семействомъ Н. Н. Гончаровой еще въ 1828 году, когда будущей супругѣ его едва наступала шестнадцатая весна. Онъ былъ представленъ ей на балѣ, и тогда же сказалъ, что участь его будетъ на вѣки связанъ съ молодой особой, обратившей на себя общее вниманіе. Два года однакожь протекли для Пушкина въ безпрерывныхъ трудахъ и разъѣздахъ. Въ 1830 году прибытіе части высочайшаго двора въ Москву оживило столицу и сдѣлало ее средоточіемъ веселій и празднествъ. Наталья Николаевна принадлежала къ тому созвѣдію красоты, которое въ это время обращало вниманіе, и, смѣемъ сказать, удивленіе общества. Она участвовала во многихъ удовольствіяхъ, которыми встрѣтила древняя столица августѣйшихъ гостей, и между прочимъ въ великолѣпныхъ живыхъ картинахъ, данныхъ княземъ Д. В. Голицынымъ. Молва объ ея красотѣ и успѣхахъ достигла Петербурга, гдѣ жилъ тогда Пушкинъ. По обыкновенію своему, онъ стремительно уѣхалъ въ Москву, не объяснивъ никому своихъ намѣреній, и возобновилъ прежнія свои исканія. Въ самый день свѣтлаго Христова воскресенья, 21 апрѣля 1830 года, онъ сдѣлалъ предложеніе семейству Натальи Николаевны, которое и было принято.»

Послѣ того отрадное спокойствіе водворилось въ душѣ Пушкина; оно, какъ замѣчаетъ г. Анненковъ, отразилось и на его произведеніяхъ. Мы не можемъ приводить здѣсь всѣхъ подробностей, и должны перейти къ новымъ свѣдѣніямъ, какія могъ сообщить г. Анненковъ о роковой дуэли.

«Всѣ попытки друзей отратить ударъ остались тщетны. Въ самый день поединка они везли обоихъ противниковъ чрезъ мѣсто публичнаго гулянья, нѣсколько разъ останавливались, роняли нарочно оружіе, надѣясь еще на благотѣльное вмѣшательство общества; но всѣ ихъ усилія и намеки остались безуспѣшны. Только по окончаніи гулянья на Каменномъ острову, одна дама, знакомая Пушкину, получивъ извѣстіе, что видѣли его и г. Дантеса, торопившихся другъ за другомъ и опоздавшихъ на общее веселье, только она догадалась о событіи и воскликнула съ живымъ выраженіемъ страха: «тутъ должно случиться несчастіе. Побѣжайте за ними.» Но уже было поздно.

«Пушкинъ былъ смертельно раненъ выстрѣломъ противника, и нѣсколько мгновеній лежалъ безъ чувствъ на сѣбѣ. Поднявшись, онъ перемѣнилъ пистолетъ, потребовалъ, чтобы противникъ, подбѣжавшій къ нему, возвратился опять на свое мѣсто, и, собравъ всѣ силы, послалъ ему выстрѣлъ. Извѣстно радостное восклицаніе Пушкина, при видѣ упавшаго соперника, легко пораженнаго имъ въ руку. Мы упоминаемъ здѣсь объ этомъ обстоятельствѣ, чтобъ показать степень страсти, овладѣвшей всѣмъ существомъ его.

«Радость была напрасна. Показавъ противникъ сажился въ сани Пушкина и отправлялся домой, самого Пушкина переносили въ карету, заранѣе приготовленную семействомъ его соперника на случай несчастія. Пушкинъ еще поманилъ въ сѣдлѣ удаляющагося врага, и прибавилъ: «мы не все кончили съ нимъ.» Но уже все было

кончено, и другой рядъ болѣе возвышенныхъ, и болѣе достойныхъ мыслей ожидалъ умирающаго въ дому его.»

Послѣднія минуты Пушкина, его кроткая разлука съ жизнью, его нѣжная заботливость о супругѣ, его прощеніе всѣмъ клеветникамъ и врагамъ ихъ обоихъ, извѣстны каждому русскому изъ письма Жуковскаго. Въ заключеніе интересныхъ подробностей о жизни Пушкина, заимствованныхъ нами изъ труда г. Анненкова, повторимъ его слова, что лучшая біографія поэта въ его собственныхъ произведеніяхъ; потому что у него постоянно живая связь между событіями жизни и произведеніями; г. Анненковъ говоритъ, что едва ли найдется у Пушкина хотя одно лирическое произведеніе, которое не было бы вызвано дѣйствительною жизнью; происхожденіе большей части становится ясно по соображенію *Materials* и примѣчаній новаго изданія. „Въ его произведеніяхъ безпрестанно слышится живой голосъ событія, и сквозь поэтическую, призму ихъ безпрестанно мелькаетъ настоящее происшествіе. Въ разныхъ мѣстахъ нашего труда, мы уже пояснили нѣкоторыя изъ его стихотвореній чертами и анекдотами изъ жизни. Подобнымъ комментаріямъ, со временемъ, могутъ быть подвергнуты почти всѣ лирическія пѣсни Пушкина.“ Точно также и характеръ Пушкина лучше и полнѣе всего выразился въ его произведеніяхъ, — эта удивительная многосторонность ума и сердца, которая даетъ право сказать о немъ, какъ Баратынскій сказалъ о Гёте :

...Ничто не оставлено имъ

Подъ солнцемъ живыхъ безъ привѣта;

На все отозвался онъ сердцемъ своимъ,

Что просить у сердца отвѣта.

„Изъ смѣшенія противоположностей состоитъ весь поэтическій обликъ Пушкина,“ говоритъ г. Анненковъ, высказавъ уже все, что могъ сказать для раскрытія его характера: „какъ ни старались мы изложить въ послѣднемъ описаніи необычайно подвижныя черты его характера, но онѣ не поддаются описанію, и требуютъ, для объясненія и примиренія своего, уже творческой кисти настоящаго художника.“ Постараемся однако отмѣтить нѣкоторыя

особенности характера и привычекъ, особенно рѣзко выступающія въ *Материалахъ*, собранныхъ г. Анненковымъ.

Живость, пылкость, впечатлительность, способность увлекаться и увлекать, горячее сердце, жаждущее любви, жаждущее дружбы, способное привязываться къ человѣку всѣми силами души, горячій темпераментъ, влекущій къ жизни, къ обществу, къ удовольствіямъ и тревогамъ; нравственное здоровье, сообщающее всѣмъ привязанностямъ и наклонностямъ какую-то свѣжую роскошность и полноту, отнимающее у самыхъ крайностей всю болѣзненность, у самыхъ прихотей, которыми такъ обильна его молодость, всякую натянутость, побѣждающее наконецъ всякія одностороннія увлеченія — эти черты въ лицѣ Пушкина ясны для всякаго, кто читаль его произведенія, кто имѣеть хотя малѣйшее понятіе о его жизни. Обратимся же къ другимъ, съ которыми знакомятъ насъ *Материалы* г. Анненкова.

«Какъ Пушкинъ считаль нужнымъ держать себя въ свѣтѣ, видимъ изъ свѣтовъ, которые даетъ онъ младшему брату, при его вступленіи въ общество. Многіе изъ этихъ правилъ самъ Пушкинъ старался соблюдать, другіе нарушалъ иногда только по пылкости темперамента. Вотъ въ переводѣ нѣсколько отрывковъ изъ его французскаго письма.

«Ты будешь въ сношеніяхъ съ людьми, тебѣ еще неизвѣстными; не суди о нихъ по твоему сердцу, которое благородно и добро. Будь холоденъ со всѣми... Фамиллярность всегда вредна; но особенно остерегайся предаваться ей съ людьми, которые выше тебя... Не принимай никогда благодѣлій. Благодѣліе почти всегда коварство. Не принимай протекціи, потому что она унижаетъ и подчиняетъ. Я посоветовалъ бы тебѣ не предаваться увлеченіямъ дружбы, но не рѣшаюся леденить твоего сердца въ возрастѣ нѣжныхъ самообольщеній... Если состояніе не позволяетъ тебѣ жить блистательно, не старайся скрывать своей недостаточности. Скорѣе можно позволить себѣ противную крайность. Предъ суровымъ динизмомъ склоняется общее мнѣніе, а мелкія уловки суежности дѣлають человѣка смѣшнымъ. Никогда не бери въ займы; скорѣе терпи нужду. Знай, что она не такъ ужасна, какъ ее описываютъ, и далеко не такъ страшна, какъ возможность быть или показаться человѣкомъ не честнымъ.»

Проводя брата осторожность въ обращеніи съ людьми, Пушкинъ самъ соблюдалъ ее, какъ человѣкъ истинно свѣтскій. Извѣстно множество примѣровъ того, какъ онъ былъ уклончивъ въ разговорѣ, поставивъ себѣ правиломъ не противорѣчить рѣзко высказанному мнѣнію и, для избѣжанія спора, отдѣлываться уступчивыми фразами или перемѣнять разговоръ. Говорятъ, что

и съ людьми близкими онъ часто находилъ нужнымъ держать себя подобнымъ образомъ. „Вообще — говоритъ г. Анненковъ — онъ любилъ закрывать себя и мысль свою шуткой или такимъ оборотомъ рѣчи, который еще оставлялъ возможность сомнѣнія для слушателей: вотъ почему весьма мало людей знали Пушкина, что называется, лицомъ къ лицу.“ Въ замѣчаніи брату о томъ, что бѣдность вовсе не страшна, опять видны привычки самого Пушкина, который, при всей любви къ комфорту, при всемъ желаніи блистать въ обществѣ, любилъ простоту, будучи человекомъ истинно лучшаго тона въ этомъ, какъ во всѣхъ остальныхъ отношеніяхъ.

«Вообще Пушкинъ былъ очень простъ во всемъ, что касалось собственно до внѣшней обстановки. Одѣвался онъ очень небрежно, заботясь преимущественно только о красотѣ длинныхъ своихъ ногтей. Имѣть простую комнату для литературныхъ своихъ занятій было у него даже потребностью таланта и условіемъ производительности. Онъ не любилъ картинъ и голая сѣренькая комната давала ему болѣе вдохновенія, чѣмъ роскошный кабинетъ съ эстампами, статуями и богатой мебелью, которые обыкновенно развлекали его. Онъ довольствовался незатѣйливымъ помѣщеніемъ въ Демутовомъ трактирѣ, гдѣ обыкновенно останавливался въ пріѣздахъ своихъ въ Петербургъ. Вообще, привычки его были просты, но вкусы и наклонности уже не походили на нихъ. Такъ поздніе обѣды въ Михайловскомъ были довольно прихотливы, по собственному его свидѣтельству... Образъ жизни его въ деревнѣ чрезвычайно напоминаетъ жизнь Онѣгина (гл. IV, строфы 37—39, 44). Онъ также вставалъ очень рано и тотчасъ же отправлялся на легкѣ къ бѣгущей подъ горою рѣчкѣ и купался; зимой онъ, какъ и Онѣгинъ, садился въ ванну со льдомъ передъ завтракомъ... Если случалось оставаться ему одному дома безъ дѣла и гостей, Пушкинъ игралъ двумя шарами на бильярдѣ самъ съ собой, а длинные зимніе вечера проводилъ въ бесѣдахъ съ няней Ариной Родионовой.»

Несмотря на то, что Пушкинъ не былъ расточителемъ, и получалъ довольно много денегъ за свои произведенія, онъ почти постоянно нуждался. Главнѣйшею причиною этого была безпечность, неаккуратность, неопытность въ денежныхъ дѣлахъ. Можно указать и нѣкоторыя другія причины. Такъ у него выходило очень много денегъ на книги; всѣ письма его къ брату наполнены списками книгъ, покупать которыя поручалось ему. Карты также уносили много денегъ. Г. Анненковъ приводитъ изъ его записокъ слѣдующія строки, интересныя по своему простодушному тону:

«15 октября 1827. Вчерашній день былъ для меня замѣчательнъ. Приѣхавъ въ Боровичи, въ 12 часовъ утра, засталъ я проѣзжающаго въ постели. Онъ металъ банкъ гусарскому офицеру. Передъ тѣмъ я обѣдалъ. При расплатѣ не достало мнѣ 5 рублей. Я поставилъ ихъ на карту. Карта за картой, проигралъ 1600 рублей. Я расплатился довольно сердито, взялъ въ займы 200 рублей и уѣхалъ очень недоволенъ самъ собой.»

Но гораздо забавнѣе относящійся также къ этой страсти анекдотъ, пересказываемый г. Анненковымъ со словъ Гоголя. Гоголь, тотчасъ по приѣздѣ въ Петербургъ (около 1829 года) еще не имѣя литературной извѣстности, отправился знакомиться съ великимъ поэтомъ, произведеніями котораго такъ восхищался еще въ школѣ :

«Чѣмъ ближе подходилъ онъ къ квартирѣ Пушкина, тѣмъ болѣе овладѣвала имъ робость и наконецъ у самыхъ дверей квартиры развилась до того, что онъ убѣжалъ въ кондитерскую и потребовалъ рюмку ликеру. Подкрѣпленный имъ, онъ снова возвратился на приступъ, смѣло позвонилъ, и на вопросъ свой: «дома ли хозяинъ?» услышалъ отвѣтъ слуги: «почиваютъ!» Было уже поздно на дворѣ. Гоголь съ великимъ участіемъ спросилъ: «вѣрно всю ночь работаль?» — «Какъ же, работаль! — отвѣчалъ слуга: въ картинки игралъ.» Гоголь признавался, что это былъ первый ударъ, нанесенный игольной идеализаціи его. Онъ иначе не представлялъ себѣ Пушкина до тѣхъ поръ, какъ окруженнаго постоянно облакомъ вдохновенія.»

Но главною причиною денежныхъ затрудненій Пушкина, повторяемъ, надобно считать его неаккуратность, беззаботность и неопытность въ дѣлахъ. Примѣровъ ея въ *Матеріалахъ* чрезвычайно много. Ограничимся нѣсколькими. Задумавъ издать (первое) собраніе своихъ стихотвореній, онъ въ разныя времена далъ, по забывчивости, тремъ лицамъ обѣщаніе продать это изданіе, и съ одного изъ нихъ взялъ даже 1000 рублей задатка. Впрочемъ забывчивость Пушкина извиняться можетъ тѣмъ, что книжку эту собирался онъ издать въ теченіе цѣлыхъ шести лѣтъ! Кромѣ того, онъ собирался печатать ее также и на собственный счетъ по подпискѣ. Можно представить, сколько путаницы возникло съ этими четырьмя претензіями, когда печатаніе книжки дѣйствительно началось. Такая же безпечная неопытность проявляется и въ письмахъ его по случаю залога имѣнія въ банкъ: Пушкинъ высказываетъ въ этомъ полнѣйшее незнаніе дѣлъ. Би-

летъ Опекунскаго совѣта забываетъ онъ у пріятеля въ Москвѣ, и пишетъ объ этомъ въ Post-Scriptum, такъ :

«Да сдѣлай одолженіе, перешли мнѣ опекунскій билетъ, который я оставилъ въ секретномъ твоёмъ комодѣ; тамъ же выронилъ я серебряную копѣчку; если и ее найдешь, и ее перешли. Ты ихъ счастьемъ не вѣруешь, а я вѣрую.»

Какъ характерична эта одинаковость тона, которымъ говорится о билетѣ и серебряной копѣчкѣ! Скоро мы будемъ говорить о томъ, какъ постоянная нужда въ деньгахъ возбуждала въ Пушкинѣ желаніе быть человѣкомъ расчетливымъ, соблюдающимъ вездѣ свою выгоду; теперь же перейдемъ къ другой чертѣ характера — мистицизму или лучше сказать вѣрѣ въ разные предрасудки. Въ *Materialax* находимъ нѣсколько любопытныхъ примѣровъ этому, въ родѣ вѣры въ счастье, приносимое старыми копѣчками, въ родѣ того, что пріятель поэта, не вѣрившій силѣ серебряныхъ копѣчекъ, вѣрилъ могуществу колець, и подарилъ Пушкину золотое кольцо съ бирюзой, которое имѣло силу „предохранять отъ внезапной бѣды.“ — Пушкинъ носилъ его до самой смерти, не снимая никогда съ руки. Былъ у Пушкина и другой, покрытый какими-то знаками кабалистическій перстень, съ которымъ былъ связанъ, какъ онъ твердо вѣрилъ, его талантъ. (Это кольцо теперь находится у В. И. Даля; кольцо съ бирюзой у г. Д—са.) Вотъ, наконецъ, случай, рассказанный самимъ поэтомъ г-жѣ Фуксъ :

«Вамъ, быть можетъ, кажется удивительнымъ (началь опять говорить Пушкинъ) что я вѣрю многому невѣроятному и непостижимому. Быть такъ суевѣрнымъ заставилъ меня одинъ случай. Разъ пошелъ я съ Н. В. В. ходить по Невскому проспекту, и, изъ проказъ, зашли къ кофейной гадалицѣ. Мы просили ее намъ погадать, и, не говоря о прошедшемъ, сказать будущее. «Вы, сказала она мнѣ, на этихъ дняхъ встрѣтитесь съ вашимъ давнишнимъ знакомымъ, который будетъ предлагать хорошее по службѣ мѣсто; потомъ, въ скоромъ времени, получите черезъ письмо неожиданная деньги. А третье, я должна вамъ сказать, что вы кончите вашу жизнь неестественною смертью...» Безъ сомнѣнія, я забылъ въ тотъ же день и о гаданіи и о гадалицѣ. Но, спустя недѣли двѣ послѣ этого предсказанія, и опять на Невскомъ проспектѣ, я дѣйствительно встрѣтился съ моимъ давнишнимъ пріятелемъ, который служилъ въ Варшавѣ; онъ мнѣ предлагалъ и совѣтовалъ занять его мѣсто въ Варшавѣ. Вотъ первый разъ послѣ гаданія, когда я вспомнилъ о гадалицѣ. Черезъ нѣсколько дней послѣ встрѣчи съ знакомымъ,

я въ самомъ дѣлѣ получилъ съ почты письмо съ деньгами, и могъ ли я ожидать ихъ? Эти деньги прислалъ мой лицейскій товарищъ, съ которымъ мы, бывши еще учениками, играли въ карты, и я его обыгралъ. Онъ получивъ послѣ умершаго отца наслѣдство, прислалъ мнѣ долгъ, который я не только не ожидалъ, но и забылъ объ немъ. Теперь надобно сбыться третьему предсказанію, и я въ этомъ совершенно увѣренъ.»

Не удивительно, что Пушкинъ вѣрилъ предразсудкамъ: рассказы няни, чудесные и таинственные, съ дѣтства овладѣли его пылкимъ воображеніемъ; кромѣ того, онъ былъ расположенъ къ мистицизму, какъ видимъ по всему; какъ ни проницателенъ былъ его природный умъ, но онъ никогда не углублялся въ отвлеченные философскіе вопросы, занятіе которыми одно можетъ удержать отъ мистицизма человѣка съ пылкимъ воображеніемъ; надобно также припомнить, что онъ имѣлъ вообще много предразсудковъ, и кромѣ относящихся къ суевѣріямъ; наконецъ онъ былъ мнителенъ — и объ этой послѣдней чертѣ его характера *Матеріалы* сообщаютъ нѣсколько данныхъ. Будучи тѣлосложенія крѣпкаго, развитаго гимнастическими упражненіями, онъ находилъ въ себѣ расположеніе къ чахоткѣ и даже ему казалось, что онъ чувствуетъ признаки аневризма въ сердцѣ. Къ числу стихотвореній, высказывающихъ это постоянное опасеніе смерти, принадлежитъ, напримѣръ, прекрасное „Брожу ли я вдоль улицъ шумныхъ;“ именно о немъ упоминаемъ потому, что въ *Матеріалахъ* г. Анненкова напечатаны выпущенные авторомъ стихи, которые еще яснѣе извѣстныхъ читателямъ строфъ говорятъ, что Пушкинъ выразилъ въ этомъ размысленіи свою задушевную думу.

Кружусь ли я въ толпѣ мятежной,
Вкушаю ль сладостный покой;
Но мысль о смерти неизбѣжной
Вездѣ близка, вездѣ со мной...

Но не вотще меня знакомить
Съ могилой ясная мечта.

А между тѣмъ, если кто нибудь, то именно Пушкинъ не долженъ былъ предаваться мрачнымъ опасеніямъ преждевременной смерти: онъ могъ рассчитывать на долгую жизнь, благодаря

крѣпкой организаціи, лучшимъ доказательствомъ которой служить его неутомимость въ ходьбѣ; потому что, бывъ самымъ неподвижнымъ ребенкомъ въ дѣтствѣ, онъ потомъ чрезвычайно любилъ ходить пѣшкомъ, и нѣкоторыя изъ обыкновенныхъ его прогулокъ были бы подѣ силу немногимъ; не говоримъ ужь о томъ, что живучи въ 1833 году на дачѣ на Черной Рѣчкѣ, онъ ходилъ каждый день пѣшкомъ въ Архивы, и возвращался на дачу также пѣшкомъ; по возвращеніи, онъ купался, и послѣ этого ужь не чувствовалъ никакой усталости; но гораздо замѣчательнѣе этого, прогулки его пѣшкомъ изъ Петербурга въ Царское Село. Онъ выходилъ изъ города поутру, выпивалъ стаканъ вина на Средней Рогаткѣ, и, погулявъ еще послѣ обѣда въ садахъ Царскаго Села, возвращался вечеромъ пѣшкомъ въ Петербургъ, исходивъ такимъ образомъ въ день болѣе пятидесяти верстъ.

Извѣстно, что Пушкинъ вообще имѣлъ въ характерѣ расположеніе любить и уважать преданія, любилъ старину, былъ, если можно такъ выразиться, въ душѣ до нѣкоторой степени старинный человѣкъ, несмотря на то, что проницательный умъ, образованность и практическій взглядъ на вещи заставляли его превосходно понимать различіе между отжившими свое время понятіями и потребностями настоящаго. Одинъ изъ поразительныхъ примѣровъ того, какъ сильно укоренялись въ его сердцѣ преданія, представляютъ его отношенія къ литературнымъ обществамъ, которыя въ первой своей молодости засталъ онъ процвѣтающими, и распаденію которыхъ, по справедливому замѣчанію г. Анненкова, самъ содѣйствовалъ болѣе всего, возведя своими произведеніями литературу на степень дѣла, принадлежащаго всему русскому обществу, а не тѣсному кружку немногочисленныхъ любителей, образовавъ десятки тысячъ читателей, вмѣсто прежнихъ сотенъ, и вызвавъ къ дѣятельности сотни писателей, вмѣсто прежнихъ немногихъ диллетантовъ. Возбудивъ первыми своими стихотвореніями вниманіе Державина, Карамзина, Жуковскаго, Пушкинъ былъ тогда же принятъ въ число членовъ извѣстнаго литературнаго общества *Арзамасъ*, душою котораго былъ Жуковскій, цѣлью котораго было противодѣйствіе обществу *Любителей Россійскаго слова* и ихъ устарѣлымъ литератур-

нымъ понятіямъ. Неудивительно, если молодой писатель горячо раздѣлялъ всѣ симпатіи и антипатіи поэтовъ, которыхъ и самъ онъ считалъ своими учителями, и публика тогда еще ставила выше его. Но замѣчательно, что до конца своей жизни Пушкинъ не переставалъ показывать въ себѣ бывшего члена *Арзамаса*. „Пушкинъ навсегда сохранилъ (говоритъ г. Анненковъ) почтеніе какъ къ лицамъ, признаннымъ авторитетами въ средѣ его, такъ и къ самому способу дѣйствованія во имя идей, обсужденныхъ цѣлымъ обществомъ... да и къ одному личному мнѣнію, становившемуся наперекоръ мнѣнію общему, уже никогда не имѣлъ уваженія.“ Въ этомъ отчасти надобно искать причину нелюбви его къ журналистикѣ, вліяніемъ которой замѣнилось въ послѣдствіи вліяніе литературныхъ обществъ, въ особенности къ *Московскому Телеграфу*. Пушкинъ не могъ привыкнуть къ новому порядку вещей, когда журналъ пріобрѣлъ свой голосъ въ сужденіяхъ о литературѣ, не служа выраженіемъ мнѣнію тѣснаго кружка людей, коротко знакомыхъ, имѣвшихъ одни привязанности, не замѣчавшихъ или щадившихъ слабости каждаго члена своего общества, а сдѣлавшись органомъ независимаго мнѣнія, образовавшагося или начинавшаго образоваться въ массѣ публики. Въ мнѣніяхъ журналовъ, особенно *Московского Телеграфа*, который первый обнаружилъ самостоятельность, Пушкинъ видѣлъ произволъ личнаго мнѣнія, и, говоритъ г. Анненковъ, какъ только замѣтилъ признаки новаго направленія, „началъ свою систему разсчитаннаго противодѣйствія, имѣя въ виду возвратить критику въ руки малаго, избраннаго круга писателей, уже облеченнаго уваженіемъ и довѣренностью публики.“ Попытку осуществить это намѣреніе надобно видѣть въ основаніи *Литературной Газеты*. Можно было бы считать эти замѣчанія о вѣрности Пушкина духу прежнихъ литературныхъ обществъ предположеніемъ, еще не совсемъ вѣрнымъ, такъ много тутъ страннаго; но самъ Пушкинъ оставилъ доказательства того, что не напрасно мы будемъ до конца его дѣятельности видѣть въ немъ прежняго члена *Арзамаса*. Извѣстно, что каждый членъ этого кружка получалъ имя, заимствованное изъ балладъ Жуковскаго: одинъ былъ названъ Громобоемъ, другой Старушкою и т. д. А. С. Пушкину дано было имя *Свер-*

чокъ; въ 1830 году А. С. Пушкинъ, уже всѣми признанный первымъ поэтомъ русскимъ, затмѣвающимъ собою всѣхъ остальныхъ, помѣщая свои стихотворенія въ *Литературной Газетѣ*, подписываетъ ихъ буквами *Крс.* — это перестановка сокращенной подписи *Срк.* — Сверчокъ. И такъ Пушкинъ еще помнить и любить свое Арзамаское имя, въ то время, какъ ужъ всѣ, кромѣ его, давно забыли о существованіи *Арзамаса*. Другой примѣръ его высокаго уваженія къ литературнымъ обществамъ: въ началѣ 1833 года избранный членомъ Россійской Академіи, президентомъ которой былъ тогда Шишковъ, и духу которой Пушкинъ, поэтому, кажется, мало могъ сочувствовать, Пушкинъ постоянно посѣщалъ еженедѣльные собранія Академіи и „вообще весьма серьезно смотрѣлъ“ на труды этого ученаго сословія.

Мысль о журналѣ, который противодѣйствовалъ бы новому положенію въ литературѣ, принятому *Московскимъ Телеграфомъ* постоянно занимала Пушкина съ 1826 года — онъ тогда уже задумывалъ основать свой собственный журналъ; но, по обыкновенію, и въ этомъ дѣлѣ былъ безпечень; скоро впрочемъ онъ былъ обрадованъ основаніемъ *Московского Вѣстника* (г. Погодина), душою котораго хотѣлъ быть; потомъ *Литературной Газетѣ*, отношенія къ которой у него были еще тѣснѣе. Въ 1832 году хлопочетъ онъ о разрѣшеніи основать ежедневную газету, и наконецъ получаетъ позволеніе, но, скоро охладѣвъ къ своей мысли, ужъ не приводитъ ее въ исполненіе. Только въ 1836, Пушкинъ дѣлается наконецъ редакторомъ журнала, о которомъ такъ долго мечталъ.

Видѣвъ съ желаніемъ имѣть органъ для выраженія своихъ литературныхъ мнѣній и противодѣйствія другимъ журналамъ, Пушкинъ при намѣреніи основать журналъ, имѣлъ въ виду и денежную выгоду. Онъ прямо и съ какою-то особенною аффектаціею любилъ говорить, что пишетъ по внутренней потребности, для наслажденія творчествомъ (какъ это дѣйствительно и было), но печатаетъ свои произведенія только изъ единственнаго желанія получить за нихъ деньги, а вовсе не изъ потребности дѣлиться съ публикою своими чувствами или изъ желанія авторской славы (что было ужъ не совсѣмъ справедливо). Въ *Матеріалахъ* г. Ав-

ненкова находимъ много мѣстъ изъ писемъ и отрывковъ Пушкина, гдѣ онъ старается увѣрить въ этомъ, даже какъ бы хвалится тѣмъ, что печатаетъ единственно для денегъ. Вотъ нѣсколько примѣровъ. Въ 1824 году Пушкинъ пишетъ о *Бахчисарайскомъ фонтанѣ*: „Радуюсь, что мой фонтанъ шумитъ... Впрочемъ, я писалъ его единственно для себя, а печатаю потому, что деньги нужны.“

Г. Анненковъ нашелъ въ бумагахъ Пушкина слѣдующій отрывокъ неизданнаго стихотворенія :

На это скажутъ мнѣ съ улыбкою невѣрной
 - Смотрите! вы поэтъ; уклонкой лицемѣрной
 Вы насъ морочите. Вамъ слава ненужна?
 Смѣшной и суетной вамъ кажется она?
 Зачѣмъ же пишете? — Я? для себя. — За что же
 Печатаете вы? — Для денегъ. — Ахъ, мой боже,
 Какъ стыдно! — Почему жъ?

Интересенъ также отрывокъ изъ просьбы объ отпускѣ въ Оренбургъ и деревню; просьба эта писана въ 1833 году, когда онъ занимался *Исторіею Петра Великаго* и *Исторіею Пугачевского Бунта*; романъ, о которомъ въ ней говорится — *Капитанская дочка*.

«Въ продолженіе двухъ послѣднихъ лѣтъ занимался я одними историческими трудами, не написавъ ни одной строчки чисто литературной. Мнѣ необходимо мѣсяца два провести въ совершенномъ уединеніи, дабы отдохнуть отъ важнѣйшихъ занятій и кончить книгу, давно мною начатую, и которая доставитъ мнѣ деньги, въ коихъ имѣю нужду. Мнѣ самому совѣстно тратить время на суетныя занятія; но они доставляютъ мнѣ способъ проживать въ С. Петербургѣ, гдѣ труды мои, благодаря начальство, имѣютъ цѣль болѣе важную и полезную. Если угодно будетъ знать, какую именно книгу хочу я дописать въ деревнѣ — это романъ, коего большая часть дѣйствія происходитъ въ Оренбургѣ и Казани, и вотъ почему мнѣ хотѣлось бы посѣтить обѣ сіи губерніи.»

30 июля.

Черная Рѣчка.

Пушкинъ постоянно нуждался въ деньгахъ, потому естественно долженъ былъ думать о нихъ. Припомнимъ правило, которое даетъ онъ брату: порядочный человѣкъ не старается никогда скры-

вать, если нуждается въ деньгахъ ; напротивъ долженъ нарочно самъ обнаруживать свое затрудненіе, чтобъ импонировать своимъ „гордымъ цинизмомъ“ : „ потому, принужденный признаваться, что живетъ деньгами, получаемыми за свои произведенія, Пушкинъ естественно приходилъ къ мысли, что ему надобно надменно твердить : „ я печатаю единственно для денегъ.“ Охота говорить это усиливалось въ немъ оригинальнымъ отвращеніемъ отъ того, чтобъ его принимали въ обществѣ, гдѣ онъ хотѣлъ быть исключительно свѣтскимъ человѣкомъ, какъ писателя, серьезно интересующагося участію своихъ произведеній и авторскою славою ; объ этомъ будемъ мы сейчасъ говорить. Но было бы жалкимъ недоразумѣніемъ видѣть въ Пушкинѣ, по своей безпечности, неопытности въ денежныхъ дѣлахъ, постоянно нуждающемся въ деньгахъ и оттого хлопочущемъ о деньгахъ, человѣка скольконибудь корыстолюбиваго — напротивъ мы видимъ, что часто будучи въ правѣ преслѣдовать людей, обманывавшихъ его въ коммерческомъ отношеніи, онъ этого не дѣлалъ ; сердился, выражалъ свою досаду въ письмѣ къ какомунибудь пріятелю, и только. Не считаемъ нужнымъ прибавлять, что всегда онъ былъ благороднѣйшимъ человѣкомъ, — иначе и не могло быть при его характерѣ и правилахъ. Что онъ былъ щедръ и любилъ помогать, это извѣстно изъ всѣхъ его литературныхъ отношеній. Позволяемъ себѣ наконецъ привести два отрывка изъ писемъ его къ брату, который, живучи въ Петербургѣ, нѣкоторое время завѣдывалъ его дѣлами. Первое письмо было послано по полученіи извѣстія о наводненіи въ Петербургѣ :

I. «Этотъ потопъ у меня съ ума нейдетъ. Если тебѣ вздумается помочь какомунибудь несчастному, помогай изъ Онѣгинскихъ денегъ ; но, прошу, безъ всякаго шума, ни словеснаго, ни письменнаго» (8 декабря 1824).

II. (1825 г.) «... Р. С. Слѣпой священникъ перевелъ Сираха (см. *Инавидь №* какой-то), издаетъ по подпискѣ ; подпишись на нѣсколько экземпляровъ.»

Благородное желаніе помочь и ободрить всякаго начинающаго писателя, въ которомъ замѣчалъ онъ талантъ, хорошо извѣстно. Объ отношеніяхъ Пушкина къ Гоголю излишне говорить. Многіе также знаютъ, съ какимъ радушіемъ старался онъ о ли-

тературныхъ успѣхахъ барона Розена, г-жи Дуровой, какими похвалами встрѣтилъ сказку г. Ершова *Конекъ Горбунокъ*, которую внимательно пересмотрѣлъ, и первые четыре стиха которой (по словамъ г. Смирдина) принадлежатъ Пушкину. Извѣстно такъ же, какъ Пушкинъ отправился знакомиться съ Губеромъ, тогда совершенно безвѣстнымъ, услышавъ, что онъ занимается переводомъ *Фауста*, какъ ободрялъ Губера къ продолженію труда, который безъ Пушкина, вѣроятно, и не былъ бы оконченъ, какъ наконецъ нѣсколько дней провелъ, вмѣстѣ съ авторомъ провѣряя и поправляя переводъ. Не говоримъ ужь о томъ, съ какою радостью привѣтствовалъ онъ каждое произведеніе тѣхъ людей, которыхъ считалъ, по своему добродушію, великими талантами.

И однакожь, не смотря на свою пламенную любовь — даже мало этого сказать, не смотря на свою безусловную преданность литературѣ, Пушкинъ не хотѣлъ, чтобы въ обществѣ его считали литераторомъ. Приводимъ слова г. Анненкова :

«Никто такъ не боялся, особенно въ обществѣ, званія поэта, какъ Пушкинъ. Обязанный лучшими минутами жизни уединенному кабинетному труду, онъ искалъ успѣховъ и торжествъ на другомъ поприщѣ, и считалъ помѣхой все, что къ нему, собственно не относилось. Только въ послѣднихъ годахъ своей жизни теряетъ онъ ложный стыдъ этотъ, и является въ свѣтѣ уже какъ писатель. Въ ту эпоху, которой занимаемся (около 1828—30) всякое смѣшеніе свѣтскаго человѣка съ писателемъ наносило ему глубокое оскорбленіе. Это превосходно выражено имъ самимъ въ отрывкѣ, который предшествовалъ созданію *Евнетскихъ Ночей*. Художественно передана тамъ, въ лицѣ Чарскаго, борьба различныхъ направленій въ одномъ человѣкѣ.»

Интереснымъ слѣдствіемъ одного изъ капризовъ, рождавшихся отъ этого нежеланія Пушкина, чтобы его принимали за „сочинителя“, осталась надпись на драматическомъ отрывкѣ его *Скупной Рыцарь* — „*The covetous Knight*, Ченстона.“ Не смотря на розыски, никто изъ критиковъ не могъ найти въ англійской литературѣ ни Ченстона, ни пьесы *The covetous Knight*. Потому предполагали, что Пушкинъ вздумалъ назвать переводомъ то, что было вовсе не переводъ, а собственное его поэтическое произведеніе. Теперь, кажется, невозможно и сомнѣваться въ этомъ.

Г. Анненковъ не только самъ напрасно отыскивалъ Ченстона, и не нашель его, но и получилъ отъ издателей англійскаго критическаго журнала *The Athenæum*, знатоковъ старинной англійской словесности, положительное увѣреніе, что никакого англійскаго писателя Ченстона не было. Кромѣ того, въ черновой рукописи англійское имя пьесы написано и поправлено нѣсколько разъ, такъ что Пушкинъ, очевидно, придумывалъ его. Г. Анненковъ нашель у Пушкина и другіе случаи подобнаго приписыванія своихъ сочиненій постороннимъ лицамъ. Такъ несомнѣнно оригинальное стихотвореніе свое „Надъ лѣсистыми берегами,“ Пушкинъ называетъ переводомъ съ англійскаго. У одного изъ неизданныхъ стихотвореній, также оригинальнаго, сначала была сдѣлана надпись *Alfred Musset*, а потомъ зачеркнута, и вмѣсто ея написано *Изъ VI Пиндамонта*.

Здѣсь мы кончаемъ наши извлеченія изъ *Матеріаловъ* г. Анненкова, касательно жизни и личнаго характера Пушкина.

Теперь мы считаемъ уже излишнимъ говорить о томъ, какъ много новыхъ и чрезвычайно важныхъ свѣдѣній о великомъ поэтѣ сообщается въ біографіи, составленной г. Анненковымъ, какъ вѣрны и основательны объясненія и замѣчанія, которыя онъ дѣлаетъ — читатели могли видѣть въ нашей статьѣ довольно примѣровъ тому. Но безъ всякаго сомнѣнія интереснѣйшая часть матеріаловъ, собранныхъ г. Анненковымъ, относится къ исторіи того, какъ созидались и развивались гениемъ Пушкина его произведенія, и этимъ-то мы займемся въ слѣдующей статьѣ. Въ ней постараемся мы собрать изъ *Матеріаловъ* данныя, объясняющія, если такъ можно выразиться, авторскія привычки Пушкина, его манеру писать, внѣшнюю сторону его творчества, исторію сочиненія его произведеній, — мы прежде знали объ этомъ только смутно; теперь на основаніи чрезвычайно внимательнаго разбора черновыхъ бумагъ Пушкина, г. Анненковъ сообщаетъ множество данныхъ, въ высшей степени интересныхъ. Переходомъ отъ подробностей, собранныхъ въ настоящей статьѣ, къ этой исторіи созданія произведеній Пушкина, послужать заимствованныя также изъ *Матеріаловъ* г. Анненкова данныя, о развитіи таланта и литературныхъ мнѣній Пушкина.

Р. S. Выше сказано, что изданіе г. Анненкова обогащено нѣсколькими новыми произведеніями Пушкина въ прозѣ и стахахъ, отысканными новымъ издателемъ въ бумагахъ поэта. Между этими драгоценными находками есть нѣсколько стихотвореній превосходныхъ. Мы украсили настоящую книжку *Современника* тремя пьесами Пушкина, изъ которыхъ двѣ совершенно новыя; третья (*Воспоминаніе*) — нова, только во второй половинѣ, начиная со стиха: „Я вижу въ праздности, въ неистовыхъ пирахъ.“ Первая половина напечатана еще при жизни Пушкина. Теперь эти двѣ половины, соединенныя чрезъ столько лѣтъ въ одно стихотвореніе, представляютъ одну изъ лучшихъ и характернѣйшихъ лирическихъ пьесъ Пушкина, въ этомъ видѣ, какъ она создалась подъ перомъ его. Въ заключеніе настоящей статьи, приводимъ еще нѣсколько стихотворныхъ отрывковъ, впервые появившихся въ изданіи Анненкова.

ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЯ ОКТАВЫ КЪ ПОВѢСТИ:

ДОМИКЪ ВЪ КОЛОМНѢ.

(Къ III Октавъ)

Modo vir, modo joemina.

У насъ война! Красавцы молодые,
 Вы хрипуны.
 Сломали ль вы походы боевые?
 Видали ль въ Персіи Ширванскій полкъ?
 Ужъ люди! Мелочь, старички кривые,
 А въ дѣлѣ всякъ изъ нихъ, что въ стадѣ волкъ!
 Всѣ съ ревомъ такъ и лѣзутъ въ бой кровавой:
 Ширванскій полкъ могу сравнить съ октавой.

Поэты Юга, вымысловъ отцы,
 Какихъ чудесъ съ октавой не творили?
 Но мы лѣнивцы, робкіе пѣвцы,
 На мелочахъ мы рифму заморили.
 Могучіе намъ чужды образцы.
 Мы новыхъ странъ себѣ не покорили.

И нашихъ дней изнѣженныхъ поэтъ,
Чуть смыслить свой уравнивать куплетъ!

Но возвратиться все жъ я не хочу
Къ четырехстопнымъ ямбама, мѣрѣ низкой...
Съ гекзаметромъ... О, съ нимъ я не шучу:
Онъ мнѣ не въ мочь. А стихъ Александрійской?
Ужъ не его ль себѣ я залучу?
Извилистый, проворный, длинный, склизкій
И съ жаломъ даже — точная змѣя...
Мнѣ кажется, что съ нимъ управлюсь я.

Онъ вынянченъ былъ мамкою не дурой:
За нимъ смотрѣлъ степенный Буало,
Шагалъ онъ чинно, стянуть былъ цензурой;
Но пудреной пѣтиксѣ на зло
Растрепанъ онъ свободною цензурой.
Ученіе не въ прокъ ему пошло:
Niogo съ товарищи, друзья натуры,
Его гулять пустили безъ цензуры.

О, чтобъ сказалъ поэтъ законодатель,
Гроза несчастныхъ мелкихъ рифмачей!
И ты Расинъ, безсмертный подражатель,
Пѣвецъ влюбленныхъ женщинъ и царей!
И ты Вольтеръ, философъ и ругатель,
И ты Делиль — Парнасскій муравей,
Чтобъ вы сказали, сей соблазнъ увидя!
Нашъ вѣкъ обидѣлъ васъ — нашъ стихъ обидя!

У насъ его недавно стали знать.
Кто первый? можете у *Телеграфа*
Спросить и хорошенько все узнать.
Онъ годенъ, говорятъ, для эпиграфа,
Да можно имъ порою украшать
Гробницы или мраморъ кенотафа;
До нашихъ модъ, благодаря судьбѣ,
Мнѣ дѣла нѣтъ: беру его себѣ!

(Къ *Октавъ VIII*)

И тамъ себѣ мы возимся въ грязи,
Торгуемся, бранимся такъ, что любо,

Кто въ одиночку, кто съ другимъ въ связи,
 Кто просто вретъ, кто вретъ сугубо
 Но Муза никому здѣсь не грозитъ —
 Не то, тебя прижмутъ довольно грубо,
 И вмѣсто лестной общей похвалы
 Поставятъ въ уголь *Съверной Пчелы*

Иль наглою, безнравственной, мишурной,
 Тебя въ Москвѣ журналы прозовутъ,
 Или *Газетою Литературной*
 Ты будешь призвана на барскій судъ.
 Вѣдь нынче время споровъ, брани бурной;
 Другъ на друга словесники идутъ,
 Другъ друга рѣжутъ и другъ друга губятъ...
 И хоромъ про свои побѣды трубятъ!

Блаженъ, кто издали глядитъ на всѣхъ,
 И ротъ зажавъ, смѣется то надъ тѣми,
 То надъ другими. Верхъ земныхъ утѣхъ
 Изъ за угла смѣяться надо всѣми!
 Но самъ въ толпу не суйся... или смѣхъ
 Плохой ужъ выйдетъ: шутками одиѣми,
 Тебя, какъ шапками, и врагъ и другъ,
 Соединясь, всѣ закидаютъ вдругъ.

Тогда давай Богъ ноги. Потому-то
 Здѣсь имя подписать я не хочу.
 Порой я стихъ повертываю круто,
 Все жъ видно — не впервой я имъ верчу!
 А какъ давно? Того и не скажу-то.
 На критиковъ я ѣду, не свищу,
 Какъ древній богатырь — а какъ наѣду..
 Чтожъ? Поклонюсь и приглашу къ обѣду.

Покажѣсть можете принять меня
 За стараго, обстрѣленнаго волка,
 Или за молодаго воробья,
 За новичка, въ которомъ мало толка.
 У васъ въ шкапу, быть можетъ, мнѣ, друзья,
 Отведена особенная полка,
 А, можетъ быть, впервой хочу послать
 Свою тетрадку въ мокрую печать.

Ахъ, если бы меня, подъ легкой маской,
 Никто въ толпѣ забавной не узналъ!

Когда бы за меня своей указкой,
 Другаго строгій критикъ пощелкалъ !
 Ужь то то-бъ неожиданной развязкой
 Я всѣ журналы послѣ взволновалъ !
 Но полно, будетъ ли такой миѣ праздникъ ?
 Насъ мало. Не укроется проказникъ !

А вѣроятно, не замѣтятъ насъ,
 Меня съ октавами моими купно.
 Однакожь намъ пора. Вѣдь я разскавъ
 Готовилъ ; — а шучу довольно крупно
 И ждать напрасно заставляю васъ.
 Языкъ мой, врагъ мой : все ему доступно,
 Онъ обо всемъ болтать себѣ привыкъ.
 Фригійскій рабъ, на рынокъ взявъ языкъ,

Сварилъ его (у г-на Копа
 Коптать его). Езонъ его потомъ
 Принесъ на столъ... Опять, за чѣмъ Езопа
 Я вилель съ его варенымъ языкомъ
 Въ мои стихи ? Что вся прочла Европа,
 Нѣтъ нужды вновь бесѣдовать о томъ.
 На силу-то, рифмачъ я безразсудной,
 Отдѣлался отъ сей октавы трудной ! —

Усядъся муза...

МОНОЛОГЪ ПЬЯНАГО МУЖИЧКА.

Сватъ Иванъ, какъ пить мы станемъ,
 Непремѣнно ужъ помянемъ
 Трехъ Матренъ, Луку съ Петромъ,
 Да Пахомовну потомъ.
 Мы живали съ ними дружно ;
 Ужь какъ хочешь—будь что будь —
 Этихъ надо помянуть,
 Помянуть намъ этихъ нужно.
 Поминать, такъ поминать,
 Начинать, такъ начинать,
 Лить такъ лить, разливъ разливомъ.
 Начинай же сватъ, пора !

Трехъ Матренъ, Луку съ Петромъ
 Мы помянемъ пивомъ,
 А Пахомовну потомъ,
 Пирогамъ, да виномъ.

Да еще ее помянемъ —
 Сказки сказывать мы станемъ.
 Мастерца вѣдь была!
 И откуда что брала?
 А куда разумны шутки,
 Приговорки, прибаутки,
 Небылицы, былины
 Православной старины!..
 Слушать-такъ душѣ отрадно;
 Кто придумалъ ихъ такъ складно?
 И не пилъ бы, и не ѣлъ
 Все бы слушалъ, да глядѣлъ.
 Стариковъ когда нибудь
 (Жаль, теперь намъ недосужно)
 Надо будетъ помянуть.
 Помянуть и этихъ нужно...
 Слушай свать : начну первой
 Сказка будетъ за тобой...

.

Наконецъ вотъ еще превосходный отрывокъ въ классическомъ родѣ, относящійся къ поэту Петрову, уже въ преклонной старости написавшему извѣстную оду адмиралу Н. С. Мордвинову...

Подъ хладомъ старости угрюмо угасалъ
 Единный изъ сѣдыхъ орловъ Екатерины.
 Въ крылахъ отяжелѣвъ, онъ небо забывалъ
 И Пинда острыя вершины.
 Въ то время ты вставалъ : твой лучъ его согрѣлъ;
 Онъ поднялъ къ небесамъ и крылья и зеницы —
 И съ шумной радостью выгралъ и полетѣлъ,
 Во срѣтенье твоей денницы.
 Мордвиновъ ! не вотще Петровъ тебя любилъ :
 Тобой гордится онъ и на брегахъ Коцита,
 Ты Лиру оправдалъ : ты ввѣкъ не измѣнилъ
 Надеждамъ вѣщаго Пинта...

Не смѣемъ ничего прибавлять въ похвалу этому стихотворенію, особенно первымъ двумъ строфамъ его, картинность и величе-

ственность которыхъ поразительны. За одно это стихотвореніе, еслибъ г. Анненковъ не нашелъ ничего болѣе новаго въ бумагахъ Пушкина — онъ уже заслуживалъ бы глубокой благодарности всей читающей публики. Но мы уже отчасти видѣли, что поиски г. Анненкова принесли обильные плоды, обогативъ русскую литературу нѣсколькими превосходными стихотвореніями, и давъ г. Анненкову матеріалы къ возсозданію личности великаго русскаго поэта, что яснѣе увидимъ въ слѣдующей статьѣ.

СТАТЬЯ ВТОРАЯ.*)

Предыдущая наша статья имѣла цѣлью познакомить читателей съ планомъ и достоинствами новаго изданія твореній Пушкина, показать, какъ много новыхъ и чрезвычайно важныхъ данныхъ заключается въ *Материалахъ* для его біографіи, съ достосовѣстною неутомимостью собранныхъ г. Анненковымъ, какъ внимательно и проникательно г. Анненковъ старался объяснить намъ личность великаго нашего поэта, какъ основательно и осмотрительно онъ разгадываетъ черты его характера. Потому первая наша статья преимущественно состояла изъ выписокъ и извлеченій; мы почти ничего не прибавляли отъ себя къ рассказамъ и соображеніямъ г. Анненкова, стараясь только дать по возможности точное понятіе объ отличительныхъ качествахъ новаго изданія и прекрасной біографіи, къ нему приложенной. Теперь, исполнивъ одну часть нашей обязанности, мы можемъ заняться исполненіемъ другой, и представить нѣкоторыя мысли и примѣненія, къ которымъ подають поводъ собранные въ *Материалахъ* факты относительно исторіи развитія произведеній Пушкина, относительно процесса ихъ постепеннаго созиданія и обработки.

Извѣстно, что Пушкинъ чрезвычайно внимательно обрабатывалъ свои произведенія, особенно писанныя стихами. Три, четыре раза онъ переписывалъ ихъ, каждый разъ то исправляя выраженія, то измѣняя характеръ и развитіе самыхъ мыслей и картинъ.

*) *Современникъ* 1855, № 3. — Критика.

Но до изданія *Матеріаловъ для біографіи А. С. Пушкина* мы знали объ этомъ только въ общихъ, смутныхъ чертахъ ; теперь для насъ становится ясенъ весь характеръ и всё подробности этихъ работъ. Г. Анненковъ чрезвычайно внимательно разсмотрѣлъ всё черновыя тетради Пушкина , извлекъ изъ нихъ всё сколько нибудь замѣчательныя различія приготовительныхъ и окончательной редакцій, и отнеся мелкіе и раздробленные факты такого рода въ примѣчанія къ каждому произведенію, собралъ важнѣйшіе въ своихъ *Матеріалахъ*. Ограничимся здѣсь сообщеніемъ нѣкоторыхъ свѣдѣній о постепенномъ развитіи двухъ или трехъ произведеній изъ числа тѣхъ, обдумываніемъ и обработкою которыхъ особенно долго занимался поэтъ.

Евгеній Онѣгинъ издавался отдѣльными главами въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ, и между каждымъ предыдущимъ и послѣдующимъ выпусками этого романа Пушкинъ издавалъ другія произведенія, не имѣющія съ нимъ никакой связи. Но эта отрывочность изданія не даетъ еще ни малѣйшаго понятія объ отрывочности самой работы. Строфы каждой главы писаны были въ разбивку, послѣдующія послѣ предыдущихъ, безъ всякаго порядка ; часто, напримѣръ, въ тетради написана пятнадцатая или двадцатая строфа, потомъ пятая или десятая и вслѣдъ за ними первая или вторая. Между тѣмъ надъ каждою строфою ужъ выставлена цифра, означающая мѣсто ея въ полномъ составѣ главы. Этого мало ; не только строфы каждой главы писались въ безпорядкѣ, не только Пушкинъ писалъ иногда строфы слѣдующей главы, когда еще не готова была предыдущая, но въ одно и тоже время, на одной и той же тетради онъ писалъ и строфы *Онѣгина* и сцены *Бориса Годунова*. Такъ, начавъ писать монологъ Григорія (въ сценѣ съ лѣтописцемъ, въ *Борисъ Годуновъ*), Пушкинъ бросаетъ его, не кончивъ, и пишетъ XXIV строфу IV-ой главы *Евгенія Онѣгина*, потомъ нѣсколько строкъ изъ слѣдующихъ главъ романа ; затѣмъ оканчиваетъ монологъ Григорія, пишетъ три первые стиха Пименова отвѣта :

Не сѣлуй братъ, что рано грѣшный свѣтъ
Покинулъ ты, что мало искушеній
Послалъ тебѣ Всевышній...

отмѣчаетъ прозаическою фразою содержаніе, которое должны имѣть слѣдующія стихи: „Приближаюсь къ тому времени, когда земное перестало быть для меня занимательнымъ,“ пишетъ еще пять стиховъ, и опять переходитъ къ *Евгенію Онегину* (XXV строфа IV-ой главы):

Часть отъ часу плѣбненный болѣ
Красаи Ольги молодой...

и рисуеъ перомъ портретъ Ольги. Подобныхъ случаевъ много мы встрѣчаемъ и у другихъ писателей. Такъ, напримѣръ, Гёте писалъ сцены своего *Фауста* не въ послѣдовательномъ порядкѣ. Конечно, такая виѣшняя беспорядочность работы не можетъ быть выставляема на видъ, какъ прекрасный примѣръ для подражанія. У самого Пушкина она оправдывается только счастливою памятью его, помогавшею ему не потеряться въ хаосъ, живостью характера, впечатлительностью, нетерпѣливостью, которая такъ обыкновенна въ пылкихъ людяхъ; но должно замѣтить, что беззаботная непослѣдовательность въ исполненіи строго обдуманнаго плана, не мѣшая стройности произведеній, этимъ самымъ изобличаетъ, что процессъ изложенія на бумагѣ того, что задумано въ умѣ или фантазіи, есть ужъ дѣло второстепенной важности для достоинства произведенія и, большею частью, даже для признанія самого писателя, если только онъ дѣйствительно одаренъ самороднымъ талантомъ, а не насилуетъ свое воображеніе для придумыванія поэтическихъ картинъ. Въ наше время нѣтъ безусловныхъ авторитетовъ, каждое движеніе которыхъ стояло бы выше критики; но урокъ, извлекаемый изъ привычки Пушкина, не можетъ не имѣть своей важности для русскихъ писателей. Особенно въ наше время, когда и между поэтами или беллетристами и критиками такъ преобладаетъ мнѣніе о великомъ значеніи „отдѣлки,“ посредствомъ которой доводится произведеніе до „художественности,“ въ наше время, когда такъ много придаютъ значенія виѣшней формѣ, не мѣшаетъ обратить вниманіе на отрывокъ изъ черновой записки Пушкина, приводимый г. Анненковымъ, который старается сохранить, какъ драгоценность, каждую строку, найденную имъ въ бумагахъ Пушкина, и въ этомъ справедливо поставляетъ

главное право свое на признательность русской публики. Въ отрывкѣ, о которомъ мы говоримъ, Пушкинъ бѣгло обозрѣваетъ развитіе французской литературы, и перечисляя заслуги Ронсара и Малерба, высказываетъ, между прочимъ, слѣдующую мысль : „люди, одаренные талантами, будучи поражены ничтожностью французскаго стихотворства, думали, что скудость языка была тому виною, и стали стараться преобразовать его... Пришелъ Малербъ, съ такой строгой справедливостью оцѣненный великимъ критикомъ Буало :

Enfin Malherbe vint et le premier en France
Fit sentir dans les vers une juste cadence.

Но Малербъ нынѣ забытъ, подобно Ронсару. Сии два таланта истопили силы свои въ бореніи съ механизмомъ языка, въ усовершенствованіи стиха. Такова участь, ожидающая писателей, которые пекутся болѣе о наружныхъ формахъ слова, нежели о мысли, истинной жизни его, не зависящей отъ употребленія!“

Если бы мы сколько нибудь усумнились въ справедливости этого замѣчанія о ничтожности наружной отдѣлки сравнительно съ мыслью, безъ всякой заботы о подборѣ словъ и выраженной оживляющей произведеніе талантливаго писателя, то намъ достаточно было бы вспомнить объ огромной массѣ написаннаго почти каждымъ изъ великихъ писателей, чтобы осязательно увидѣть, какъ мало времени имъ оставалось на процѣживанье сквозь уметвенный фильтръ каждаго выливагося изъ души выраженія, на соображенія о томъ, какъ лучше написать : жука съ голубымъ перомъ или голубоперая жука, и хороша ли выйдетъ картина, если сказать : краезлатыя облака. Эсхиль, Софокль, Эврипидъ написали каждый около ста трагедій, Аристофанъ болѣе пятидесяти комедій, — а всѣ эти люди проводили на народной площади болѣе времени, нежели въ своей рабочей комнатѣ. Перейдя двѣ тысячи лѣтъ, мы встрѣчаемся съ тѣмъ же самымъ явленіемъ: Вольтеръ, Вальтеръ-Скоттъ, Гёте, написали каждый по нѣскольку десятковъ томовъ. Даже Байронъ и Шиллеръ, умершіе такъ рано, успѣли написать столько, что остается удивляться количеству ихъ произведеній. Вѣроятно, всѣмъ этимъ людямъ некогда было долго

заниматься подборіемъ жемчужины къ жемчужинѣ; по неволѣ надобно предположить, что поэтическіе брильянты, если только они самородные, гранятся не столь долговременною полировкой, какъ находимые въ бразильскихъ пескахъ.

Если что требуетъ внимательнаго обдумыванія, то это планъ поэтическаго произведенія. Прояснить въ своемъ умѣ основную мысль романа или драмы, вникнуть въ сущность характеровъ, которые будутъ ее проявлять своими дѣйствіями, сообразить положенія лицъ, развитіе сценъ — вотъ что важно; если поэтъ употребитъ на это по нѣскольку часовъ нынѣ, черезъ мѣсяцъ или два, черезъ годъ, какъ придетъ ему вдохновенная минута подумать о созидаемомъ твореніи, то эти немногіе часы принесутъ болѣе пользы достоинству его произведенія, нежели цѣлые мѣсяцы неуспѣшной работы надъ улучшеніемъ и исправленіемъ вылившагося уже на бумагу произведенія. И въ этомъ случаѣ мы ссылаемся на примѣръ Пушкина, который такъ долго обдумывалъ планы своихъ произведеній, иногда по нѣскольку лѣтъ ожидая, пока зародившаяся мысль созданія созрѣетъ въ его головѣ, найдетъ себѣ стройное и полное развитіе. „Черновая подготовка матеріаловъ — говоритъ г. Анненковъ — длилась иногда у Пушкина чрезвычайно долго; затѣмъ уже вдохновеніе скоро обращало ихъ въ свѣтлыя и мощныя произведенія искусства“ — конечно потому, что эти „черновые матеріалы“ и составляютъ существеннѣйшую часть творчества. Очень замѣчательна въ этомъ отношеніи исторія развитія его *Египетскихъ Ночей*, восстановленная теперь г. Анненковымъ по драгоценнымъ тетрадямъ поэта. Зародышъ, изъ котораго развились *Египетскія Ночи* есть прекрасное стихотвореніе о любовникахъ Клеопатры „Чертогъ сіялъ...“ написанное Пушкинымъ еще въ 1825 году. Десять лѣтъ потомъ прошло прежде, нежели развилось въ умѣ его произведеніе, центромъ котораго должно служить это стихотвореніе. Нѣсколько разъ повѣсть эта слагалась въ умѣ его и была имъ отвергаема, какъ еще не вполне выражающая идею. Нѣкоторые набросанные на черно отрывки, тотчасъ же брошенные, какъ неудовлетворительные, остались единственными слѣдами этой долгой и интересной борьбы съ планомъ и содержаніемъ. Такъ онъ началъ было повѣсть,

которая была послѣ его смерти напечатана въ *Сто русскихъ литераторовъ* подъ заглавіемъ *Одна глава изъ неоконченнаго романа*; бросивъ это не могшее по его мнѣнію выразить мысли начало, онъ набросалъ другой отрывокъ, изъ котораго г. Анненковъ внесъ въ свои *Матеріалы* все, что можно было разобрать; потомъ написалъ третье начало повѣсти, напечатанное въ прежнемъ изданіи его сочиненій подъ именемъ *Отрывка*; и только послѣ всѣхъ этихъ неудачныхъ по его мнѣнію попытокъ нашель истинное содержаніе для своихъ *Египетскихъ Ночей*. Но и эти многочисленныя слѣды различныхъ эпохъ развитія сюжета составляютъ еще только одну часть его исторіи. Прежде, нежели Пушкинъ увидѣлъ, что лучше всего выразить его идею такая повѣсть, какъ *Египетскія Ночи*, онъ думалъ развить ея содержаніе въ повѣсти изъ классическаго міра, и памятниками этого періода развитія сюжета остались программа повѣсти и три ея отрывка, отысканные г. Анненковымъ въ черновыхъ бумагахъ. Главнымъ лицомъ онъ избралъ Петронія, римскаго поэта, у котораго находилъ слѣды новыхъ понятій о жизни, противоположныхъ древнимъ воззрѣніямъ, и личность котораго могла поэтому служить для выраженія идеи, подобной идеѣ *Египетскихъ Ночей*, контраста между новымъ и древнимъ міромъ; быть можетъ Пушкинъ увлекался и трагическою смертію Петронія, который, подвергшись опалѣ Нерона, открылъ себѣ жилы въ теплой ваннѣ. Мѣсто не позволяетъ намъ приводить самыхъ отрывковъ, но вотъ программа повѣсти (или, какъ намъ кажется, второй части ея).

«Описаніе дома. Мы находимъ Петронія съ своимъ лекаремъ; онъ продолжаетъ разсужденіе о родѣ смерти; избираетъ теплыя. Греческій философъ исчезъ. Петроній улыбается и сказываетъ *оду*. Описаніе приготовленій. Онъ перевязываетъ рану и начинаются разсказы. *Первый вечеръ*. О Клеопатрѣ — наши разсужденія о томъ. *Второй вечеръ*. Петроній приказываетъ разбить драгоценную чашу — диктуетъ *Satyricon* — разсужденіе о паденіи челоѣка — о паденіи боговъ, о общемъ безвѣрїи — о превращеніяхъ Нерона. *Рабъ-христіанинъ...*»

Вотъ сколько раздумья, вотъ сколькихъ трудовъ стояло Пушкину развитіе содержанія *Египетскихъ Ночей*. Другіе примѣры того, какъ видоизмѣнялись внимательнымъ углубленіемъ въ сущность мысли планы произведеній Пушкина, представляетъ раз-

сказъ *Братья Разбойники*. Онъ первоначально хотѣлъ написать болѣе обширную поэму, въ которой этотъ разговоръ былъ бы только эпизодомъ. Вотъ программа предполагаемой поэмы, найденная г. Анненковымъ: „Разбойники. Исторія двухъ братьевъ. Атаманъ на Волгѣ. Купеческое судно. Дочь купца.“ Но скоро онъ замѣтилъ, что сюжетъ не представляетъ довольно глубины для широкаго развитія и сжегъ свою поэму, кромѣ отрывка, уцѣлѣвшаго въ рукахъ одного изъ пріятелей Пушкина, и показавшагося потомъ Пушкину заслуживающимъ печати. Г. Анненковъ предполагаетъ — и, вѣроятно, справедливо, что маленькая пьеса *Женихъ* впоследствии возникла, если можно такъ выразиться, какъ экстрактъ изъ уничтоженной поэмы. Подобнымъ же образомъ *Мѣдный Всадникъ* произошелъ изъ эпизода задуманной прежде Пушкинымъ большой поэмы, отрывкомъ изъ другого эпизода которой осталась *Моя родословная*, въ рукописи начинавшаяся стихами, которые вошли въ описаніе наводненія. Пушкинъ справедливо обдумалъ, что колоссальный *Мѣдный Всадникъ* дѣлаетъ неумѣстною обстановку *Родословной*. Говоря о программахъ, приведемъ также чрезвычайно интересныя программы *Галуба*; онѣ показываютъ, какое глубокое содержаніе должна была пріобрѣсть по мысли автора эта поэма, которой успѣлъ онъ написать только половину. Планъ ея былъ задуманъ еще въ 1829 году, но только черезъ четыре года приступилъ Пушкинъ къ его исполненію. Представляемъ программы рядомъ:

1-АЯ ПРОГРАММА.

1. Похороны.
2. *Черкесъ-христіанинъ*.
3. Купецъ.
4. Рабъ.
5. Убийца.
6. Изгнаніе.
7. *Любовь*.
8. Сватовство.
9. Отказъ.
10. Миссіонеръ.
11. Война.
12. Сраженіе.
13. Смерть.
14. Эпилогъ.

2-АЯ ПРОГРАММА.

Обрядъ похоронъ.
 Уздень и меньшей сынъ.
 I день (отсутствія Тазита). Лань. Почта.
 Грузинскіе купцы.
 II день. Орель. Казакъ.
 III день. *Отецъ его юнитъ*.
 Юноша и монахъ.
 Любовь отвергнута.
 Битва и монахъ.

Пушкинъ слѣдовалъ при исполненіи второй программѣ, которая намъ кажется и позднѣйшею и болѣе художественною. Г. Анненковъ справедливо заключаетъ, что существенная мысль поэмы была — изобразить, какъ Тазитъ, по нравственному развитію ставшій выше суроваго, безпощаднаго дикарства своего племени, тоскующій среди его и наконецъ отвергнутый имъ, принимается гуманнѣмъ обществомъ христіанскаго міра — и, вѣроятно, (осмѣлимся прибавить мы) падаетъ въ борьбѣ между прежнимъ и новымъ, отвергаемымъ и принимаемымъ нравственнымъ существованіемъ. Пушкинъ успѣлъ исполнить только половину своей программы, и по обыкновенію, зачеркивалъ ея отдѣленія по мѣрѣ того, какъ исполнялъ ихъ. Сличивъ поэму съ программами, видимъ, что Пушкинъ слѣдовалъ второй; но онъ также зачеркивалъ отдѣлы и въ первой программѣ, слѣдовательно вновь соображалъ и оцѣнивалъ ихъ при исполненіи. Въ первой Тазитъ представляется христіаниномъ уже при самомъ началѣ поэмы; во второй программѣ поэма обнимаетъ весь ходъ его развитія; потому вторая кажется намъ полнѣе въ художественномъ отношеніи, и Пушкинъ не безъ причины предпочелъ ее.

Въ этомъ внимательномъ, продолжительномъ, недовѣрчивомъ обдумываніи плана заключается, по нашему мнѣнію, драгоцѣнный урокъ для тѣхъ писателей, которые подумавъ полчаса, пишутъ полгода и потомъ поправляютъ годъ — хорошо еще если пишутъ, какъ велитъ одушевленіе труда, и потомъ исправляютъ, а не сидятъ въ раздумьи надъ каждою фразою, не спутываютъ различныхъ работъ, творить и пересматривать — въ одну вялую, утомительную, безхарактерную работу. Конечно, для каждаго особеннаго характера и темперамента есть свои особенныя условія, наиболѣе соотвѣтствующія природѣ, наиболѣе благопріятныя для дѣятельности. Человѣкъ съ ровнымъ, покойнымъ, нѣсколько флегматическимъ умомъ, нѣсколько удобнѣе, нежели человѣкъ съ умомъ бойкимъ, пылкимъ, нетерпѣливымъ, можетъ выносить развлеченія или замедленія въ своей работѣ, не портя ея; но нѣтъ человѣка, который бы не работалъ успѣшнѣе, послѣдовательнѣе, лучше, оставаясь не развлекаемымъ, нежели получая каждую минуту толчекъ подъ руку. Мы принимаемъ въ соображеніе и то,

что если люди самоувѣрннныя или по крайней мѣрѣ твердые могутъ писать не задумываясь надъ словами, не чувствуя въ самую минуту письма потребности перемарывать и зачеркивать одно выраженіе, чтобы замѣнить его другимъ; то для людей съ характеромъ мнительнымъ, или по крайней мѣрѣ нѣсколько робкимъ и застѣнчивымъ было бы насиліемъ ихъ природному расположенію или даже чистою невозможностью писать прямо, не перечеркивая многихъ фразъ, не призадумываясь иногда надъ выраженіемъ мысли. Но то вѣрно, что для всякой натуры выгодна твердая, неколеблемая судорожными ужимками поступь. Мы именно то и хотимъ сказать, что для всякаго таланта, каковы бы ни были особенныя его наклонности, каковъ бы ни былъ характеръ человѣка, имъ обладающаго, одно изъ существеннѣйшихъ условій успѣшной дѣятельности то, чтобъ онъ вполнѣ предавался въ минуту творчества теченію своей мысли, ничѣмъ не задерживая, не возмущая его. Такого рода состояніе, если не есть еще вдохновеніе, то довольно близко къ нему. И мы думаемъ, что каждый талантъ много выигрываетъ, если будетъ вполнѣ отдаваться своей природѣ, не стѣсняясь никакими внѣшними соображеніями. А къ числу ихъ принадлежитъ забота о красотѣ выраженій: забыть о ней въ то время, какъ пишешь, вѣрнѣйшее средство достигъ ея, на сколько то въ силахъ нашего дарованія. Человѣкъ именно тогда производитъ истинный эффектъ, когда и не думаетъ объ эффектахъ. Это замѣтно даже на хорошихъ актерахъ или пѣвцахъ. А писатель не актеръ, онъ долженъ быть гораздо ближе къ увлеченію, забывающему о всемъ, кромѣ своего предмета. Недурно при этомъ случаѣ вспомнить и правило политической экономіи о раздѣленіи работъ, которое давно выражено пословицею: за двумя зайцами погонишься, ни одного не поймашь. Чѣмъ занялся, тѣмъ и надобно заниматься. Когда пишется, пиши и пиши. Потомъ, когда ужъ написано, когда умъ утомился напряженіемъ творчества, перечитывай, соображай и обсуждай написанное. Но — опять есть пословица: написаннаго перомъ, не вырубишь топоромъ — что написалось дурно, нескладно или слабо, тому не придадутъ силы, красоты или стройности никакія исправленія. Послѣдующіе пересмотры произведенія сглаживаютъ только тѣ

недостатки произведенія, которые возникаютъ отъ медленности пера, сравнительно съ быстрымъ теченіемъ мысли. Исправить самой мысли, недостатковъ развитія, принадлежащихъ ей самой, они не въ силахъ. И если вы недовольны не мелкими неточностями и угловатостями грамматическими или риторическими, а какими нибудь существенными сторонами написаннаго, лучше и даже расчетливѣе, относительно количества времени, нужнаго для работы — не переправлять, а бросить написанное неудачно и писать вновь. Конечно, это своего рода геройство : кому не жаль бросить свой трудъ ? Кому не стыдно передъ собою сознаться, что написалъ вещь, никуда не годную ? Потому-то и нужно не приниматься писать, не обдумавъ ясно и стройно, что должно быть написано. Повторимъ однако еще разъ, что всякая искусственность ведетъ къ холодности и приторности, что лучшій медъ вытекаетъ изъ сотовъ самъ собою, а выжиманье приноситъ пользу только на маслобойнѣ ; что существенное правило не только поэтической дѣятельности, но и вообще жизни : каждый долженъ дѣлать такъ, какъ прилично его натурѣ и сущности производимаго предмета. Пути и проявленія жизни безконечно разнообразны ; можно только находить общіе элементы, участвующіе въ созданіяхъ жизни, но нельзя сказать : такого-то рода дѣятельность всегда, во всемъ и у всѣхъ должна быть подъ исключительною властью такого-то правила : всегда и во всемъ могутъ быть случаи, когда самое общее, самое непреложное правило встрѣчается съ другими законами жизни, отнимающими у него исключительное господство надъ дѣятельностью. Потому и правило : обдумывай, обдумывай и обдумывай, потому ничего не будетъ стоить написать ; а написанное необдуманно само ничего не стоить ; или, по просту выражаясь : пять разъ примѣрь, разъ отрѣжь — это простое правило всякой чело-вѣческой дѣятельности, а не одного только эстетическаго міра, не одно всегда и повсюду управляетъ чело-вѣческою жизнью : встрѣчаются случаи, когда другіе законы и условія жизни выказываютъ свои требованія такъ сильно, что подавляютъ его и измѣняютъ характеръ дѣятельности. Таково лирическое настроеніе духа, являющееся порывомъ. Таковъ (быть можетъ, не совсѣмъ умѣстно, по поводу Пушкина, умъ котораго равнялся таланту и

сообщалъ ему наибольшую цѣну, говорить о болѣзненныхъ порожденіяхъ, но у насъ, какъ и вездѣ, хотя не въ такой мѣрѣ какъ у насъ, общая мысль нуждается въ отрицательныхъ приложеніяхъ, чтобы стать замѣтною) таковъ жалкій случай, когда человѣкъ, имѣющій способность писать гладко, не одаренъ способностью стройно мыслить. Случай, къ сожалѣнію, весьма и весьма нерѣдкій. Не знаемъ, какъ бывало это прежде, потому что имена людей, хромавшихъ въ умственномъ отношеніи, не доходятъ до потомства — но современникамъ приходится часто встрѣчаться съ ними. Что же? вѣдь и они люди, вѣдь и они заслуживаютъ сочувствія, да и прямая выгода современниковъ требуетъ не отказывать въ особенныхъ предостереженіяхъ спотыкающимся. Потому, если вамъ, читатель, случится встрѣтить поэта или беллетриста, мыслительность котораго движется такъ невѣрно, что каждому не безчувственному человѣку хочется быть заботливымъ опекуномъ его, то увѣрьте его, что правило обдумывать свои произведенія къ нему не относится: напротивъ, чѣмъ меньше онъ будетъ думать надъ своими произведеніями, тѣмъ лучше. И пусть онъ по преимуществу выбираетъ ихъ сюжетами предметы, „не вызывающіе на размышленіе;“ восхожденіе солнца, описаніе весны, утра, бури — особенно прекрасныя темы; антологическія стихотворенія лучше всего приспособлены къ его силамъ; изъ приключеній человѣческой жизни очень удобны для него: первая любовь, свѣтскія отношенія, панегирическія повѣсти о граціозныхъ красавицахъ и о необыкновенно блестящихъ молодыхъ людяхъ; патетическія сцены также не представляютъ большихъ затрудненій. Но онъ лучше всего сдѣлаетъ, если распределитъ время по ровну между творческою дѣятельностью и образованіемъ своей мыслительной способности чтеніемъ хорошихъ книгъ, по выбору опытнаго руководителя, частыми бесѣдами съ дѣльными людьми, и особенно тѣмъ, что будетъ удаляться общества себѣ подобныхъ. При старательности и скромности, почти каждый въ состояніи сдѣлаться человѣкомъ здравомыслящимъ и способнымъ судить о вещахъ. Умственныхъ горбуновъ отъ природы мало.

Естественнѣйшій методъ всякой работы, и ремесленной, и прозаической, и поэтической состоитъ въ томъ, чтобы ясно обдумать

дѣло, и потомъ исполнить его, а потомъ ужь приниматься за пересмотръ и исправленіе. Такъ умѣетъ поступать даже столяръ: сначала сообразить, какихъ размѣровъ нужно сдѣлать вещь, какую штуку дерева и какого именно дерева приготовить для каждой ея части; потомъ ужь, приготовивъ и сообразивъ матеріалы, начинаетъ ее дѣлать, и дѣлаетъ не останавливаясь надъ полировкой каждаго приклеиваемаго вершка. Наконецъ, давъ просохнуть, устояться своей работѣ, принимается за полировку, если только вещь такого рода, что нуждается въ полировкѣ. Во всякомъ случаѣ, хорошій столяръ славится тѣмъ, что дѣлаетъ мебель изъ хорошихъ матеріаловъ, прочно и соотвѣтственно ея цѣли, а не тѣмъ, что хорошо полируетъ ее: порядочно отполировать умѣетъ самый плохой подмастерье.

И какъ успѣшно идетъ работа, когда все въ ней обдуманно и соображено. У Пушкина, напримѣръ, который такъ медленно развивалъ свои созданія въ головѣ, созрѣвъ, они выливались на бумагу чрезвычайно быстро. Такъ первая пѣснь *Полтавы* кончена 3-го октября, вторая — 9-го, третья — 16-го, слѣдовательно каждая пѣснь написана въ недѣлю или менѣе. Большая повѣсть *Дубровский* начата 21 октября, кончена 3 января, слѣдовательно, написана менѣе, нежели въ два съ половиною мѣсяца. Интересными примѣрами того, въ какой незначительной мѣрѣ достоинства, придаваемые мелочною послѣдующею отдѣлкою, возвышаютъ первобытную красоту произведенія, съ которою оно выходитъ изъ пера истинно талантливаго автора, служатъ намъ произведенія, которыхъ Пушкинъ не успѣлъ дописать и слѣдовательно, не могъ пересмотрѣть и окончательно обработать. Мы спрашиваемъ, въ чемъ уступаетъ *Гамбу* законченнѣйшимъ по внѣшней отдѣлкѣ поэмамъ Пушкина? Менѣе ли художественны и самые стихи и картины въ этомъ неотдѣланномъ отрывкѣ, нежели въ *Кавказскомъ Пльнникѣ*, или въ *Полтавѣ*? Другое неоконченное и также не получившее окончательной отдѣлки произведеніе, *Русалка*, рѣшительно должна быть названа однимъ изъ превосходнѣйшихъ произведеній поэзіи Пушкина. *Русалку* едва ли не должно въ художественномъ отношеніи (не по содержанію, не по мысли, а по эстетическимъ достоинствамъ исполненія) по-

ставить на равнѣ съ *Мѣднымъ Всадникомъ* и *Каменнымъ Гостемъ*, выше и *Цыганъ*, и *Братьевъ Разбойниковъ* и *Полтавы*. Но поразительнѣ всего примѣръ, представляемый *Сценами изъ Рыцарскихъ Временъ*. Это произведеніе яснѣ всего показываетъ, что существенная красота заключена не въ словахъ, которыми умѣетъ гениальный писатель облечь свои мысли, а въ томъ гениальномъ развитіи, которое получаетъ мысль въ его умѣ, воображеніи, соображеніи, назовите это, какъ хотите, — въ художественности, съ какою представляется ему планъ, а не въ выраженіи.

«По бумагамъ Пушкина видно—говорить г. Анненковъ—что *Сцены изъ Рыцарскихъ Временъ* не настоящее произведеніе, а только планъ произведенія. Сверху рукописи надписано: *Планъ*, и за тѣмъ, вмѣсто того, чтобъ изложить программу драмы въ описаніи, Пушкинъ прямо началъ сцены, и, разъ начавъ, дописалъ ихъ. Такъ составились онѣ, не получивъ надлежащаго развитія и представляя еще одинъ остовъ произведенія и сухость, свойственную плану вообще, хотя бы онъ былъ и въ драматической формѣ.»

Не знаемъ, на сколько развился бы этотъ планъ при полной обработкѣ: не знаемъ, какъ прекрасна была бы драма тогда; но теперь въ *Сценахъ изъ Рыцарскихъ Временъ* мы имѣемъ одно изъ превосходнѣйшихъ произведеній Пушкина; рѣшаемся даже сказать, что не жалѣемъ о томъ, что „остовъ произведенія, представляющій сухость“ не былъ обработанъ, не подвергся перекраиванью, развитію и распространенію въ объемѣ. Намъ кажется даже, что сухость этого остова можно замѣтить только, узнавъ по внѣшнимъ признакамъ, что оставшіяся намъ *Сцены* — остовъ, а не вполне законченное художественное произведеніе: не укажи намъ на мысль о сухости и необработанности самъ Пушкинъ, мы должны были бы думать, что даже онъ самъ не могъ бы ни прибавить, ни измѣнить тутъ ни одного слова, не испортивъ или не ослабивъ своей прекрасной драмы. Если бы можно было вполне высказывать свои мнѣнія, то мы сказали бы даже, что *Сцены изъ Рыцарскихъ Временъ*, должны были въ художественномъ отношеніи поставлены не ниже *Бориса Годунова*, а быть можетъ и выше.

Съ вопросомъ о важности мелочной обработки тѣсно связанъ

вопросъ: когда авторъ, заботящійся о художественномъ достоинствѣ своихъ произведеній, становится нелицепріятнымъ судьбою того, достойны ли они его имени, могутъ ли быть изданы въ настоящей своей формѣ, или еще недостигли возможнаго совершенства; вопросъ о томъ, долго ли должно храниться произведеніе въ портфеляхъ автора? Пушкинъ очень часто буквально исполнялъ правило Горация „держи у себя подъ замкомъ девять лѣтъ,“ *Nonum prematur in aenum*. Множество произведеній, совершенно оконченныхъ, лежали у него не изданными по нѣсколькимъ лѣтамъ. Не будемъ исчислять всѣхъ случаевъ, ограничиваясь немногими изъ указанныхъ г. Анненковымъ. *Цыгане* оставались неизданными по крайней мѣрѣ три года (изд. 1827, а въ 1824 уже были готовы); то же было съ главами *Евгенія Онегина*, *Дубровскимъ*, *Мѣднымъ Всадникомъ*, — однимъ словомъ, съ бѣльшею частью поэмъ и повѣстей Пушкина. Одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ случаевъ въ этомъ отношеніи составляетъ судьба *Бориса Годунова*, остававшагося въ портфель автора шесть лѣтъ! Драма эта совершенно окончена въ 1825 году, какъ несомнѣнно свидѣтельствуетъ самъ Пушкинъ. Впрочемъ, тутъ чрезвычайное замедленіе объясняется особенною важностью, какую придавалъ этому произведенію Пушкинъ, боязнь отдать его на судъ критиковъ, не приготовленныхъ къ тому, чтобы оцѣнить по достоинству произведеніе, слишкомъ колоссальное для ихъ понятій, по мнѣнію самого Пушкина, и необыкновенно дорогое ему. Г. Анненковъ сообщаетъ намъ объ этомъ интересные отрывки изъ писемъ и замѣтокъ Пушкина, и мы приводимъ здѣсь нѣкоторыя изъ нихъ.

«Долго не могъ я рѣшиться напечатать свою драму. Хорошій или худой успѣхъ моихъ стихотвореній, благосклонное или строгое рѣшеніе журналовъ о какойнибудь стихотворной повѣсти, слабо тревожили мое самолюбіе. Читая разборы самые оскорбительные, старался я угадать мнѣніе критика, понять, въ чемъ именно состоятъ его обвиненія, и если никогда не отвѣчалъ на опыа, то сіе происходило не изъ презрѣнія, но единственно изъ убѣжденія, что для нашей литературы il est indifférent, что такая-то глава *Онегина* вышла выше или ниже другой. Но признаюсь искренно, неуспѣхъ драмы моей огорчилъ бы меня; ибо я твердо убѣжденъ, что нашему театру приличны народныя законы драмы Шекспира, а не свѣтскій обычай трагедіи Расина, и что всякій неудачный опытъ можетъ замедлить преобразование нашей сцены...»

«... Съ отвращеніемъ рѣшаюсь я выдать въ свѣтъ *Бориса Годунова* и хоть я вообще довольно равнодушенъ къ успѣху или неудачѣ своихъ произведеній, но, признаюсь, неудача *Бориса Годунова* будетъ мнѣ чувствительна, а я въ ней почти увѣренъ. Какъ Монтанъ, я могу сказать о моемъ сочиненіи: c'est une oeuvre de bonne foi. Писаннъ я мною въ строгомъ уединеніи, вдали охлаждающаго свѣта, плодъ добросовѣстныхъ изученій, постыжнаго труда, с'я трагедія доставила мнѣ все, чѣмъ писателю насладиться дозволено: живое замятіе вдохновенію, внутреннее убѣжденіе, что мною употреблены были всѣ усилія, наконецъ одобреніе малаго числа избранныхъ...»

И дѣйствительно, холодный пріемъ, встрѣченный этимъ любимымъ твореніемъ Пушкина, произвелъ на него самое тяжелое впечатлѣніе, которое отчасти даже содѣйствовало развитію его литературныхъ понятій въ смыслѣ, противоположномъ его прежнему доброму стремленію впередъ. „Нововведенія опасны, и, кажется, ненужны,“ говоритъ онъ въ черновомъ письмѣ, по поводу разборовъ *Бориса Годунова* въ тогдашнихъ журналахъ. Не разсматривая вопроса, до какой степени основательны были эти разборы, скажемъ только, что *Борисъ Годуновъ* дѣйствительно не занялъ того мѣста въ исторіи русскаго литературнаго или сценическаго развитія, какое предназначалъ ему Пушкинъ. Колоссальны или нѣтъ достоинства этой драмы, но она до сихъ поръ не оказала большаго вліянія ни на писателей, ни на читателей нашихъ, и главы *Евгенія Онгина*, о которыхъ сравнительно съ нею такъ презрительно отзывался Пушкинъ, были гораздо важнѣе ея для нашей литературы. Какъ бы то ни было, мы не будемъ удивляться, что Пушкинъ, обыкновенно столь пронизательный, несовсѣмъ безпристрастно смотрѣлъ на литературную важность своихъ произведеній: *Евгеній Онгинъ* писался легко, а *Борисъ Годуновъ* стоилъ автору многихъ трудовъ; кромѣ того, Пушкинъ считалъ драму высочайшею формою искусства. И теперь обыкновенно думаютъ тоже. Виною такого мнѣнія, конечно, драмы Шекспира — величіе его генія заставило считать и форму его произведеній чѣмъ-то монументальнымъ, какъ нѣкогда на основаніи превосходства Гомеровыхъ эпопей думали, что безсмертіе дается поэту только сочиненіемъ „Эпопей.“ Но если Пушкинъ медлил издавать *Бориса Годунова* потому, что слишкомъ дорожилъ имъ, то при изданіи другихъ произведеній, особенно

мелкихъ, которымъ не придавалъ онъ большой цѣны, онъ не могъ останавливаться опасеніемъ отдать ихъ на судъ журналовъ и публики. А между тѣмъ не только поэмы, повѣсти, но и лирическія стихотворенія часто лежали въ его портфеляхъ неизданными. Беремъ изъ сотни указаній, представляемыхъ примѣчаніями г. Анненкова ко второму тому, нѣсколько случаевъ. Изъ стихотвореній, написанныхъ въ 1824 году, „Ночной зефиръ струитъ эфиръ“ было напечатано только въ 1827 году, *Аквилонъ* („За чѣмъ ты грозный Аквилонъ“) осталось ненапечатаннымъ до смерти, хотя Пушкинъ, какъ видно, считалъ его достойнымъ печати, поправляя въ 1830 году; *Коварность* („Когда твой другъ на гласъ твоихъ рѣчей“) явилось только въ 1828 году; *Къ Языкову* („Издравле сладостный союзъ“) только въ 1830 году; *Узникъ* („Сижу за рѣшеткой въ темницѣ сырой“) только въ 1832 году. Конечно, такая чрезвычайная медленность была личнымъ произволомъ или особенностью характера, и было бы странно поставлять ее въ примѣръ. Напротивъ, надобно даже сказать, что излишнее задерживаніе своихъ произведеній неизданными можетъ отчасти вредить свѣжести творчества и еще прямѣе развитію таланта. Но въ наше время, кажется, нѣтъ надобности настаивать на необходимости своевременной отдачи произведеній на общій судъ, по малочисленности людей, погрѣшающихъ противъ этого правила. Если

Блаженъ, кто про себя тайлъ
 Души высокія созданья,

то блаженны въ наше время почти только тѣ писатели, которыхъ не соглашается печатать ни одинъ журналъ. Не будемъ, впрочемъ, доходить въ нашихъ мнѣніяхъ до несправедливости: если можно упрекнуть многихъ нашихъ писателей въ поспѣшности, съ какою печатаютъ они свои произведенія, то эта привычка, несовѣтъ выгодная для таланта, не достигаетъ ни у кого изъ нихъ пагубнаго развитія, въ какомъ упрекали французскихъ фельетонныхъ романистовъ: наши беллетристы посылаютъ свои рассказы въ типографію не листъ за листомъ, сами еще не зная, что будетъ написано въ слѣдующей главѣ романа. Они не только дописыва-

ютъ романъ до конца прежде, нежели начинаютъ его печатать, но и перечитываютъ, исправляютъ, вообще, сообразно своимъ убѣжденіямъ, заботятся о возможномъ совершенствѣ своихъ произведеній. Литературное самолюбіе или честолюбіе у насъ еще очень сильно. Въ другихъ отношеніяхъ оно, конечно, имѣетъ свои вредныя слѣдствія, но въ томъ, о которомъ говоримъ мы теперь, приноситъ свою пользу. Каждый, справедливо или несправедливо судя о своихъ произведеніяхъ, все-таки старается написать не какъ можно больше, а какъ можно лучше. Потому-то и не бесполезно говорить объ условіяхъ этого совершенствованія. Тотчасъ послѣ того, какъ написана повѣсть, или комедія, перечитывать ее почти бесполезно. Авторъ еще не успѣлъ отрѣшиться отъ своего произведенія, если выражаться высокимъ слогомъ; проще говоря, находится еще въ томъ же самомъ настроеніи чувствъ и мыслей, какое выразилось въ его повѣсти, еще не могъ освободить своей головы отъ всѣхъ понятій и подробностей, которыя тогда показались ему хороши, не можетъ поэтому держать себя относительно ихъ независимо, самостоятельно, допустить ихъ овладѣвать вновь собою только въ томъ случаѣ, когда онѣ дѣйствительно того заслуживаютъ, не сошелъ еще съ привычныхъ точекъ зрѣнія, и перечитывая повѣсть, будетъ признавать необходимость подробностей, стройность развитія, вѣрность характеровъ, здравость содержанія не по свободному сочувствію, а просто по неразсѣявшейся еще предубѣжденности. Время обсуживать свое литературное дѣло, какъ и всякое другое дѣло, приходитъ тогда, когда настроеніе, его произведшее, успѣло уже въ насъ смѣниться другими, или выражаясь громкими фразами, когда потокъ жизни смоетъ и освѣжитъ нашъ умъ. Скоро или нѣтъ настанетъ это время—зависитъ отъ содержанія произведенія. Если его основное значеніе было: выразить общія воззрѣнія автора на жизнь или одну изъ существеннѣйшихъ сторонъ ея, и на требованія искусства, быть можетъ, и никогда не будетъ въ состояніи онъ критически, спокойно взглянуть на него; въ такомъ случаѣ, конечно, не будетъ разницы, черезъ день или черезъ годъ по окончаніи начнетъ онъ свою критику. Въ томъ и въ другомъ случаѣ онъ будетъ въ состояніи сдѣлать только мелчныя исправ-

ленія. Но человѣкъ съ умомъ пытливымъ, наклоннымъ къ недо-
вѣрчивости, очень скоро, почти тотчасъ же послѣ того, какъ
освѣжится воображеніе, утомленное работою, можетъ быть без-
пристрастнымъ судьей произведенія возникшаго изъ его общихъ
убѣжденій, а не случайнаго страстнаго настроенія. Напротивъ,
произведенія, порожденныя страстью, увлеченіемъ, вообще осо-
беннымъ, не постояннымъ расположеніемъ духа, каждый авторъ,
каковъ бы ни былъ характеръ его ума, можетъ обсудить безпри-
страстно, какъ скоро минуется это состояніе и обыкновенно слѣ-
дующая за нимъ реакція въ противоположномъ направленіи, что
бываетъ иногда черезъ много лѣтъ, а иногда и черезъ нѣсколько
часовъ. Такъ, на примѣръ, мы не знаемъ, настало ли бы когда
нибудь для Пушкина время непредубѣжденнымъ взглядомъ пере-
смотреть своего *Бориса Годунова*, неразрывно связаннаго съ
его общими убѣжденіями о драмѣ и объ одномъ изъ важныхъ
періодовъ въ русской исторіи, понятіе о которой установилось у
него твердо. Но при подвижности своего характера, конечно,
могъ онъ проницательно пересмотрѣть *Бахчисарайскій Фонтанъ*,
очень скоро послѣ того, какъ дописалъ послѣдній стихъ.

Всѣ эти различія, конечно, ясны сами собою; но мы упомянули
о нихъ для того, чтобы не оставить повода къ предположенію,
будто бы мы требуемъ чрезмѣрнаго или считаемъ нужнымъ пола-
гать какія нибудь неподвижныя границы. Напротивъ, и здравый
смыслъ и эстетика говорятъ писателю, что отрѣшеніе отъ всякихъ
внѣшнихъ, формальныхъ стѣсненій, не вытекающихъ изъ сущно-
сти самого дѣла — существеннѣйшее условіе для успѣшнаго труда.
Каждый долженъ поступать такъ, какъ велитъ ему его натура и
здравый разумъ. Иному нужно переправлять свои произведе-
нія, у другаго нѣтъ этой потребности и надобности, и каждый
долженъ поступать въ этомъ случаѣ, какъ лучше для него. Мы
говоримъ только о благопріятнѣйшихъ условіяхъ работы для
людей съ такою нравственною организаціею, которая встрѣчается
чаще всего.

Но какъ же велики должны быть измѣненія, вносимыя въ про-
изведенія окончательною отдѣлкою? Вообще эстетическія соображе-
нія увѣряютъ насъ, что въ написанномъ можно исправлять, не

вреда произведенію, только степень развитія подробностей и образъ выраженія. Перо не успѣваетъ слѣдить за мыслью; потому всегда могутъ встрѣчаться въ написанномъ нѣкоторыя неполноты, недостатокъ довольно закругленныхъ переходовъ; какъ бы ни велико было умѣнье писателя владѣть языкомъ, всегда будутъ встрѣчаться случаи, что нѣкоторымъ выраженіямъ можетъ быть придано болѣе точности или силы. Наконецъ — и это важнѣе всего — нѣтъ человѣка, который не увлекался бы пристрастіемъ останавливаться съ любовью на собственныхъ мысляхъ — потому длинота, растянутасть незамѣтно для автора вкрадывается въ его произведеніе; истребить ее, безпощадно вычеркнуть все лишнее, вотъ въ чемъ должна состоять существеннѣйшая часть работы при пересмотрѣ написаннаго; если авторъ строго исполнить эту обязанность, его произведеніе чрезвычайно много выиграетъ, и, ставъ вдвое меньше объемомъ, будетъ имѣть въ двадцать разъ болѣе достоинства для читателя. Но, какъ мы уже говорили, вносить въ планъ существенныя измѣненія при окончательной передѣлкѣ, чрезвычайно опасно: въ художественномъ произведеніи всѣ части должны быть между собою въ строгой зависимости, и почти невозможно не нарушить его стройности, измѣняя одну изъ нихъ — кто можетъ прослѣдить всѣ отношенія, связывавшія ее съ другими частями? Какъ ни прилежно будетъ просматривать свое произведеніе авторъ, приводя всѣ его отдѣлы въ гармонію съ измѣненнымъ или вставленнымъ вновь эпизодомъ, почти всегда многія несообразности ускользнутъ отъ него, произведеніе будетъ имѣть видъ не вылившагося изъ одной мысли, а склееннаго изъ разныхъ клочковъ. Только новое бываетъ истинно хорошимъ. Съ перешитаго и переправленнаго не могутъ быть никакими щетками и утюгами сглажены слѣды поношенности и угловатости. Потому, если авторъ не доволенъ въ своемъ произведеніи чѣмъ нибудь существеннымъ, не переправлять его долженъ онъ, а бросить и писать все вновь.

Отъ этихъ общихъ соображеній, внушаемыхъ самыми простыми условіями художественности, обращаясь къ авторской манерѣ Пушкина, мы находимъ у него перечеркиванье и исправленіе въ чрезвычайно обширномъ размѣрѣ, какъ бы не только отдѣлка

стиха, но и самое облеченіе мысли въ стихотворную форму стоило ему чрезвычайныхъ усилій, какъ бы эти стихи, поражающіе прежде всего своею легкостью, писалъ онъ съ большимъ трудомъ, какъ бы механизмъ стиха представлялъ Пушкину затрудненія. Г. Анненковъ собралъ съ своихъ *Матеріаловъ* очень много данныхъ этой тяжелой, почти хаотической борьбы съ стихомъ. Многія страницы, заключающія въ себѣ, какъ можно угадывать по нѣкоторымъ отдѣльнымъ словамъ, неизданныя стихотворенія или отрывки, перечерканы, испещрены пометками до того, что нѣтъ возможности возстановить написанное. Почти тоже надобно сказать о черновыхъ спискахъ многихъ стихотвореній, переписанныхъ потомъ самимъ Пушкинымъ на бѣло; снимокъ одного черноваго листка *Полтавы*, приложенный къ *Матеріаламъ*, утомитъ вниманіе каждаго, кто попробуетъ разобрать исторію образованія стиховъ :

Казалось, Карла приводилъ
Желанный бой въ недоумѣнье.

„Почти каждая строка его стиховъ — говоритъ г. Анненковъ — свидѣтельствуетъ объ этой особенноти его удивительно мужественнаго таланта. Поучительно видѣть, какъ изъ страницы, кругомъ исписанной и, можно сказать, обращенной въ самую мелкую сѣть пометокъ, вытекаетъ стихотвореніе, чистое какъ алмазъ, съ роскошной игрой свѣта и въ изумительной обдѣлкѣ.“ Прежде, нежели попробуемъ объяснить обширность размѣра, какой принимаетъ у Пушкина отдѣлка стиха, укажемъ обыкновеннѣйшій результатъ ея — уменьшеніе объема стихотворенія, строгое уничтоженіе множества, быть можетъ половины задуманныхъ стиховъ. Не будемъ приводить безчисленнаго количества стиховъ и строфъ, вычеркнутыхъ Пушкинымъ изъ *Евгенія Онегина*. Два три примѣра изъ другихъ произведеній будутъ достаточны для убѣжденія въ томъ, до какой степени Пушкинъ боялся тости. Размышленіе Пимена надъ своею лѣтописью въ рукописи такъ :

Передо мной опять выходятъ люди,
Уже давно покинувшіе мѣръ,

Врѣ

Властители, которымъ былъ покоренъ,
 И недруги, и старые друзья —
 Товарищи моей цвѣтущей жизни...
 Какъ ласки ихъ мнѣ радостны бывали,
 Какъ живо жгли мнѣ сердце ихъ обиды!
 Но гдѣ же ихъ знакомый ликъ и страсти?
Чуть-чуть ихъ слѣды ложится легкой тѣнью, —
 И мнѣ давно, давно пора за ними!..

Изъ этихъ десяти стиховъ Пушкину показался неизлишнимъ по своей мысли только предпоследній, и весь длинный эпизодъ, дѣйствительно растягивавшій монологъ бесполезнымъ повтореніемъ того, что высказывается въ другихъ стихахъ его, замѣненъ двустихіемъ:

Немного лицъ мнѣ память сохранила,
 Немного словъ доходить до меня.

Въ *Полтавѣ* онъ зачеркиваетъ стихи, описывающіе страданія влюбленнаго казака, отвергнутаго Маріей (въ 1-й пѣснѣ); въ третьей пѣснѣ послѣ стиховъ:

Съ горестью глубокой
 Внималъ любовникъ ей жестокой;
 Но вихрю мыслей предана...

Уничтожена большая часть монолога сумасшедшей:

Ей Богу, говорить она,
 Старуха лжетъ. Сѣдой проказникъ
 Тамъ въ башнѣ спритался. Пойдемъ.
 Не будемъ горевать о немъ.
 Пойдемъ... Какой сегодня праздникъ?
 Народъ бѣжитъ, народъ поетъ и т. д.

всего семнадцать стиховъ. Въ *Русалкѣ* уничтоженъ отрывокъ изъ нѣсколькихъ десятковъ стиховъ въ сценѣ сватьбы, послѣ упрека дружка дѣвицамъ за ихъ печальную пѣсню; этотъ эпизодъ заключалъ продолженіе упрековъ и смятенія, произведеннаго появленіемъ утопленницы. Точно также въ началѣ *Мяднаго Всадника* уничтожены длинные размышленія Евгенія (по возвращеніи домой въ вечеръ передъ наводненіемъ) о томъ, что

онъ женится на Парашѣ и будетъ съ нею счастливъ. Конечно, всякій согласится, что эти стихи безъ нужды растягивали сцену. Нѣсколько сотъ такихъ стиховъ сохранено въ *Материалахъ* и г. Анненковъ справедливо обращаетъ вниманіе писателей на эту строгость Пушкина къ собственнымъ произведеніямъ.

Дѣйствительно, большая часть современныхъ повѣстей, романовъ, заставляютъ сознаться, что слишкомъ многіе беллетристы нуждаются въ подобномъ урокѣ. Изъ всѣхъ недостатковъ, какіе замѣчаются въ современной литературѣ, самый общій — растянутасть и необходимое слѣдствіе ея — блѣдность картинъ, вялость сценъ, пустота и утомительность всего произведенія. Кажется, будто бы почти каждый писатель (о безталанныхъ мы не говоримъ; но грустно, что одаренные замѣчательнымъ талантомъ подвержены этой слабости наравнѣ съ безталанными) считаетъ несравненно драгоцѣнностью всякое выраженіе, какое только мелькнетъ въ его головѣ, всякую подробность, какая только ему вообразится, и спѣшитъ обогатить ею свой рассказъ; кажется, будто онъ сочтетъ себя преступникомъ, самоубійцею, похитителемъ, если лишитъ читателей хотя одного изъ тѣхъ перловъ, которые такую однообразною нитью тянутся изъ подъ его пера; кажется, будто бы онъ и не могъ вѣрить, что даже въ калифорнскихъ золотыхъ россыпяхъ на одну горсть золотаго — приходится цѣлый возъ простаго песку, и что разрабатывающій ихъ становится богатъ только черезъ то, что извлекая немногія зерна золота, съ презрѣніемъ отбрасываетъ огромнѣйшее количество никуда негодной примѣси. Въ чемъ заключается самое поразительное отличіе гениальныхъ произведеній отъ дюжинныхъ? Только въ томъ, что „красоты,“ если употреблять старинное выраженіе, составляютъ въ гениальномъ произведеніи сплошную рядъ страницъ, а не разведены пустословіемъ безцвѣтныхъ общихъ мѣстъ. Если бы кто нибудь захотѣлъ въ какомъ нибудь жалкомъ, забытомъ романѣ со вниманіемъ ловить всѣ проблески наблюдательности, всѣ вѣрныя черты характеровъ и дѣйствованія, всѣ мѣткія выраженія и т. д., онъ собралъ бы довольно много строкъ, которыя по достоинству ничѣмъ не отличаются отъ строкъ, изъ которыхъ составлены страницы произведеній, восхищающихъ насъ. Не на-

добно также думать, что и „остовъ“, по выраженію г. Анненкова, въ дюжинныхъ произведеніяхъ не бываетъ часто такъ же хорошъ, какъ и въ первостепенныхъ произведеніяхъ. Различіе состоитъ въ томъ, что страницы геніальнаго произведенія наполнены содержаніемъ, а то количество содержанія, которое растянута на десяткахъ страницъ дюжиннаго произведенія было бы едва достаточно для наполненія одной страницы и расплылось незамѣтными крупинками въ озерахъ прѣсныхъ общихъ мѣстъ. Само собою разумѣется, что бездарный человѣкъ бесполезно прилагалъ бы величайшія усилія сдѣлать изъ своего романа что нибудь порядочное; но со стороны писателя, не лишенаго дарованія, часто недоставало только рѣшимости сжать свое произведеніе, чтобъ оно изъ слабаго стало очень порядочнымъ. Сжатость — первое условіе эстетической цѣны произведенія, выставляющая на видъ всѣ другія достоинства. Конечно, во всемъ можетъ быть вредное излишество; но бесполезно говорить о тѣхъ опасностяхъ, которымъ никто не подвергается; господствующая нынѣ эстетическая болѣзнь — водяная, дѣлаетъ столько вреда, что, кажется, отрадно бы было даже увидѣть признаки сухотки, какъ пріятенъ морозный день, сковывающій почву среди октябрскаго ненастья, когда повсюду видишь бездонно-жидкія трясины.

Особенно намъ, русскимъ, должна быть близка и драгоценна сжатость. Не знаемъ, свойство ли это русскаго ума, какъ готовы думать многіе, или, скорѣе, просто слѣдствіе мѣстныхъ обстоятельствъ, но всѣ прозаическія, даже повѣствовательныя, произведенія нашихъ геніальныхъ писателей (не говоримъ о драмахъ и комедіяхъ, гдѣ самая форма опредѣляетъ объемъ) отличаются сжатостью своего внѣшняго объема. *Герой Нашего Времени* занимаетъ немного болѣе половины очень маленькой книжки; Гоголь, кромѣ *Мертвыхъ Душъ* писалъ только маленькія по числу страницъ повѣсти; да и самыя *Мертвыя Души*, колоссальнѣйшее изъ первостепенныхъ произведеній русскою литературы, еслибъ даже и было dokonчено въ размѣрахъ, предположенныхъ авторомъ (три тома), едва равнялось бы половинѣ какого нибудь Диккенсова, Теккерева или Жоржъ-Зандова романа. Если обратимся за примѣрами къ Пушкину, онъ покажетъ намъ

тоже самое. *Дубровский* и *Капитанская дочка* (которую Пушкинъ называлъ, какъ мы видѣли, широкимъ именемъ „романа въ двухъ частяхъ“) — повѣсти такого размѣра, что, будучи помѣщены въ какомъ нибудь изъ нашихъ журналовъ, развѣ только обѣ вмѣстѣ оказались бы достаточны для наполненія отдѣла словесности въ одномъ номерѣ, да и будучи напечатаны обѣ вмѣстѣ, вызвали бы у рецензентовъ другихъ журналовъ замѣчаніе: „Давно мы не встрѣчали въ журналѣ NN отдѣла словесности столь тощимъ по объему, какъ нынѣ.“ Зато и замѣтно различіе между этими маленькими рассказами и тѣми пухлыми произведеніями, которыя такъ привольно распространяютъ свои необозримые члены по сотнямъ огромныхъ журнальныхъ страницъ. Прочитайте три, четыре страницы *Героя Нашего Времени*, *Капитанской Дочки*, *Дубровскаго* — сколько написано на этихъ страничкахъ! — И мѣсто дѣйствія, и дѣйствующія лица, и нѣсколько начальныхъ сценъ, и даже завязка — все помѣстилось въ этой тѣсной рамкѣ. Такой сухости не встрѣтите въ художественно развитыхъ созданіяхъ писателей и писательницъ, прекрасный слогъ которыхъ всѣ такъ хвалятъ. Переверните три листа (читать ихъ не стоитъ) — вы увидите, что все еще тянется съ первой страницы описаніе комнаты, въ которой сидѣлъ герой или героиня рассказа; перевертывайте еще листъ — а, наконецъ-то! описаніе комнаты кончилось (благодарите судьбу, что герой сидитъ въ комнатѣ: еслибъ онъ ѣхалъ или шелъ по полю, картина была бы во столько же разъ длиннѣе описанія комнаты, во сколько разъ поле съ рѣкою и рощею обширнѣе комнаты) — и такъ описаніе комнаты кончилось и началось описаніе физическихъ принадлежностей героя или героини; смѣло перевертывайте два листа; только на третьемъ авторъ переходитъ къ размышленіямъ и объясненіямъ нравственныхъ качествъ своего паціента. Черезъ пять листовъ они (насилу-то!) перерываются появленіемъ въ комнатѣ новаго лица, которое, выдержавъ прилично подробное описаніе, начинаетъ разговоръ, который (послѣ всѣхъ прежнихъ объясненій автора) знакомитъ васъ съ характеромъ героя; содержаніе разговора: герой говоритъ: „я скучаю“ (или „я влюбленъ“) и если читатель не знаетъ по русски, то

изъ разговора, занимающаго пять страницъ, познакомится съ значеніемъ слова „скачу“ (или „влюбленъ“). Конечно, все это было бы прекрасно, если бы не было рѣшительно излишне, скучно, вяло и пусто. Впрочемъ осуждать не смѣемъ: всѣ перевернутые нами листы написаны прекраснымъ слогомъ. А быть можетъ изъ этихъ холодныхъ, безцвѣтныхъ, ничтожныхъ двадцати или тридцати страницъ и составила бы одна исполненная блестящей или тонкой наблюдательности страница, еслибъ авторъ болѣе дорожилъ терпѣніемъ читателей или хотя бумагою, нежели рубинами и изумрудами своего прекраснаго слога. Вѣдь самое блестящее, самое богатое платье на вѣшалкѣ имѣетъ очень неизящный видъ. Оно хорошо только тогда, когда имъ облеченъ живой человѣкъ, стройный и свѣжій. Нѣтъ, намъ дороже всего брильянты и изумруды:

Алмазна сыплется гора
 Съ высотъ четырема скалами:
 Жемчугу бездна и сребра,
 Кипить, блестить, вверхъ бьетъ буграми...

и въ безсиліи падаетъ мокрою пылью, производящею на живаго человѣка самое непріятное ощущеніе, а въ слабыхъ людяхъ даже насморкъ. Иногда приходитъ охота представить осязательное доказательство того, какой вредъ приносить растянutosть, какой интересъ, силу и даже красоту придаетъ сжатость, сдѣлавъ изъ какой нибудь растянутой повѣсти, прошедшей незамѣченною, „извлеченіе,“ „экстрактъ,“ который бы выказалъ ея достоинства, погибшія въ пучинахъ многословія.

Но возвратимся къ авторскимъ привычкамъ Пушкина, къ этой „мелкой сѣти помарокъ,“ которыми опутаны его стихи. Многіе видѣли въ этомъ по преимуществу изумительную и достойную всякаго подражанія заботливость поэта объ усовершенствованіи своихъ стихотвореній. Мы согласны, что стихи всегда требуютъ внимательной отдѣлки, что стихотвореніе не перемаранное, не перечерканное, почти всегда будетъ страдать шероховатостью. Но отъ этой лежащей въ сущности самаго дѣла необходимости дѣлать въ стихахъ много поправокъ, далеко еще до того безчисленнаго множества помарокъ, какое находимъ у Пушкина, и намъ

кажется неизлишнимъ представить нѣкоторыя соображенія съ цѣлью предупредить ложные выводы изъ этой особенности поэтическихъ работъ Пушкина. Въ наше время, и безъ того придающее слишкомъ много цѣны внѣшности и мелочамъ, было бы, намъ кажется, вредно говорить писателямъ: „Вы тогда только напишите хорошо, когда переправите двадцать разъ каждый стихъ, когда не оставите не одного не перечеркнутого слова:

Saepe stylum vertas,

какъ училъ еще Горацій, *поправляй и поправляй*, тогда только будешь истиннымъ поэтомъ. Мелочнымъ исправленіемъ, филигранною обработкою фразъ достигается художественность. “ А таковъ, кажется на первый взглядъ, долженъ быть выводъ изъ черновыхъ тетрадей Пушкина.

Но внимательное разсмотрѣніе обстоятельствъ значительно измѣняетъ его. Не всѣ стихи Пушкина такъ перечерканы въ черновыхъ спискахъ, какъ, напримѣръ, отрывокъ изъ *Полтавы*, съ котораго снимокъ приложенъ къ изданію г. Анненкова; г. Анненковъ заставляеть насъ заключить, что многія стихотворенія, не уступающія другимъ въ художественности, мало подвергались перечеркиванью; по крайней мѣрѣ онъ, послѣ выписанныхъ нами строкъ о томъ, какою „мелкою сѣткою помарокъ“ покрыты бываютъ страницы Пушкина, продолжаетъ: „Мы въ правѣ думать, что пьесы, написанныя Пушкинымъ, съразу, прошли черезъ то же горнило художественнаго труда, но только въ головѣ его.“ Слѣдственно и самъ Пушкинъ часто „писалъ съразу“ свои произведенія. Нетерпѣливости его характера, тому самому качеству, которое заставляло его писать въ разбивку, также должно быть приписано большое участіе въ помаркахъ — Пушкинъ начиналъ писать стихъ, не успѣвъ мысленно окончить его, не успѣвъ предвидѣть сочетанія рѣемъ; потому рѣемы часто заставляли его передѣлывать стихъ, это ясно изъ множества приводимыхъ у г. Анненкова отрывковъ. Много можно привести подобныхъ объясненій, основанныхъ на особенностяхъ характера Пушкина.

Но важнѣе всѣхъ этихъ причинъ то обстоятельство, что Пушкинъ, сравнительно съ нынѣшними поэтами, былъ въ исключи-

тельномъ положеніи. Ему предстояло еще выработать стихъ — тяжелый трудъ, отъ котораго, благодаря ему, избавлены теперь русскіе поэты, съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ начинаютъ читать, привыкающіе къ стихамъ, лучше которыхъ по художественности, музыкальности и легкости никто отъ нихъ и не требуетъ, да и сами они не могутъ вообразить себѣ. Кромѣ стиха, Пушкинъ долженъ былъ выработать себѣ и языкъ, конечно, представлявшій очень много затрудненій. Въ самомъ дѣлѣ, языкъ Пушкина чрезвычайно много разнится отъ языка Жуковскаго и Карамзина. Наконецъ Пушкинъ долженъ былъ бороться съ приемами, которые были введены въ привычку прежними стихотворцами, онъ долженъ былъ отбрасывать множество употребительныхъ въ тогдашнее время выраженій, которыя сами собою подвергались подъ перо, и между тѣмъ уже не годились для его поэзіи. Эта борьба съ устарѣлымъ слогомъ, уже не существующая для насъ, благодаря рѣшительной побѣдѣ Пушкина, должна была стоить ему многихъ трудовъ, потому что, несмотря на всѣ исправленія, оставила въ его стихахъ нѣкоторые слѣды. Теперь никто не будетъ отрицать, что у Пушкина часто встрѣчаются устарѣлыя и для его времени фразы. Ему было надобно много усилій, чтобы изгонять такихъ неотвязныхъ гостей.

Наконецъ мы позволяемъ себѣ высказать нѣкоторыя сомнѣнія относительно удобства для русскаго языка той версификаціи, которая господствуетъ со времени Ломоносова. Конечно, мы теперь чрезвычайно привыкли къ ней, благодаря отчасти самому Пушкину; тѣмъ не менѣе надобно сказать, что она не такъ натурально приходится къ свойствамъ нашего языка, какъ, напримѣръ, къ свойствамъ нѣмецкаго, изъ котораго была заимствована безъ всякихъ переменъ и приноровленій. Хотя столь общій эпизодъ, относящійся вообще къ русской поэзіи, можетъ показаться не совсѣмъ уместнымъ въ статьѣ о сочиненіяхъ одного поэта, но до сихъ поръ для большей части и читателей и поэтовъ произведенія Пушкина остаются „образцовою книгою русской поэзіи“ и какой же лучшей случай можетъ быть найденъ для общаго взгляда на русскую версификацію, если не воспользоваться представляющимся теперь? Кромѣ того, если не Пушкинъ установилъ

нашу версификацію, то онъ упрочилъ преобладаніе въ ней тѣхъ или другихъ размѣровъ.

Пересмотрѣвъ любой стихотворный сборникъ, мы будемъ поражены преобладаніемъ ямба надъ всеми остальными размѣрами въ русской поэзіи. Но невозможно предположить всей огромности этого преобладанія, не взявъ на себя труда подвести итоги. Лучшій примѣръ — второй томъ новаго изданія, заключающій въ себѣ лирическія стихотворенія Пушкина до 1830 года (включительно). Вотъ общіе итоги размѣровъ всего этого собранія стихотвореній съ 1818 по 1830 годъ (не считаемъ лицейскихъ, еще не принадлежащихъ къ самостоятельнымъ произведеніямъ):

Ямбомъ написано	175	стихотвореній.
Хореемъ	29	—
Амфибрахіемъ	7	—
(Дактилемъ) гекзаметромъ	6	—
Анапестомъ	1	—

Кромѣ того, надобно замѣтить, что большая часть стихотвореній, написанныхъ не ямбическими размѣрами, принадлежитъ къ числу мелкихъ (эпиграммы, надписи, антологическія стихотворенія). Если мы не будемъ принимать ихъ въ расчетъ, у насъ на сто слишкомъ стихотвореній ямбическихъ остается семнадцать хорейческихъ, шесть амфибрахическихъ и одно анапестическое. Мы видимъ, что изъ остальныхъ размѣровъ, кромѣ ямбическаго, Пушкинъ писалъ почти только хорейскимъ (особенно съ 1828 года, какъ бы утомясь однообразіемъ ямба); а размѣры, имѣющіе трехсложныя стопы (дактиль, амфибрахій и анапестъ) употреблялъ чрезвычайно рѣдко. Но замѣчательно то обстоятельство, что эти немногія стихотворенія все принадлежатъ къ лучшимъ или любимѣйшимъ, по общему правилу, что все рѣдкое бываетъ или особенно удачно, или особенно неудачно*).

*) Амфибрахическія: 1) *Черная шаль*, 2) *Письмъ о вѣцехъ Олеть*, 3) *Подражаніе корану* («И путникъ усталый на Бога ропталъ,») 4) *Узникъ* («Сижу за рѣшеткой въ темницѣ сырой,») 5) *Кавказъ* («Кавказъ подо мною. Одинъ въ вышинѣ.») Только 6) *Вакхическая пѣсня* («Что смолкнулъ веселія гласъ,») быть можетъ почтена исключеніемъ. Единственное стихотвореніе, написанное анапестомъ: «Пью за здравіе Мери.»

На чемъ же основано такое господство ямба и отчасти хорей, изгоняющее всѣ другіе размѣры? Неужели дѣйствительно ямбъ — самый естественный для русскаго языка размѣръ? Такъ обыкновенно думаютъ; но не такъ на самомъ дѣлѣ. Двусложныя стопы (ямбъ и хорей) господствуютъ въ нѣмецкой версификаціи, потому что нѣмецкая рѣчь, говоря вообще, сама собою укладывается въ двусложныя стопы, имѣя равное число слоговъ съ удареніями и безъ удареній*). Не то въ русской рѣчи. Наши слова вообще многосложнѣе; мы не ставимъ болѣе одного ударенія на сложныхъ словахъ; гораздо рѣже, нежели нѣмцы, дѣлаемъ удареніе на мѣстоименіяхъ и частицахъ. Ужь поэтому можно предположить, что у насъ рѣчь не будетъ такъ натурально укладываться въ ямбы и хорей, какъ у нѣмцевъ, отъ которыхъ перешло къ намъ пристрастіе къ двусложнымъ стопамъ. Чтобы видѣть, въ какія стопы всего естественнѣе должна ложиться русская рѣчь, попробуемъ сосчитать количество удареній, въ ней находящихся. У насъ подъ руками вторая книжка *Современника* за нынѣшній годъ, и изъ нея мы возьмемъ три или четыре отрывка, потому что откуда ни брать ихъ, все равно: результатъ получится тотъ же самый. Вотъ нѣсколько строкъ изъ первой страницы повѣсти г. Писемскаго *Винювата ли она?* Отмѣчаемъ ударенія большими буквами,

«я жилъ одинъ, знакомыхъ не имѣлъ никог0 и единственнѣмъ моимъ развлеченіемъ было час0-два, по-три ходить по Тверскому бульвару, и, Богъ знаетъ, чег0 не передумать. Однажды я встрѣтилъ молодого человѣка, который прямо обратился ко мнѣ съ вопросомъ: не знаете ли ког0нибудь изъ вашихъ товарищей, кто бы приготовилъ меня въ университетъ? я посмотрѣлъ на него пристально; на видъ ему было лѣтъ осьмнадцать, одѣтъ онъ былъ небрежно, въ приемахъ его видна была безыечность. Лицо выразительно и съ глубокимъ отѣнкомъ меланхоли. — Если вамъ угодно, я могу взять это на себя, отвѣчалъ я.»

Всего 193 слога; удареній 66; $3 \times 66 = 198$. И такъ, только пяти слоговъ не достаётъ, чтобы количество слоговъ было второе

*) Не приводимъ примѣровъ; чтобы убѣдиться въ справедливости нашихъ словъ, стоитъ развернуть первую попавшуюся въ руки нѣмецкую книгу (конечно мы говоримъ о прозѣ), и сосчитать на нѣсколькихъ строкахъ количество удареній сравнительно съ количествомъ слоговъ, остающихся безъ ударенія; надобно только помнить, что въ нѣмецкомъ произношеніи на сложныхъ словахъ дѣлается по два ударенія. мелкія частицы также очень часто имѣютъ на себѣ удареніе и т. д.

больше количества удареній. Вотъ начало разсказа *Голубые глаза* :

«Въ одномъ изъ самыхъ многлюдныхъ кварталовъ Петербурга, въ большомъ и многлюдномъ домѣ жила мѣщанка Прасковья Ивановна. Въ продолженіе четырнадцати лѣтъ сряду помѣщалась она въ двухъ комнатахъ подвального этажа, въ самой глубинѣ двора.»

Всего 75 слоговъ и 25 удареній. Совпаденіе чиселъ точно до странности. Вотъ послѣдній отрывокъ — начало первой главы переводнаго романа *Часовщикъ* :

«я всегда хорошо ѣздилъ ; я охотникъ до лошадей и всегда гордился тѣмъ, что у меня самый рѣзвый рысакъ въ цѣлой провинціи. я никогда не отличался блестящими успѣхами въ свѣтѣ ; тѣмъ съ большимъ удовольствіемъ я сознаю что меня никто не обгонитъ въ чистомъ полѣ.»

83 слога и 27 удареній $3 \times 27 = 81$; слѣдовательно, только два слога лишнихъ противъ точнаго опредѣленія. Соединивъ итоги всѣхъ трехъ отрывковъ получимъ 351 слогъ и въ нихъ 118 удареній. $3 \times 118 = 354$. И такъ, уклоненіе отъ точнаго размѣра : на три слога одно удареніе (дактиль, амфибрахій, анапестъ) равняется только тремъ слогамъ на 351 слогъ или одной двадцатой. Близость удивительная.

Намъ кажется, что изъ этихъ цифръ нельзя не извлечь заключенія, что ямбъ и хорей, требующіе въ 30 слогахъ 15 удареній, далеко не такъ естественны въ русскомъ языкѣ, какъ дактили, амфибрахіи, анапесты, требующіе въ 30 слогахъ 10 удареній*).

У Жуковского было гораздо болѣе разнообразія въ размѣрахъ,

*) Слѣдимъ замѣтить, что изъ нашихъ словъ не слѣдуетъ, чтобы гекзаметръ (по преимуществу, дактилическій стихъ) былъ сродень русской версификаціи. Онъ рѣшительно нейдетъ къ ней по многимъ причинамъ. Точно также замѣтимъ, что если въ ямбическихъ и хорейскихъ стихахъ принято разрѣшеніе нѣкоторыя стопы оставлять безъ удареній, то это признавалось «вольностью», которой по мѣрѣ возможности старались избѣгать ; слѣдовательно затруднительность размѣра не отстранялась этимъ. Кроме того, допускаясь безъ всякихъ опредѣленныхъ правилъ, эта вольность разрушаетъ стройность стиха : въ нашихъ, такъ называемыхъ четырехстопныхъ ямбахъ, собственно читаемыхъ съ двумя удареніями какъ двухстопные стихи (двухстопные пеоническіе), безпрестанно встрѣчается необходимость считать и три ударенія, а иногда и всѣ четыре ; этотъ беспорядокъ не оскорбляетъ насъ только потому, что слишкомъ привыченъ намъ.

нежели у Пушкина; амфибрахій встрѣчается у него гораздо чаще; попадаетъ и дактиль (мы говоримъ не о гекзаметрахъ, которые, какъ бы ни были прекрасны, все-таки дурны) и анапестъ; Пушкинъ возвратился къ исключительному господству ямба. А между тѣмъ, кажется, что трехсложныя стопы (дактиль, амфибрахій, анапестъ) и гораздо благозвучнѣе и допускаютъ большее разнообразіе размѣровъ, и наконецъ, гораздо естественнѣе въ русскомъ языкѣ, нежели ямбы и хорей. О большей естественности ихъ невозможенъ и споръ, послѣ цифръ приведенныхъ нами. Не можемъ не замѣтить, что у одного изъ современныхъ русскихъ поэтовъ — конечно вовсе непреднамѣренно — трехсложныя стопы, очевидно, пользуются предпочтительною любовью передъ ямбомъ и хореемъ.

Обычаи нашего стихосложенія также очень стѣснительны для русскихъ риѣмъ. Было бы слишкомъ долго доказывать здѣсь исчисленіями и сличеніями, что въ нѣмецкомъ, французскомъ, англійскомъ языкѣ, находится гораздо большее, нежели въ русскомъ, число риѣмующихъ словъ, для каждаго слова; но представимъ хотя одинъ примѣръ изъ нѣмецкаго языка. Беремъ слово *Band*, и измѣняемъ по алфавитному порядку первую букву; получаемъ риѣмующія слова *fand*, *Hand*, *kannt*, *Kant*, *Land*, *Pfand*, *Rand*, *Sand*, *Wand* (всего 10); такихъ словъ въ нѣмецкомъ тысячи; но просимъ найти въ русскомъ хотя одинъ подобный случай. Вообще самое бѣглое сравненіе убѣждаетъ, что въ нѣмецкомъ (не говоря уже о французскомъ и англійскомъ), слова риѣмуютъ по принятымъ нынѣ правиламъ въ гораздо большемъ количествѣ*), нежели у насъ, потому риѣмы могутъ быть менѣе стѣснительны для поэта и для достоинства стиховъ.

Потому намъ кажется, что и рифма въ русскомъ языкѣ должна существовать съ нѣкоторыми особенными условіями, вытекающими

*) Главныя причины этого въ нѣмецкомъ языкѣ (котораго версификація удерживается у насъ доселѣ безъ всякихъ измѣненій, и качества котораго мы должны по этому имѣть въ виду): однообразіе въ расположеніи удареній, близость удареній къ концу (въ нѣмецкомъ удареніе бываетъ не далѣе предпоследняго слога; если оно на третьемъ отъ конца слогѣ, то послѣдній уже приобретаетъ свое особенное удареніе, достаточное для риѣмы, напр. *éwigkêit*, *Wissenschaft*) наконецъ самая краткость словъ. Много есть кромѣ того причинъ второстепенныхъ.

ми изъ сущности языка. Одинъ шагъ къ этому сдѣланъ уже поэтомъ, о которомъ мы говорили выше и который также любитъ дактилическую риѣму — это по крайней мѣрѣ разнообразить риѣмы. Но младость-радость; ночи-очи и т. д., кажется, нуждаются въ большей свободѣ, чтобы разорвать свой несносный союзъ. Русская риѣма, намъ кажется, могла бѣ довольствоваться не одинакостью, а подобностью звуковъ, какъ это бываетъ иногда у Кольцова. Конечно, это созвучіе должно быть сильно, рѣзко, чтобы быть замѣтнымъ.

Но въ томъ, что риѣма должна остаться необходимою принадлежностью русскаго стиха, невозможно сомнѣваться; вся исторія русскаго народнаго стихосложенія показываетъ его стремленіе приучить себя къ риѣмѣ. Точно также и различіе нашего языка съ нѣмецкимъ въ предпочтеніи одного размѣра другимъ, никакъ не должно вести къ заключенію, чтобы русская поэзія могла принять стихосложеніе простонародныхъ пѣсенъ; потому что сами пѣсни выказывали постоянное стремленіе подчиниться тѣмъ стопамъ, какія введены въ нашей литературной поэзіи. Стихосложеніе нашей народной поэзіи, само покидаетъ свои прежнія правила, учится новымъ, принятымъ нашею литературою со времени Ломоносова и тѣмъ само изобличаетъ свою слабость сравнительно съ новою версификаціею. Теперь ужь не только литераторы, но и народъ не могутъ возвратиться къ старинной формѣ пѣсни. Да и нельзя жалѣть о невозможности возстановить ея господство, потому что старинный нашъ размѣръ, каковы бы ни были его достоинства, слишкомъ поражаетъ своею монотонностью. Однако пора окончить наше отступленіе.

Изъ всѣхъ обстоятельствъ, имѣвшихъ вліяніе на привычку Пушкина посвящать много вниманія и усилій на обработку формы своихъ стиховъ, самое важное то, что Пушкинъ былъ по преимуществу поэтъ формы. Этимъ не хотимъ мы сказать, что существенное значеніе его въ исторіи русской поэзіи — обработка стиха; въ такой мысли отзывался бы слишкомъ узкій взглядъ на значеніе поэзіи въ обществѣ. Но дѣйствительно, существеннѣйшее значеніе произведеній Пушкина — то, что они прекрасны или, какъ любятъ нынѣ выражаться, художественны. Пушкинъ не

былъ поэтомъ какого нибудь опредѣленнаго возрѣнія на жизнь, какъ Байронъ, не былъ даже поэтомъ мысли вообще, какъ на примѣръ Гёте и Шиллеръ. Художественная форма *Фауста*, *Валленштейна*, *Чайльдъ-Гарольда* возникла для того, чтобы въ ней выразилось глубокое возрѣніе на жизнь; въ произведеніяхъ Пушкина мы не найдемъ этого. У него художественность составляетъ не одну оболочку, а зерно и оболочку вмѣстѣ.

Одна только опредѣленная сторона въ характерѣ содержанія можетъ быть уловлена у Пушкина: онъ хотѣлъ быть русскимъ историческимъ поэтомъ. *Борисъ Годуновъ*, *Полтава*, *Мѣдный Всадникъ*, *Арапъ Петра Великаго*, отчасти *Капитанская дочка*, были созданы не только художническою потребностью, но и желаніемъ выразить свое опредѣленное созерцаніе явленій русской исторіи. Но и здѣсь Пушкинъ остался вѣренъ самому себѣ: онъ не высказалъ ничего принадлежащаго ему; взгляды его на историческіе характеры и явленія былъ не болѣе, какъ отраженіе общихъ понятій. Петръ — великій человѣкъ, мудрый правитель; Карлъ — опрометчивый герой; Мазепа — коварный измѣнникъ — болѣе ничего не высказано въ *Полтавѣ* объ этихъ лицахъ. *Борисъ Годуновъ* повтореніе характеровъ и взглядовъ, высказанныхъ Карамзинымъ. Вообще, историческія произведенія Пушкина сильны общею психологическою вѣрностью характеровъ, но не тѣмъ, чтобы Пушкинъ прозрѣвалъ въ изображаемыхъ событіяхъ глубокой внутренней интересъ ихъ, какъ, на примѣръ, Гёте въ своемъ *Гётъ фонъ Берлихингенъ*, съ которымъ неудачно сближали *Бориса Годунова*. Говоря все это, мы повторяемъ мысли, высказанныя давно. Пушкинъ по преимуществу поэтъ-художникъ, не поэтъ-мыслитель; то есть, существенный смыслъ его произведеній — художественная ихъ красота. Если, однако, повторить вопросъ, которымъ занималась „чернь тупая“ еще при жизни поэта:

Зачѣмъ такъ звучно онъ поетъ?
 Напрасно ухо поражая,
 Къ какой онъ цѣли насъ ведетъ?
 О чемъ бренчить? чему насъ учить?
 Зачѣмъ сердца волнуешь, мучить,

Какъ своенравный чародѣй?
 Какъ вѣтеръ пѣснь его свободна,
 За то, какъ вѣтеръ и бесплодна;
 Какая польза намъ отъ ней?

Нынѣ можно отвѣчать на эти вопросы, очень основательные, гораздо спокойнѣе и гораздо выгоднѣе для значенія Пушкина въ исторіи нашего развитія, нежели отвѣчалъ на нихъ самъ Пушкинъ. Онъ по особености своего поэтического настроенія именно соотвѣтствовалъ если не всѣмъ, то по крайней мѣрѣ одной изъ важнѣйшихъ потребностей своего времени, которое впрочемъ, едва ли не должно еще назвать и нашимъ временемъ. Его произведенія могущественно дѣйствовали на пробужденіе сочувствія къ поэзіи въ массѣ русскаго общества, они умножили въ десять разъ число людей, интересующихся литературою и чрезъ то дѣлающихся способными къ воспринятію высшаго нравственнаго развитія. Онъ самъ прекрасно очертилъ это достоинство литературныхъ произведеній, говоря:

Плодять читателей они;
 Гдѣ есть повѣтріе на чтенье,
 Тамъ просвѣщенье, тамъ добро.

О нашей литературѣ, чтобъ она сохранила свою важность, какъ и вообще о нашей исторіи, должно судить, принимая въ соображеніе не требованія, приложимыя къ другимъ землямъ, а особенности положенія русскаго общества. Байронъ, если бы вздумалъ писать въ 1820 году по русски, не нашелъ бы себѣ и сотой доли того сочувствія, какое было пробуждено Пушкинымъ, и имѣлъ бы во сто разъ менѣе значенія для нашего развитія, нежели Пушкинъ. Теперь излишне доказывать это, когда для всѣхъ ясно, какъ былъ понимаемъ Байронъ самимъ Пушкинымъ, подобныхъ которому по степени развитія людей была тогда въ Россіи горсть. Но есть и другой примѣръ. Шиллеръ былъ, кажется, гораздо доступнѣе для непрigотовленнаго челоувѣка, нежели Пушкинъ. Жуковскій перевелъ Шиллера. Поняли ль его? Оцѣнили ль сколько нибудь? Нѣтъ, эффектъ производилъ не *Кубокъ*, не *Торжество побѣдителей*, а пустыя *Людмила* или *Ленора* и нелѣпыя баллады

Сауди *О томъ, какъ старушка ѣхала на конь, и кто ѣхалъ съ нею*; вѣдь Жуковский для своихъ читателей имѣлъ интересъ какъ „Балладникъ,“ а не какъ переводчикъ Шиллера. Періодъ, представителемъ потребностей котораго былъ Пушкинъ, не совершенно еще окончился; и современная русская литература, много отличаясь отъ литературы 1820—1835 годовъ, имѣетъ еще съ нею гораздо больше общности, нежели различія по своему значенію. Это доказывается, между прочимъ, на примѣръ, тѣмъ, что большинство даже избраннѣйшихъ читателей, еще предпочитаетъ Пушкина Гоголю. И сообразно своимъ потребностямъ, этотъ многочисленнѣйшій разрядъ общества совершенно правъ. Говоря о значеніи Пушкина въ исторіи развитія нашей литературы и общества, должно смотрѣть не на то, до какой степени выразились въ его произведеніяхъ различныя стремленія, встрѣчаемыя на другихъ ступеняхъ развитія общества, а принимать въ соображеніе настоящнѣйшую потребность и тогдашняго и даже нынѣшняго времени — потребность литературныхъ и гуманныхъ интересовъ вообще. Въ этомъ отношеніи значеніе Пушкина неизмѣримо велико. Черезъ него разлилось литературное образованіе на десятки тысячъ людей, между тѣмъ какъ до него литературные интересы занимали не многихъ. Онъ первый возвелъ у насъ литературу въ достоинство національнаго дѣла, между тѣмъ какъ прежде она была, по удачному заглавію одного изъ старинныхъ журналовъ, „пріятнымъ и полезнымъ препровожденіемъ времени“ для тѣснаго кружка дилетантовъ. Онъ былъ первымъ поэтомъ, который сталъ въ глазахъ всей русской публики на то высокое мѣсто, какое долженъ занимать въ своей странѣ великій писатель. Вся возможность дальнѣйшаго развитія русской литературы была приготовлена и отчасти еще готовится Пушкинымъ.

Но если Пушкинъ по преимуществу поэтъ-художникъ, если въ его произведеніяхъ выразилось не столько развитіе поэтическаго содержанія, сколько развитіе поэтической формы, то нельзя забывать, что Пушкинъ, не будучи по преимуществу ни мыслителемъ, ни ученымъ, былъ человѣкъ необыкновеннаго ума и человѣкъ чрезвычайно образованный; не только за тридцать

лѣтъ назадъ, но и нынѣ въ нашемъ обществѣ немного найдется людей, равныхъ Пушкину по образованности. Потому, хотя въ его произведеніяхъ не должно искать главнѣйшимъ образомъ глубокаго содержанія, ясно сознанныго и послѣдовательнаго, за то каждая страница его кипитъ умомъ и жизнью образованной мысли. Еслибъ читатели по преимуществу искали въ немъ содержанія, они бы вѣроятно потребовали большаго; но они не искали, не требовали, и содержаніе давалось имъ невзначай, безъ просьбы съ ихъ стороны, и для нихъ это содержаніе было такъ обильно и глубоко, что они едва могли выносить это тяжелое для непривычнаго человѣка богатство. Каждый стихъ, каждая строка бѣглыхъ замѣтокъ Пушкина затрогивала, возбуждала мысль, если читатель могъ пробудиться къ мысли. Это значеніе Пушкинъ продолжаетъ еще сохранять до нашего времени. Ограничимся примѣрами, относящимися спеціально къ понятіямъ о русской литературѣ. Что Пушкинъ не былъ рожденъ критикомъ, это до очевидности обнаруживаютъ его сужденія о современныхъ ему русскихъ писателяхъ; если въ этихъ мнѣніяхъ оставимъ хоть одну сотую часть искренности, относя остальное къ любезности и добродушію Пушкина, то надобно будетъ сказать, что Пушкинъ смотрѣлъ на хвалимыя произведенія очень наивно. А между тѣмъ и тутъ найдемъ у него много вѣрныхъ замѣчаній; а сколько проницательности, вѣрности въ его бѣглыхъ замѣчаніяхъ о предшествовавшей ему русской литературѣ! Такъ на примѣръ, три или четыре длинныя и глубокомысленныя статьи о Княжнинѣ, приносящія величайшую честь ихъ автору, составились изъ перифраза двухъ словъ, невзначай сказанныхъ Пушкинымъ: „Переимчивый Княжнинъ.“ Подобныя же исторіи произошли съ бѣглыми замѣтками Пушкина о Фонъ-Визинѣ, Ломоносовѣ и проч. Интересно знать, многіе ли даже и нынѣ постигнутъ справедливость замѣтокъ Пушкина о Державинѣ, или слѣдующей:

«...Стихотворство для Ломоносова было иногда забавою, чаще должностнымъ упражненіемъ.»

Сумарокова Пушкинъ называетъ „бездарнѣйшимъ изъ подражателей“ а о русской литературѣ конца XVIII и начала XIX вѣка судитъ онъ такъ:

«Ничтожество общее. Французская обмельчавшая словесность envahit tout; знаменитые писатели не имѣютъ ни одного послѣдователя въ Россіи: но бездарные писаки, грибы, выросшіе у корней дубовъ: Дорать, Флоріанъ, Мармонтель, Гимаръ, М-те Жанлисъ, овладѣвають русскою словесностью.»

Если многіе изъ нынѣшнихъ критиковъ и историковъ литературы и теперь задумываются надъ этими словами, то можно судить, сколько ума и проницательности долженъ былъ имѣть человѣкъ, высказывавшій такія мнѣнія въ 1825 году, и какъ многому было можно (и до сихъ поръ должно) учиться у него, о чемъ бы ни заговорилъ онъ, чего бы ни коснулся.

Вообще вліяніе человѣка, одареннаго такимъ огромнымъ умомъ и такъ высоко стоявшаго по своей образованности, какъ Пушкинъ, было неизмѣримо важно для развитія читателей, имъ созданныхъ и очарованныхъ его геніальнымъ талантомъ. Въ исторіи русской образованности Пушкинъ занимаетъ такое же мѣсто, какъ и въ исторіи русской поэзіи. Будемъ же читать и перечитывать творенія великаго поэта, и съ признательностью думая о значеніи ихъ для русской образованности, повторять вслѣдъ за нимъ:

Да здравствуютъ Музы, да здравствуетъ Разумъ!

И да будетъ безсмертна память людей, служившихъ Музамъ и Разуму, какъ служилъ Пушкинъ.

Пропицен. *Сборникъ статей по классической древности, издаваемый П. Леонтьевымъ. Книги III и IV. Москва, 1853—1854.*

СТАТЬЯ ПЕРВАЯ. *)

Положеніе человѣка, который не приобрѣлъ привычки читать книги ни на одномъ языкѣ, кромѣ русскаго, но хочетъ однако познакомиться съ всеобщей исторіею, очень невыгодно. Отрывочныя статьи, разбѣяныя по журналамъ, — вотъ почти все, что представляетъ ему русская литература. Въ самомъ дѣлѣ, можно по пальцамъ пересчитать заслуживающія вниманія русскія книги по всеобщей исторіи: 1) *Исторія Аѳинской Республики* отъ убіенія Гиппарха до смерти Мильтіада, г. Куторги; 2) *О поклоненіи Зевсу въ древней Греціи*, г. Леонтьева; 3) *Судьбы Италіи въ средніе вѣка*, г. Кудрявцева; 4) *Аббатъ Суперій*, г. Грановскаго. Затѣмъ остается только лучшій у насъ учебникъ г. Лоренца. И такъ — отрывокъ изъ аѳинской исторіи, отрывокъ изъ греческой міѳологіи, отрывокъ изъ исторіи Италіи въ средніе вѣка, отрывокъ изъ исторіи Франціи XII вѣка, вотъ нашъ собственный историческій архивъ. Не довольствуясь этими прекрасными отрывками и разсказами учебника, любознательный русскій читатель, конечно, долженъ будетъ обратиться къ переводамъ историческихъ книгъ. Не многимъ обильнѣе будутъ его находки и на этомъ полѣ; вотъ онѣ, всѣ безъ исключенія, какія только имѣютъ хотя малѣйшее достоинство: *Всемирная Исторія*, Беккера (шесть частей, обнимающія древнюю и среднюю исторію), сочиненіе, заслуживающее чтенія только за недостаткомъ лучшаго; извлеченіе изъ Герена, составленное г. Погодинымъ; *Исторія Греціи*, Гиллиса (книга, потерявшая всякую цѣну и переведенная

*) *Современникъ* 1855, № 4. — Критика.

смѣсью польскаго языка съ русскимъ, такъ что ее невозможно читать), *Кесари*, Шампаньи (одинъ отрывокъ о Неронѣ); *Разказы о временахъ Меровинговъ*, Тьерри; *Исторія крестовыхъ походовъ*, Мишо; *Исторія Карла V*, Робертсона (оба эти сочиненія далеко не соотвѣтствуютъ настоящему положенію науки, и языкъ перевода въ той и другой книгѣ устарѣлъ); *Изображеніе переворотовъ въ системѣ европейскихъ государствъ*, Ансильона (книга, также очень устарѣвшая); *Римскіе Папы*, Ранке (дурной переводъ) — и конецъ всему, кромѣ исторіи Наполеона, которой посчастливилось обратить на себя особенное вниманіе переводчиковъ; на русскомъ языкѣ существуютъ: *Записки* Бурьена, герцогини Абрантесъ и Жюмини, *Исторія Наполеона*, Вальтеръ-Скотта; *Исторія Консульства и Имперіи*, Тьера и компиляція Полеваго: *Исторія Наполеона*. Такимъ образомъ составленіе полной русской библіотеки по всеобщей исторіи не разорить и бѣдняка. Изъ купленныхъ имъ книгъ онъ довольно подробно (если не довольно хорошо) познакомится съ исторіею Наполеона; затѣмъ съ удовольствіемъ и пользою прочитаетъ сочиненія гг. Грановскаго, Кудрявцева, Куторги и Леонтьева; узнаетъ очень хорошо времена Меровинговъ изъ разказовъ Тьерри; узнаетъ кое-что о Неронѣ, отъ Шампаньи, о крестовыхъ походахъ, отъ Мишо, о Карлѣ V, отъ Робертсона, о Папахъ XVI—XVII вѣковъ, на сколько то позволить ему русскій переводчикъ Ранке; а потомъ? потомъ можетъ отдыхать на лаврахъ, справедливо гордясь тѣмъ, что поглотилъ всю историческую мудрость на русскомъ языкѣ, или (и мы совѣтуемъ ему сдѣлать эго) можетъ читать сочиненія, доселѣ остающіяся на русскомъ языкѣ лучшими по своему предмету: *Древняя исторія объ египтянахъ, о карфагенянахъ, объ ассиріянахъ и о грекахъ*, Ролленя; *Римская исторія*, Ролленя и *Исторія о Римскихъ императорахъ*, Кривіера и Ролленя, всѣ три переведены трудами и тщаніемъ Василя Тредіаковскаго. Это, повторяемъ, сочиненія еще ничѣмъ незамѣнимыя для русскаго читателя, и да будетъ почтенъ нашу признательностью трудолюбивый ученый, который, быть можетъ, и не надѣялся, что переводы его будутъ заслуживать чтенія къ 1855 году.

Чѣмъ же можно объяснить такое странное положеніе русской литературы по всеобщей исторіи? Предоставляемъ каждому читателю объяснять его, чѣмъ угодно, а намъ кажется, что тутъ нечего и объяснять: „на *нѣтъ* и суда *нѣтъ*.“ Просмотрѣвъ другіе отдѣлы наукъ, мы увидимъ тоже самое, что въ историческомъ отдѣлѣ; слѣдовательно фактъ имѣеть такую всеобщность, которая очень ясно говоритъ о своихъ причинахъ. Если не издаются книги, то, вѣроятнѣе всего, потому что нѣтъ на нихъ требованія. Кому эта причина кажется недостаточною, можетъ отыскивать другія.

Какъ бы то ни было, но интересно слѣдующее замѣчаніе. Большая часть исчисленныхъ нами сочиненій переведены въ 1830 — 1840 годахъ; два или три принадлежатъ 1840 — 1850; въ послѣднія пять или шесть лѣтъ не было переведено ни одно историческое сочиненіе, заслуживающее вниманія. Если угодно, можно объяснять это упадкомъ книжной торговли.

Никто не удивится малочисленности оригинальныхъ сочиненій, издаваемыхъ у насъ по всеобщей исторіи: силы бѣльшаго числа современныхъ ученыхъ, занимающихся исторіею, сосредоточены на разработываніи русской исторіи; это очень естественно. Несмотря на всѣ многочисленныя и прекрасныя труды по этой части, мы еще слишкомъ недостаточно знакомы съ нею, и русская исторія, важнѣйшая для насъ, какъ своя родная, съ тѣмъ вмѣстѣ есть самая привлекательная для неутомимыхъ изслѣдователей потому, что обѣщаетъ самое обильное поле для новыхъ открытій, самостоятельныхъ взглядовъ, вообще для пріобрѣтенія ученой славы. Кромѣ того, пріятно трудиться на такомъ поприщѣ, гдѣ трудъ оцѣняется по достоинству читателями; а у насъ теперь ужъ есть публика, если не слишкомъ многочисленная, то все же состоящая не изъ десяти или двадцати человѣкъ, способная основательно судить о достоинствѣ трудовъ по русской исторіи. Между тѣмъ люди, издающіе сочиненія по другимъ частямъ исторіи, до сихъ поръ остаются одинокими, едва находя нѣсколько разрозненныхъ цѣнителей своимъ трудамъ.

Потому нѣтъ ничего удивительнаго, если этихъ трудовъ является очень мало. Но почему бы, казалось, не знакомить русскую

публику съ лучшими сочиненіями по всеобщей исторіи посредствомъ переводовъ? Работа эта неутомительна; успѣхъ ея не могъ бы, кажется, подлежать сомнѣнію; по наслышкѣ всякій знаетъ о важнѣйшихъ достоинствахъ знаменитѣйшихъ историческихъ сочиненій; притомъ же большая часть изъ нихъ писаны очень увлекательно, и могутъ всякаго, сколько нибудь любящаго чтеніе человѣка заинтересовать не только содержаніемъ, но и самымъ изложеніемъ. А между тѣмъ все-таки они остаются у насъ извѣстны только по именамъ. Найдти причину тому чрезвычайно трудно для того, кто не захочетъ удовольствоваться прекрасною пословицею, на которую сослались мы выше.

Ужели, въ самомъ дѣлѣ, историческая литература не нашла бы у насъ ни поддержки, ни сочувствія со стороны публики? Но вѣдь этотъ вопросъ совершенно равняется другому: неужели любознательность не привилась еще къ нашей публикѣ? Потому что, какую отрасль знанія можетъ интересоваться публика, которой не интересуется исторія? Можно не знать, не чувствовать влеченія къ изученію математики, греческаго или латинскаго языковъ, химіи, можно не знать тысячи наукъ, и все-таки быть образованнымъ человѣкомъ; но не любить исторіи можетъ только человѣкъ, совершенно неразвитый умственно.

Или публика можетъ довольствоваться двумя-тремя историческими статьями, которыя помѣстилъ журналъ въ теченіе года? Всѣ наши журналы, какими бы титулами они себя ни называли, по преимуществу литературные; ни одинъ изъ нихъ не можетъ удѣлять болѣе четырехъ или пяти листовъ въ мѣсяцъ чисто ученому отдѣлу; иначе онъ измѣнилъ бы своему существенному назначенію. Можно до нѣкоторой степени понять возможность того, что журналы наши поглотили беллетристику, хотя это не свидѣтельствуетъ о массивности объема поглощенной ими отрасли литературы; но какимъ образомъ немногія страницы отдѣла наукъ могутъ, не говоримъ поглощать науку, но даже удовлетворять тѣхъ читателей, которые интересуются чѣмъ нибудь, кромѣ беллетристики? Ужели довольно прочесть три-четыре печатныхъ листа, чтобъ удовольствоваться на цѣлый мѣсяцъ?

Или всѣ наши любознательные люди удовлетворяютъ своей

жаждѣ знанія чтеніемъ на иностранныхъ языкахъ? Объ этомъ рѣдко случается слышать; но постоянно слышится общая мысль, будто бѣ у насъ публика чрезвычайно пристрастилась къ иностраннымъ книгамъ. Мнѣніе, совершенно ложное. Во всѣхъ другихъ европейскихъ земляхъ чтеніе на иностранныхъ языкахъ вошло въ нравы публики гораздо глубже, нежели у насъ. Можно видѣть въ русскомъ обществѣ какіе угодно недостатки, но ужъ навѣрное самый неосновательнѣйшій изъ упрековъ — мнимое пристрастіе къ иноземному, о которомъ такъ часто толкуютъ, и тѣмъ подтверждаютъ извѣстную аксіому, что каждый любитъ обвинять себя въ тѣхъ недостаткахъ, которыхъ не имѣетъ, съ чрезвычайною осторожностью избѣгая прикосновенія къ своимъ дѣйствительно слабымъ сторонамъ. Нѣтъ народа, который не любилъ бы своего родного, нѣтъ народа, который не уважалъ бы себя до чрезвычайности, начиная отъ китайцевъ и кончая сѣвероамериканцами.

Русскихъ часто сравниваютъ съ сѣвероамериканцами, по большей части несправедливо; но эти два народа, столь противоположные, совершенно сходятся между собою въ томъ, что у обоихъ чувство національной гордости развито необыкновенно сильно, какъ ни въ одной изъ другихъ цивилизованныхъ націй. Русскій издавна привыкъ считать свой народъ первымъ въ мірѣ. И, чтобъ указать примѣръ, скажемъ опять, что ни въ одной изъ европейскихъ земель не читаютъ такъ мало на иностранныхъ языкахъ, какъ въ Россіи. Развѣ у насъ было бы возможно перепечатывать французскія книги (о нихъ исключительно идетъ рѣчь, когда говорятъ о пристрастіи къ иностраннымъ языкамъ), какъ, напримѣръ, перепечатываются въ Лейпцигѣ англійскія, и до запрещенія перепечатки, въ Парижѣ не только нѣмецкія и англійскія, но даже итальянскія и испанскія? Да у насъ это раззорило бѣ издателя; *Revue Étrangère*, этотъ очень маленькій по объему журналъ, имѣетъ возможность существовать только благодаря своей чрезвычайно высокой цѣнѣ. Откуда жъ взялось предубѣжденіе, будто бы у насъ чрезвычайно много людей, любящихъ читать по французски? Оттого, что наши беллетристы до самаго послѣдняго времени преимущественно принадлежали

или старались показать, что принадлежать къ немногочисленному кругу людей, воспитываемыхъ на французскомъ языкѣ (кругу, который въ Англіи и Германіи гораздо обширнѣе, нежели у насъ), и привычки этихъ немногихъ переносили на все общество, вовсе не причастное великосвѣтскому блеску. Однимъ словомъ, мнѣніе о пристрастіи къ иноземному на столько же выдерживаетъ критику, какъ существовавшія когда-то у насъ повѣсти изъ великосвѣтской жизни, и ему давно пора-бъ исчезнуть, подобно этимъ повѣстямъ.

А если чтеніе беллетристическихъ произведеній на французскомъ языкѣ очень мало распространено въ нашемъ обществѣ, то еще слабѣе привычка читать серьезныя книги на иностранныхъ языкахъ. Конечно, люди по призванію занимающіеся ученою или литературною дѣятельностію, ни въ одной изъ европейскихъ земель не могутъ избавиться отъ этой необходимости; но и тутъ надобно сказать, что у насъ они гораздо чаще, нежели, на примѣръ, въ Германіи или Франціи, ограничиваются только однимъ изъ иностранныхъ языковъ. Но мы говоримъ не о нихъ. Гизо переводится на англійскій языкъ не для Маколея, а Ранке на французскій не для Тьера. Во всѣхъ націяхъ число любознательныхъ людей, читающихъ книги только на своемъ языкѣ, безконечно превышаетъ ту горсть людей, которымъ легко доступны чуждыя литературы. Потому наука дѣлается достояніемъ общества только въ той мѣрѣ, въ какой передается на его языкѣ. И ни объ одномъ изъ европейскихъ народовъ нельзя сказать этого такъ полно, какъ о русскомъ. Это извѣстно каждому, кто живетъ не исключительно въ ученое или литературное кружкѣ.

Какія длинныя разсужденія, чтобъ доказать простую истину, что у насъ, какъ и вездѣ, на одного читающаго иностранную историческую книгу, должны приходиться если не сотни, то навѣрное десятки людей, желающихъ прочесть ее на родномъ языкѣ! Что дѣлать! Чувствуешь потребность оградить самого себя, не только другихъ, отъ сомнѣній въ существованіи этого факта, когда видишь, какъ мало отражается онъ въ нашей дѣйствительной литературной жизни, когда видишь, что историческихъ книгъ на русскомъ языкѣ нѣтъ (кромѣ книгъ по русской

исторіи) — поневоля чувствуешь влеченіе усумниться въ существованіи потребности на нихъ. Быть и не обнаруживаться — какое странное сочетаніе качествъ у этой загадочной любознательности! Много трудныхъ противорѣчій соглашала нѣкогда нѣмецкая философія; но этого не могла бы согласить и она. Нѣтъ, никакія соображенія не могутъ доказать существованія того, что не обнаруживается; сказать: „да, я не сомнѣваюсь“ все-таки зависитъ отъ доброй воли. Потому, не считая другихъ обязанными непременно раздѣлять наше мнѣніе, мы принуждены ограничиться, по правиламъ старинной логики, условнымъ силлогизмомъ: если въ обществѣ есть любознательность, то эта любознательность должна быть болѣе всего обращена на исторію; а если есть потребность исторической литературы, то очень прискорбно и еще болѣе удивительно, что историческая литература не существуетъ или почти не существуетъ. Мы хотимъ думать, что любознательность и потребность есть. Другіе могутъ думать иначе, если у нихъ достанетъ на то твердости характера.

Но мы видимъ въ *Пропилеяхъ* удовлетвореніе той потребности исторической литературы, которую хотимъ признавать. По прежнему или даже болѣе, нежели прежде, остается совершенно скудна наша литература по средней и новой исторіи. По крайней мѣрѣ, благодаря изданію г. Леонтьева, на русскомъ языкѣ ежегодно выходитъ теперь прекрасная книга по древней исторіи. Мы не хотимъ пока говорить о безотносительныхъ достоинствахъ *Пропилей* — объ этомъ послѣ — въ настоящемъ положеніи нашей литературы *Пропилеи* представляютъ драгоцѣннѣйшее для насъ явленіе ужъ потому, что служатъ единственнымъ органомъ ученой дѣятельности по всеобщей исторіи на русскомъ языкѣ.

Нѣтъ надобности много говорить о томъ, какъ важенъ въ исторіи отдѣлъ, занимаемый классическимъ міромъ. Довольно указать нѣсколькими словами на главнѣйшія причины, по которымъ тѣсное знакомство съ греческою и римскою жизнью доселѣ продолжаетъ считаться однимъ изъ необходимѣйшихъ знаній въ кругѣ общаго образованія. Римляне, и особенно греки, достигали такой степени цивилизаціи, что новая Европа только въ самое послѣднее время, говоря вообще, стала выше ихъ. До начала или

даже до половины прошедшаго вѣка древніе сохраняли передъ новыми рѣшительное преимущество въ бѣльшей части сторонъ умственной и даже матеріальной жизни, по справедливости считались учителями нашихъ европейскихъ предковъ. Теперь вообще отношеніе измѣнилось. Новая Европа превзошла своимъ развитіемъ цивилизацію классическаго міра; тѣмъ не менѣе очень во многомъ еще остаются для насъ греки примѣромъ. Мы говоримъ не только о ихъ скульптурѣ и архитектурѣ, но также и о многихъ, болѣе существенныхъ сторонахъ жизни. Кромѣ того, даже и въ тѣхъ отрасляхъ развитія, гдѣ мы стали выше древнихъ, чрезвычайно поучительно знать, какъ думали и дѣйствовали геніальные предшественники, при совершенно другихъ условіяхъ жизни. Сравнивая текущіе вопросы съ общимъ историческимъ ходомъ классическаго міра, мы легче понимаемъ существенный ходъ событій и въ новой Европѣ. Наконецъ, каково бы ни было значеніе классическаго міра относительно новѣйшей цивилизаціи, его исторія пріобрѣтаетъ чрезвычайную важность въ системѣ общаго образованія потому, что обыкновенно обрабатывается гораздо полнѣе и удовлетворительнѣе для истинной любознательности, нежели исторія новой Европы. Давно ужъ всѣ толкуютъ о томъ, что исторія должна знакомить насъ съ ходомъ развитія обществъ и народовъ, а не только съ военными событіями и сухими именами, неимѣвшими существенной важности для нравственной и экономической жизни народовъ. Но до сихъ поръ только при изложеніи древней исторіи эти понятія довольно замѣтно прилагаются къ дѣлу большею частью историковъ. Греческіе мифы, законодательство Ликурга, общественныя отношенія въ Спартѣ и Аѣинахъ, развитіе наукъ и искусствъ, торговли и нравовъ — все это болѣе или менѣе обращаетъ на себя вниманіе каждаго, пишущаго о греческой исторіи; возникновеніе и развитіе общественныхъ отношеній въ Римѣ подробно излагается въ каждой книгѣ, называющейся римскою исторіею. Очень рѣдко можно встрѣтить такой объемъ содержанія въ книгахъ, говорящихъ о новой исторіи. Двѣ-три сухіе фразы о порчѣ или улучшеніи нравственности, краткій и безплодный перечень извѣстнѣйшихъ ученыхъ — вотъ все, что мы найдемъ въ большей части сочиненій, излагающихъ

исторію Франціи, Англіи, Германіи. Потому надобно сказать, что при нынѣ господствующемъ характерѣ изложенія, изъ всѣхъ отдѣловъ исторіи древній — самый способный удовлетворять любознательности читателя, желающаго знать исторію въ истинномъ ея смыслѣ. Бытъ народовъ доселѣ излагаетъ одна только древняя исторія.

Такъ ужъ самое заглавіе, которое далъ г. Леонтьевъ своему изданію, выражаетъ, что этотъ сборникъ преимущественно посвященъ самой важной части исторіи — быту народовъ; онъ называетъ свои *Пропилеи* сборникомъ статей по классической древности; подобное заглавіе едва ли было-бъ найдено для сборника статей по новой исторіи, потому что трудно найти даже слово, которое выражало бъ огромную важность изученія быта въ исторіи новыхъ временъ, какъ выражаетъ его слово „древности,“ когда говорится объ отдаленныхъ временахъ. Заглавію соотвѣтствуетъ и содержаніе сборника, въ которомъ равно обширное мѣсто съ разказами о событіяхъ занимаютъ статьи по исторіи литературы, искусства, о нравахъ и общественныхъ отношеніяхъ. Едва ли кто нибудь захотѣлъ бы уступить двѣ трети страницъ этимъ послѣднимъ отдѣламъ, издавая сборникъ по новой исторіи; а если бъ и захотѣлъ, не нашелъ бы статей. На десять человекъ, занимающихся исключительно громкими событіями и именами, едва ли найдется между изслѣдователями новой исторіи одинъ, обращающій главное вниманіе на развитіе истинно важныхъ вопросовъ и элементовъ исторической жизни.

Ученое изданіе, подобное *Пропилеямъ* должно имѣть на русскомъ языкѣ двоякую цѣль; во первыхъ, знакомить русскихъ читателей съ классическимъ міромъ, передавать факты изъ его жизни и понятія о нихъ, насколько они ужъ утвердились въ современной наукѣ; если мы не ошибаемся, самъ издатель, посвящая свою дѣятельность въ первыхъ трехъ книгахъ преимущественно трудамъ подобнаго рода, считалъ эту цѣль важнѣйшею. Она дѣйствительно и придаетъ живое значеніе его сборнику. Мы видѣли обиліе русской литературы по древней исторіи; положеніе дѣла таково, что болѣе или менѣе остроумныя, глубокомысленныя изслѣдованія о специальныхъ вопросахъ, которые могутъ быть

очень важны для спеціалистовъ, но лишены значенія или недоступны для большинства любознательныхъ людей, для насъ вовсе еще не такъ нужны, какъ основательные трактаты о важнѣйшихъ и общеинтересныхъ предметахъ науки; пусть эти статьи будутъ представлять мало неизвѣстнаго глубокимъ спеціалистамъ, стоящимъ совершенно въ уровень съ развитіемъ науки — число такихъ читателей у насъ очень ограничено. Огромное большинство людей, удовлетворять потребностямъ которыхъ должно русское изданіе по всеобщей исторіи, желаетъ не столько того, чтобъ имъ двигалась впередъ наука въ абстрактномъ смыслѣ, а того, чтобы раздвигались границы знанія, доступнаго русскому читателю. Пусть большая часть помѣщаемыхъ въ *Пропилеяхъ* статей не содержатъ въ себѣ почти ничего новаго для ихъ ученаго издателя; если эти статьи будутъ написаны основательно, онѣ будутъ совершенно новостью для девяти изъ ста его читателей. Распространить въ публикѣ знакомство съ классическою древностью, вотъ для чего собственно и нужно изданіе, подобное *Пропилеямъ*. Но само собою разумѣется, что статья, подписанная именемъ извѣстнаго ученаго, или проливающая новый свѣтъ на одинъ изъ темныхъ вопросовъ науки, должна также съ радостью быть принята во всякое изданіе, на какомъ бы языкѣ оно ни печаталось. Дѣлая многое для многихъ, тѣмъ пріятнѣе дать что нибудь пріятное и для не многихъ; поставляя главною цѣлью изданія общую пользу, не бесполезно сообщить ему и чисто ученый блескъ, украсивъ его нѣсколькими статьями, имѣющими высокое достоинство не только для читателей, но и для самой науки.

Въ этомъ отношеніи есть очень замѣтное различіе между характеромъ двухъ томовъ *Пропилей*, которые мы теперь разсматриваемъ. Въ третьемъ преобладаютъ статьи, имѣющія главною цѣлью передать на русскомъ языкѣ въ самостоятельной формѣ результаты, которыхъ уже достигла наука или вообще содѣйствовать распространенію у насъ знакомства съ классическою древностью; въ четвертомъ, напротивъ, большая часть статей занята изслѣдованіями о спеціальныхъ вопросахъ, и имѣютъ въ виду не столько массу читателей, сколько самую науку. Будемъ и за тотъ и за другой томъ благодарны издателю; пожелаемъ только того, чтобы

въ слѣдующихъ томахъ его полезнаго и прекраснаго изданія нашлось опять мѣсто для втораго отдѣла, представляющаго „свѣдѣнія о трудахъ новѣйшихъ ученыхъ,“ какъ находилось оно въ первыхъ трехъ томахъ: мы увѣрены, что общій приговоръ читателей признавалъ, напримѣръ, статьи г. Леонтьева, заключающія подробное критическое изложеніе *Исторіи Греціи* Грота, принадлежащими къ числу самыхъ важныхъ во всемъ изданіи. Быть можетъ даже многіе скажутъ, что для нихъ было бы пріятно, еслибъ двѣ или три изъ статей о древностяхъ и развалинахъ сѣвернаго берега Чернаго моря были отложены для слѣдующаго тома съ тѣмъ, чтобы дать въ четвертомъ мѣсто продолженію статей ученаго издателя о Гротѣ или г. Грановскаго о лекціяхъ Нибура. Надобно желать расширенія, а ни какъ не стѣсненія или прекращенія прекрасному второму отдѣлу *Пропилей*. Вотъ единственное замѣчаніе какое можетъ сдѣлать самая строгая критика изданію г. Леонтьева, взятому въ цѣломъ.

Обозрѣвая отдѣльныя статьи, помѣщенныя въ двухъ послѣднихъ томахъ *Пропилей*, мы распредѣлимъ ихъ по характеру содержанія на относящіяся къ литературѣ, искусству, нравамъ и собственно такъ называемой исторіи древняго міра, относя къ послѣднему разряду и чисто археологическія статьи о древностяхъ сѣвернаго берега Чернаго моря.

Первое мѣсто въ литературномъ отдѣлѣ *Пропилей* всѣ читатели конечно отдадутъ началу перевода *Илиады*, (пѣснь первая и большой отрывокъ изъ второй), Жуковскаго. Эти остатки недоконченнаго труда, которымъ хотѣлъ увѣнчать Жуковский свою поэтическую дѣятельность, напечатаны, съ отдѣльною нумераціею страницъ, въ четвертомъ томѣ. По той же системѣ, какой слѣдовалъ поэтъ при переводѣ *Одиссеи*, онъ поручилъ нѣмецкому филологу, г. Фишингеру, приготовить для себя подстрочный нѣмецкій переводъ *Илиады*, и перелагалъ этотъ переводъ въ русскіе стихи.

Нѣтъ сомнѣнія, что отрывки *Илиады*, являющіеся теперь, возбуждаютъ до нѣкоторой степени вниманіе публики къ вопросу о переводѣ Гомера на русскій языкъ, и въ особенности о переводахъ Жуковскаго. Въ самыхъ *Пропилеяхъ* явилась уже написанная

по этому поводу статья г. Каткова: *Нѣсколько словъ о попыткахъ переводить Гомера простонароднымъ языкомъ*. Потому считаемъ обязанностью нѣсколько остановиться на этихъ вопросахъ. Г. Катковъ совершенно справедливо доказываетъ, что переводить *Илиаду* простонароднымъ языкомъ, какъ пытались нѣкоторые, такая же вопіющая несообразность, какъ напримѣръ, переводя комедіи Аристофана, замѣнять особенное нарѣчіе Спартанскихъ пословъ малорусскимъ или костромскимъ. Это значило бы сообщать переводу колоритъ, несвойственный подлиннику, дѣлать фальшивый переводъ. Совершенно справедливо. Но именно по этому самому невозможно согласиться съ мнѣніемъ г. Каткова, что Гомеръ можетъ быть переводимъ устарѣлымъ языкомъ. Онъ говоритъ:

«Гомерическія пѣсни должны были во многомъ имѣть для грека образованной эпохи характеръ архаическій, старинный, отчасти именно такой, какой имѣетъ для насъ языкъ славянскій. Эпическій языкъ былъ у грековъ запечатлѣнъ значеніемъ священнаго и очень отличался отъ литературнаго языка, какъ онъ установился въ позднѣйшее время. Намъ даже кажется, что русскій переводчикъ Гомера поступилъ бы весьма неразсчетливо, еслибъ не воспользовался богатою сокровищницею славянскаго языка и не черпалъ изъ нея характеристическихъ красоть. Еще болѣе можетъ послужить для этой цѣли изученіе старинныхъ, собственно русскихъ, свѣтскихъ памятниковъ нашей письменности -- грамотъ, лѣтописей, юридическихъ актовъ.»

Намъ кажется, что и славянскій или лѣтописный, устарѣлый, элементъ въ переводѣ Гомера будетъ точно такъ же сообщать ему чуждый, фальшивый колоритъ, какъ сообщаетъ, по справедливому мнѣнію г. Каткова, простонародное нарѣчіе. Народностей не должно смѣшивать, говоритъ г. Катковъ. Точно также нельзя смѣшивать и историческихъ воспоминаній. Агамемнонъ не Дмитрій Донской, и если греческая хламида не зипунъ, то и не боярская ферьязь. Странно, какъ г. Катковъ допускаетъ подобное превращеніе, самъ говоря, что „при существованіи литературнаго языка, формы рѣчи, невошедшія въ него, не могутъ быть упребляемы для перевода съ чужаго языка; не могутъ, потому что за ними, какъ тѣнь, слѣдитъ ихъ мѣстное значеніе.“ Онъ самъ говоритъ, что переводъ всегда по необходимости сглаживаетъ колоритъ подлинника, но не долженъ придавать ему чуждаго

колорита. „Ужь лучше покажите намъ Гомера въ какомъ нибудь неопредѣленномъ костюмѣ, нежели въ кафтанѣ удалаго русскаго ямщика; пусть ужь лучше старый рандодъ будетъ представляться намъ неясно, въ туманѣ, чѣмъ жалкимъ образомъ кривляется передъ нами и корчитъ нашего пріятеля казака Киршу Данилова“ — ясно, что по смыслу рѣчи должно прибавить: или чѣмъ сидѣть неподвижнымъ бояриномъ время Алексѣя Михайловича или разсыпаться расторопнымъ и неуклюжимъ дьякомъ Андреемъ Щелкаловымъ. „Для перевода гомерическаго эпоса нужно сѣе слово,“ говоритъ самъ г. Катковъ; а въ лѣтописяхъ и грмотахъ свѣжести несравненно меньше, нежели у Кирши Данила. Однимъ словомъ, кто внимательно прочтетъ очень основательныя соображенія г. Каткова, тотъ выведетъ заключеніе, что по возможности простой и свѣжій литературный языкъ—единственный, пригодный для Гомера въ русскомъ переводѣ.

Одиссея въ переводѣ Жуковскаго не имѣла успѣха, какъ надѣялись большая часть изъ насъ, потому что языкъ ея очень искусственный. Сверхъ сего находимъ принужденность слога, которая усиливается слишкомъ буквальнымъ подражаніемъ по линнику въ разстановкѣ словъ, очень часто неестественной для русскаго языка. Все это осталось въ такомъ же видѣ и въ переводѣ *Илиады*:

Гнѣвъ намъ, богиня, воспой Ахиллеса, Пелеева сына,
Гибельный гнѣвъ, приключившій Ахеянамъ много великихъ
Бѣдствій и воиновъ многихъ безстрашныя души пизведшій
Въ область Аида...

Слогъ этотъ можетъ быть очень художественъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ по русски онъ выходитъ очень искусственъ и тяжелъ въ чтеніи. Но вопросъ о языкѣ самъ собою рѣшится, если рѣшится вопросъ о томъ, удачно ли выбранъ для перевода гекзаметръ. Отъ чувствъ, которыя неразрывно сроднились въ русскомъ языкѣ съ этимъ размѣромъ, всего болѣе зависитъ и нѣянность слога, которою отличается все, писанное по русски гекзаметромъ.

Гекзаметръ обыкновенно превозносится у насъ, потому, что мы наслушались похвалъ гибкости, благозвучію и т. д. греческаго гекзаметра и потому, что писать сносные гекзаметры умѣютъ у

насъ не многіе, а все трудное высоко цѣнится. Но собственно говоря, русскій гекзаметръ не имѣеть тѣхъ достоинствъ, какими отличается греческій, и совершенно неидетъ къ системѣ нашего стихосложенія, нарушая коренныя требованія нашей поэтической рѣчи.

Въ греческомъ гекзаметрѣ спондеи (соотвѣтствующіе нашимъ хореемъ) безпрестанно перемѣшиваются съ дактилями; потому гекзаметрическіе стихи самыхъ разнообразныхъ размѣровъ безпрестанно перемѣшиваются между собою (всѣхъ формъ гекзаметра тридцать двѣ). У Гомера очень рѣдко можно встрѣтить два къ ряду гекзаметра одинаковой формы, и вѣроятно ни разу не встрѣтятся къ ряду трехъ одинаковыхъ стиховъ*). Это качество и ставятъ главнымъ достоинствомъ греческаго гекзаметра, оно причиною того, что онъ гибокъ, благозвученъ, разнообразенъ. Напрасно стали бы искать разнообразія стопъ въ русскомъ гекзаметрѣ: онъ почти постоянно состоитъ изъ однообразныхъ дактилей съ однообразнымъ хореемъ на концѣ**). Вообще, соб-

*) Вотъ, напримѣръ, стопы трехъ первыхъ стиховъ *Одиссеи*:

дактиль,	дактиль,	дактиль,	дактиль,	дактиль,	спондей,
дактиль,	спондей,	дактиль,	дактиль,	дактиль,	спондей,
спондей,	спондей,	дактиль,	дактиль,	дактиль,	спондей.

Продолживъ разборъ, мы увидимъ, что разнообразіе все увеличивается. Въ каждой пяти стихахъ мы найдемъ по крайней мѣрѣ четыре различныхъ размѣра. Одинаковыхъ къ ряду почти не бываетъ.

**) Вотъ, напримѣръ, начало *Одиссеи* въ переводѣ Жуковскаго (мы беремъ *Одиссею*, а не отрывки *Илиады*, теперь изданные, потому что Жуковский успѣлъ, по справедливому замѣчанію издателя, придать окончательную отдѣлку только начальнымъ стихамъ своего послѣдняго труда); отмѣчаемъ курсивомъ хорей:

Муза, скажи мнѣ о томъ многоопытномъ мужѣ, который
 Страстную долго со дня, какъ святой Иліонъ имъ разрушенъ,
 Многихъ людей города посѣтилъ и обычай видѣлъ,
 Много и сердцемъ скорбѣлъ на моряхъ, о спасеніи заботясь
 Жизни своей и возвратѣ въ отчизну спутниковъ; тщетны
 Были однако заботы, не спасъ онъ спутниковъ; сами
 Угнѣль они на себя навлекли святотатствомъ, безумцы,
 Съѣвши быковъ Геліуса, надъ нами ходящаго бога, —
День возврата у нихъ онъ похитилъ. Скажи же объ этомъ
 Что нибудь, о Зевесова дочь, благосклонная Муза.

Затѣмъ опять начинаются безконечнымъ рядомъ чистые дактили. Вообще, на пѣлую сотню стиховъ едва приходится въ *Одиссею* у Жуковскаго восемь или девять, въ которыхъ попадаетъ хорей, да и тѣ опять часто стоятъ рядомъ, производя новую монотонность.

ственно говоря, русскіе гекзаметры слѣдуетъ считать не гекзаметрами, т. е. стихами, въ которыхъ дактиль постоянно смѣшивается съ хореемъ, а просто дактилическими стихами, въ которыхъ изрѣдка, невзначай, попадаютъ хорейскіе стопы, довольно частые для того, чтобъ раздражать ухо неправильнымъ нарушеніемъ дактилическаго размѣра, но слишкомъ рѣдкіе для того, чтобъ ухо привыкло къ этому нарушенію и ожидало его, какъ чего нибудь правильнаго. Потому, лишенный разнообразія, главнаго своего достоинства въ греческомъ языкѣ, гекзаметръ остается какою-то утомительною и вялою прозою, читаемою на подобіе стиховъ, и допускающею всѣ натянутости, напыщенности въ языкѣ, непозволительныя въ прозѣ, не вознаграждая ихъ увлекательностью, какая принадлежитъ стихамъ, понятнымъ для народа. Безпрестанное перенесеніе фразы изъ одного стиха въ другой, совершенно противное духу нашего стихосложенія, окончательно убиваетъ всякую возможность читать гекзаметръ, какъ размѣръ, понятный русскому уху*). Мы не знаемъ, какъ пѣли рапсоды свои гекзаметры; но ни одинъ русскій не скажетъ, чтобы возможно было пѣть слѣдующее:

Но когда наконецъ обращенъеъ времяъ *приведенъ былъ*
Годъ, въ который ему возвратится назначили боги
Въ домъ свой, въ Итаку (но гдѣ и въ объятіяхъ вѣрныхъ друзей *онъ*
 Всѣ не избѣгъ отъ тревогъ) преисполнились жалостью боги
Всѣ. Посидонъ лишь единый упорствовалъ гнать Одиссея...

А стихи, которыхъ невозможно пропѣть, едва ли заслуживаютъ имени стиховъ. И надобно прибавить, что мы, не понимая разнообразія размѣра, въ этомъ раздиранъѣ и перепутыванъѣ фразъ поставляемъ существенное достоинство гекзаметра. Въ русскомъ оно попадаетъ въ трое чаще, нежели въ греческихъ гекзаметрахъ. Такъ всегда бываетъ съ искусственнымъ подражаніемъ: упускаются изъ виду существенныя качества оригинала, за то утрируются его странности. Есть въ гекзаметрѣ и другія противорѣчія основнымъ требованіямъ русскаго мелодическаго стиха. Пока намъ кажется достаточно и этого основанія, чтобы

*) Впрочемъ, не только русскому, но точно также и нѣмецкому.

сказать, что онъ ненатураленъ въ нашемъ языкѣ. Но если не гекзаметромъ, то какимъ же размѣромъ переводить Гомера? Какимъ вамъ угодно изъ тѣхъ, музыкальность которыхъ понимаетъ русское ухо: ямбомъ, хореемъ, дактилемъ, амфибрахіемъ, анапестомъ, если угодно правильнымъ смѣшеніемъ ямба съ анапестомъ или хореемъ съ амфибрахіемъ — только такимъ размѣромъ, который легче всего для переводчика и съ тѣмъ вмѣстѣ не дикъ и не вялъ для русскаго уха. Легкость — необходимое условіе для удачнаго перевода Гомера. Стихъ его очень гармониченъ по гречески — русскіе стихи безъ рима вялы, тяжелы, скучны; потому необходимы въ переводѣ Гомера римы. Но онѣ стѣснительны? — Кто не можетъ владѣть римою, но однакожъ непремѣнно хочетъ прославиться переводами съ греческаго, можетъ перевести Геродота или Фукидида, чѣмъ окажетъ великую услугу русской литературѣ. — А какъ же можно нарушать размѣръ подлинника? Но если такъ, французскіе стихи пришлось бы переводить силлабическимъ размѣромъ, а арабскіе — размѣромъ, для котораго у насъ не существуетъ и названія. Буквальность не есть близость, а только несообразность.

Такъ, на примѣръ, *Хвастливый воинъ*, комедія Плавта, переведена г. Шестаковымъ слишкомъ буквально, такъ что черезъ это теряетъ колоритъ подлинника: у Плавта, изъ всѣхъ латинскихъ поэтовъ, самый непринужденный языкъ. Вѣрность перевода вовсе не требуетъ того, чтобы въ русскомъ слогѣ сохранять особенные обороты, свойственные только латинскому языку. Вообще латинскіе и греческіе драматурги чрезвычайно нуждаются въ особенномъ изяществѣ перевода; ихъ пьесы такъ отличаются отъ нашихъ своею манерою, что даже и при чрезвычайной легкости перевода читаются довольно тяжело. Надобно также прибавить, что переводя стихотворное произведеніе прозою, вообще мы не можемъ держаться буквально всѣхъ оборотовъ подлинника: они часто обусловливаются самою формою стиха, такъ что лишившись ея при переходѣ на другой языкъ, фраза часто должна бываетъ или распутаться, или сократиться, или быть пополнена, чтобы не казаться странною и не мѣшать ровному ходу рѣчи. Нѣтъ надобности прибавлять, что переводъ г. Шестакова сдѣланъ

добросовѣстно. Мы хотѣли поговорить о значеніи Плавта, его вліяніи на Мольера и черезъ Мольера на новѣйшую литературу — но намъ остается говорить на этихъ страницахъ еще о многихъ важныхъ статьяхъ, изъ которыхъ двѣ имѣютъ даже свою исторію, это именно — *Очерки древнѣйшаго періода греческой философіи*, г. Каткова, и *Письма изъ Рима и Неаполя* г. А. А. Авдѣева.

Очерки древнѣйшаго періода греческой философіи статья очень хорошая, имѣющая, какъ и многое на свѣтѣ, свои недостатки, но имѣющая и неоспоримыя достоинства. Главнымъ достоинствомъ ея было бы то, — еслибъ она первая явилась на русскомъ языкѣ по этому предмету; но когда-то въ одномъ изъ нашихъ журналовъ была статья подобнаго содержанія, писанная очень замѣчательнымъ мыслителемъ *). Слѣдственно главное достоинство, которое могли бь имѣть *Очерки*, ужь нельзя присвоивать имъ. За то остается у нихъ другія хорошія качества: достаточная полнота, основательность. Есть, какъ мы сказали, и недостатки — чрезвычайно презрительный тонъ, съ которымъ авторъ говоритъ о разныхъ нѣмецкихъ ученыхъ, сравняться съ которыми мы ему отъ души желаемъ; темнота; выраженія такого рода: „прежнія понятія объ этомъ были ошибочны, изъ нашего изложенія, напротивъ, видно“ — при чемъ для ясности надлежало бы прибавлять, что „прежнія“ ошибочныя понятія ужь нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ замѣнены тѣми самими, которыя очень основательно выводятся ученымъ авторомъ. Здѣсь то и нить завязки романа, по выраженію Гоголя. Рецензентъ одного изъ нашихъ журналовъ, самымъ наивнымъ и горячимъ образомъ принявъ къ свѣдѣнію всѣ эти фразы и презрительные отзывы, написалъ очень длинный разборъ, въ которомъ доказалъ какъ $2 \times 2 = 4$, что до появленія *Очерковъ* никто въ цѣломъ мірѣ не понималъ духа древнѣйшихъ греческихъ философскихъ системъ, что всѣ философы ошибочно толковали системы Фалеса, Пифагора, и проч.; что *Очерками* положено первое основаніе исторіи философіи и т. д. и т. д. Ясно было, что неопытный панегеристъ

*) *Письма объ изученіи природы*, Искандера.

слишкомъ далеко увлекся въ своихъ безмѣрныхъ похвалахъ, основанныхъ единственно на изученіи статьи г. Каткова и незнакомствѣ съ курсами исторіи философіи. Одинъ изъ людей, знающихъ, какъ надобно предполагать по его статьѣ, истинное положеніе науки нѣсколько ближе, вздумалъ напечатать въ *Москвитянинѣ* статью, очень убѣдительно доказавшую рецензенту, что надобно осторожнѣе судить о предметахъ, когда не знакомъ съ сущностью дѣла. Статья была направлена противъ рецензента, и наполнена похвалами достоинствамъ *Очерковъ*; она даже признавала въ нихъ новостъ нѣкоторыхъ взглядовъ, и очень высокую степень самостоятельности, однимъ словомъ, была также не совсѣмъ умѣренна въ похвалахъ. Тогда авторъ *Очерковъ* напечаталъ въ одной изъ слѣдующихъ книжекъ того же *Москвитянина* огромную статью въ 68 страницъ, на которыхъ и доказалъ, что похвалы рецензента, написавшаго панегирикъ, нисколько не преувеличены, что *Очерками* дѣйствительно въ первый разъ отъ изобрѣтенія финикіянами азбуки положено основаніе исторіи философіи, которая и не существовала до минуты появленія *Очерковъ*, что всѣ прежніе труды (несравненно превосходящіе достоинствомъ его *Очерки*) дѣйствительно никуда не годятся, писаны людьми тупоумными и невѣжественными, и т. д. Все это сопровождалось приличнымъ количествомъ безцеремонныхъ укоризнъ противнику (который вовсе и не нападалъ на *Очерки* г. Каткова,) укоризнами, какихъ въ теченіе двухъ тысячъ лѣтъ никто не возвергалъ даже на злосчастнаго Зоила. А противникъ былъ дѣйствительно достоинъ нѣкотораго осужденія развѣ за то, что, хотя и нападалъ на панегириста, но все таки хотѣлъ видѣть самостоятельность и высокое значеніе для науки въ одной изъ очень обыкновенныхъ статей, которыя могутъ свидѣтельствовать только объ основательномъ знакомствѣ своего автора съ предметомъ, но и только; хотѣлъ видѣть особенное значеніе для науки не привившейся у насъ, въ такой статьѣ, которая и у насъ не можетъ быть названа лучшею по своему предмету. Какую философскую или психологическую мысль можно вывести изъ подобной исторіи? Такую, что панегирическія критики, основанныя единственно на восторгѣ, могутъ имѣть самое вредное вліяніе.

Напротивъ, исторія, возникшая по поводу *Нисемъ изъ Рима и Неаполя* г. Авдѣва, кончилась для автора совершенно иначе, именно въ его пользу. Около того самаго времени, какъ одинъ рецензентъ провозглашалъ, что положены основанія исторіи философіи, другой рецензентъ необыкновенно удивился, прочитавъ у г. Авдѣва описаніе римскаго храма св. Петра, который всѣ мы, профаны въ дѣлѣ архитектуры, привыкли по наслышкѣ считать первымъ по художественной красотѣ созданіемъ искусства. Г. Авдѣвъ, занимаясь архитектурою какъ специалистъ, объяснилъ, довольно понятно и для насъ, что хорошъ въ храмѣ св. Петра только одинъ куполь, а всѣ остальные части плана невыдерживаютъ даже снисходительной критики. За это рецензентъ объявилъ его невѣждою, и упрекнулъ г. Леонтьева, зачѣмъ онъ печатаетъ такія невѣжественныя сужденія въ своемъ сборникѣ. Въ слѣдующемъ томѣ *Пропилей* г. А. А. Авдѣвъ принужденъ былъ доказать, что мнѣніе, котораго онъ держится, господствуетъ между всѣми людьми, имѣющими понятіе объ архитектурѣ. Онъ превосходно заключаетъ свой отвѣтъ словами, которыя могли бы служить эпиграфомъ ко многимъ изъ разборовъ разныхъ прославаемыхъ произведеній литературы или науки:

«Архитектору все-таки нельзя не порадоваться за свое искусство. Чтобъ взяться построить что нибудь, надобно быть по крайней мѣрѣ простымъ плотникомъ или камешникомъ. А въ литературѣ, видно, и картонный домикъ идетъ иногда за строенье, и, что еще обиднѣе, безъ шума его даже не сдунешь.»

Г. Безсоновъ избралъ слишкомъ сухой предметъ для своего разсужденія, объясняя на 80 страницахъ, въ какой мѣрѣ можно довѣрять *Фастамъ* Овидія, какъ источнику для римской мифологіи. Специалисты давно знаютъ рѣшеніе этого вопроса, очень незатруднительное, а большинству читателей онъ не интересенъ и не нуженъ. Еслибъ вмѣсто этого длиннаго изслѣдованія г. Безсоновъ написалъ статью объ Овидіѣ и его сочиненіяхъ, или изложилъ какой-нибудь отдѣлъ римской мифологіи, трудъ его принесъ бы гораздо болѣе пользы. Почти такое же мнѣніе должны мы высказать о разборѣ Платонова *Филеба*, который написанъ г. Меньшиковымъ въ доказательство того, что „діалогъ

этотъ по изяществу формы и художественной своей отдѣлкѣ, занимаетъ едва ли не первое мѣсто въ ряду твореній Платоновыхъ,“ не смотря на то, что разрозненность и неровность частей этого разговора поражала еще древнихъ, и заставляетъ многихъ новѣйшихъ сомнѣваться въ его цѣлости или „не вполне признавать его высокое достоинство.“ Пусть многотомное изданіе твореній Платона трактуетъ въ одномъ изъ своихъ предисловіи, до какой степени основательно то и другое мнѣніе, и какой изъ разговоровъ Платона занимаетъ первое мѣсто въ ряду его произведеній по изяществу формы: неспеціалисты могли бы удовольствоваться общимъ понятіемъ о высокомъ художественномъ достоинствѣ Платоновыхъ разговоровъ, и конечно скорѣе желали бы увидѣть на русскомъ языкѣ или просто переводъ *Филеба*, или хорошее жизнеописаніе самого Платона, или изложеніе одной изъ частей его философіи. *Диогенъ Киникъ*, (переводъ изъ Гёттлинга) также не можетъ быть названъ произведеніемъ, особенно удачнымъ; многія соображенія Гёттлинга рѣшительно неумѣстны. Но мы должны похвалить статью г. Благовѣщенскаго *О пантомимахъ* за выборъ интереснаго предмета и занимательность разсказа, ни мало не вредящую основательности изслѣдованія.

Изъ статей о римскихъ нравахъ — *Бракъ и свадебные обряды древнихъ римлянъ*, г. Тихановича, составлена недурно. Законный бракъ у римлянъ бывалъ двухъ родовъ — *съ поступленіемъ (жены) подъ власть (мужа) и безъ поступленія подъ власть*. Въ первомъ случаѣ вся собственность жены, даже ея приданое передавалось мужу; онъ былъ судья жены, могъ, вмѣстѣ съ родственниками, произносить ей даже смертный приговоръ; за то, по смерти мужа, она дѣлалась его наслѣдницею. Въ бракѣ безъ поступленія подъ власть мужа, жена продолжала оставаться членомъ прежней своей семьи, пользовалась своимъ имуществомъ, за то не была наслѣдницею по мужѣ. Этотъ обычай появился въ Римѣ позднѣе, но мало по малу вытѣснилъ изъ жизни первую форму брака, и былъ шагомъ къ эманципаціи, которой въ послѣднее время республики достигли римскія женщины. Двоеженство никогда не было извѣстно римлянамъ. Обручальныя кольца были ужь въ обыкновеніи у нихъ. Май мѣсяць признавался, по

народному предразсудку, неблагоприятнымъ для свадебъ, какъ и у насъ. Идя въ домъ жениха, невѣста должна была показывать видъ, что ее уводятъ насильно — опять сходство съ нашимъ народнымъ обычаемъ. Такъ обычай требовалъ, чтобъ она сама не переступала черезъ порогъ дома жениха — ее переносили черезъ порогъ — церемонія, служившая воспоминаніемъ о похищеніи невѣсты въ древнѣйшія времена.

День въ Римскомъ циркѣ — статья Августа Данца, написана очень живо и составлена очень внимательно. Нѣмецкій ученый пересказываетъ подробно описанныя историками великолѣпныя игры, которыя далъ Калигула въ день своего рожденія, и дополняетъ эту картину извѣстными намъ изъ другихъ случаевъ свѣдѣніями о циркѣ. Все, что только бываетъ великолѣпнѣйшаго на нашихъ театрахъ и народныхъ праздникахъ, ничтожно въ сравненіи съ невѣроятною роскошью, какою удивляли міръ игры Римскаго цирка. Внутренняя площадь или арена его имѣла до 310 сажень (болѣе полуверсты) въ длину и болѣе 90 сажень въ ширину. Мѣста зрителей, шедшія амфитеатромъ въ 50 рядовъ, отдѣлялись отъ арены каналомъ въ 10 футовъ ширины и 10 футовъ глубины. Циркъ вмѣщалъ, по словамъ Діонисія 150,000, а по словамъ Плинія до 260,000 зрителей. Однако онъ не могъ вмѣщать и половины желающихъ. Тиберій оставилъ своему преемнику 150 милліоновъ руб. сер. въ казнохранилищѣ — и въ пять мѣсяцевъ Калигула истратилъ ихъ на игры. Ужъ изъ этого можно судить о роскоши игръ. Но для главнаго торжества былъ назначенъ день его рожденія. Со всей имперіи везли на игры дикихъ звѣрей и вели лошадей. Со всѣхъ концовъ міра стекаются зрители. Съ полночи накануне игръ масса ужъ ломится въ циркъ; шумъ ея пробудилъ Калигулу и въ досадѣ онъ велѣлъ выгнать палками безпокойную толпу. При этомъ были задавлены двадцать римскихъ всадниковъ и столько же дамъ, кромѣ множества простолудиновъ. Но подобные пустяки не останавливаютъ любопытства. На разсвѣтѣ циркъ ужъ полонъ. Огромная арена, вмѣсто обыкновеннаго песку, усыпана зеленымъ малахитовымъ порошкомъ, по которому выведены узоры полосами киновари; малахитъ покрываетъ арену потому, что Калигула держитъ сторону зеле-

ныхъ противъ синихъ (всѣ участвующіе въ скачкахъ, раздѣляются на эти двѣ партіи). Трубы возвѣщаютъ прибытіе Калигулы: впереди необозримой процессіи идутъ ликторы, потомъ ѣдутъ и идутъ тѣлохранители, наконецъ самъ Калигула, на колесницѣ изъ слоновой кости, запряженной шестью лошадьми въ рядъ. Онъ самъ править лошадьми, и медленно объѣзжаетъ арену, преклоняя хлысть на привѣтствія народа. За колесницею Калигулы ѣдутъ сто другихъ колесницъ, запряженныхъ четвернею. Процессію замыкаютъ двѣ колесницы, изъ которыхъ одна запряжена четырьмя верблюдами, другая четырьмя слонами. Проѣхавъ черезъ арену до противоположнаго конца, откуда начинается скачка, Калигула выбираетъ себѣ трехъ противниковъ изъ сенаторовъ, и начинается ристаніе. Конечно, онъ остается побѣдителемъ, и народъ, въ знакъ восторга, бросаетъ вверхъ плащи (какъ у насъ подбрасываютъ шапки). Довольный успѣхомъ, цезарь отправляется въ свою ложу и даетъ знакъ начинать общія скачки. Римляне смотря на арену, забыли о всемъ мірѣ; ихъ укрываетъ отъ солнца огромное шелковое покрывало, великолѣпно вышитое золотомъ, осѣняющее весь циркъ — но Калигула придумалъ имъ сюрпризъ — въ полдень, по его знаку покрывало вдругъ снимается, и зрители остаются подъ жгучими лучами солнца. Выпускать изъ цирка не велѣно никого. Римляне четверть часа томятся палящимъ зноемъ; но Калигула довольно позабавился ихъ мученіями, циркъ застилается густымъ влажнымъ облакомъ: насосы, скрытые подъ ареною и въ верхней галлерей цирка, орошаютъ все пространство дождемъ благоуханныхъ эссенцій, которыя ручьями стекаютъ по ступенямъ, и въ ту же минуту покрывало опять осѣняетъ циркъ. Лошади устали, ихъ уводятъ отдохнуть; пора закусить и зрителямъ — тысячи столовъ съ роскошнѣйшими кушаньями покрываютъ арену: хозяинъ угощаетъ свой народъ, и кушая самъ въ ложѣ, любитъся на толкотню и суматоху, съ какою бросаются и тѣнятся къ столамъ сотни тысячъ проголодавшихся гражданъ. Обѣдъ конченъ, столы приняты, зрители опять сидятъ по мѣстамъ, начинается второе зрѣлище — выступаютъ на сцену дрессированныя животныя. Два льва преслѣдуютъ зайцевъ, ловятъ ихъ и опять пускаютъ бѣжать; рыбы въ каналѣ плаваютъ, повинувсь

голосу своихъ приставниковъ. По канату, протянутому съ верхней галереи цирка внизъ на арену, сходить ученый слонъ, неся на спицѣ своего жока. Выносятъ шесть столовъ, уставленныхъ кушаньями въ золотыхъ и серебряныхъ сосудахъ; выходятъ двѣнадцать слонѳвъ, шесть въ мужской, шесть въ женской одеждѣ, по парно возлагаютъ за столы на приготовленныя перины. начинаютъ кушать, какъ истинно образованные граждане. Потомъ обезьяны забавляютъ своими кривляньями.

Но вотъ начинается охота и гладиаторскіе бои. Последнихъ мы не будемъ описывать, скажемъ только о битвахъ съ звѣрями, и онѣ уже слишкомъ возмутительны. Игры начинаются тѣмъ, что слонъ бьется съ носорогомъ, гиппопотамъ съ медвѣдемъ; слонъ и медвѣдь побѣждены, они режутъ въ предсмертныхъ судорогахъ; народъ рукоплещетъ побѣдителямъ. Потомъ отворяются всѣ двѣри карцеровъ (звѣринцевъ), на сцену бросаются множество львовъ, тигровъ, леопардовъ, медвѣдей, гіенъ — они въ ожесточеніи терзаютъ другъ друга. Восемь сотъ звѣрей погибаетъ такимъ образомъ. Ихъ крючьями вытаскиваютъ изъ цирка на прилежащія улицы, гдѣ съ жадностью рветъ ихъ голодная чернь, таща домой окровавленные куски, на лакомое для голодныхъ кушанье. На аренѣ уже новое зрѣлище: въ одинъ мигъ 50 страусовъ, 32 жирафа, 20 зебровъ, 15 лосей, 100 оленей, 20 слонѳвъ, 40 дикихъ лошадей, 60 буйволѳвъ наполняютъ арену, а 36 крокодиловъ — каналъ, ее окружающій. Противъ нихъ выходятъ жители всѣхъ странъ свѣта, каждый съ своимъ оружіемъ; самъ цезарь, страстный охотникъ, стрѣлялъ изъ ложи звѣрей, подбѣгающихъ близко. Охота кончилась, и снова чернь влечетъ по улицамъ трупы, выброшенныя въ добычу ей. Кровь покрыла зеленую скатерть арены, кровь стоитъ озерами. Ихъ засыпаютъ свѣжимъ пескомъ и начинается новый бой — битвы людей съ звѣрями. Сначала выпускаются три буйвола — бойцы выказываютъ свою ловкость, вспригивая на спину разъяреннаго животного, которое мчится по аренѣ до изнеможенія, и тогда боецъ, сильно дернувъ его за рога, повергаетъ на сцену. Потомъ выступаютъ противъ львовъ и медвѣдей бойцы, вооруженные только крѣпкими сѣтями — они должны запутать въ нихъ противника и, безвреднаго,

утащить въ клітку. Вотъ ужъ много бойцовъ растерзано въ неравной борьбѣ. Зрители охвачены запахомъ человѣческой крови — они жаждутъ послѣдняго акта — и по данному знаку выведены на сцену сотни плѣнныхъ, вооруженныхъ мечами; отворяются карцеры — и 200 голодныхъ медвѣдей, 400 львовъ, тигровъ и гіенъ бросаются на своихъ жертвъ. Всѣ плѣнные погибли, и жадные звѣри передъ глазами зрителей пожираютъ полуживыхъ людей. Но Калигула нынѣ любитъ сюрпризы — онъ велитъ схватить еще двѣнадцать человѣкъ изъ среды зрителей и бросить на арену. Чтѣжь, вѣдь надобно пощекотать чувства? Но довольно. Звѣри оставшіеся въ живыхъ, раскаленнымъ желѣзомъ загоняются назадъ въ карцеры; трупы бойцовъ стаскиваются крючьями въ огромные подвалы, арена снова усыпается пескомъ, снова чиста — теперь пора повеселиться невиннымъ образомъ. Посредствомъ особенныхъ машинъ, на срединѣ цирка является лѣсъ; къ вѣтвямъ деревъ привязано множество рѣдкихъ птицъ. Въ то же время выпускается на арену тысяча страусовъ, нѣсколько тысячъ овецъ, свиней, оленей, домашней птицы; отворяются ворота цирка, и чернѣющимъ потокомъ врывается на арену. Зрители наслаждаются ловлею, толкотнею, дракою, которая кипитъ по всей сценѣ; чтобъ еще увеличить сумятицу, изъ ложи цезаря и нѣсколькихъ другихъ, бросаютъ въ толпу марки съ обозначеніемъ разныхъ подарковъ. Въ мѣста сенаторовъ также бросаютъ драгоценныя вещи, билеты на полученіе домовъ и помѣстій — и между сенаторами водворяется также суматоха. Но ужъ наступаетъ вечеръ — да и Калигулѣ наскучило все. Онъ встаетъ, за нимъ пустѣетъ циркъ до слѣдующаго кроваваго праздника.

Намъ должно теперь сказать нѣсколько словъ о статьяхъ, имѣющихъ предметомъ описаніе памятниковъ и изысканія въ развалинахъ Черноморскаго берега, и за тѣмъ у насъ останутся для слѣдующаго обзора историческія изслѣдованія и рассказы въ тѣснѣйшемъ смыслѣ слова, принадлежащія безъ сомнѣнія къ лучшимъ статьямъ сборника.

Керчь и Тамань, г. Беккера; *Древности Томи*, его же; *Разысканія на мѣстѣ древняго Тинаша*, г. Леонтьева; *Разысканія въ окрестностяхъ Симферополя*, графа А. С.

Уварова; *О керченскихъ гробницахъ*, г. Линевица находятся по своему предмету въ близкой связи и сообщаютъ множество важныхъ древнихъ надписей и подробностей о вещахъ найденныхъ въ курганахъ, такъ что значительно пополняютъ матеріалы для исторіи того края въ греко-римскомъ періодѣ. Но мы не рѣшаемся дѣлать общій обзоръ содержанія этихъ обширныхъ статей, потому что при этомъ возможно избѣжать ошибокъ только тому, кто лично осматривалъ описываемыя мѣста. Г. Кёне напечаталъ въ третьей книгѣ *Пропилей*, описаніе музея древностей, принадлежащаго г. Монферрану. Г. Кёне считаетъ это собраніе, заключающее до 73 замѣчательныхъ произведеній древняго ваянія, и множество другихъ древностей, богатѣйшихъ изъ собраній, принадлежащихъ частнымъ людямъ въ Россіи. Особенно драгоценна въ немъ превосходная бронзовая статуя Юлія Цезаря, единственная, дошедшая до нашего времени. Она была открыта въ Римѣ Н. Н. Демидовымъ и тотчасъ тайно вывезена во Флоренцію, изъ опасенія, чтобы дирекція римскихъ музеевъ, узнавъ о такой важной находкѣ, не удержала ее въ Римѣ. Даже мраморныя статуи Юлія Цезаря, самыя бюсты его, очень рѣдки; а находящаяся теперь у г. Монферрана бронзовая статуя — доселѣ единственная въ мірѣ, и кромѣ того, по словамъ г. Кёне, эта статуя въ художественномъ отношеніи выше всѣхъ остальныхъ, принадлежа къ числу первоклассныхъ произведеній ваянія. Стиль ея, по мнѣнію г. Кёне, указываетъ на эпоху искусства, современную Цезарю. Вообще, г. Кёне усвояетъ этой статуѣ одно изъ первыхъ мѣстъ между всѣми извѣстными бронзовыми статуями, которыя въ художественномъ отношеніи цѣнятся чрезвычайно высоко.

СТАТЬЯ ВТОРАЯ И ПОСЛѢДНЯЯ. *)

Древняя исторія достигла гораздо высшей степени обработки, нежели исторія среднихъ вѣковъ или послѣднихъ столѣтій. Безпрестанно повторяемыя фразы о томъ, что исторія должна изла-

*) *Современникъ* 1855, № 5. — Критика.

гать развитіе внутренняго быта народовъ, а не рассказывать, подобно лѣтописи, сборнику анекдотовъ или дюжинному роману, разныя шумныя или эффектныя происшествія, — эти фразы по бѣльшей части остаются безплодны въ отношеніи къ исторіи новаго міра. Очень мало найдется первоклассныхъ историковъ, которые, посвящая свои труды изслѣдованіямъ о среднихъ вѣкахъ или новѣйшихъ временахъ, главное вниманіе обращали бы, подобно Гизо и Шлоссеру, на развитіе существенно важныхъ сторонъ народной жизни: общественныхъ и экономическихъ отношеній, образованности и т. д.; бѣльшую часть вниманіе изслѣдователя занято вопросами объ именахъ, личностяхъ и подробностяхъ разныхъ шумныхъ событій. Но въ древней исторіи истинныя понятія о существенномъ ея предметѣ ужь успѣли утвердиться и примѣняются къ дѣлу большинствомъ изыскателей; оттого и сочиненія о ней, говоря вообще, пріобрѣтаютъ для людей, требующихъ отъ исторіи того, чего на самомъ дѣлѣ должно въ ней искать, такой интересъ, какой рѣдко представляютъ сочиненія о послѣдующихъ временахъ. Было бы слишкомъ долго исчислять причины, которымъ обязана обработка древней исторіи такимъ направленіемъ; но, между прочими, есть одна, о которой мы должны упомянуть, потому что ею также объясняется положеніе очень многихъ основныхъ вопросовъ древней исторіи, къ числу которыхъ принадлежатъ и вопросы, составляющіе предметъ важнѣйшихъ по ученому достоинству статей въ разсматриваемыхъ нами томахъ *Прописей*; эта причина — малочисленность источниковъ. Ученый, который хочетъ, на примѣръ, рассказать царствованіе Людовика XIV или Фридриха II, можетъ представить тысячи фактовъ и миллионы подробностей, которыя не были изложены въ такой полнотѣ его предшественниками: тысячи томовъ печатныхъ матеріаловъ, сотни фоліантовъ, скрывающихся въ библіотекахъ и архивахъ, представляютъ ему неисчерпаемое богатство данныхъ, и его сочиненіе можетъ пріобрѣсть большое ученое достоинство сообщеніемъ новыхъ фактовъ, хотя бъ и ограничивалось изложеніемъ такъ называемой политической исторіи. Не то съ древнимъ міромъ. Здѣсь всѣ источники давно ужь исчерпаны относительно событій внѣшней исторіи, потому что эти источники очень малочисленны.

Слѣдовательно, нужно переработать матеріалы съ новой точки зрѣнія, для того чтобы сказать что нибудь новое и сообщить ученое значеніе своему труду; отъ внѣшней исторіи необходимо обратиться къ внутренней исторіи, которая мало была разработана прежними изслѣдователями. Но источники древней исторіи не только малочисленны — они отрывочны и неполны; въ этомъ заключается невыгодная сторона дѣла. Если и въ новой исторіи, столь обильной матеріалами, изслѣдованіе развитія народной жизни часто бываетъ затруднительно по недостатку фактовъ, то гораздо ощутительнѣе это препятствіе въ рѣшеніи вопросовъ о жизни древнихъ народовъ. Часто самыя основныя воззрѣнія должны быть выводимы здѣсь изъ двухъ или трехъ указаній, ограничивающихся шаткими, неясными намеками. Потому не удивительно, что рѣшенія вопросовъ, къ нимъ относящихся, бываютъ разногласны: не удивительно покажется и то, что въ предпочтеніи одного рѣшенія другому часто нужно бываетъ руководиться не положительными фактами, сохранившимися именно о той странѣ, о которой идетъ дѣло, а преимущественно аналогією съ тѣмъ, что происходило или еще происходитъ въ другихъ странахъ. Конечно, въ такомъ случаѣ заключенія будутъ только правдоподобны; но аналогія иногда бываетъ такъ поразительна, что трудно подвергать сомнѣнію выводъ, которому она благопріятствуетъ. Если же отказаться отъ ея пособія, то часто надобно будетъ отказаться отъ всякаго положительнаго вывода. Намъ казались нужными эти замѣчанія потому, что на основаніи ихъ рѣшается бѣольшая часть спорныхъ вопросовъ изъ греческой исторіи, изслѣдуемыхъ въ важнѣйшихъ статьяхъ третьяго и четвертаго томовъ *Пропилей*. Мы говоримъ о статьяхъ: г. Леонтьева *Историческая Греція до персидскихъ войнъ* и г. Куторги *Критическія разгисканія о законодательствѣ Клизмена*.

Статьи г. Леонтьева объ *Исторіи Греціи*, составляемыя по сочиненію Грота, не нуждается въ нашихъ похвалахъ, которыя будутъ только повтореніемъ общаго отзыва. Ученый авторъ не просто сокращаетъ многотомное сочиненіе Грота: онъ, какъ знатокъ дѣла, подвергаетъ основательной критикѣ мнѣнія этого историка, представляетъ ихъ въ связи съ трудами другихъ изслѣдо-

вателей, и принимаетъ изъ нихъ только то, что кажется ему самому справедливымъ, показывая причины, по которымъ нельзя соглашаться съ остальнымъ. Такимъ образомъ его изложеніе, въ высшей степени интересное, имѣетъ полное право на имя самостоятельнаго ученаго труда. Обширная статья, помѣщенная въ третьемъ томѣ, говоритъ о „достоверной исторіи“ Греціи до персидскихъ войнъ, служа продолженіемъ прежнему разсказу о миѳической Греціи. Послѣ прекрасной характеристики самой страны въ связи съ ея вліяніемъ на развитіе народа, ее населившаго, и общаго взгляда на узы, которыми связывались разрозненныя греческія племена въ одно цѣлое по своему духу, г. Леонтьевъ разсказываетъ первоначальную исторію Спарты и Аѳинъ.

Первымъ достовернымъ событіемъ спартанской исторіи г. Леонтьевъ, согласно съ Гротомъ, принимаетъ введеніе Ликургова законодательства около половины IX вѣка до Р. X., и въ этомъ случаѣ расходится съ мнѣніемъ ученыхъ, полагающихъ, что учрежденія, приписываемыя преданіемъ Ликургу — древнѣйшія учрежденія дорійскаго племени, и что они только сохранились у спартацевъ, быть можетъ были развиты ими, но не могутъ быть сочтены особеннымъ явленіемъ, возникшимъ исключительно въ Спартѣ, и возникшимъ такъ поздно, какъ утверждаетъ преданіе о Ликургѣ. Впрочемъ, здѣсь разногласіе болѣе въ словахъ, нежели въ сущности мнѣній; г. Леонтьевъ признаетъ, что такъ называемыя Ликурговы учрежденія были въ сущности только развитіемъ древнѣйшаго племеннаго устройства, лежавшаго въ характерѣ дорійскаго племени. Существенное разнорѣчіе съ господствовавшимъ до послѣдняго времени взглядомъ мы находимъ только въ одномъ пунктѣ. Гротъ и г. Леонтьевъ отвергаютъ извѣстіе, что земля была раздѣлена между спартанскими гражданами на равныя участки. Но намъ кажется, что возраженія, ими представляемыя, недостаточны для опроверженія обыкновеннаго мнѣнія. Неизвѣстно — говоритъ Гротъ — какими мѣрами охранялось это учрежденіе. Но спартанскіе законы о наслѣдствѣ и правѣ отчужденія поземельной собственности не такъ подробно извѣстны намъ, чтобы можно было заключать о несуществованіи подобныхъ мѣръ. Намъ кажется даже, что исправленный текстъ Гераклида

Понтійскаго, на которомъ основываетъ свои сомнѣнія Гротъ, свидѣтельствуемъ напротивъ того о неподвижности поземельной собственности у спартанцевъ. Вотъ слова Гераклида: „У лакедемонянъ считается позорнымъ продавать землю, а изъ древняго участка это вовсе недозволено“ — и такъ, земля не продавалась почти никогда, а участки, назначенные въ древности, вовсе не могли быть отчуждаемы изъ рода. Слѣдовательно, неизвѣстно только, какъ предотвращалось дробленіе участковъ между сыновьями владѣльца. Но, если вспомнимъ, что вообще число спартанцевъ скорѣе уменьшалось (отъ безпрестанныхъ войнъ и другихъ причинъ), нежели увеличивалось, то должны будемъ заключить, что въ ббльшей части семействъ дробленіе родовыхъ участковъ не могло быть слишкомъ велико, еслибъ даже и не было принято противъ него никакихъ мѣръ. Кромѣ того, слова Гераклида ясно говорятъ о „древнихъ участкахъ,“ неприкосновенность которыхъ была особенно важна для государства. Этимъ самымъ сильно подтверждается мнѣніе о древней раздачѣ отъ государства равнымъ гражданамъ равныхъ участковъ. „Но въ Спартѣ были въ VI—V вѣкѣ богатые люди — говоритъ Гротъ — а спартанское богатство должно было состоять исключительно въ землѣ, а не въ деньгахъ“ — почему же не могло состоять оно въ награбленныхъ у непріятели драгоценныхъ металлахъ, въ скотѣ, рабахъ и т. д.? Что касается сомнѣній о дѣлежѣ, основанныхъ на молчаніи писателей до Полибія (во II вѣкѣ до Р. X.), они вовсе не убѣдительны; тѣмъ болѣе, что бѣглыя упоминовенія о равномъ дѣлежѣ земли между спартанцами есть у Платона, Аристотеля, Исократы; а болѣе подробныхъ объясненій не могли и дать эти писатели, говорящіе совершенно о другихъ предметахъ. Наконецъ самое сильное возраженіе Грота приводимъ собственными словами г. Леонтьева, чтобы показать, какъ оно шатко, не смотря на свое остроуміе: „Очень можетъ быть, что философъ Сферосъ, другъ и спутникъ Клеомена (предиринявашаго новый раздѣлъ земли между обѣднѣвшими гражданами, съ цѣлью возвратитъ Спартѣ прежнее могущество), былъ однимъ изъ первыхъ, пустившихъ въ ходъ эту гипотезу.“ Мы ничего не знаемъ о Сферосѣ, и предположеніе Грота чисто произвольно. Но какъ онъ хочетъ объяснить

увѣренность въ раздѣлъ земли Ликургою мечтами Клеомена о возможности подобнаго дѣла, такъ мы объясняемъ недовѣріе самаго Грота къ извѣстію, переданному Полибіемъ и Плутархомъ, тѣмъ, что Гротъ, напитавшись мнѣніями англійскихъ современныхъ экономистовъ о невозможности подобнаго дѣла въ настоящее время, перенесъ ихъ мнѣнія на экономическое устройство эпохи, не имѣющей въ этомъ случаѣ никакого сходства съ нашимъ временемъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что въ древности племена, поселяясь въ завоеванной странѣ, дѣлили землю между всѣми воинами, участвовавшими въ завоеваніи; такъ было вездѣ. Тоже повторялось и въ началѣ среднихъ вѣковъ, когда разныя германскія племена завоевывали римскія провинціи. Поэтому нельзя сомнѣваться, что и дорійцы, завоевавъ часть Пелопонеса, раздѣлили между собою землю. А какъ войны эти были равны между собою — равенство ихъ постоянно оставалось существенною чертою спартанскаго устройства — то конечно и участки были равны. Еслибъ мы не знали этого о спартанскомъ первобытномъ учрежденіи изъ положительныхъ свидѣтельствъ, то должны были бы такъ предположить на основаніи того, что при подобныхъ обстоятельствахъ то же явленіе бывало повсюду. Тѣмъ менѣе мѣста сомнѣнію, когда есть положительное свидѣтельство такого достовѣрнаго историка, какъ Полибій. Вообще все изложеніе экономическихъ учрежденій въ Спартѣ носитъ у Грота явные слѣды узкаго пониманія вещей подѣ влияніемъ экономистовъ, занимающихся полемикою противъ разныхъ современныхъ идей. Онъ позабываетъ при этомъ о формахъ экономическихъ отношеній, преобладавшихъ въ патріархальномъ обществѣ, съ которыми совпадаетъ и учрежденіе, приписываемое Ликургу, и потому съ его мнѣніемъ не возможно согласиться. Все остальное въ исторіи Спарты, какъ пересказываетъ ее г. Леонтьевъ, не представляетъ важныхъ поводовъ къ разнорѣчію.

Но при самомъ началѣ Аѳинской исторіи Гротъ опять излагаетъ гипотезу, едва ли справедливую. По греческимъ преданіямъ, пеласги, первоначальные жители Греціи, были отличны отъ гелленовъ, пришедшихъ впоследствии времени съ сѣвера. Іонійское племя, населившее, между прочимъ, Аттику, было

гелленскаго происхожденія. Мифически это выражается тѣмъ, что Іонъ былъ внукъ Геллена. Вообще, у всѣхъ древнихъ писателей, геллены представляются народомъ, различнымъ отъ пеласговъ, и къ гелленамъ, а не къ пеласгамъ причисляются іоняне. Трудно найдти фактъ въ первобытной греческой исторіи, относительно котораго свидѣтельства были бы такъ многочисленны и согласны. Но Гротъ, основываясь на томъ, что аѳиняне считали себя въ Аттикѣ туземцами, а не пришельцами, называетъ іонянъ пеласгами, и считаетъ ихъ самымъ первобытнымъ населеніемъ этой страны, хотя мнѣніе аѳинянъ о томъ, что они жили въ Аттикѣ съ незапамятныхъ временъ, нисколько не противорѣчитъ преданію о ихъ гелленскомъ происхожденіи, потому что пришествіе гелленовъ въ среднюю Грецію относится къ глубочайшей древности. Гипотеза Грота совершенно произвольна. Можно доказывать родство всѣхъ гелленовъ съ пеласгами; но странно отказывать іонянамъ въ тѣснѣйшемъ родствѣ съ ахейцами и дорійцами. Обыкновенно также думаютъ, со времени Нибура, что іоняне завоевали Аттику и покорили ея прежнихъ жителей. Гротъ также отвергаетъ это мнѣніе, основываясь преимущественно на томъ, что въ числѣ знатныхъ аѳинскихъ родовъ есть многіе, происходившіе, по всей вѣроятности, отъ первобытныхъ жителей страны. Но это не противорѣчитъ факту завоеванія. Гротъ не сомнѣвается въ томъ, что спартанская область была завоевана дорійцами, которые покорили ахеянъ; между тѣмъ въ числѣ спартанцевъ были роды не дорійскаго, а ахейскаго происхожденія; даже спартанскіе цари, по его собственнымъ словамъ, считали себя потомками ахеянъ, то есть, покоренныхъ туземцевъ, а не дорійцевъ, побѣдоносныхъ пришельцевъ. Изъ первобытной римской исторіи также видимъ, что нѣкоторые роды изъ побѣжденнаго племени принимались въ племя побѣдителей. Другія возраженія противъ послѣдователей Нибура еще слабѣе. Такъ, напримѣръ, мнѣніе, будто бы іонійскій діалектъ вѣрнѣе другихъ сохранилъ первобытную полную гласныхъ, совершенно несправедливо. Іонійскій діалектъ болѣе всѣхъ другихъ уклонился отъ древнихъ формъ — это фактъ, неподлежащій сомнѣнію. Здѣсь было бы неумѣстно продолжать этотъ спеціальнѣйшій разборъ, слишкомъ

сухой. Но внимательное разсмотрѣніе приводитъ къ тому, что Нибурово мнѣніе о завоеваніи гелленскими іонянами Аттики, населенной первоначально другимъ племенемъ, гораздо вѣроятнѣе гипотезы, отвергающей завоеваніе. Что же касается различія первобытныхъ жителей отъ позднѣйшихъ пришельцевъ іонянъ, въ немъ, кажется, невозможно и сомнѣваться. Вообще, вопросы о первобытной исторіи Гротъ излагаетъ менѣе удовлетворительно, нежели о послѣдующихъ временахъ. Онъ не имѣетъ той геніальной проницательности, которая нужна для самостоятельныхъ и прочныхъ открытій въ хаосѣ темныхъ извѣстій, и, когда противорѣчить своимъ предшественникамъ, которые руководились удивительно глубокими соображеніями Нибура, то обыкновенно приходитъ къ предположеніямъ, удовлетворительнымъ менѣе, нежели выводы послѣдователей Нибура. Г. Леонтьевъ справедливо говоритъ, что здравый смыслъ, которымъ отличается Гротъ, недостаточенъ для разясненія мрака первобытной исторіи. Гораздо лучше его соображенія о тѣхъ вопросахъ, разрѣшить которые можно и безъ помощи геніальности, однимъ здравымъ смысломъ. Во всякомъ случаѣ, сочиненіе Грота — единственная полная исторія Греціи, написанная очень основательно и заслуживающая той извѣстности, какую пріобрѣла; еслибы г. Леонтьевъ ограничивался только изложеніемъ того, что находимъ у Грота, онъ оказывалъ бы большую услугу русскимъ читателямъ; но присоединяя къ изысканіямъ Грота свои собственныя, и знакомя читателей со всѣми другими замѣчательными мнѣніями о спорныхъ вопросахъ греческой исторіи, онъ еще болѣе возвышаетъ ученое достоинство своего труда. Именно въ такихъ статьяхъ нуждается русская историческая литература, и конечно всѣ читатели *Протилей* съ самымъ живымъ интересомъ ожидаютъ ихъ продолженія.

Г. Куторга пишетъ очень мало, и нельзя не пожалѣть о томъ. Конечно, изслѣдованія, имъ печатаемыя, представляютъ новыя рѣшенія очень важныхъ и трудныхъ вопросовъ, — и мы согласны, что такія произведенія требуютъ слишкомъ многихъ изысканій. Но положеніе нашей исторической литературы таково, что ученый, трудясь для движенія науки впередъ, можетъ также посвящать нѣкоторую часть своего времени и на такіе труды, которые, если

не двинуть вперед науку вообще, то будутъ совершенно новыми у насъ. Изслѣдованіе г. Куторги о Клисѣенѣ займетъ почетное мѣсто въ общей европейской исторической литературѣ, объясняя одинъ изъ главнѣйшихъ фазисовъ развитія аѣинскаго законодательства. Въ третьемъ томѣ *Пропилей* напечатана только первая часть этого труда: изслѣдованіе о дарованіи гражданскихъ правъ мететамъ. Такъ какъ содержаніе этого трактата касается интереснѣйшихъ сторонъ общественнаго устройства, и такъ какъ г. Куторга излагаетъ вполнѣ справедливыя, но еще очень мало извѣстныя у насъ понятія о племенномъ бытѣ, то представимъ здѣсь извлеченіе изъ его изысканія.

Свѣдѣній о преобразованіяхъ, введенныхъ Клисѣеномъ въ аѣинское законодательство по изгнаніи Пизистратидовъ, дошло до насъ очень мало. Тѣмъ драгоцѣннѣе они, потому что Клисѣеновы реформы составили чрезвычайно важную эпоху въ развитіи аѣинскихъ общественныхъ отношеній. Къ числу немногихъ указаний о сущности этихъ реформъ принадлежатъ слова Аристотеля: „Клисѣенъ помѣстилъ въ филы многихъ иностранцевъ и рабовъ метековъ.“ Это мѣсто очень затруднило ученыхъ; выраженіе „рабы метеки“ было непонятно, и темноту приписывали испорченности текста. Но эти исправленія текста были несправедливы, какъ потому, что сами не представляли несомнѣннаго смысла, такъ и потому, что дѣлались наперекоръ авторитету всѣхъ дошедшихъ до насъ рукописей Аристотеля. Потому г. Куторга, отвергая мысль о произвольныхъ измѣненіяхъ чтенія, переданнаго всѣми списками, дѣлаетъ попытку объяснить его безъ всякихъ исправленій, и для того въ подробности разбираетъ смыслъ затруднительныхъ выраженій „помѣстилъ въ филы“ и „рабы метеки.“ Для этой цѣли ему необходимо было объяснить положеніе различныхъ сословій жителей аѣинскаго государства; но какъ скудныя свѣдѣнія, дошедшія до насъ объ этомъ предметѣ, вполнѣ ясны становятся только при сличеніи ихъ съ фактами, извѣстными намъ объ устройствѣ другихъ племенъ, проходившихъ тѣже ступени развитія, какія проходило аѣинское государственное общество, то г. Куторга излагаетъ общій ходъ этого развитія, слѣдуя методу Нибура, доказательства котораго дополняетъ результатами соб-

ственныхъ изслѣдованій. Ясность и основательность всего этого разысканія даетъ намъ возможность представить его въ существенныхъ чертахъ читателямъ, какъ примѣръ удачнаго приложенія сравнительнаго метода, столь необходимаго для исторіи, особенно для древнѣйшей исторіи, которая только при помощи его даетъ выводы прочные и чрезвычайно важные для пониманія всѣхъ послѣдующихъ явленій народной жизни. Введеніе этого метода въ науку — одна изъ важнѣйшихъ заслугъ великаго Нибура, и можно безъ преувеличенія сказать, что степенью умѣнья прилагать сравнительный методъ преимущественно должна измѣряться способность ученаго съ пользою изслѣдовать темныя, но важныя времена первобытной исторіи. Прославленный методъ Гримма въ сущности есть тотъ же самый методъ Нибура, только примѣненный болѣе специальнымъ образомъ.

Прежде всего надобно замѣтить, что въ древнихъ государствахъ все народонаселеніе раздѣлялось по отношенію къ государственнымъ правамъ на двѣ неровныя половины: людей, участвовавшихъ въ управленіи государствомъ, и людей, не имѣвшихъ права ни подавать голоса въ народныхъ собраніяхъ, рѣшавшихъ важныя дѣла, ни дѣлаться членами совѣта или, выражаясь римскимъ терминомъ, сената, управлявшаго общимъ ходомъ текущихъ дѣлъ, ни отправлять правительственныя должности. Подобное устройство видимъ въ городахъ среднихъ вѣковъ; въ большихъ размѣрахъ почти тоже замѣчаемъ донинѣ въ нѣкоторыхъ западныхъ государствахъ, особенно въ Англіи. Общій ходъ государственнаго развитія въ государствахъ, внутреннія силы которыхъ увеличивались съ теченіемъ времени, состоялъ въ томъ, что постепенно это различіе сглаживалось раздачею правъ жителямъ, которые прежде лишены были участія въ управленіи. Такъ было и въ Аѳинахъ.

Аѳиняне дѣлились первоначально на четыре колѣна или „филы“, имѣвшія племенное значеніе; здѣсь можетъ возникнуть вопросъ о томъ, все ли народонаселеніе аѳинскаго государства входило въ составъ этого дѣленія, или только одни люди, участвовавшіе въ управленіи. По мнѣнію Нибура, раздѣляемому г. Куторгою, только эти люди. Но собственно объ устройствѣ

афинскихъ первоначальныхъ филъ не дошло до насъ точныхъ извѣстій, и Нибуръ основываетъ свое мнѣніе на сравненіи афинскаго общественнаго быта съ римскимъ; въ Римѣ такъ же были колѣна, состоявшія изъ родовъ, какъ и въ Аѳинахъ, какъ и въ большей части другихъ древнихъ государствъ; но въ составъ колѣнъ входили только члены класса, управлявшаго государствомъ. Г. Куторга подтверждаетъ эту аналогію, показывая, что „быть приняту въ составъ филы“ и „получить участіе въ государственномъ управленіи“ значить у греческихъ писателей одно и то же. Часть населенія, лишенная правъ, не входила въ составъ филъ. Но какимъ же людямъ Клисѳенъ далъ право участія въ филахъ, или въ государственномъ управленіи? Для опредѣленія этого опять надобно точнѣе припомнить общій ходъ развитія гражданскихъ обществъ въ древности и въ началѣ среднихъ вѣковъ, когда опять изъ племеннаго быта созидались государства. Вездѣ мы видимъ, что первоначально участвовали въ управленіи государствомъ только люди, имѣвшіе поземельную собственность, и что съ теченіемъ времени остальные классы народа пріобрѣли участіе въ государственныхъ правахъ, которыя перестали быть неразрывно связаны съ землею. Соединеніе государственныхъ правъ съ поземельною собственностью произошло оттого, что первоначально была только общинная, а не частная поземельная собственность: земля принадлежала обществу, а не частнымъ лицамъ, которымъ участки ея отдавались только въ пользованіе: всѣ, принадлежавшіе къ составу государственнаго общества, получали участки, не имѣли ихъ только люди, не входившіе въ составъ этого общества. Подобное тому устройство до сихъ поръ сохранилось въ нашемъ сельскомъ бытѣ. Точно такъ же дѣлили землю между всѣми членами дружины или общины германцы, занимая какую нибудь область. Рабы и покоренные конечно не получали отъ завоевавшей общины этихъ участковъ, они также не имѣли и участія въ государственномъ управленіи. Мало по малу участки эти сдѣлались полною собственностью частныхъ лицъ; но по прежнему оставалось понятіе и правило, что только люди, владѣющіе землею, члены государственнаго общества. Такъ было повсюду у германцевъ, римлянъ и различныхъ греческихъ

племень. Такъ должно было быть и въ Афинахъ, что подтверждается общимъ сходствомъ внутренней исторіи гражданскихъ отношеній въ этомъ государствѣ съ другими государствами.

Но съ теченіемъ времени одни изъ владѣльцевъ богатѣли, другіе бѣднѣли, одни дѣлались людьми могущественными, другіе слабыми, беззащитными. При самоуправствѣ и неопредѣленности отношеній, чѣмъ всегда отличаются государства, еще недостигшія очень высокой степени благоустройства, бѣдные и слабые владѣльцы должны были терпѣть очень много притѣсненій отъ сосѣдовъ; для многихъ также были очень тяжелы государственныя подати и повинности; что имъ оставалось дѣлать? или продавать свои участки, или искать покровительства могущественныхъ людей, которые защищали бъ ихъ отъ притѣсненій, принимая извѣстные права надъ ихъ землею. Последнее явленіе встрѣчаемъ повсюду. Такъ въ V вѣкѣ по Р. Х., когда Римская Имперія разрушалась, когда безопасности было мало, и по внутреннимъ безпорядкамъ, и потому, что германцы безпрестанно дѣлали свои набѣги, — въ это тяжелое время мелкіе свободные землевладѣльцы принуждены были искать защиты и помощи у богатыхъ людей, которымъ передавались вмѣстѣ съ своимъ имуществомъ; такимъ образомъ образовался классъ колоновъ или поселянъ, бывшихъ во власти частныхъ людей. Еще въ обширнѣйшихъ размѣрахъ происходило подобное явленіе во время распаденія имперіи Карла Великаго. Безпорядки и потрясенія этой тяжелой эпохи были такъ невыносимы для слабыхъ, что „свободные люди, владѣвшіе небольшими участками земли, обращались къ болѣе сильнымъ, избирали ихъ своими покровителями (*patronus*) и господами (*seigneur*) и давали имъ присягу въ вѣрности и покорности (*fidelitas et homagium*). Такое добровольное поступленіе одного лица въ зависимость другаго (*commendatio, recommendatio, traditio*) было признано правительствомъ и сдѣлалось государственнымъ постановленіемъ.“ Такъ произошелъ классъ вассаловъ изъ свободныхъ алодіальныхъ владѣльцевъ, потомковъ германскихъ воиновъ, получившихъ по жребію участки земли при завоеваніи страны. Можно прибавить, что до нѣкоторой степени подобныя явленія встрѣчаемъ и въ смутныя времена русской исторіи, когда поселяне и мелкіе земле-

дѣльцы „записывались“ за бояръ и монастыри, чтобы имѣть отъ нихъ защиту и участвовать въ льготахъ, которыми пользовались ихъ помѣстья и вотчины. — Теперь легко будетъ для насъ убѣдиться въ основательности объясненія, которое даетъ г. Куторга словамъ аристотеля „Клисеенъ далъ право гражданства рабамъ метекамъ.“ Онъ полагаетъ, что „метеками“ назывались въ Аѳинахъ „владѣльцы небольшихъ участковъ, которые передались со всѣмъ своимъ поземельнымъ имуществомъ другому лицу и поступили въ число людей его.“ Правда, до сихъ поръ, руководствуясь опредѣленіемъ словаря Генриха Стефана, подъ именемъ метековъ хотѣли ученые понимать иноземцевъ, поселившихся въ чуждомъ государствѣ, и постоянно живущихъ въ немъ подъ покровительствомъ законовъ, но устраненныхъ отъ участія въ гражданскихъ правахъ. Но это значеніе получено было словомъ метекъ уже въ позднѣйшіе времена, послѣ Аристиды, по предложенію котораго всѣ свободные жители Аттики получили право гражданства. Но въ старину это слово должно было относиться къ туземцамъ, не имѣвшимъ гражданскихъ правъ; это ясно во первыхъ изъ того, что относя его къ иноземцамъ, прибавляютъ къ нему эпитетъ „иностранецъ;“ во вторыхъ еще опредѣлительнѣе узнается основной смыслъ слова метекъ, когда сравнимъ его съ подобными ему „періекъ“ и „синекъ:“ этими словами означались туземцы, не пользовавшіеся гражданскими правами, и состоявшіе подъ покровительствомъ могущественныхъ землевладѣльцевъ. Туземность древнихъ метековъ прямо подтверждается словами Исократы, говорящаго, что они были „соотечественники“ или „соплеменники“ людямъ, имѣвшимъ гражданскія права. Какимъ же образомъ произошелъ въ Аѳинахъ этотъ классъ людей свободныхъ, но потерявшихъ права? Точно такъ же, отвѣчаетъ г. Куторга, какъ въ Римской Имперіи, въ имперіи Карла Великаго и проч. принужденные искать безопасности и льготъ въ покровительствѣ людей сильныхъ, владѣльцы небольшихъ участковъ передавались могущественнымъ покровителямъ вмѣстѣ съ своею собственностью, отказываясь отъ званія самостоятельныхъ владѣльцевъ и теряя чрезъ то гражданскія права.

Если мы примемъ это объясненіе, имѣющее за себя, по нашему

мнѣнію, всю вѣроятность, то для насъ будутъ совершенно понятны слова Аристотеля и коренное значеніе важныхъ преобразованій, сдѣланныхъ Клисѣеномъ въ распредѣленіи государственныхъ отношеній въ древней Атикѣ, также и общій ходъ событій, вызвавшихъ эти реформы.

Подчиняясь богатымъ землевладѣльцамъ, говоритъ г. Куторга, метеки надѣялись найдти покровительство; но скоро покровители начали притѣснять ихъ, какъ это было и при распаденіи Римской Имперіи, по разсказу Сальвіана. Бѣдные дѣлаются еще бѣднѣе черезъ покровительство, прибавляетъ этотъ писатель, объяснивъ, какъ слабые землевладѣльцы передавались могущественнымъ: ихъ принимаютъ какъ людей непринадлежащихъ къ числу рабовъ, а владѣютъ ими какъ своею собственностью, такъ что вольные люди обращаются въ рабовъ. Такъ же точно и мелкіе алодіальные владѣльцы среднихъ вѣковъ, поступая въ число вассаловъ, мало по малу совершенно утрачивали личную свободу, превращались въ рабовъ, какъ часто ихъ и называли, не смотря на то, что по закону они не были рабами. „Въ такомъ же положеніи были аѳинскіе метеки. Они потеряли прежнія права свои и стояли какъ бы въ срединѣ между свободными и рабами. Они были свободными метеками по своему происхожденію, но рабами по положенію въ обществѣ. Этотъ классъ людей и разумѣетъ Аристотель подъ словомъ: рабы метеки.“ Но въ Атикѣ были кромѣ этихъ туземныхъ метековъ другіе метеки — иноземцы, поселившіеся въ Аѳинахъ. Аристотель упоминаетъ и о нихъ. Потому слово метеки въ его фразѣ надобно понимать относящимся и къ слову „рабы“ и къ слову „иноземцы.“ Клисѣенъ далъ право гражданства метекамъ рабамъ и метекамъ иноземцамъ.

Нѣтъ надобности говорить о важности этого объясненія, открывающаго указаніе на одинъ изъ основныхъ фактовъ внутренней исторіи Аѳинскаго государства, и мы совершенно согласны съ мнѣніемъ г. Леонтьева, что изслѣдованіе г. Куторги приводитъ къ результату, имѣющему всю убѣдительность, возможную въ подобныхъ случаяхъ. Строгая логичность выводовъ и основательность толкованія древнихъ свидѣтельствъ въ этомъ разысканіи равно замѣчательны. Мы не можемъ раздѣлять мнѣній ученаго изслѣ-

дователя только относительно одного пункта — основаній, по которымъ произошла неразрывная связь, существовавшая въ первобытной государственной формѣ между званіемъ гражданина, эвпатрида или патриція, и участіемъ въ общинной государственной собственности. Г. Куторга относитъ возникновеніе общинной земельной собственности, раздававшейся во владѣніе всѣмъ членамъ племени, къ земледѣльческому быту, который признаетъ первобытнымъ: „нѣтъ никакого сомнѣнія, говоритъ онъ, что первоначальное состояніе человѣка было земледѣльческимъ, а рыбная ловля и охота занятіемъ второстепеннымъ и отчасти позднѣйшимъ. Многіе писатели доказывали, что общество проходило разные степени, что человѣкъ сдѣлался прежде всего рыболовомъ и охотникомъ, познакомился потомъ съ скотоводствомъ, и только въ послѣдствіи времени узналъ хлѣбопашество. Этотъ систематическій переходъ неестественъ и совершенно противорѣчитъ свѣдѣніямъ о патриархальномъ бытѣ, пріобрѣтеннымъ въ позднѣйшее время“ — напротивъ, онъ совершенно подтверждается ими, и совершенно естественъ: ненатурально человѣческому обществу дичать, натурально ему цивилизоваться. Преданія всѣхъ народовъ свидѣтельствуютъ о томъ, что прежде, нежели узнали они земледѣліе и сдѣлались осѣдлыми, они бродили, существуя охотою и скотоводствомъ. Чтобы ограничиваться греческими преданіями и относящимися именно къ Атикѣ, укажемъ на миѣ о Церерѣ и Триптолемѣ, котораго научила она земледѣлію — очевидно, что по воспоминаніямъ греческаго народа нищенское и грубое состояніе дикарей охотниковъ было первымъ, а съ благоденствіемъ осѣдой земледѣльческой жизни познакомились люди уже въ послѣдствіи. Такія общія всѣмъ народамъ преданія совершенно подтверждаются для всего европейскаго отдѣла индоевропейскихъ племенъ изслѣдованіями Гримма, которыя справедливо считаются безусловно вѣрными въ своихъ главныхъ выводахъ. Тоже самое прямымъ образомъ доказываютъ положительные факты, записанные въ историческихъ памятникахъ: мы не знаемъ ни одного народа, который, ставъ разъ на степень земледѣльческаго, низпалъ потомъ въ состояніе одичалости, не знающей земледѣлія; напротивъ того, у многихъ изъ европейскихъ народовъ достовѣр-

ная исторія записала почти съ самаго начала весь ходъ распространенія земледѣльческаго быта. Къ числу такихъ народовъ принадлежатъ германцы и отчасти славяне. Мы выставляемъ наше несогласіе съ этимъ положеніемъ г. Куторги, между прочимъ, именно потому, что выводъ, изложенный нами, и не подлежащій сомнѣнію послѣ новѣйшихъ изслѣдованій, гораздо сильнѣе подтверждаетъ его справедливый взглядъ на государственное значеніе поземельной собственности, нежели теорія, будто бы земледѣльческій бытъ есть первоначальное состояніе народа. Частная поземельная собственность была необходимымъ условіемъ государственныхъ правъ потому, что произошла изъ общинной собственности, которою пользовались всѣ лица, составлявшія племенное общество, и не пользовался никто, не принадлежащій къ этому обществу (роду, колѣну, племени); а общинная собственность — существенная принадлежность не земледѣльческаго, а бродячаго, пастушескаго или звѣроловческаго быта. У пастушескихъ народовъ, безпрестанно перекочевывающихъ съ мѣста на мѣсто, личная поземельная собственность недостаточна, стѣснительна и потому не пужна. У нихъ только община (племя, родъ, орда, улусъ, юрта) хранитъ границы своей области, которая остается въ нераздѣльномъ пользованіи у всѣхъ ея членовъ; отдѣльныя лица не имѣютъ отдѣльной собственности. Совершенно не то въ земледѣльческомъ бытѣ, который дѣлаетъ необходимою личную поземельную собственность. Потому-то отъ кочеваго состоянія ведетъ начало связь земли съ племенными, и, въ послѣдствіи, съ государственными правами. Такимъ образомъ новѣйшія изысканія, доказывающія, что европейскіе народы сначала были звѣроловами и пастухами, и только въ позднѣйшія времена сдѣлались земледѣльцами, какъ нельзя лучше подтверждаютъ геніальныя открытія Нибура о племенномъ устройствѣ, принимаемая г. Куторгою. Эти изысканія также совершенно подтверждаютъ другую основную мысль, принимаемую г. Куторгою — мысль объ одинаковости племеннаго устройства у всѣхъ народовъ, проходящихъ первыя ступени историческаго развитія. Мы имѣли случай говорить о томъ, что значеніе исторической филологіи преувеличивается ея исключительными поклонниками; говорили даже, что

тѣхъ же самыхъ выводовъ, какіе получены ею, можно было бы достигъ менѣе утомительнымъ путемъ — изученіемъ быта дикихъ и полудикихъ племенъ, существующихъ доселѣ. Но во всякомъ случаѣ, выводы уже получены, и нѣтъ возможности сомнѣваться въ ихъ основательности. Потому нѣтъ сомнѣнія, что если бы Нибуръ жилъ въ настоящее время, то онъ воспользовался бы трудами Гримма, какъ драгоценнѣйшимъ пособіемъ для своихъ изысканій. Намъ кажется, что они дали бы прочную опору и понятіямъ о поземельной собственности, на которыхъ основывается у г. Куторги объясненіе Клисѣеновой реформы. Какъ бы то ни было, нельзя однако не повторить, что это объясненіе, сдѣланное съ замѣчательною проницательностію и несомнѣнною ученостію, должно быть считаемо однимъ изъ капитальнѣйшихъ трудовъ, какіе только появились въ послѣднее время для объясненія развитія гражданскихъ отношеній въ аѣинской исторіи.

Статья г. Грановскаго *Чтеніе Нибура о древней Исторіи*, подобно статьямъ г. Леонтьева о сочиненіи Грота, представляетъ извлеченіе, сопровождаемое критическими замѣчаніями о тѣхъ положеніяхъ автора, которыя кажутся несправедливыми излагателю. Г. Грановскій передаетъ мнѣнія великаго историка о главныхъ событіяхъ и дѣйствователяхъ греческой исторіи до конца пелопонезской войны; и мы не ошибемся, сказавъ, что эти статьи нашихъ ученыхъ принесутъ наиболѣе пользы читателямъ *Пропилей* и будутъ почти всеми считаемы лучшимъ украшеніемъ разсматриваемыхъ нами томовъ этого сборника. Такіе трактаты, какъ изслѣдованіе г. Куторги о законодательствѣ Клисѣена или переведенное въ IV томѣ *Пропилей* сочиненіе покойнаго Д. Л. Крюкова *О первоначальномъ различіи римскихъ патриціевъ и плебеевъ въ религіозномъ отношеніи* находятъ себѣ у насъ мало цѣнителей и остаются въ русской литературѣ одинокими явленіями, имѣющими болѣе внутренней значительности, но не внѣшняго значенія для читателей, за исключеніемъ, быть можетъ, десяти или двадцати человѣкъ. Напротивъ, сочиненія соединяющія ученую основательность съ подробнымъ изложеніемъ общеизвѣстнаго въ наукѣ, но представляющагося новымъ въ нашей литературѣ, если не прославятъ своихъ авторовъ, то будутъ истинно

полезны. Мы не будемъ распространяться о достоинствахъ статьи г. Грановскаго, потому что въ этомъ случаѣ насъ предупредили отзывы всѣхъ рецензентовъ, разбиравшихъ третій томъ *Пропилей* и займемся сочиненіемъ Крюкова, являющимся теперь въ русскомъ переводѣ.

Крюковъ не успѣлъ оставить послѣ себя много сочиненій; да и тѣ немногія, которыя окончены имъ, должны быть названы скорѣе отрывками (какъ, напр. статья о трагическомъ характерѣ исторіи Тацита, помѣщенная въ *Москвитяинъ*), или, какъ сочиненіе, переведенное теперь въ *Пропилеяхъ*, опытами, которые были бы только предшественниками трудовъ болѣе обширныхъ и глубокихъ, если бы смерть не отняла такъ рано у науки замѣчательнаго изслѣдователя, у русскаго ученаго сословія профессора, который въ немногіе годы сдѣлалъ такъ много для водворенія классической филологіи въ Россіи. Судьба Крюкова была подобна судьбѣ Линовскаго, Лунина, Прейса, которые умерли почти въ самомъ началѣ своей прекрасной и плодотворной дѣятельности, оставивъ по себѣ незабвенную память во всѣхъ, знавшихъ по личнымъ сношеніямъ, какую колоссальную ученостью, глубокомысліемъ и страстною любовью къ своей наукѣ были одарены эти люди, отъ которыхъ могли бы мы ожидать столь многаго, и которые ушли отъ насъ, не совершивъ и сотой части того, что совершили бъ, если бы жизнь ихъ продлилась хотя двадцатью, хотя десятью годами. Скорбно чтимъ мы память этихъ рано угасшихъ дѣятелей науки, и съ печальнымъ благоговѣніемъ смотримъ на ихъ труды, которые такъ много обѣщали въ будущемъ. Съ этимъ чувствомъ мы приступаемъ и къ изложенію *Мыслей о первоначальномъ различіи римскихъ патриціевъ и плебеевъ въ религіозномъ отношеніи* — не съ тою цѣлью, чтобы показывать, почему идеи Крюкова объ этомъ предметѣ не утвердились въ наукѣ, а единственно въ намѣреніи познакомить съ глубокомысліемъ и ученостью покойнаго изслѣдователя тѣхъ читателей, которые не захотятъ слѣдовать за авторомъ въ лабиринтъ спеціальныхъ изысканій и подробностей, изъ котораго извлекаетъ онъ свои мысли. Мы хотимъ не анализировать мысли Крюкова съ критической точки зрѣнія — это уже давно сдѣлано для спеціалистовъ первоклассными

нѣмецкими учеными, удостоившими большого вниманія трудъ, изданный для нихъ, а считаемъ своею обязанностью распространить ближайшее знакомство съ изслѣдованіемъ Брюкова и его достоинствами.

Тотъ самый процессъ постепенной раздачи гражданскихъ правъ классу населенія, первоначально лишенному ихъ, какой видимъ въ аѳинской исторіи, составляетъ существенное содержаніе и внутренней исторіи римскаго государства, въ источникахъ которой записанъ онъ гораздо полнѣе и яснѣе. Но всѣ лѣтописцы и историки, отрывки которыхъ дошли до насъ, принадлежать уже тому времени, когда первый періодъ борьбы между патриціями и плебеями окончился, и различіе между этими двумя первобытными классами римскаго общества относительно гражданскихъ правъ исчезло. Потому они въ своихъ извѣстіяхъ довольно часто смѣшиваютъ понятія, относящіяся къ различнымъ эпохамъ, и истинныя черты различія между плебеями и патриціями при возникновеніи римскаго государства могутъ быть восстановлены только при пособіи критики. Обыкновенно думаютъ, со временъ Нибура, что существенное различіе между патриціями и плебеями состояло въ государственныхъ правахъ. Побѣдители (патриціи) не могли слиться съ побѣжденными тотчасъ же послѣ побѣды надъ ними, не приняли ихъ въ свои колѣна и роды (*stirps* и *gens*) и не дали имъ никакого участія въ государственномъ управленіи, принадлежавшемъ исключительно членамъ господствующаго племени, входившимъ въ составъ патриційскихъ колѣнъ и родовъ. Изъ этого основнаго различія проистекло и религіозное различіе: поклоненіе извѣстнымъ богамъ, покровителямъ государства, принадлежало исключительно господствующему племени, потому что эти боги были боги владычествующаго племени, чуждые покоренному населенію. Потомъ, когда сблизились побѣжденные съ побѣдителями въ политическихъ правахъ, когда государственныя права стали принадлежать всѣмъ свободнымъ туземцамъ города Рима, и поклоненіе государственнымъ богамъ сдѣлалось общимъ для всѣхъ, участвовавшихъ въ государственныхъ правахъ.

Брюковъ, напротивъ того, различіе между патриціями и плебеями основывалъ преимущественно на религіозномъ ихъ единствѣ,

и считалъ остальные государственныя права ихъ уже второстепеннымъ слѣдствіемъ участія въ общей и патриційской религіи. Этимъ однако еще не вполне опредѣляется отношеніе его понятій къ обыкновенному возрѣнію на первобытное различіе между патриціями и плебеями. Обыкновенно думаютъ, что только между патриціями существовало религіозное единство, происходившее отъ общаго поклоненія государственнымъ богамъ (богамъ первоначальныхъ патриційскихъ племенъ); между тѣмъ плебеи, сведенные въ Римъ изъ различныхъ племенъ, не имѣвшихъ между собою ничего общаго, не имѣли и общаго религіознаго поклоненія, пока не приобрѣли религіознаго единства черезъ приобретеніе участія въ государственной религіи. Напротивъ, по мнѣнію Крюкова, вмѣстѣ съ общей патриціанскою религіею первоначально существовала въ Римѣ и общая плебейская религія, и только впоследствии патриціанская религія сначала подавила ее на нѣкоторое время, потомъ слилась съ нею. Изъ самаго изложенія этихъ понятій въ изслѣдованіи Крюкова мы увидимъ, на какихъ предположеніяхъ они основаны, увидимъ также и степень ихъ убѣдительности; но съ тѣмъ вмѣстѣ убѣдимся, какимъ глубокимъ знакомствомъ съ классическою древностью обладалъ покойный нашъ ученый, столь рано отнятый смертью у русской филологіи, какъ самостоятельны были его изысканія въ древнихъ писателяхъ, и какую замѣчательною силою мысли былъ онъ одаренъ.

„Римскіе патриціи говорятъ о себѣ, уже при первыхъ зачаткахъ Рима, какъ о племени издревле осѣдломъ и живущемъ въ племенномъ или родовомъ быту — начинаетъ онъ свое изслѣдованіе. — Они ставятъ себя такимъ образомъ въ противоположность плебеямъ, чуждымъ всякихъ родовыхъ связей;“ — то есть, не имѣвшимъ общаго племеннаго единства. Отчасти эта разрозненность происходила отъ разноплеменности; даже и племенные отношенія тѣхъ плебеевъ, которые до покоренія патриціями или до прихода своего въ Римъ (если предположить, что были также плебеи, поселившіеся въ Римъ добровольно, — предположеніе сомнительное) были въ племенномъ родствѣ между собою и имѣли родовой бытъ, не были признаваемы государствомъ, состоявшимъ первоначально изъ однихъ патриціевъ. „Но — продолжаетъ Крю-

ковъ — органическое единство, которое усваивается патриціямъ, могло принадлежать имъ только въ духовномъ смыслѣ, а не въ смыслѣ однокровности, потому что и патриційское общество произошло посредствомъ разнородныхъ переселеній въ Римъ. Многіе роды патриціевъ были, очевидно, чуждаго происхожденія. Потому они были связаны между собою только нравственными узами; по всей вѣроятности, религіозное родство соединяло ихъ.“ Объ этомъ можно заключить изъ способа принятія въ патриціанскую общину. Оно совершалось посредствомъ кооптаціи; „но такъ какъ этотъ актъ былъ въ употребленіи при принятіи въ какую бы то ни было жреческую общину, то отсюда мы безъ сомнѣнія въ правѣ предполагать совершенное единство религіи.“ Такимъ образомъ патриціи отличались отъ плебеевъ религіею. Доказательствомъ тому служить первобытное воспрещеніе брачныхъ связей между патриціями и плебеями. Древніе писатели говорятъ, что позднѣйшая римская религія произошла черезъ сліяніе двухъ различныхъ религій, изъ которыхъ одна чтила боговъ подъ символическими изображеніями, другая имѣла идоловъ. Первоначально римляне, по единогласному свидѣтельству Варрона, Плинія, Плутарха, Тертуллиана, не знали идоловъ, служеніе которымъ явилось, по словамъ Варрона, изъ Этруріи, во время Тарквинія старшаго. Но эти извѣстія, по мнѣнію Крюкова, не совершенно точны въ томъ отношеніи, что считаютъ символическую религію единственною древнѣйшею, а введеніе изображеній боговъ приписываютъ позднѣйшимъ временамъ. Этрусскаго элемента существовалъ въ Римѣ еще до Тарквинія; потому, считая символическую религію принадлежащею латинамъ, а поклоненіе изображеніямъ боговъ — этрускамъ, надобно допустить, что обѣ различныя религіи существовали въ Римѣ одновременно. Слѣды противоположности этихъ элементовъ сохранились и въ позднѣйшемъ римскомъ богослуженіи, которое образовалось изъ ихъ сліянія. „Если мы спросимъ, въ какомъ же отношеніи находились они первоначально къ двумъ различнымъ частямъ римскаго народа, патриціямъ и плебеямъ, мы невольно должны предположить, что первоначальныя различія религіи могли совершенно совпадать съ различіями самаго народа.“ Потомъ Крюковъ доказываетъ, что патриціи оставались чужды

всякой этрусской примѣси, а въ плебеяхъ былъ силенъ этрусскій элементъ. Послѣ того становится для него очевиднымъ, что происшедшая изъ Лаціума символическая религія была патриціанскою, а этрусская религія, имѣвшая изображенія боговъ, принадлежала плебеямъ. Нѣтъ надобности говорить, что это мнѣніе основано на предположеніяхъ, которымъ противятся самые основные факты римской первобытной исторіи. Если—съ чѣмъ соглашается самъ Крюковъ, плебеи были разноплеменнаго происхожденія, то у нихъ не могло быть общей религіи, пока они, вмѣстѣ съ другими гражданаскими правами, не получили и права считать государственной религіи (принадлежавшей прежде, какъ и всѣ другія государственныя учрежденія, однимъ патриціямъ) своею религіею. И такъ, первоначальное религіозное различіе между патриціями и плебеями состояло не въ томъ, что одни имѣли одну, другіе другую религію, а въ томъ, что патриціи имѣли богослуженіе, признанное государственнымъ, а плебеи не имѣли въ немъ участія. Точно также мы знаемъ, что это различіе было только однимъ изъ слѣдствій совершеннаго отчужденія плебеевъ отъ всѣхъ государственныхъ правъ; и это отчужденіе основывалось на томъ, что патриціи имѣли свое родовое и племенное устройство, а плебеи не были приняты въ составъ ихъ родовъ и колѣнъ или курій. Что же касается вопроса о патриціяхъ, переселившихся въ Римъ изъ другихъ племенъ, то они именно черезъ то и стали патриціями, что были приняты въ составъ патриційскихъ племенъ посредствомъ кооптаціи—учрежденія, дававшего вообще участіе въ правахъ племени, а не исключительно только въ богослуженіи. Что патриціи были нисколько не чужды этрусскому вліянію, доказывается множествомъ государственныхъ учрежденій, существовавшихъ въ Римѣ тогда, когда еще одни только патриціи составляли государство. Такъ, напримѣръ, самъ Крюковъ говоритъ, что устройство войска у Римлянъ было чисто этрусское. Точно такъ же нельзя противопоставлять плебеевъ, какъ этрусковъ, патриціямъ, какъ латинамъ, потому что въ плебеяхъ, какъ и въ патриціяхъ, преобладалъ латинскій элементъ, съ чѣмъ согласенъ и Крюковъ. Вообще, Крюковъ не успѣлъ своимъ изслѣдованіемъ доказать понятій, имъ принимаемыхъ. Остается несомнѣннымъ,

что различныя системы языческаго богослуженія—одна, не имѣющая статуи и почитающая боговъ подъ видомъ разныхъ символовъ или фетишей — оружія, камней и т. п., другая, имѣющая статуи, принадлежатъ различнымъ степенямъ развитія; сначала возникаетъ фетишизмъ, потомъ, съ возвышеніемъ образованности, фетиши вытѣсняются статуями. Римскіе писатели свидѣтельствуютъ, что и въ Римѣ было точно тоже, и что два различныя поклоненія, о которыхъ говоритъ Крюковъ, явились не въ одно время, а сначала служеніе символамъ (фетишамъ), потомъ статуямъ. Крюковъ самъ, кажется, чувствовалъ, что его доводы, опровергающіе этотъ фактъ, не вполне убѣдительны. По крайней мѣрѣ онъ заключаетъ свое изслѣдованіе словами: „Если еще остается нѣкоторое сомнѣніе (въ томъ, что символическое служеніе принадлежало патриціямъ, а этрусское плебеямъ), то оно рѣшительно уничтожится при разсматриваніи первоначальнаго отношенія плебеевъ къ патриціямъ и царя (Рex) къ обоимъ. Это будетъ предметомъ особеннаго разсужденія, въ которомъ мы попытаемся также представить исторію борьбы и взаимнаго сліянія обѣихъ религій.“ Но издать это обѣщанное дополненіе не суждено было Крюкову, и его мысли остались недосказанными. Потому-то было бѣ и несправедливо слишкомъ долго останавливаться на возраженіяхъ имъ. Но по крайней мѣрѣ одно успѣлъ доказать Крюковъ своимъ изслѣдованіемъ: то, что у него былъ богатый запасъ классической учености и сила мысли, могшая обнимать тысячи запутанныхъ, противорѣчащихъ другъ другу фактовъ, и въ строгой системѣ подводить ихъ подъ общую точку зрѣнія.

Затѣмъ должны мы говорить о прекрасной третьей статьѣ г. Кудрявцева: *Римскія женщины по Тацитѣ. Агриппина младшая и Понпея Сабина*. Мастерской, можно сказать краснорѣчивой, рассказъ, сила и вѣрность въ обрисовкѣ характеровъ дѣлаютъ эту статью вполне достойной двухъ предъидущихъ. Мы желали бы выписать нѣсколько страницъ изъ художественнаго разсказа г. Кудрявцева—потому что это было бы единственнымъ средствомъ познакомить съ достоинствами его тѣхъ изъ нашихъ читателей, которые не имѣли еще случая прочитать самой статьи — но этимъ нарушалась бы строгая связь развитія драмы, кото-

рую пересказываетъ намъ авторъ, слѣдуя своему великому руководителю, и мы скажемъ только, что немногіе романы имѣютъ такую завлекательность, какъ исторія Агриппины и ея соперницы, и что г. Кудрявцевъ умѣлъ и понять и изобразить эту кровавую исторію съ искусствомъ истиннаго художника.

Интересна и статья г. Бабста: *Антоній и Клеопатра*; лучшими ея страницами показались намъ тѣ, въ которыхъ разсказывается обаятельное вліяніе Клеопатры на любовника, котораго довела она до гибели и котораго такъ безстыдно хотѣла покинуть, чтобы броситься въ объятія Октавіана. Быть можетъ, нѣкоторые читатели съ удивленіемъ услышатъ, что Клеопатра, которую привыкли по преданію считать идеаломъ красоты, была очаровательна не красотою, а умомъ и изысканнѣйшимъ кокетствомъ: „Мы имѣемъ положительныя извѣстія — говоритъ г. Бабстъ — что она была не хороша собою. Но ея вкрадчивыя рѣчи, ея страстный взоръ, обольстительная игра глазъ, неподражаемая грація въ каждомъ движеніи очаровывали всѣхъ невольню. Она обладала необыкновеннымъ даромъ поддерживать страсть всѣми средствами, какія имѣетъ въ рукахъ ловкая, умная и кокетливая женщина.“

Просматривая статьи, помѣщенныя въ третьемъ и четвертомъ томахъ прекраснаго изданія г. Леонтьева, мы обращали наибольшее вниманіе на тѣ сочиненія, которыя содержатъ въ себѣ новыя и самостоятельныя рѣшенія важныхъ спорныхъ вопросовъ древней исторіи; но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы мы ниже ихъ цѣнили другія статьи, задача которыхъ состоитъ въ изложеніи на русскомъ языкѣ того, что будучи уже хорошо извѣстно специалистамъ, можетъ быть еще не вполне знакомо многимъ изъ русскихъ читателей. Таково положеніе критики, что она можетъ распространяться только о томъ, что представляетъ какія нибудь стороны, требующія объясненій или замѣчаній; о ясномъ и несомнѣнномъ въ наукѣ, она говоритъ только: „это совершенно справедливо и хорошо изложено.“ Но если мы не находили удобнымъ останавливаться въ отдѣльности надъ каждою изъ статей, имѣющихъ цѣлью распространеніе въ русскихъ читателяхъ знакомства съ исторіею и бытомъ древняго міра, то вообще

мы должны сказать, что именно на этихъ-то статьяхъ и основано то высокое значеніе, какое имѣютъ *Пропилеи* въ русской литературѣ. Желаемъ видѣть въ пятомъ томѣ, котораго съ нетерпѣніемъ ожидаемъ, столько же такихъ статей, сколько было ихъ въ третьемъ томѣ.

Отчетъ Императорской Публичной Библиотеки за 1854 г.
*Спб. 1855. *)*

Просвѣщенная и неутомимая заботливость нынѣшняго начальства Императорской Публичной Библиотеки, съ одной стороны объ увеличеніи драгоцѣннаго умственнаго капитала, въ ней хранящагося, и о приведеніи въ извѣстность этихъ богатствъ, съ другой стороны о доставленіи публикѣ всевозможныхъ удобствъ пользоваться ими, принося огромную пользу и Библиотекѣ, и публикѣ, сообщаетъ важность и ежегоднымъ отчетамъ Библиотеки, изъ которыхъ въ каждомъ заключается много извѣстій о приобрѣтеніяхъ этого важнѣйшаго архива науки въ Россіи и новыхъ мѣрахъ къ усовершенствованію его устройства. Перечисляемъ главнѣйшіе изъ фактовъ, представляемыхъ отчетомъ Библиотеки за истекшій годъ.

Важность такого учрежденія, какъ Императорская Публичная Библиотека, дѣлаетъ необходимымъ собраніе матеріаловъ для его исторіи. Потому въ прошедшемъ году соединены въ одну коллекцію всѣ сочиненія, изданныя Библиотекою или касающіяся ея исторіи. Двѣ другія коллекціи составлены: 1) изъ книгъ гражданской печати при Петрѣ Великомъ и 2) газетъ, выходившихъ въ его царствованіе. Первая коллекція состоитъ изъ 111 нумеровъ, въ числѣ которыхъ находится *Геометрія славенскі землемѣрїе издадеся новотипографскимъ тисненіемъ, конченная печатаніемъ Въ лѣто мірозданія 7216. Отъ Рожества же Бога слова 1708. Индікта перваго, мѣсяца Марта*—первая, какъ теперь открывается, книга гражданской печати, потому что

*) *Современникъ* 1855, № 5. — Библиографія

Пріклады како пишутся комплементы разные на нѣмецкомъ языкѣ, считавшіеся доселѣ первою гражданскою книгою, кончены печатаніемъ только мѣсяца *Aprilia* того же года. Газеты царствованія Петра Великаго есть въ Библіотекѣ за всѣ годы, но совершенно полны экземпляры ихъ, по особенному счастью, именно только за самые рѣдкіе годы ихъ изданія, 1703—1706. По 1710 годъ онѣ печатались церковнымъ прифтомъ; первый изъ находящихся въ Библіотекѣ номеровъ гражданской печати — 8 февраля 1710 года. Первые годы газетъ (до 1711 года) печатаны въ Москвѣ; первый, сколько извѣстно, номеръ, вышедшій въ Петербургѣ, — 11 мая 1711 года. Рядомъ съ Петровскими газетами и книгами выставлена карта той же эпохи: *Размѣрная карта часті в начале Балтискаго моря начинающаяся отъ Броклома, даже до Стрелны, идѣ же Ост Финскіи и отъ Парны даже до Шлотбурга*. — Это лучшая изъ тогдашнихъ картъ.

Кромѣ того, по окончательномъ разборѣ книгъ и рукописей поступившаго въ Библіотеку Древлехранилища г. Погодина, всѣ онѣ отличены надписями на переплетахъ. Наконецъ съ 1854 заведена, по высочайшей волѣ, особенная книга для записыванія приношеній Библіотекѣ.

Въ числѣ пріобрѣтеній Библіотеки, кромѣ изданій присланныхъ Правительственными мѣстами, заграничными учеными учрежденіями и поступившихъ по правилу ценсурнаго устава, особенно важны пожертвованія частныхъ лицъ; возрастающая цифра ихъ свидѣтельствуетъ о томъ, что сочувствіе къ Публичной Библіотекѣ продолжаетъ усиливаться въ обществѣ. Въ 1853 было пожертвовано 115 лицами 2230 томовъ, а въ 1854 году 138 лицами 5059 томовъ. Особенно значительны были въ прошедшемъ году приношенія гг. Аделунга (1495 томовъ), Греча, Малышевича, Бунге, Добровича, Погодина, Прянишникова, Беккеръ, Деми, Геннади, Булича, Полънова, кн. Одоевскаго. Въ числѣ пожертвованныхъ книгъ очень многія принадлежатъ къ числу драгоцѣннѣйшихъ библіографическихъ рѣдкостей.

Покупки книгъ на иностранныхъ языкахъ были также многочисленны; наиболѣе обогатились ими въ прошедшемъ году

отдѣленіе, посвященное изученію Россіи и отдѣленіе математико-естественное. Изъ числа чрезвычайно рѣдкихъ купленныхъ книгъ замѣтимъ *Краткую Исторію Москвы, Brief History of Moscovia*, Мильтона (Лондонъ, 1628 года). Кромѣ того Библиотека занималась составленіемъ самой полнѣйшей коллекціи всего, печатаемаго въ Европѣ и въ Америкѣ относительно нынѣшней войны.

Изъ рукописей, поступившихъ въ Библиотеку, важнѣйшія: 1) великолѣпное Евангеліе на греческомъ языкѣ, XII вѣка (пожертвовано г. Титовымъ); 2) Минея праздничная (на славянскомъ языкѣ) XIV вѣка (пожертвована г. Палаузовымъ); 3) Описаніе въ лицахъ бракосочетанія царя Михаила Ѳеодоровича съ Евдокією Лукьяновною Стрешневою, современная рукопись, очень любопытная по своимъ рисункамъ; 4) Мемуары шведскаго генерала графа Спренгспортена, имѣющіе важность для исторіи шведскихъ войнъ; 5) Собственноручный дневникъ (на франц. языкѣ) Л. И. Голенничева Кутузова за годы 1806—1820, 1823—1828 и 1831—1843, всего 34 книжки, которыя нѣкогда будутъ очень любопытнымъ матеріаломъ для исторіи нашего времени. Общая цифра приобрѣтеній Библиотеки въ 1854 году была: печатныхъ книгъ 13,816 томовъ (изъ того числа 5509 пожертвованы и 5420 куплены); географическихъ картъ 93, гравюръ 525, музыкальныхъ пьесъ 422, рукописей и автографовъ 162 и проч.

Многотрудное и громадное дѣло составленія каталоговъ Библиотеки продолжается съ быстротою, какая только возможна при подобной работѣ, необходимо требующей годовъ; всего въ теченіе четырехъ предшествовавшихъ лѣтъ, со времени утвержденія правилъ, составлены каталоги 253,000 томовъ. По многимъ важнымъ частямъ каталоги уже окончены, и между прочимъ, каталоги: 1) Альдинскихъ изданій, коллекція которыхъ очень богата рѣдкостями; 2) два каталога дублетовъ, назначенныхъ въ продажу; 3) коллекціи замѣчательныхъ переплетовъ (эти три каталога составлены библиотекаремъ г. Минцлафомъ); 4) алфавитные каталоги иноязычныхъ сочиненій о Россіи, коллекція которыхъ въ библиотекѣ чрезвычайно богата.

Въ прошедшемъ году библиотека издала новое тисненіе Вѣдомостей 1703 года, о которомъ *Современникъ* уже говорилъ по-

дробно (1855, № III, Библиографія); это изданіе было подаркомъ Московскому Университету въ день его юбилея.

Число посѣтителей Библіотеки въ 1854 году было 20,645 (въ 1853—17,897). Въ чтеніе истребовано книгъ: на русскомъ языкѣ 24,137; на иностранныхъ языкахъ 10,338 томовъ; всего 34,475 (въ 1853 г. 32,345) — такое приращеніе свидѣтельствуесть, по замѣчанію *Отчета*, о томъ, что занятія въ Библіотекѣ съ каждымъ годомъ становятся обширнѣе и Библіотека приноситъ болѣе пользы, главною причиною чего, прибавимъ мы, надобно считать удобства, которыя находятъ для своихъ занятій посѣтители Библіотеки.

О древне-русскихъ училищахъ. *Разсужденіе Н. Лавровскаго. Хариковъ. 1854. *)*

Не скроемъ отъ читателя, что мы взялись за эту книгу съ великими опасеніями. Мы ожидали, что по примѣру другихъ болѣе или менѣе ученыхъ изыскателей, трактовавшихъ въ послѣднее время о просвѣщеніи въ древней Руси, авторъ будетъ доказывать, что при Владимірѣ Мономахѣ или Іоаннѣ Калитѣ существовали на Руси учебныя учрежденія, подобныя нынѣшнимъ гимназіямъ, лицеемъ, университетамъ; что у насъ процвѣтало въ XI—XIII вѣкахъ изученіе французскаго и нѣмецкаго языковъ, не говоря уже о латинскомъ и греческомъ; что у насъ ученымъ образомъ преподавалось тогда римское право, какъ въ Болоньи, медицина какъ въ Салерно, даже, по всей вѣроятности, органическая химія по системѣ Либиха и электромагнетизмъ по понятіямъ Фареде и Араго. Къ счастью, ничего подобнаго авторъ не утверждаетъ. Здравый смыслъ спасъ его отъ поразительныхъ открытій, которыми столько разъ удивляли насъ въ послѣднее время. Но, къ несчастію, авторъ не могъ найти рѣшительно никакихъ опредѣленныхъ извѣстій о предметѣ, который долженъ былъ составить содержаніе его книги. Потому его книга осталась совершенно

*) *Современникъ* 1855, № 5. — Библиографія.

безъ всякаго содержанія. Въ ней говорится объ училищахъ, но говорится о нихъ — ровно ничего, потому что ровно ничего нельзя сказать о нихъ. Впрочемъ, ни нашей радости, ни нашего сожалѣнія не должно понимать въ безусловномъ смыслѣ. Мы радуемся скромности выводовъ только потому, что ожидали найти гораздо больше и гораздо бѣльшихъ преувеличеній, а не потому, чтобъ авторъ былъ совершенно чистъ отъ желанія преувеличить. Не должно также думать, чтобъ источники не доставили автору ни одного указанія объ училищахъ — онъ не преминулъ привести извѣстное мѣсто изъ лѣтописи, что Ярославъ въ Новгородѣ „собра отъ старость и поповыхъ дѣтей 300 учити книгамъ“ — и такъ, мы жалѣемъ не о томъ, что этотъ единственный фактъ его книги былъ уже болѣе 300,000 разъ приведенъ въ другихъ книгахъ и потому лишился своей свѣжести и завлекательности. Намъ кажется, что о предметѣ, столь богатомъ, можно было написать развѣ три строки: „Ярославъ, по словамъ лѣтописи, собралъ и т. д.; нѣтъ сомнѣнія, что и послѣ на Руси были люди, умѣвшіе читать и писать; потому несомнѣнно, что на Руси учили читать и писать; а болѣе объ этомъ ничего неизвѣстно.“ Но авторъ нашелъ средство написать около двухъ сотъ страницъ. Интересно будетъ читателямъ узнать, какимъ образомъ. Вотъ какимъ. Все, что ему вздумается, онъ выписываетъ изъ лѣтописей и другихъ памятниковъ русской литературы, и во всемъ открываетъ признаки великаго факта, что нѣкоторые люди на Руси знали грамотѣ, открываетъ произвольно толкуя всѣ мѣста въ желаемомъ смыслѣ. Главнѣйшее средство для этого даетъ глаголь „учити,“ который значилъ не только учить, но также поучать, назидать. Всѣ мѣста, свидѣтельствующія, что пастыри церкви назидали свою паству въ благочестіи и благонравіи, переголковываетъ онъ въ томъ смыслѣ, что они заводили училища и были наставниками въ качествѣ, школьныхъ учителей, а не въ томъ качествѣ, какъ повсюду и всегда каждый священникъ назывался наставникомъ своей паствы. Между тѣмъ во всѣхъ случаяхъ очевидно, что говорится не о школьномъ ученіи дѣтей, а о благочестивомъ назиданіи взрослыхъ. Но остается нѣсколько мѣстъ, говорящихъ дѣйствительно объ ученіи грамотѣ, и надобно видѣть, какъ пользуется ими авторъ.

Такъ напริมѣръ, въ *Степенныхъ Книгахъ* говорится, что митрополитъ Михаилъ совѣтовалъ „давать каждому ученику урокъ по его силамъ“ — ясно, что эти слова показываютъ (если только они дѣйствительно принадлежатъ Михаилу, а не составляютъ позднѣйшую вставку), что дѣло идетъ не о правильныхъ школахъ, гдѣ много учениковъ и невозможно проходить съ каждымъ особенный курсъ, а о томъ домашнемъ обученіи, когда учитель занимается съ двумя или тремя учениками, изъ которыхъ каждому задаетъ особые уроки. Но г. Лавровскій, основываясь на этихъ словахъ, готовъ предполагать, что ученики дѣлились на отдѣлы по успѣхамъ, что въ нашихъ старинныхъ школахъ было раздѣленіе по классамъ, между тѣмъ, какъ даже неизвѣстно, существовали ли школы, или дѣло ограничивалось только домашнимъ обученіемъ, что и гораздо вѣроятнѣе. Мало того, онъ даже утверждаетъ, будто бы у насъ были школы, въ которыхъ содержались воспитанники; онъ даже полагаетъ, что у насъ учили въ школахъ грамматикѣ! На чемъ все это основано? Рѣшительно ни на чемъ. Такъ вздумалось предположить автору. Подобнымъ то способомъ пишутся большіе ученые трактаты о предметахъ, о которыхъ нельзя сказать двухъ словъ.

О литературныхъ партіяхъ въ Римѣ въ вѣкъ Августа. Сочиненіе Н. Благовѣщенскаго. *)

Г. Благовѣщенскій съ большимъ тактомъ избираетъ всегда предметами своихъ сочиненій очень интересныя и съ тѣмъ вмѣстѣ малоизвѣстныя у насъ вопросы изъ исторіи римской литературы. Этими удачнымъ выборомъ отличаются его разсужденія о римскихъ ателланахъ, о римскихъ пантомимахъ, о началѣ римской комедіи, о судьбахъ римской трагедіи. Нельзя не прибавить, что изложеніе у него бываетъ такъ же интересно, какъ и самый предметъ; потому его сочиненія съ ученымъ достоинствомъ соединяютъ

*) *Современникъ* 1855, № 5. — Вибліографія.

и чисто литературное. Новое его разсужденіе имѣетъ самый живой интересъ, излагая исторію явленій, совершенно подобныя которымъ мы замѣчаемъ и въ нашей литературѣ, и въ ясномъ примѣрѣ представляя, каково значеніе и каковъ будетъ конецъ тѣмъ литературнымъ преніямъ, которыя часто занимаютъ нашихъ современниковъ, и которыя почти въ такомъ же видѣ (только о другихъ именахъ) происходили и въ Римѣ. „Изученіе классической древности — говоритъ онъ — интересно, между прочимъ, въ томъ отношеніи, что она представляетъ намъ собою міръ отжившій, замѣнутый, въ которомъ мы можемъ прослѣдить каждое событіе, каждое явленіе отъ начала его до конца. Мы усматриваемъ не только самое явленіе, но и результаты, къ которымъ оно привело, чего не видимъ при изученіи эпохъ, болѣе близкихъ къ намъ по времени, потому что будущее ихъ намъ неизвѣстно. Потому не рѣдко правильное пониманіе исторіи древняго міра даетъ намъ до нѣкоторой степени возможность вѣрно судить, если не о всѣхъ, то, по крайней мѣрѣ, о нѣкоторыхъ аналогическихъ явленіяхъ въ современной намъ жизни. Въ этомъ замѣнутомъ мірѣ мы находимъ, между прочимъ, рѣшеніе и такихъ общечеловѣческихъ вопросовъ, которые всегда и вездѣ составляли предметъ жаркихъ споровъ, а потому въ настоящее время невольно обращаютъ на себя вниманіе людей образованныхъ и мыслящихъ. Говоря это, я имѣю здѣсь исключительно въ виду вопросы литературные и эстетическіе. Въ литературѣ cadaго народа, въ пору его дѣятельной жизни и развитія, одно направленіе смѣняется другимъ, или даже одновременно существуетъ нѣсколько направленій, и каждое изъ нихъ находитъ своихъ приверженцевъ и представителей, несогласныхъ между собою во взглядѣ на искусство. При извѣстной степени зрѣлости и развитія общества наступаетъ перемѣна вкуса и, вмѣстѣ съ тѣмъ, эстетическаго взгляда на искусство, и въ литературѣ начинается борьба между старымъ и новымъ направленіями. Подобное явленіе не разъ встрѣчаемъ мы и въ римской литературѣ.“ Съ точки зрѣнія, на которую становится г. Благовѣщенскій, исторія древняго міра пріобрѣтаетъ самый живой интересъ для нашего времени. Изложивъ факты, разсказываемые г. Благовѣщенскимъ, мы почти не должны будемъ

указывать параллельность ихъ съ явленіями, среди которыхъ стоимъ мы сами — такъ велико и очевидно сходство.

Движеніе римской поэзіи состояло въ постепенномъ ея подчиненіи греческому вліянію, имѣвшему слѣдствіемъ обработку языка и художественной формы. Это новое направленіе считало въ вѣкъ Августа своими представителями Virgilia и Horacia. Приверженцы старины не щадили ни того, ни другаго нововводителя. Всѣ произведенія Virgilia были осыпаны ожесточенною бранью; такъ Octavius Avitus написалъ цѣлое сочиненіе въ доказательство того, что Virgilius присвоиваетъ себѣ чужіе стихи; на его *Буколики* была написана пародія (*Антибуколики*); на *Энеиду* также была составлена сатира или пародія (*Бичъ Энеиды, Aeneidomastix*). Пародіи нѣкоторыхъ стиховъ его дошли до насъ. Многія выраженія, употребленныя Virgiliemъ, называли варварскими, мужицкими. Такимъ же упрекамъ подвергался и Horacius. Не были щадимы и писатели, которымъ обязана усовершенствованіемъ латинская проза. Такъ Цицерона упрекали за нововведенія въ языкѣ, и даже называли его аллоброгомъ, говоря что онъ пишетъ не по латини, а на варварскомъ языкѣ. Грамматисты и риторы, занимавшіеся преподаваніемъ стилистики, не считали новыхъ писателей заслуживающими изученія, а классическими авторами признавали однихъ старинныхъ писателей, въ которыхъ восхищались именно тѣмъ, что было ихъ величайшимъ недостаткомъ. Ветхія, вышедшія изъ употребленія слова и обороты превозносились похвалами. Это „литературное старовѣрство“, по удачному выраженію г. Благовѣщенскаго, не признававшее великими писателями Цицерона, Virgilia, Horacia, предпочитавшее имъ Livius Andronicus, Ennius, Lucilius, существовало въ Римѣ очень долго. Персій, жившій слишкомъ столѣтіе спустя послѣ Virgilia и Horacia, говоритъ, что еще въ его время были люди, восхищавшіеся „надутымъ“ произведеніемъ стариннаго поэта Attius и „Антипою, у которой слезное сердце облокотилось на горести“ (выраженіе, взятое изъ стариннаго поэта, которымъ восхищаются эти отсталые люди и надъ которымъ смѣется Персій). Конечно, оскорбляемые поэты и приверженцы ихъ принуждены были не щадить обидчиковъ; у Horacia много ѣдкихъ

выходокъ противъ его хулителей ; Виргилій на вѣки заклеилъ своихъ литературныхъ враговъ, Бавія и Мевія, знаменитымъ стихомъ :

Qui Bavium non odit, amet tua carmina, Maevi.

„Кому сносенъ Бавій, пусть тотъ восхищается твоими стихами, Мевій.“ Мало того : новые писатели, принужденные нападками, должны были доказывать, что старинные поэты, подражать которымъ хотѣли ихъ заставить, не выдерживаютъ эстетической критики ; Горацій долженъ былъ, въ оправданіе нововведеній, обнаруживать грубые недостатки Луцилія, Пакувія и другихъ писателей, чрезмѣрно прославляемыхъ приверженцами старины. Однимъ словомъ, дѣло происходило совершенно такъ же, какъ происходитъ теперь передъ нашими глазами.

Но важность не въ томъ, какъ ѣдки и остроумны были взаимные упреки — важность въ томъ, которая сторона признана за справедливую непристрастнымъ потомствомъ, на чьей сторонѣ былъ перевѣсъ нравственныхъ и художественныхъ силъ. Виргилій и Горацій стояли за нововведенія. А кто были ихъ противники ? „Бавій“ и „Мевій“ сдѣлались синонимами словъ : „дурной писатель и дурной человѣкъ.“ Мало того : имена ихъ дошли до насъ только благодаря тому, что они упомянуты у Виргилія, котораго старались терзать своими гнилыми зубами. То же будетъ съ Бавіями и Мевіями всѣхъ временъ. Утѣшительно по крайней мѣрѣ это, если не утѣшительно самая борьба съ такими жалкими противниками.

Повѣсть о Цареградѣ. Изданіе И. Срезневскаго. *)

Къ любимому чтенію нашихъ предковъ принадлежала, между прочимъ, *Повѣсть о созданіи и взятіи Царьграда*. Это доказывается многочисленностью списковъ, въ которыхъ она дошла до насъ. Ужь по одному этому она заслуживала бы полного вни-

*) *Современникъ* 1855, № 2. — Библиографія.

манія, какъ важный памятникъ литературный, еслибъ и не имѣла важности для исторіи взятія Византіи турками. Но сличеніе съ важнѣйшими изъ греческихъ и западныхъ описаній этого событія показываетъ, что въ нашей *Повѣсти* есть много подробностей, не записанныхъ ни въ одномъ изъ другихъ разсказовъ, и съ тѣмъ вмѣстѣ обнаруживаетъ, что эта *Повѣсть*, хотя и потерявшая отъ позднѣйшихъ вставокъ въ извѣстныхъ нынѣ спискахъ, должна быть почитаема разсказомъ вовсе не лишеннымъ исторической достовѣрности — тѣмъ болѣе становится она драгоцѣнна. Г. Срезневскій принялъ на себя трудъ пересказать ея содержаніе новымъ языкомъ, сохраняя однако же все характеристическія выраженія и почти все подробности подлинника. Къ этому переводу, составленному по сравненіи многихъ списковъ, приложилъ онъ прекрасныя объяснительныя примѣчанія, составленныя съ большею внимательностью и проницательностью. Такой комментарий долженъ, по словамъ г. Срезневскаго, служить какъ бы введеніемъ къ изданію самаго текста, исправленнаго по лучшимъ спискамъ. Если изданіе будетъ соответствовать изложенію содержанія и примѣчаніямъ, то оно будетъ однимъ изъ лучшихъ въ числѣ изданій памятниковъ нашей литературы.

Политическое равновѣсіе и Англія. *Сочиненіе* И. В. Вернадскаго. Москва. 1855. *)

Въ одной изъ нашихъ газетъ г. Вернадскій помѣстилъ рядъ статей, въ которыхъ доказывалось, что все толки англичанъ о томъ, что они — защитники политическаго равновѣсія, несправедливы, потому что Англія постоянно стремилась и стремится къ преобладанію надъ остальными державами, не отступая ни предъ какими средствами для достиженія этой цѣли. Это патріотическое мнѣніе подтверждалось обзоромъ англійскихъ владѣній въ различныхъ частяхъ земнаго шара. Статьи, написанныя съ большимъ знаніемъ дѣла, обратили на себя заслуженное вниманіе публики,

*) *Современникъ* 1855, № 5. — Библиографія.

и г. Вернадскій рѣшилъ издать ихъ отдѣльною книжкою. Предполагая, что большая часть нашихъ читателей уже знакомы съ трудомъ г. Вернадскаго, мы не будемъ излагать его содержанія, вполне соответствующаго тому чувству, какимъ долженъ быть проникнуть каждый русскій въ настоящее время.

Высшій курсъ русской грамматики, составленный Владимиромъ Стоюнинымъ. *Спб. 1855.* *)

Въ прошедшемъ мѣсяцѣ мы говорили объ учебномъ курсѣ русской грамматики, написанномъ съ необыкновенно высокими философскими взглядами и чрезвычайно филологическою эрудиціею. Теперь передъ нами лежитъ другой учебникъ русской грамматики, также написанный въ духѣ сравнительной филологіи. Мы далеки отъ того, чтобы сравнивать по достоинству эти двѣ книги. Недостатки руководства, написаннаго г. Стоюнинымъ, можемъ мы откровенно указать въ послѣдствіи, но должны сказать, что во всякомъ случаѣ г. Стоюнинъ занимался обработкою своего сочиненія очень добросовѣстно, добросовѣстно старался о приобрѣтеніи познаній въ томъ предметѣ, который излагается въ его книгѣ — преимущества очень важныя, и уничтожающія всякую мысль о сравненіи. Кромѣ того должны мы прибавить, что г. Стоюнинъ пишетъ скромно, не обнаруживаетъ притязаній на великія преобразованія въ наукѣ, не тщеславится цитатами изъ всѣхъ книжекъ, которыя попадаютъ ему подъ руку, не хочетъ разыгрывать роли величайшаго изъ филологовъ и философовъ, однимъ словомъ, чуждъ всякаго шарлатанства. Мы не думаемъ сравнивать по достоинству двѣ книги, о которыхъ говоримъ. Но во всякомъ случаѣ частое появленіе грамматикъ, написанныхъ съ цѣлью ввести филологическое направленіе въ преподаваніе русской грамматики, доказываетъ, что этотъ методъ, обольстительный по своей новосте у насъ, начинаетъ входить въ моду. Потому нельзя оставить безъ вниманія это модное направленіе. Мы уже говорили о

*) *Современникъ* 1855, № 5. — Библиографія.

томъ, что филологія, наука требующая слишкомъ многихъ приготовительныхъ познаній, не можетъ быть предметомъ общаго образованія, какъ не могутъ входить въ кругъ общаго образованія многія другія отрасли науки. Посмотримъ же теперь на дѣло съ другой точки зрѣнія. Нужно ли, полезно ли стремиться къ тому, чтобы ввести филологическое образованіе въ кругъ общаго преподаванія?

Изучать родной языкъ необходимо, это неподлежитъ спору. Но съ какой цѣлью и въ какомъ направленіи долженъ каждый изъ насъ изучать его? Конечно для того, чтобы умѣть употреблять его для выраженія своихъ мыслей. Разговорное употребленіе изучается практически. Каждый умѣетъ на своемъ языкѣ говорить о всемъ, что только знаетъ. Письменное употребленіе представляетъ нѣкоторыя трудности по запутанности нашего правописанія. И такъ необходимо выучиться писать безъ орфографическихъ ошибокъ. Этого легко достигнуть, и тогда мы будемъ вполне владѣть своимъ языкомъ, на сколько то позволяютъ наши способности и степень нашего уметвеннаго развитія. Никому изъ русскихъ великихъ писателей не понадобилось филологическое образованіе, чтобы писать такъ прекрасно, какъ они писали. Не совершенно ли достаточно будетъ знать намъ о нашемъ языкѣ на столько, на сколько знали о немъ Жуковскій, Пушкинъ Грибоѣдовъ? Развѣ Пушкинъ неправильно употреблялъ прошедшее время глаголовъ? А вѣдь онъ не зналъ, соотвѣтствуетъ или несоотвѣтствуетъ оно греческому аористу, не зналъ, какимъ санскритскимъ суффиксамъ соотвѣтствуетъ наше —ль, которымъ характеризуется прошедшее время, не зналъ, что въ словѣ „люблю“ первая гласная есть старославянское йотированное оу, а второе — старославянскій юсь, произносившійся съ носовымъ отголоскомъ. Къ чему намъ знать, отъ какого корня происходятъ слова „рука“ и „нога“? Развѣ не умѣемъ мы и безъ того правильно употреблять эти слова? Но этого знанія мало, говорятъ приверженцы моднаго филологическаго воспитанія. Ихъ понятія сдѣлались такъ стереотипны, что каждымъ повторяются совершенно въ однихъ и тѣхъ же выраженіяхъ. Возьмемъ же изъ предисловія къ книгѣ г. Стоюнина доказательства, что необходимо

каждому юношѣ 13—15 лѣтъ изучать языкъ глубже, нежели изучалъ его Пушкинъ.

«Для человѣка воплѣ образованнаго мало только умѣть пользоваться практическими правилами языка; нужно *разумѣть* законы своего роднаго языка, видѣть его историческое развитіе и то мѣсто, какое онъ занимаетъ между другими языками. понять тѣсную связь между языкомъ и мыслью, понять, какъ подъ вліяніемъ мысли образуется языкъ. Только при такомъ знаніи можно совершенно понять, что языкъ есть зеркало народа, что въ немъ отразилась вся духовная народная жизнь. Разумное знаніе языка раскрываетъ передъ нами духъ народа въ его языкѣ.»

Эти мысли повторяются такъ часто, и съ такою безотчетною увѣренностью, какъ будто онѣ — аксіомы, въ родѣ $2 \times 2 = 4$. Но увы, какъ неосновательны эти мнимыя аксіомы и слѣдствія, изъ нихъ выводимыя!

„Мало умѣть практически пользоваться языкомъ, нужно уразумѣть его законы.“ — Но вы забываете, что языкъ — ни болѣе ни менѣе, какъ *орудіе* для выраженія мыслей, а орудіемъ нужно только умѣть пользоваться, а „разумѣть законы, по которымъ оно образовано“ дѣло спеціалиста, а не каждаго человѣка, употребляющаго это орудіе. Желудокъ варить пищу, глазъ видитъ предметы, хотя бы мы вовсе не знали, по какому физиологическому процессу это происходитъ. Точно также моя мысль выражается словами: „времени не должно тратить на бесполезныя знанія,“ хотя бы я и не „разумѣлъ“ по какимъ законамъ образовались эти слова и эта фраза. За чѣмъ же нужно мнѣ обременять голову тысячами ненужныхъ подробностей о томъ, отъ какихъ корней, посредствомъ какихъ приставокъ образовались слова „бесполезно“ и „ненужно?“

Филологу это знать необходимо, какъ математику необходимо знать свои формулы, какъ египтологу необходимо знать гіероглифы. Но неспеціалисту эти знанія вовсе ненужны.

— „Но изучая языкъ народа, мы изучаемъ духъ народа.“ — Не гораздо ли легче, опредѣленнѣе, полнѣе изучается духъ народа изученіемъ его исторіи, его литературы, его нравовъ? зачѣмъ идти къ цѣли длиннымъ, скучнымъ, невѣрнымъ путемъ, когда можно гораздо вѣрнѣе достигъ ея другими путями, болѣе удобными и болѣе благотворными для уметвенной дѣятельности?

„ — Но языкъ есть зеркало народной мысли. “ — Не всё зеркала отражаютъ предметъ въ его полномъ размѣрѣ и истинномъ видѣ. Въ литературѣ, въ исторіи, жизнь народа отражается вѣрно и полно; въ языкѣ неточно, неполно и часто невѣрно. Мы знаемъ, что противорѣчимъ въ этомъ случаѣ общепринятому мнѣнію, потому приведемъ нѣсколько примѣровъ. Въ арабскомъ языкѣ глаголь не имѣетъ времени, неужели же арабы не понимаютъ различія между прошедшимъ, настоящимъ и будущимъ? Въ англійскомъ языкѣ нѣтъ различія между родами именъ существительныхъ — неужелижъ англичане не понимаютъ различія между поваромъ и кухаркою? а между тѣмъ то и другое понятіе выражается по англійски однимъ и тѣмъ же словомъ. Дѣло въ томъ, что мысль не вполне выражается словомъ — надобно подразумевать то, что недосказывается. Иначе люди научались бы изъ книгъ, а не изъ жизни и опыта. Конечно, развитіе языка идетъ вслѣдъ за развитіемъ народной жизни, но мы не „разумѣемъ,“ какая нужда изучать отраженіе предмета въ зеркалѣ, когда онъ самъ очень хорошо видѣнъ изъ литературы и исторіи. Ужели, въ самомъ дѣлѣ, дѣлъ Петра Великаго нельзя узнать изъ Голикова *Дьяній Петра Великаго*, и непременно нужно для этого изслѣдовать, какія слова ввелъ Петръ Великій въ русскій языкъ? И скажите, какимъ образомъ, изъ филологическаго изученія русскаго языка, вы узнаете, что Пушкинъ ввелъ въ русскую литературу новыя идеи? Для этого нужно знать исторію русской литературы, а не филологически разбирать русскій словарь или русскую этимологію.

Филологія наука очень важная — но для того, кто хочетъ ею спеціально заниматься; человѣку, который не намѣренъ сдѣлаться филологомъ, санскритскій языкъ не принесетъ ни малѣйшей пользы. Еще менѣе пользы приобрѣтетъ онъ, научившись различать большой юсь отъ малаго. Странно даже доказывать такія простыя истины. Но какъ же не защищать ихъ, когда модное направленіе стремится къ тому, чтобы вмѣсто свѣдѣній о человѣкѣ и природѣ набивать голову юноши теоріями придыханій, приставокъ, корнями и суффиксами.

Годы, посвящаемые человѣкомъ ученью, драгоцѣнные годы.

Жаль тратить ихъ на мученье ребенка или юноши надъ бесполезными для него тонкостями, которыхъ не можетъ онъ и постичь вполнѣ.

Не будучи согласны съ г. Стоюнинымъ въ необходимости или полезности руководствъ, подобныхъ составленному имъ *Высшему курсу русской грамматики*, мы должны однако же отдать автору ту справедливость, что онъ старался „уразумѣть“ филологію. Но его книга была бы свободнѣе отъ ошибокъ, еслибъ онъ былъ осмотрительнѣе въ выборѣ авторитетовъ. Трудями гг. Буслая, Востокова, Давыдова, Срезневскаго можно пользоваться безопасно, они не введутъ въ важныя ошибки. Но драгоценные труды г. Павскаго могутъ принести пользу только опытному специалисту; до нѣкоторой степени надобно сказать это и о трудѣ г. Каткова; другихъ своихъ руководителей напрасно не оставилъ г. Стоюнинъ, потому что у нихъ болѣе ошибочнаго, нежели вѣрнаго. Сравненія съ персидскимъ языкомъ, принадлежащія самому г. Стоюнину, часто бываютъ очень удачны и придаютъ нѣкоторую самостоятельность его труду. Но — если выразить наше мнѣніе откровенно, то мы посовѣтовали бы г. Стоюнину, или совершенно посвятить себя филологіи, или совершенно оставить ее. Какъ и во всякой специальности, въ филологіи не должно существовать дилеттантизма.

О договорѣ Новагорода съ нѣмецкими городами и Готландомъ, заключенномъ въ 1720 году. Сочиненіе Ивана Андреевскаго. Спб. 1855. *)

Немногія страницы этой брошюрки, написанныя самимъ авторомъ, скомпилированы изъ сочиненій, написанныхъ до него о сношеніяхъ Новгорода съ Ганзою и Готландомъ; большая половина книжки занята текстомъ договоровъ, перепечатанныхъ изъ сочиненій Сарторіуса о Ганзѣ, и переводами этого текста съ стариннаго нижненѣмецкаго языка на новый нѣмецкій и русскій. Главнымъ достоинствомъ сочиненія было бы то, еслибы переводы

*) *Современникъ* 1855, № 5. — Библиографія.

были вѣрны. Но авторъ, не зная стариннаго нижненѣмецкаго нарѣчія, поручилъ другому перевести договоръ на новый нѣмецкій; другой этотъ также не всегда понималъ текстъ, и сдѣлалъ довольно много ошибокъ; съ этого ошибочнаго нѣмецкаго перевода сдѣлалъ г. Андреевскій русскій переводъ, въ которомъ повторились ошибки нѣмецкаго. Намъ кажется, что авторъ или долженъ былъ употребить два-три дня, чтобы привыкнуть разбирать языкъ подлинника (что не представляетъ почти никакого труда знающему по нѣмецки), или избрать для своего сочиненія предметъ, болѣе знакомый.

Азовское сидѣніе. *Историческое сказаніе въ лицахъ, въ пяти актахъ и десяти картинахъ, Н. Кукольника. Спб. 1855.*)*

Немногіе счастливицы, которымъ судьба позволила прочесть предпоследнее произведеніе г. Кукольника, *Маркитантку*, гдѣ подъ предлогомъ воспоминаній о войнѣ съ Карломъ XII и Полтавской битвѣ столь наивно и трогательно изображена прелесть милой Тани, на сценѣ доказывающей своему жениху, что она невинна, и героизмъ ея матери, лопатого побивающей Карла или Левенгаупта, — эти немногіе могутъ полагать, что угадаютъ впередъ достоинства новой пьесы извѣстнаго нашего драматурга и романиста. Но думая такъ, они ошибутся. Первое важное преимущество *Азовскаго сидѣнія* надъ прозаическою *Маркитанткою* состоитъ въ томъ, что это „историческое сказаніе въ картинахъ“ писано стихами, какихъ еще никогда не бывало на русскомъ языкѣ. Вотъ примѣръ. Донцы Кумшатный и Шершило бесѣдуютъ съ запорожцемъ Зарембою, который говоритъ, что ему пора отдохнуть отъ войны и жениться; Кумшатный отвѣчаетъ:

Пора-то давно пора, только не туда попать!
 Ты намъ не станичникъ; ты даже не нашъ
 Козакъ. Какая козачка за тебя выйдетъ?
 Развѣ изъ ясырокъ некрещенныхъ жену поймешь;
 А козачка, что называется козачка... дудки!

*) *Современникъ* 1855, № 6. — Библиографія.

Правда, прибавляетъ луганскій козакъ Терешка Лещина, поэтъ, говорящій ломаннымъ малорусскимъ языкомъ — не пойдетъ козачка за запорожца; запорожцы злодѣи, они разорили нашу Лугань:

Була сторонка людная, а теперя лысая.
 Отъ злодѣивъ запорожскихъ повтикали.
 Водай вамъ добра шебуло, племя ведмежье!
 Только мии и осталось отъ солодкаго краю,
 Що бандура, та сердце. Не ма у мене ни роду, ни хаты;
 Не чужой я и на чужой сторонци — бо у мене бандура,
 Тая бандура на всихъ языкахъ знае,
 У мене голосъ, чистый голосъ, слезами вымыть.
 У мене память — не забуди Лугани!
 Не забудутъ добрыи люди пѣсень Терешки,
 Зачують и у дьявольской Сѣчи голосъ Лещины.

Я буду метить запорожцамъ и грозною, вдохновенною пѣснью, и саблею, прибавляетъ Терешка: они, злодѣи, зарѣзали мою жену. Запорожець сердится за эти поэтическія выдумки на своихъ однокашниковъ, и вмѣсто того, чтобы замѣтить Терешкѣ, что онъ, очевидно, по невѣжеству смѣшиваетъ запорожцевъ, защитниковъ и героевъ Украйны, лучшихъ сыновъ Малороссіи, съ татарами, ея притѣснителями, начинаетъ бранить донцовъ и ихъ подвиги, чего запорожцы никогда не дѣлывали, и называетъ Азовъ, взятіемъ котораго хвалятся донцы, „дурацкимъ городомъ.“

кумшатный (*вставъ и стукнувъ кулакомъ по столу*).

Дурацкій! Азовъ дурацкій! Гаврюха, слышишь?
 Да какъ стоитъ ваша запорожская трущоба,
 Такъ никому изъ васъ такого превеликаго дѣла
 И во снѣ не удалось видѣть! Ахъ, ты, темя бараньё!
 А еще на козачкѣ вздумалъ жениться! дудки!
 Какъ вамъ на Днѣпрѣ отъ латынщиковъ жутко пришлось,
 Такъ вы куда махнули? Потянули къ бусурманамъ на службу!
 На поганныхъ хлѣбахъ задумали
 Добывать зипуна молодецкаго!
 Охъ ужъ вы, козаки оплаканные
 Гдѣ вамъ быть добрыми зипунниками,
 Какъ мы, всевеликое войско Донское?

Нѣтъ надобности прибавлять, что Кумшатный, подобно Терешкѣ, по невѣжеству взводитъ на запорожцевъ небылицы. Жаль, что авторъ не объяснилъ этого въ примѣчаніи — тогда мы могли бы отличить мнѣніе господина Кукольника о запорожцахъ отъ того, что говорятъ о нихъ Кумшатный и Терешка въ его пьесѣ. На самомъ дѣлѣ донцы никогда такъ не думали о запорожцахъ, какъ принуждены авторомъ отзываться о нихъ мнимые донцы. Но не въ этомъ дѣло: славные запорожцы, дивную храбрость и высокое благородство которыхъ признавали даже враги ихъ, татары и турки, и потомки которыхъ, черноморцы, своими подвигами показываютъ „какихъ отцевъ они дѣти,“ какія преданія завѣщаны имъ отцами, — славное войско запорожское не нуждается въ защитѣ отъ выдумокъ Терешки, не умѣющаго даже говорить правильнымъ великорусскимъ или малорусскимъ языкомъ и потому признаваемого нами за самозванца — онъ не великорусъ, не малорусъ, не козакъ, онъ долженъ быть выходецъ изъ чужихъ земель, но дѣло не въ содержаніи рѣчей, а въ томъ, какими стихами изложены эти рѣчи. Повторимъ ихъ еще :

КУМШАТНЫЙ.

Пора-то давно пора, только не туда попать!
Ты намъ не станичникъ, ты даже не нашъ
Козакъ! Какая козачка за тебя пойдетъ и т. д.

ТЕРЕШКА.

Була сторонка людная, а теперя лысая.
Отъ злодѣевъ запорожцевъ повтикали и т. д.

Поэтъ-Терешка, вѣроятно, воображаетъ, что это народный русскій или малорусскій размѣръ. Если наша догадка, что Терешка — выходецъ изъ чужихъ земель, только старающійся прикидываться русскимъ, — справедлива, то Терешкѣ простительно ошибаться. Но странно, что авторъ, который представляется намъ въ качествѣ истаго русскаго, написалъ такими странными клочками фразъ все свое „историческое сказаніе.“

Тема, данная первую сценою, развивается всею пьесою, которая имѣетъ единственную цѣлью — доказать, что запорожцы были хвастуны, трусы, безчестные волокиты, предатели, подводившіе

татаръ на пагубу своихъ единовѣрцевъ, донцовъ, которыхъ авторъ справедливо изображаетъ героями; за послѣднее нельзя не похвалить его, потому что донцы, братья запорожцевъ, дѣйствительно всегда были воинами въ высшей степени отважными и благородными, точно также, какъ и запорожцы.

Вся первая картина, занимающая не менѣе 30 страницъ, состоитъ изъ длинныхъ разговоровъ на двойную тему пьесы, — разговоровъ, ни къ чему не ведущихъ и потому скучныхъ. Вторая картина — козацкій майданъ, или сходка. Изъ Азова прибѣжалъ вѣстникъ, Степанъ Порошинъ, и рассказываетъ, что донцы, тамъ засѣвшіе, осаждены безчисленнымъ войскомъ Гуссейна Паши или Гусь-Паши (этотъ „Гусь-Паша,“ повторяемый безпрестанно, долженъ придавать пьесѣ комизмъ). Если донцы не поспѣшатъ на выручку, товарищи пропадутъ. Козаки рѣшаютъ всѣмъ поголовно ѣхать въ Азовъ, выбравъ своимъ предводителемъ Порошина. Картина третья очень длинна — не менѣе, какъ на 45 страницахъ — изображаетъ сборы донцовъ въ походъ. Букетъ картины заключается въ послѣднихъ стихахъ ея: козаки уѣхали, на сценѣ остаются козачки, между прочими Ульяна, замужняя женщина, которая груститъ, отпустивъ мужа въ опасный походъ, и пріятельница ея Даша, объявленная невѣстою Порошина.

ДАША.

Вотъ и невидно!.. Что приуныли? Полно вслѣдъ смотреть!

Сгладимъ лучше путь дороженьку нашимъ молодцамъ!

Выпьемъ до чиста чару полную

Про ихъ здоровье молодецкое! — Любо!

всѣ (кромя Ульяны, взявъ чарки).

Любо!

ДАША (подавая чарку, строго).

Уля, любо!

УЛЬЯНА (взявъ чарку, съ отчаяніемъ).

Любо! любо!

По кускамъ сердечко разрывается!

(Всѣ пьютъ. Занавѣсъ падаетъ).

Картина четвертая переноситъ насъ въ Азовъ. Сцена представляетъ полуразрушенныя укрѣпленія города. Осажденныхъ козаковъ осталось въ живыхъ уже мало. Они отдыхаютъ въ ожи-

даніи приступа. Козачки, замѣняя усталыхъ мужей, исправляютъ укрѣпленія и готовятъ боевые припасы. Тутъ является новое лицо, обязанное, вмѣстѣ съ Гусь-Пашою, смѣшнить публику: козакъ изъ нѣмцевъ, говорящій ломаннымъ языкомъ. Рѣчей очень много, какъ и въ предъидущихъ картинахъ; дѣйствія очень мало. Наконецъ является Порошинъ и другіе козаки, поѣхавшіе на выручку. За сценою шумъ приступа. Потомъ являются люди, рассказывающіе зрителямъ, что приступъ отбитъ, но турки готовятся къ новому приступу. Приносятъ смертельно раненаго Теренку, который умираетъ, не успѣвъ проѣхать ни одной изъ обѣщанныхъ пѣсенъ. Для пьесы это лицо совершенно лишнее; оно выведено авторомъ только для того, чтобы позорить о запорожцахъ и чтобы восхищать зрителей восторженными выходками о бандурѣ и могуществѣ своего голоса.

Дѣйствіе пятой картины опять въ станицѣ. Козачки, долго неполучая извѣстій о мужьяхъ, отправившихся въ Азовъ, отъ скуки ѣздятъ на охоту, стрѣляютъ дудаковъ, и притомъ стрѣляютъ не изъ ружей, а изъ луковъ. Это совершенно новое понятіе о козацкой охотѣ въ половинѣ XVII вѣка. Является запорожецъ, переодѣтый, и съ накладною бородою; онъ, пошедши съ донцами въ Азовъ, на дорогѣ струсилъ и вернувшись въ станицу подъ чужимъ именемъ, хвастается своими геройскими подвигами въ Азовѣ, и рассказываетъ, что всѣ козаки тамъ перебиты или померли съ голоду. Старухи ему вѣрятъ, но богатырша Даша, которая умѣетъ „до чиста выпить чару полную,“ не такъ довѣрчива — она срываетъ съ запорожца фальшивую бороду, заставляетъ его признаться въ трусости и зломъ умыслѣ — у волокиты запорожца было въ умѣ силою увезти Ульяну, — въ наказаніе за то бабы сбрасываютъ его съ берега въ рѣку. Вслѣдъ за тѣмъ является рыбалка (т. е. рыбачка?) и объявляетъ, что въ Азовѣ дѣйствительно голодъ. Даша убѣждаетъ козачекъ садиться на коней и спѣшить на помощь мужьямъ.

Шестая картина — курганъ на дорогѣ къ Азову. За курганомъ сидятъ запорожецъ съ татарами; онъ подвелъ ихъ, чтобы перехватить козачекъ. Но козачки разгоняютъ татаръ, убиваютъ измѣнника запорожца, и продолжаютъ свой путь.

Въ седьмой и восьмой картинахъ, мы видимъ бѣдствія осажденныхъ ; они умираютъ съ голоду. Являются козачки съ дудаками, которыхъ по дорогѣ настрѣляли изъ луковъ, и подкрѣпляютъ эту неожиданною пищею силы своихъ мужей. Тогда турки, у которыхъ въ станѣ началась чума, снимаютъ осаду (картина девятая), козаки обогащаются ихъ позитками, Порошинъ женится на Дашѣ, а нѣмецъ-козакъ на другой дѣвушкѣ, Дунѣ, которая любила бандуриста — Терешку.

Дѣйствія въ пьесѣ очень мало, разговоры неимовѣрно растянуты ; ни одно лицо не говоритъ натуральнымъ языкомъ, всё выражается странною смѣсью надутаго книжнаго языка съ простонароднымъ.

О жизни и ученыхъ трудахъ Френа. *Соч. П. Савельева. Съ портретомъ Френа. Спб. 1855.**

Услуги, оказанныя покойнымъ академикомъ изученію мухамеданскаго востока, уже оцѣнены по достоинству въ наукѣ, и безъ сомнѣнія каждому читателю будетъ пріятно ближе познакомиться съ біографіею этого извѣстнаго оріенталиста.

Френъ родился въ 1782 г. въ Ростокѣ (въ Мекленбургъ-Шверинѣ) и былъ ученикомъ знаменитаго оріенталиста и нумизмата Тихсена, направленіе котораго опредѣлило и характеръ ученой дѣятельности нашего академика. Рекомендація Тихсена доставила ему мѣсто профессора восточныхъ языковъ при Казанскомъ университетѣ (въ 1804 г.). По смерти Тихсена Френу предложили быть его преемникомъ въ Ростокскомъ университетѣ, и онъ въ 1817 г. поѣхалъ, побуждаемый желаніемъ видѣть родину. На пути туда, онъ остановился въ Петербургѣ разсмотрѣть восточный музей Академіи Наукъ ; его просили заняться разборомъ ученыхъ богатствъ этого хранилища, — онъ согласился, выпросивъ оторочку изъ Ростокскаго университета, и, увлекшись этимъ начатымъ съ горячею ревностью колоссальнымъ трудомъ, остался, наконецъ, въ Петербургѣ навсегда, въ званіи академика

*) *Современникъ* 1855, № 6. — Библиографія.

и директора Азіатскаго Академическаго Музея. Онъ скончался 16 августа 1853 г., на семидесятомъ году отъ роду.

Въ Казани Френъ занимался преимущественно разборомъ мухаммеданскихъ монетъ, особенно монетъ хановъ Золотой Орды и Волжскихъ Булгаръ, и успѣлъ приготовить къ изданію *Описаніе монетъ хановъ Джучіева улуса или Золотой Орды* — сочиненіе, необыкновенно важное для исторіи Кипчакской орды. Въ Казани же начать имъ другой трудъ, еще болѣе обширный — составленіе полнаго критическаго словаря арабскаго языка. Богатство словъ и выраженій въ этомъ языкѣ такъ велико, что несмотря на всѣ превосходные труды арабскихъ и европейскихъ лексикографовъ, далеко не всѣ слова этого языка и его многочисленныхъ нарѣчій внесены въ словари. Въ теченіе цѣлыхъ сорока лѣтъ, до конца своей жизни, Френъ вписывалъ въ свой словарь всѣ пропущенные его предшественниками слова и выраженія, которыя встрѣчались ему при чтеніи. Послѣ этого можно вѣрить г. Савельеву, что словарь Френа, остающійся еще въ рукописи, чрезвычайно важенъ для арабской лексикографіи.

Но дѣятельность Френа стала еще плодотворнѣе для науки, когда онъ поселился въ Петербургѣ и посвятилъ всѣ свои силы разбору монетъ и рукописей чрезвычайно богатаго Академическаго восточнаго музея. Френъ привелъ это громадное хранилище въ систематическій порядокъ, глубоко изучилъ его и издалъ полные каталоги или рецензіи его монетъ, на основаніи которыхъ возстановлены имъ тысячи фактовъ исторіи мухаммеданскихъ государствъ. Въ музеѣ нашель онъ и знаменитый *Географическій словарь* Якута, столь драгоценный для русской исторіи по извлеченіямъ изъ Ибнъ-Фоцлана, изданіе которыхъ пролило неожиданный свѣтъ на исторію полуславянскаго приволжья въ X-мъ вѣкѣ. Чтобы понять важность трудовъ Френа по мухаммеданской нумизматикѣ, довольно сказать, что имъ было рассмотрѣно до трехъ милліоновъ восточныхъ монетъ!

Нельзя не упомянуть и о томъ, что Френъ оказывалъ всевозможное содѣйствіе русскимъ молодымъ ориенталистамъ въ ихъ трудахъ. Едва ли есть ориенталистъ въ Россіи, который бы не былъ чѣмъ нибудь ему обязанъ, говорить г. Савельевъ.

Записки Русскаго Географическаго Общества. *Книжка X*
*Спб. 1855. *)*

По достоинству своего содержанія, десятая книжка *Записокъ* Географическаго Общества одна изъ замѣчательнѣйшихъ въ этомъ изданіи, столь важномъ для русской географіи, статистики и этнографіи. Обѣ статьи, ее составляющія — *Очерки торговли Россіи съ Средней Азіей* г. Нобольсина, и *Списокъ мѣстъ въ сѣверозападной части Средней Азіи, положеніе которыхъ определено астрономически*, составленный г. Ханьковымъ и Толстымъ (и являющійся, какъ приложение къ составленной г. Ханьковымъ картѣ этихъ мѣстъ) принадлежатъ къ числу капитальныхъ трудовъ, — или, справедливѣе сказать, должны быть названы, каждая по своему предмету, лучшими сочиненіями.

Г. Небольсинъ, оказавшій много услугъ статистикѣ своими трудами касательно внѣшней торговли Россіи, особенно нашихъ торговыхъ сношеній съ Среднею Азіею, написалъ теперь очень обширный и полный трактатъ о торговлѣ Россіи съ Бухарой, Хивою и Коканомъ. При составленіи этого обзора онъ, кромѣ богатаго запаса своихъ собственныхъ замѣтокъ, пользовался многими рукописными матеріалами (особенно записками г. Генса) и представилъ изслѣдованіе, драгоцѣнное по множеству новыхъ и точныхъ подробностей. Чтобы составить ясное понятіе о степени важности нашихъ торговыхъ сношеній съ Средней Азіей, прежде всего приведемъ итоги *Общей вѣдомости* этой торговли за послѣднее десятилѣтіе (1840—1850 г.), въ круглыхъ числахъ.

Отпускъ.

Звонкая монета	1,530,000 руб.
Мѣдъ, желѣзо, чугунъ, и разныя издѣлія изъ этихъ металловъ	1,014,000 —
Бумажный товаръ	1,488,000 —
Шелковый и шерстяной товаръ	625,000 —
Кожевенный товаръ	825,000 —
Прочіе товары	1,281,000 —
	<hr/>
Итого	6,763,000

*) *Современникъ* 1855, № 6. — Вибліографія.

Привозъ.

Бумага хлопчатая, сырецъ, пряжа	2,748,000 руб.
Бумажный товаръ	4,012,000 —
Шелковый и шерстяной товаръ	150,000 —
Мѣха, мерлушки, пухъ	1,075,000 —
Фрукты	299,000 —
Марена	224,000 —
Прочіе товары	863,000 —
Итого	9,371,000

Изъ этихъ цифръ получаемъ средній годовой отпускъ (по сложности послѣдняго десятилѣтія) — 676,000 р., годовой привозъ 897,000; вся сумма средняго годичнаго оборота торговли съ Среднею Азіею — 1,573,000 р. сер.

Незначительность этой цифры поразительна, и часто обвиняютъ непредпріимчивость русскаго купечества въ томъ, что его торговля съ Бухарою, Хивою, и пр. не приобрѣла болѣе широкихъ размѣровъ. Г. Небольсинъ принадлежитъ къ числу людей, которые чрезвычайно заняты будущностью и возможнымъ развитіемъ нашихъ сношеній съ Среднею Азіею; потому его нельзя подозрѣвать въ пристрастіи, когда онъ доказываетъ, что въ настоящее время торговля эта остается мало важна по необходимости, въ которой вовсе не виноваты русскіе купцы. Бухарцы и сосѣди ихъ, говоритъ онъ, народъ бѣдный, а нищій не можетъ быть ни покупщикомъ, ни продавцомъ на большія суммы. Немногіе зажиточные люди, которые находятся между ними, боятся обнаруживать свое богатство — они должны притворяться нищими, иначе будутъ ограблены своимъ эмиромъ или ханомъ. Они не могутъ пускаться въ значительныя торговыя операціи, не смѣютъ даже покупать себѣ хорошаго платья, хорошей мебели — они живутъ, какъ бѣдняки. Потому русскіе товары не нашли бы себѣ покупателей, если бы привозились въ большомъ количествѣ. Обвинять нашихъ купцовъ за то, что они возятъ въ Бухару и пр. издѣлія только самыхъ низшихъ сортовъ, — также несправедливо, по мнѣнію г. Небольсина: по своей бѣдности и безвкусію среднеазіатцы могутъ покупать только самые дешевые товары; не купцы наши хотятъ продавать имъ плохой товаръ, а сами Бухарцы и Хивинцы заставляютъ ихъ ограничивать свой привозъ

грошовыми вещами. Таковъ же и вызовъ изъ средней Азіи: три четверти его суммы составляютъ бумажныя ткани и пряжа, имѣющія одно только достоинство — дешевизну, и потому годныя для простолюдиновъ Оренбургскаго края, куда не привозится изъ фабричныхъ губерній дешевыхъ русскихъ тканей, появленіе которыхъ въ Оренбургѣ значительно сократило бы нашу торговлю съ Хивой и Бухарой. Сношенія съ этими странами остаются незначительны также по недостатку гражданскаго благоустройства тамъ — зажиточный русскій купецъ, привыкшій дома пользоваться почетомъ, не захочетъ самъ ѣхать въ такую землю, гдѣ можетъ на каждомъ шагу подвергаться грубостямъ и придиркамъ; потому русская торговля ведется преимущественно черезъ мелкихъ прикащиковъ, которые не имѣютъ ни средствъ, ни охоты слишкомъ заботиться о расширеніи круга ея. Прибавимъ наконецъ медленность и дороговизну караваннаго провоза, и мы будемъ имѣть достаточное объясненіе причинъ, по которымъ наша торговля съ Среднею Азіею ограничивается нѣсколькими сотнями тысячъ рублей. За общимъ введеніемъ слѣдуетъ у г. Небольсина подробное описаніе способовъ и маршрутовъ караванной торговли Россіи съ Бухарою, Хивою и Коканомъ, очень богатое точными подробностями; потомъ онъ говоритъ о торговыхъ связяхъ среднеазійскихъ владѣній между собою и путяхъ, которымъ слѣдуютъ караваны изъ одного владѣнія въ другое; подробно объясняетъ качество и назначеніе каждой привозной и отпускнуой статьи товаровъ и заключаетъ свой трактатъ общею вѣдомостью о движеніи среднеазійской торговли за 1840—1850 годы. Извлеченіе изъ этой вѣдомости мы уже представили, и теперь сообщимъ краткій обзоръ другихъ отдѣленій его интереснаго сочиненія.

Верблюды для бухарскихъ каравановъ нанимаются отъ киргизовъ. Средній выюкъ верблюда 18 пудовъ; на дромадера (одногорбаго верблюда) можно класть до 24 пудовъ. Собственно неизбѣжна была бы перевозка товаровъ на верблюдахъ только черезъ пески Кызылъ-кумъ, между Бухарою и Сыръ-Дарьею: до этихъ песковъ отъ Бухары можно было бы доставлять товары на арбахъ, что иногда и дѣлается; отъ Сыръ-Дарьи до нашей Ливіи также возможенъ колесный путь. Возможно было бы также учре-

дять изъ Бухары водяную доставку по Аму-Дарьѣ (отстоящей отъ города Бухары только на одинъ переходъ) до Аральскаго моря: судоходность Аму-Дарьи на этомъ пространствѣ доказана опытомъ. Но привычка и простота караванной перевозки доселѣ одерживаютъ верхъ. Въ киргизской степи нынѣ водворено спокойствіе, и караваны тамъ не подвергаются болѣе опасностямъ отъ хищниковъ. Одинъ изъ опытныхъ торговцевъ говоритъ г. Небольсину, что вѣроятно скоро караваны будутъ ходить на арбахъ, запряженныхъ волами, и верблюды переведутся въ степи. И дѣйствительно, перевозка на волахъ отъ Линіи до Сыръ-Дарьи уже начинаетъ входить въ обыкновеніе. До Бухары изъ Оренбурга или Троицка считается около 1,700 верстъ; средняя цѣна провоза 10 р. сер. съ верблюда т. е. по 55 коп. сер., полагая вьюкъ въ 18 пудовъ. Прежде платилось гораздо болѣе — отъ 20 до 25 р. за верблюда; нынѣ цѣна упала, отъ обѣдненія ли киргизовъ, отъ спокойствія ли, водвореннаго въ степи, или отъ правильности, введенной при наймѣ. Доставка изъ Бухары въ Троицкъ нынѣ обходится дешевле, нежели въ Оренбургѣ. Караванъ въ Бухару изъ Оренбурга идетъ 55 — 60 дней, изъ Троицка 50 — 55 дней. Караваны въ Коканъ (Ташкентъ) ходятъ преимущественно изъ Петропавловска. Путь 45 — 50 дней; плата за верблюда 7 — 8 р. сер. Въ Хиву ходятъ караваны изъ Оренбурга; путь 50 — 55 дней; плата 8 — 10 р. сер. Главная наша торговля съ Бухарой; Хива — второстепенный пунктъ; торговля съ Коканомъ ничтожна. Десятилѣтіе 1840 — 1850 г. даетъ слѣдующія цифры.

	<i>Отпускъ.</i>	<i>Привозъ.</i>
Торговля съ Бухарой. . .	5,225,000 руб.	7,310,000 руб.
» » Хивой . . .	1,335,000 —	1,395,000 —
» » Коканомъ . . .	205,000 —	265,000 —

Потому средній годовой оборотъ бухарской торговли — 1,255,000 р., хивинской — 275,000, коканской — 47,000 р.

Чтобы видѣть, какихъ сортовъ товары требуются отъ насъ среднеазиатскими покупателями, приведемъ цѣны нѣкоторыхъ отпускныхъ статей. Бритвы для этой торговли идутъ изъ продающихся на нижегородской ярмаркѣ по 14 коп. сер. за пару,

Къ обширной статьѣ своей г. Небольсинъ присоединилъ три приложенія, извлеченныя изъ записокъ г. Генса: 1) Дорога изъ Семипалатинска въ Ташкентъ; 2) Дорога изъ Амбергера въ Кашемиръ, Коканъ и Кабуль; 3) Описаніе странствованій Габайдуллы Амирова по средней Азій до Индіи. Всѣ эти маршруты и разсказы записаны г. Генсомъ со словъ самихъ путниковъ, и если многое въ нихъ потеряло интересъ новости, то многія указанія будутъ небезполезными и нынѣ.

Важность *Карты мѣстностей въ сѣверозападной части Средней Азій, положеніе которыхъ опредѣлено астрономически*, составленной г. Ханыковымъ, и приложеннаго къ ней списка этихъ мѣстностей, очевидна. Труды г. Ханыкова по географіи этой части азіатскаго материка пользуются достаточнымъ вѣсомъ въ ученое мірѣ, чтобы уже имя составителя ручалось за высокое достоинство его новаго труда. Сводъ астрономическихъ наблюденій сдѣланъ изъ 23 русскихъ и иностранныхъ ученыхъ путешествій. Всѣхъ мѣстностей, опредѣленныхъ астрономически до 1849 года между 64° и 102° долготы и 34° — 54° сѣверной широты собрано въ списокъ и отмѣчено на картѣ 486; изъ нихъ большая половина опредѣлена трудами русскихъ ученыхъ, изъ которыхъ первымъ былъ г. Вишневскій (въ 1806—1815 г.), почти не имѣвшій въ этомъ дѣлѣ предшественниковъ и между иноземцами. Изъ общаго числа мѣстностей, 360 находятся такихъ, для которыхъ опредѣлена и широта и долгота; для остальныхъ найдена только широта. Въ нѣкоторыхъ полосахъ этой части материка число опредѣленныхъ мѣстностей такъ значительно, что карты могутъ быть составлены съ удовлетворительною точностью. Таково пространство ограничиваемое Орскою крѣпостью на сѣверѣ, Аральскимъ моремъ на югѣ и р. Тургаемъ на востокѣ (45° — 51° сѣв. шир., 76° — 83° долг.) и Персидскія области, прилежація къ Каспійскому морю; другія полосы, напротивъ того, остаются еще бѣдны астрономически опредѣленными пунктами; особенно это надобно сказать о пространствахъ между южною частью Каспійскаго моря на западѣ, Аральскимъ моремъ на сѣверѣ и Бухарою на юговостокѣ (38° — 43° сѣв. шир. и 71° — 79° долг.) и еще болѣе обширномъ пространствѣ на востокъ отъ

рѣкъ Ишима и Сары-су и на сѣверъ отъ озеръ Кара-Куль и Исыкъ-Куль (43° — 54° сѣв. шир. и 84° — 102° долг.). Трудями русскихъ ученыхъ въ скоромъ времени, конечно, пополнятся и эти пробѣлы; тогда карта сѣверозападной половины среднеазійскихъ странъ достигнетъ равной точности во всѣхъ своихъ частяхъ.

Отчетъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества за 1855 годъ. Спб. 1855. *)

Дѣятельность Императорскаго Географическаго Общества, приносящая столько пользы русской наукѣ, давно уже возбуждаетъ въ публикѣ сочувствіе, которое должно почтяться совершенно заслуженною наградою его неутомимыхъ трудовъ.

Интересуясь дѣйствіями Общества, публика не можетъ не желать постоянно слѣдить за именами сановниковъ и ученыхъ, имѣющихъ особенное вліяніе на его труды. Потому изъ *Отчета*, лежащаго теперь передъ нами, прежде всего выпишемъ здѣсь личный составъ управленія Общества въ 1854 г.

Вице-предсѣдателемъ Общества въ истекшемъ году былъ М. Н. Муравьевъ; его помощникомъ — А. И. Левшинъ; членами совѣта Н. А. Милютинъ, Я. И. Ростовцевъ, К. М. Бэръ, Г. П. Гельмерсенъ, К. В. Чевкинъ, Ю. А. Гагемейстеръ, К. А. Неволинъ и К. С. Веселовскій. Въ лѣтніе мѣсяцы, по случаю отсутствія вице-предсѣдателя и его помощника, текущими дѣлами Общества завѣдывалъ Н. А. Милютинъ. Казначеемъ Общества оставался М. Д. Княжевичъ, секретаремъ былъ Е. И. Ламанскій.

Въ отдѣленіяхъ Общества были: въ отдѣленіи физической географіи, предсѣдательствующимъ А. И. Зеленой; этнографіи — предсѣд. Н. И. Надеждинъ, помощникомъ предсѣд. И. И. Срезневскій; статистики — предсѣд. А. П. Заблоцкій, помощникъ предсѣд. К. С. Веселовскій; математической географіи — предсѣд. В. Я. Струве, пом. предсѣд. Н. П. Буцкій.

По состоянію денежныхъ суммъ Общества находимъ въ *Отчетѣ* слѣдующія цифры:

*) *Современникъ* 1855, № 6. — Библиографія.

Въ кассѣ Общества къ 1 декабря 1853 года находилось: капитала и остатковъ отъ текущихъ расходовъ 20,808 руб. $3\frac{3}{4}$ к. сер.; суммъ, имѣющихъ особое предназначеніе 55,593 р. 17 коп.; всего 76,301 р. $30\frac{3}{4}$ коп. сер.

Въ теченіе года, 1 декабря 1853 — 1 декабря 1854 г., поступило: общихъ доходовъ 16,675 р. 28 к.; доходовъ, имѣющихъ особое предназначеніе 29,510 р. 60 к.; всего 46,487 р. $8\frac{3}{4}$ к. сер.

Изъ того числа израсходовано: на канцелярію, наемъ дома и другія хозяйственныя издержки — 4,678 р. 58 коп.; на библіотеку и музей — 1,221 р. 5 к.; на снаряженіе экспедицій, собраніе разныхъ свѣдѣній, пособія для ученыхъ работъ и выдачу премій — 7,952 р. 48 к.; на печатаніе изданій Общества 9,575 р. 7 к.; всего 23,427 р. 17 к. сер.

Затѣмъ къ 1 дек. 1854 г. состояло: капитала и остатковъ отъ текущихъ расходовъ 22,624 р. $11\frac{3}{4}$ к.; суммъ, имѣющихъ особое предназначеніе 76,435 р. 80 к.; всего 99,059 р. $91\frac{1}{4}$ к.

Всѣ источники постоянныхъ доходовъ Общества представляютъ хотя не быстрое, но замѣтное приращеніе. Продажа изданій Общества доставила 500 р. сер. болѣе нежели въ предъидущемъ году. Но особенно значительно возрасла сумма пожертвованій на особыя, предположенныя отъ Общества предпріятія — экспедиціи и проч. Такъ, въ истекшемъ году графъ Чапскій пожертвовалъ Обществу 17,500 р. сер. въ капиталъ для снаряженія восточно-сибирской экспедиціи.

Библіотека Общества, отчасти покупкою, отчасти обмѣномъ и особенно пожертвованіями пріобрѣла въ истекшемъ году 804 сочиненія. Особенно значительно пріобрѣтеніе Общества по завѣщанію Н. С. Корсакова, изъ библіотеки котораго поступило въ собственность Общества 1,006 томовъ книгъ и 1,289 листовъ картъ. Къ 1 апрѣля 1854 г. библіотека Общества содержала — книгъ 3,500 названій въ 6,700 томахъ; картъ — 1,679 атласовъ; рукописей — 256 и проч.

Этнографическій музей Общества обогатился въ прошломъ году особенно коллекціею вещей изъ быта туземцевъ нашихъ

сѣверо-американскихъ владѣній; она пожертвована П. П. Доропинымъ.

Изъ различныхъ отраслей ученой дѣятельности Общества *Отчетъ* прежде всего говорить объ экспедиціяхъ, снаряжаемыхъ Обществомъ. Ихъ въ 1854 г. было четыре: 1) обширнѣйшее изъ всѣхъ предпріятій Обществъ — экспедиція въ Восточную Сибирь — осуществилось въ этомъ году. Математическій отдѣлъ экспедиціи, состоящій изъ главнаго астронома ея, Л. А. Шварца, и его помощниковъ — поручика Рошкова и подпоручиковъ Смирятина и Усольева, извѣстнаго художника, академика Майера и натуралиста г. Радде, прибылъ въ Иркутскъ. 2) Экспедиція для геогностическаго изученія степной части Черноярскаго уѣзда, подъ управленіемъ г. Ауэрбаха, снаряжена и исполнила свое назначеніе въ теченіе лѣтнихъ мѣсяцовъ прошедшаго года; она особенно подробно изслѣдовала интересныя для науки окрестности Большой Богдо и произвела замѣчательный вертикальный разрѣзъ этой горы отъ вершины до самой подошвы; кромѣ того она изслѣдовала самарскія сѣрныя копи. 3) Экспедиція г. И. С. Аксакова для изученія торговли на украинскихъ ярмаркахъ, также окончила свой трудъ. 4) Экспедиція для изученія рыболовства на Каспійскомъ морѣ, состоящая подъ начальствомъ академика Бэра, съ успѣхомъ продолжала свои важныя работы.

Изъ картографическихъ предпріятій Общества важнѣйшее по объему — изданіе межеваго атласа Тверской губерніи, приводится къ окончанію подъ наблюденіемъ г. Менда; болѣе половины этого обширнаго атласа уже вышло въ свѣтъ. Кромѣ того Общество издало важную *Карту, астрономически опредѣленныхъ мѣстъ сѣверозападной части Средней Азии*, составленную г. Ханьковымъ (о которой мы говоримъ въ настоящемъ номерѣ *Современника* въ разборѣ X книжки *Записокъ Общества* *); оканчивается литографированіе карты озера Иссыкъ-Куль и его окрестностей, составленной также г. Ханьковымъ. Изготовленіе статистическаго атласа Европейской Россіи г. Н. А. Милутинымъ продолжалось.

Изданіе Общества въ истекшемъ году были слѣдующія: 1) X-ая книжка *Записокъ* (о которой мы говоримъ въ этомъ номерѣ *Сов-*

*) См. стр. 149 наст. изданія.

ременника; она издана подъ редакцію г. И. П. Арапетова *). XI-ая книжка (по преимуществу геологическаго содержанія) готовится къ изданію, подъ редакцію г. В. Г. Ерофьева. 2) *Вѣстникъ* Общества правильно выходилъ подъ редакцію секретаря Общества В. А. Милютина и во время его отсутствія — Е. И. Ламанскаго. 3) *Отчетъ* Общества за 1853 годъ; 4) 2-ая книжка этнографическаго сборника, подъ редакцію г. М. К. Коркунова. 5) 2-ая книжка математическаго сборника. Всѣ эти книжки принадлежатъ къ постояннымъ изданіямъ Общества. Сверхъ того въ 1854 г. оканчивались печатаніемъ: 6) Сельская лѣтопись, составленная изъ климатологическихъ наблюденій 1851 года; 7) Труды уральской экспедиціи, томъ II; 8) тоже сочиненіе на нѣмецкомъ языкѣ; 9) Статистическое описаніе города Калязина и его уѣзда (приложеніе къ Атласу Тверской губерніи); 10) Обзоръ путешествій и географическихъ открытій въ 1848—1853 годахъ, г. Свенске. Наконецъ печатались или готовились къ печатанію: 11) Каталогъ всѣхъ картъ Россіи и ея частей; 12) Памятники народнаго русскаго языка, подъ редакцію И. И. Срезневскаго; 13) Обзоръ внутренней торговли; 14) Переводъ Риттерова землевѣдѣнія, часть котораго будетъ скоро готова къ печати.

Изъ двухъ премій, которыми ежегодно располагаетъ Общество, Константиновская (которая присуждается поочереди различными отдѣленіями Общества) въ прошедшемъ году выдана по предмету географіи — г. Манганани, за карты Мраморнаго моря. Жуковская статистическая премія присуждена Е. И. Ламанскому за его сочиненія: *О денежномъ обращеніи въ Россіи съ 1650 по 1817 г.* и *Объ операціяхъ кредитныхъ установленій съ 1817 года.*

Статей доставлено изъ провинцій членами сотрудиниками 350.

Вообще дѣятельность Общества, сочувствіе и содѣйствіе его трудамъ съ каждымъ новымъ годомъ усиливается, подъ милостивымъ покровительствомъ Монарха и непосредственнымъ ободреніемъ и участіемъ Августѣйшаго Предсѣдателя Общества, его и. в. великаго князя Константина Николаевича.

*) См. стр. 143 наст. изданія.

Подвигъ матери, эпизодъ изъ отечественной войны, въ двухъ дѣйствіяхъ, въ стихахъ. Соч. Ореста Миллера. Спб. 1855. *)

Пьеса г. Миллера не имѣла особеннаго успѣха или, лучше сказать, никакого успѣха на сценѣ — этимъ достаточно опредѣляется степень ея достоинства; потому было бы излишне много говорить о ней. Расскажемъ только ея сюжетъ въ нѣсколькихъ словахъ.

Елена Петровна, вдова генерала, отпустила [двухъ сыновей въ армію, стоящую подъ Можайскомъ и съ минуты на минуту ожидающую сраженія (дѣйствіе въ 1812 году въ Москвѣ)]. Легко понять безпокойство нѣжной матери. Оно увеличивается тѣмъ, что Ваня, младшій сынъ и любимецъ матери, тоскуетъ и рвется душою на защиту родины — онъ хочетъ побѣдить или умереть рядомъ съ своими братьями. Онъ даже успѣлъ выпроситься у матери съѣздить навѣстить братьевъ. Елена Петровна мучится опасеніемъ, что любимецъ ея останется при арміи. Но Ваня послушный сынъ, и возвращается, какъ ни тяжело ему это. Въ этомъ состоитъ первый актъ. Во второмъ актѣ получено извѣстіе о Бородинской битвѣ. Дядька старшихъ сыновей длиннымъ разговоромъ постепенно приготавливаетъ Елену Петровну къ страшной вѣсти, что оба они убиты. Жена старшаго изъ убитыхъ падаетъ въ обморокъ, услышавъ о смерти мужа. Но мать возвышается духомъ, и въ порывѣ благороднаго энтузіазма сама посылаетъ Ваню, котораго удерживала прежде, заступитъ мѣсто братьевъ въ рядахъ защитниковъ отечества.

Читателямъ предоставляется судить о естественности развязки. Авторъ особенно старался изобразить психологическую борьбу — патріотизма и послушанія къ матери въ сердцѣ Вани, патріотизма и материнской любви въ сердцѣ Елены Петровны. Что онъ не успѣлъ еще уловить истинныя черты этой борьбы, объясняется, и, если угодно, извиняется его молодостью. Этимъ же объясняется и многое другое неудачное въ его пьесѣ, которая, впрочемъ, писана довольно гладкими стихами.

*) Современникъ 1855, № 6. — Вибліографія

Новѣйшій полный русскій пѣсенникъ. *Въ четырехъ частяхъ. Москва. 1855.*)*

Русская литература чрезвычайно богата потребностями. Одна изъ нихъ — Собраніе лучшихъ произведеній русской поэзіи, въ родѣ многочисленныхъ сборниковъ, какія существуютъ въ другихъ литературахъ, въ родѣ, напримѣръ, извѣстнаго *Hausschatz der deutschen Poesie* Вольфа. Но у насъ существуетъ только хрестоматія, которая называется хорошими только сравнительно съ другими, ужь слишкомъ плохими. Притомъ же, никакая хрестоматія, по самому своему назначенію для юношества чрезвычайно стѣняясь въ выборѣ стихотвореній, не можетъ соответствовать требованіямъ публики, сошедшей съ школьной скамьи. Повидимому, матеріальный успѣхъ подобнаго сборника, составленнаго хотя съ нѣкоторымъ знаніемъ и вкусомъ, не подлежалъ бы сомнѣнію. Но до сихъ поръ русская публика должна довольствоваться хрестоматіями. Кромѣ ихъ въ нашей литературѣ существуютъ только сѣробумажные Пѣсенники, слѣвленные съ самою грустною небрежностью, самымъ жалкимъ невѣжествомъ и безвкусіемъ — Пѣсенники, всѣ похожіе одинъ на другой по своему внѣшнему и внутреннему безобразію, какъ двѣ капли воды, и принадлежащіе той же отрасли литературы, къ которой относятся анекдоты о Балакиревѣ и походенія Францыла Венеціана.

Пѣсенникъ, нынѣ оттиснутый въ четырехъ частяхъ московскою бумагонабивною промышленностью, ничѣмъ не лучше своихъ предшественниковъ. Четыре части его всѣ свободно обнимаются общою оберткою, подъ которою прячется два или три десятка печатныхъ листовъ плохой бумаги, отчасти наполненныхъ строками избитаго шрифта — общая форма издѣлій набивной бумажной промышленности. О содержаніи можетъ дать понятіе уже самое заглавіе, если его прочитатъ въ полномъ составѣ, покрывающемъ первую страницу: „Новѣйшій полный русскій пѣсенникъ, собранный изъ народныхъ русскихъ пѣсенъ и изъ сочиненій извѣстныхъ русскихъ писателей: Пушкина, Жуковского, Лермонтова, Коль-

*) *Современникъ* 1855, № 6. — Библиографія.

цова, Цыганова, кн. Вяземскаго, Нелединскаго, Мелецкаго, Козлова, Марлинскаго, Бенедиктова, Батюшкова, Мерзлякова, Дмитриева, Веневитинова, Давыдова, Плетнева, Баратынскаго; также содержащій пѣсни святочные, хороводныя, подблюдныя, плясовыя, свадебныя и проч.“

Какова должна быть книжка съ такимъ спискомъ именъ и словъ, которыя, кажется, отталкиваютъ другъ друга! Когда же мы будемъ имѣть сборникъ, составленный хотя на одинъ волосъ лучше этихъ уродливыхъ чудовищъ, которыя отъ времени становятся только безобразнѣе?

Крымская экспедиція. *Разсказъ очевидца, французскаго генерала. Переводъ съ французскаго. Спб. 1855.*)*

Брошюра эта, говорятъ, написанная по порученію принца Наполеона, который находится не совсѣмъ въ пріятныхъ отношеніяхъ съ своимъ родственникомъ, нынѣшнимъ французскимъ императоромъ, произвела въ Европѣ сильное впечатлѣніе, какъ потому, что написана очень ловко (ее приписываютъ даже — вѣроятно, несправедливо — перу Эмиля Жирардена, самаго бойкаго изъ современныхъ французскихъ публицистовъ), такъ и потому, что въ ней содержится нѣсколько фактовъ, очень важныхъ и бывшихъ до того времени извѣстными только немногимъ лицамъ — они сообщены редактору памфлета, конечно, принцемъ Наполеономъ, который по своему положенію могъ знать очень много „домашнихъ секретовъ“ французскаго правительства.

Брошюра имѣетъ двоякую цѣль: обнаружить непредусмотрительность, неблагонамѣренность, эгоизмъ нынѣшняго французскаго правительства (т. е. Луи-Наполеона и его приверженцевъ), доказать фактами, что Крымская экспедиція задумана не для блага Франціи, не по политической необходимости, а единственно по личнымъ расчетамъ Луи-Наполеона; задумана безъ знанія дѣла,

*) *Современникъ* 1855, № 6. — Библиографія.

тысячъ своихъ лучшихъ воиновъ отъ русскаго сраженія, десяткокъ тысячъ отъ болѣзней и лишеній? Кто виноватъ въ бездѣйствіи французской арміи, напрасно страдавшей въ Варнѣ въ лучшее время года, кто виноватъ въ пагубномъ для нихъ рѣшеніи осаждать Севастополь, кто виноватъ въ непростительныхъ ошибкахъ, которыми такъ богата исторія этой несчастной осады? Это для большинства остается еще или темно или совершенно неизвѣстно. *Очевидецъ* даетъ на все положительные отвѣты.

Французская армія — говоритъ онъ — стояла очень долго въ Галлиполи и Варнѣ потому, что Луи-Наполеонъ и Сентъ-Арно выжидали, пока Австрія объявитъ войну Россіи. Надежда эта, прибавляетъ онъ, была безразсудна, и очень рѣзко доказываетъ, что надѣяться на дѣятельное участіе Австріи въ англо-французскомъ союзѣ могли и могутъ только люди, лишенные всякаго политическаго такта — быть можетъ, это справедливо, замѣтимъ мы; но очевидецъ забываетъ другое обстоятельство еще болѣе важное: въ началѣ войны, Франція не думала присылать въ Турцію болѣе 40 — 50 тысячъ, и ненадѣялась, чтобы турки могли устоять въ полѣ противъ русскихъ; потому начать наступательную войну Луи-Наполеонъ и Сентъ-Арно считали невозможнымъ; союзники послали войско собтвенно только для защиты южныхъ провинцій Европейской Турціи.

Планъ п. губной крымской экспедиціи составленъ въ Парижѣ самимъ Луи-Наполеономъ, говоритъ авторъ, — это должно быть хорошо извѣстно принцу Наполеону, отъ котораго онъ получилъ свои матеріалы. Всѣ хорошіе французскіе генералы, даже маршалъ Вальянъ, нынѣшній военный министръ, видѣли невозможность исполнить этотъ планъ, и громко объ этомъ говорили; одинъ главнокомандующій, Сентъ-Арно, согласился принять его (и тѣмъ крымская экспедиція была рѣшена), потому что былъ креатурою Луи-Наполеона, и, при всей своей безхарактерности, былъ человѣкъ отважный до дерзости. Смерть его, передавшая команду осторожному Канроберу, лишила французовъ всякой возможности успѣха, потому что дерзкій планъ могъ быть осуществленъ только дерзкимъ средствомъ — немедленнымъ штурмованіемъ Севастополя послѣ Альмскаго сраженія, какъ и хотѣлъ

Сентъ-Арно. Теперь всякое вѣроятіе успѣха миновалось для союзниковъ.

Мы передали только главныя мысли *Очевидца*, въ разсказѣ котораго кромѣ того есть очень много интересныхъ подробностей.

Записки о войнѣ 1813 года въ Германіи. Генералъ-Майора Н. ОРТЕНБЕРГА. Спб. 1855.*)

Цѣль, съ которою издана эта книга, объясняется авторомъ въ предисловіи. „Побуждаемый словами *Наставленія для образованія воспитанниковъ Военно-Учебныхъ Заведеній*, что военныя событія 1812, 1813, 1814 и 1815 годовъ должны составлять предметъ особаго изученія для офицеровъ русской арміи, я рѣшился, говоритъ г. Ортенбергъ, принести посильную дань военной литературѣ, представивъ ясное, хотя и краткое изображеніе одного изъ знаменитыхъ годовъ, когда въ такомъ яркомъ свѣтѣ проявилась и великодушная твердость государя и доблести народа русскаго.“

Пріятное препровожденіе времени или собраніе употребительнѣйшихъ фантовъ. Спб. 1855.)**

Быть можетъ, вы захотите посмѣяться надъ этою книжкою— и вы будете правы, потому что многія изъ описываемыхъ въ ней игръ нелѣпы, а сама книжка написана языкомъ, далеко не образцовымъ въ грамматическомъ отношеніи. Но любители фантовъ могутъ узнать изъ нея нѣсколько игръ, довольно забавныхъ, напримѣръ :

Ленты.

„Играющіе берутъ въ руки каждый особенную ленту и держатъ ее за одинъ конецъ ; а другой конецъ всѣхъ лентъ дается

*) *Современникъ* 1855, № 6. — Библиографія.

**) *Ibid.*

въ руки тому, кто распоряжается игрою. Когда онъ говорить: „тяните!“ — надо опускать; а когда онъ говорить: „опускайте!“ — надо потянуть. Удивительно, что въ такой незамысловатой игрѣ собирается множество фантовъ.“

Въ самомъ дѣлѣ, ошибки должны тутъ быть ежеминутны, и игра можетъ доставить нѣсколько минутъ веселаго хохота. Однако не всѣ игры такъ легки и забавны, напр. „быть статуей“ или „пугаемъ“ очень трудно, — но только въ фантахъ: въ жизни напротивъ, и легко и пріятно.

Восточная война, ея причины и послѣдствія. Москва. 1855. *)

Брошюра эта, написанная еще въ мартѣ прошедшаго года, и слишкомъ поздно явившаяся въ русскомъ переводѣ, едва ли можетъ имѣть особенный интересъ для читателей въ настоящее время. Борьба, неизбежность которой еще только предсказываетъ брошюра, продолжается уже болѣе года, и приняла такіе обширные размѣры, что совершенно измѣнила свой характеръ. Это уже не война между Россією съ ея союзниками, какою представлялась она полтора года тому назадъ, а война между Россіей и двумя западными державами, которыя оттѣснили Турцію на второй планъ и на военномъ и на дипломатическомъ поприщѣ. Если возможно было сомнѣваться, по совѣту или противъ совѣта Англии и Франціи начала войну Турція въ 1853 году, то для каждаго теперь ясно, что въ настоящую минуту Турція продолжаетъ ее противъ собственной воли, по приказанію своихъ союзниковъ, которые изъ союзниковъ сдѣлались властелинами слабой державы. Дѣло приняло оборотъ, напоминающій басню, рассказанную аеинянамъ, когда сиракузяне предлагали имъ свою помощь противъ персовъ: „Лошадь вела войну съ какимъ-то врагомъ, и видя собственное безсиліе продолжать ее, обратилась съ просьбою о помощи къ человѣку. Человѣкъ охотно взялся

*) *Современникъ* 1855, № 8. — Библиографія.

помогать ей, только съ условіемъ, чтобы лошадь позволила ему сѣсть на ея спину; лошадь согласилась; но когда, по окончаніи войны, попросила своего союзника освободить ея спину отъ тяжести его тѣла, подъ которою она изнемогаетъ, союзникъ преспокойно отвелъ ее въ конюшню, не слушая никакихъ просьбъ, и послѣ того никогда уже не возвращала себѣ лошадь прежней воли.“ Аѳиняне, выслушавъ эту басню, отказались отъ помощи, предлагаемой сиракузянами. Турки не знали басни, вѣроятно только потому и просили помощи у французовъ и англичанъ. Какъ бы то ни было, но характеръ войны совершенно измѣнился послѣ того, какъ она стала дѣломъ западныхъ державъ, и тѣ вопросы, о которыхъ первоначально шло дѣло, потеряли теперь значеніе — воюющія державы успѣли согласиться въ ихъ рѣшеніи на вѣнскихъ конференціяхъ и это не остановило войны, потому что успѣли уже возникнуть новые вопросы, отнявшіе у первыхъ большую часть важности. Во многомъ измѣнились и другія обстоятельства, отъ которыхъ зависитъ продолженіе войны, и на которыхъ основаны предположенія автора брошюры. Однимъ словомъ, событія, совершающіяся передъ нашими глазами, отняли своимъ развитіемъ большую часть интереса у прошлогоднихъ памфлетовъ и статей, которыя могли быть любопытны въ свое время. Къ числу ихъ принадлежитъ и брошюра, заглавіе которой мы выписали выше.

Новыя письма о химіи, въ ея приложеніяхъ къ промышленности, физиологіи и земледѣлію, Юстуса Либиха. Переводъ инженеръ-поручика А. Гохера. Спб. 1855.*)

Разсказываютъ, что Либиха, основателя органической химіи, когда онъ былъ еще мальчикомъ лѣтъ двѣнадцати, спросили: „Какимъ предметомъ ты хочешь заниматься?“ — „Химією,“ отвѣчалъ онъ. — „Глупенькій, какъ же можно заниматься такими пустяками!“ отвѣчалъ ученѣйшій изъ присутствовавшихъ уче-

*) *Современникъ* 1855, № 8. — Библиографія.

чтобы его справедливыя ожиданія исполнились, и чтобы опытъ всѣхъ преподавателей математики рѣшилъ дѣло въ пользу новаго метода, соотвѣтствующаго настоящему развитію науки. Очень важны — и безъ всякаго сомнѣнія полезны въ преподаваніи — и другія измѣненія, вносимыя г. Остроградскимъ въ изложеніе Начальной Геометріи, именно : подробное развитіе объясненій о предметѣ и основаніяхъ науки и введеніе въ курсъ новыхъ предложеній, для сообщенія совершенной научной строгости выводамъ. Вотъ справедливыя мнѣнія автора объ этомъ :

«Что касается до подробностей въ объясненіи предмета и основаній науки, предположеній, на которыхъ она основана и начальныхъ ея истинъ... авторъ имѣлъ въ виду избѣгать неполноты объясненій. Онъ полагаетъ, что составители курсовъ Начальной Геометріи, по примѣру Эвклида, слишкомъ сократили этотъ важный предметъ, и тѣмъ самымъ могли породить неясность въ идеяхъ и неправильные взгляды на основныя начала науки... Нѣкоторыя изъ предложеній также могутъ показаться излишними ; авторъ проситъ не произносить подобнаго приговора, не вникнувъ совершенно въ вопросъ : что слѣдуетъ принять, какъ необходимое допущеніе ? и что должно доказать ? Вы, напр., спросите : начерченная линія прямая или нѣтъ ? «нѣтъ,» отвѣчаютъ вамъ, «это видно.» Въ практикѣ такое рѣшеніе достаточно, но въ началахъ науки свидѣтельство глаза не принимается. Гдѣ былъ бы конецъ допущеніямъ, основаннымъ на показаніи чувствъ ? Пусть докажутъ, что проведенная линія не имѣетъ свойствъ прямой, и тогда только убѣдятъ насъ неоспоримо, что она не прямая.»

Ненужно доказывать справедливость этихъ словъ ; излишне также говорить, что руководство г. Остроградскаго отличается необыкновенною ясностью и строгостью изложенія ; излишне и рекомендовать его книгу величайшему вниманію всѣхъ преподавателей математики — все это совершенно излишне, потому что на ней выставлено имя г. Остроградскаго.

Православный собесѣдникъ, издаваемый при Казанской Духовной Академіи. 1855. Книжка первая. Казань. *)

По примѣру трехъ старшихъ духовныхъ академій, изъ которыхъ каждая издаетъ свой журналъ духовнаго содержанія, Казанская Академія также приступила къ изданію подобнаго журнала, имѣющаго одною изъ главныхъ задачъ краткое обличеніе заблужденій раскольниковъ, секты которыхъ находятся въ учебномъ округѣ духовнаго вѣдомства, принадлежащемъ къ Казанской Академіи. Первая книжка этого журнала содержитъ въ себѣ слѣдующія сочиненія: Краткія свѣдѣнія о св. Игнатіи Богоносцѣ и его посланіяхъ; Переводъ посланія св. Игнатія Богоносца къ Ефесянамъ, по двумъ его редакціямъ — краткой и пространной; Черты изъ жизни блаженнаго Теофилакта, архіепископа Болгарскаго; Блаженнаго Теофилакта, архіепископа Болгарскаго, толкованіе на св. Евангеліе отъ Матѳея, въ обновленномъ переводѣ; Первое и второе посланія блаженнаго Игнатія, митрополита Сибирскаго и Тобольскаго; День святой жизни, или отвѣтъ на вопросъ: какъ мнѣ жить свято? — Толкованіе блаженнаго Теофилакта и Посланія блаженнаго Игнатія напечатаны славянскимъ шрифтомъ, безъ сомнѣнія для тѣхъ набожныхъ читателей, которые любятъ по преимуществу книги славянской печати. Изъ этихъ статей, интереснѣе всего многимъ читателямъ *Православнаго Собесѣдника* покажутся посланія блаж. митроп. Игнатія, изъ которыхъ въ первомъ пастырь предостерегаетъ свою паству отъ раскольничьихъ лже-учителей, а во второмъ опровергаетъ ложное мнѣніе раскольниковъ о трехперстномъ крестномъ знаменіи.

Разсказъ солдата Сидорова при бомбардированіи Севастополя англо-французами. Москва. 1853. **)

Одна изъ многочисленныхъ спекуляцій рассчитывающихъ на патріотизмъ простонародья. Книжку эту можно похвалить хотя

*) *Современникъ* 1855, № 9. — Библиографія.

**) Ibid.

подражанія, возносится на крылахъ собственнаго вдохновенія, то увидите, что даже отъ подражанія Хераскову и г. Бенедиктову, не только Пушкину и Кольцову, его произведенія очень много выигрываютъ. Вотъ, на примѣръ, какія пьесы внушаетъ ему собственный геній :

Я не художникъ, не поэтъ,
Мнѣ трудно васъ изобразить ;
Но ваши ласки, вашъ портретъ
Въ душѣ не въ силахъ я забыть !

Или :

Два края знакомы родной мнѣ Россіи :
На югѣ цвѣтистомъ, на чудной Невѣ
Видалъ я красавицъ, ихъ взоры живые,
Но огненныхъ глазъ, какъ твои, нѣтъ нигдѣ !

Или наконецъ :

Такъ много писали, писали въ альбомахъ,
Что, право, не знаешь, что въ вашъ написать.
Скажу только, гдѣ ни бывалъ я въ салонахъ,
Подобной нигдѣ вамъ не могъ повстрѣчать.

Конечно, никто не будетъ въ восторгѣ, если неизвѣстный стихотворецъ вслѣдъ за *Палитрою* вздумаетъ издать *Кисть*, потомъ *Камень для растиранія красокъ* и т. д. Но вѣроятно каждый согласится, что если уже непременно захочетъ онъ печатать свои стишки, то лучше пусть онъ подражаетъ Хераскову или г. Бенедиктову, нежели предается полетамъ самостоятельнаго творчества. Мы все это говоримъ, разумѣется, вовсе не къ тому, чтобы давать совѣты автору *Палитры* — будетъ онъ или не будетъ продолжать свое поэтическое поприще, для насъ, какъ и для читателя, рѣшительно все равно. Мы хотѣли только замѣтить, что инымъ стихотворцамъ гораздо выгднѣе передавать въ своихъ стихахъ чужія темы, нежели свои собственные. Авторъ *Палитры*, какъ видно, не знаетъ ни одного иностраннаго языка, потому онъ и могъ перелагать въ своихъ стихахъ только русскіе же стихи; но знай онъ по нѣмецки или по англійски — мы увѣрены, онъ переводилъ бы нѣмецкихъ или англійскихъ поэтовъ, и быть

можетъ, заслужилъ бы даже нѣкоторую благодарность многихъ читателей, быть можетъ, даже принесъ бы нѣкоторую пользу литературѣ. Почему бы, кажется, многимъ изъ нашихъ стихослагателей, имѣющихъ страшную охоту и даже нѣкоторое умѣнье подбирать рѣзныя, притомъ знающихъ иностранныя языки, не понять, что порядочно переводить хорошія пьесы гораздо почетнѣе, нежели кропать собственные стишки? Посмотрите, кто не уважаетъ гг. Берга и Ө. Миллера? и кто не уважалъ бы ихъ еще болѣе, еслибъ они переводили больше, еслибъ наконецъ вмѣсто отдаленныхъ пьесъ, выбранныхъ наудачу и безъ связи, давали намъ въ переводахъ всѣ лучшія пьесы нынѣ одного, черезъ годъ другаго нѣмецкаго или англійскаго поэта? Между тѣмъ, посмотрите, какое прекрасное имя составилъ себѣ въ нѣмецкой литературѣ Боденштедтъ переводомъ Пушкина и Лермонтова — а вѣдь если бы онъ только воспѣвалъ собственные ощущенія, никто и не замѣтилъ бы его существованія. Правда и то, что каждый дѣльный трудъ требуетъ нѣкоторой энергіи, нѣ котораго терпѣнія; но вѣдь достаетъ же у людей, о которыхъ мы говоримъ, энергіи и терпѣнія, чтобы выносить досадную для нихъ холодность публики; почему жъ бы не обратить этихъ качествъ на полезное и почетное дѣло?

АКТЪ *восьмага выпуска студентовъ главнаго педагогическаго института, 20 іюня 1855 года. Спб. 1855. *)*

Въ теченіе двухлѣтія, отдѣляющаго послѣдній выпускъ студентовъ Института отъ предъидущаго, преобразование этого учрежденія было совершено раздѣленіемъ его историко-филологическаго факультета, въ двухъ высшихъ курсахъ, на отдѣленія наукъ филологическихъ и наукъ историческихъ, и учрежденіемъ годовыхъ курсовъ, вмѣсто прежнихъ двухлѣтнихъ, такъ что нынѣ Главный Педагогическій Институтъ будетъ выпускать окончившихъ курсъ студентовъ ежегодно, и имѣетъ четыре отдѣленія:

*) *Современникъ* 1855, № 9. — Библиографія.

1) филологическое, 2) историческое, 3) математическое и 4) естественное. Въ концѣ учебнаго 1854—1855 года число воспитанниковъ Института было 122; изъ нихъ окончили курсъ по истеченіи этого года 30 человекъ. Состояніе учебныхъ пособій Института въ 1855 году было слѣдующее:

Главная бібліотека заключала . . .	17,890 томовъ
Классная бібліотека	9,417 —
Физико-математическій кабинетъ . . .	267 приборовъ
Минералогическій кабинетъ	4,745 нумеровъ.
Ботаническій кабинетъ	24,168 —
Зоологическій кабинетъ	3,182 —
Минцъ-кабинетъ	1,281 монетъ и медалей.

Важнымъ улучшеніемъ было то, что на экзаменахъ студентовъ, оканчивающихъ курсъ, присутствовали, кромѣ профессоровъ Института, профессора Санктпетербургскаго Университета и другіе спеціальныя ученые.

Учрежденіе юрьевскаго общества сельскаго хозяйства съ отчетомъ за 1854 годъ. Москва. 1855.

Записки юрьевскаго общества сельскаго хозяйства за 1854—1855 годъ. Москва. 1855.*)

Съ величайшимъ сочувствіемъ встрѣчаемъ мы первую книгу трудовъ младшаго по лѣтамъ изъ нашихъ Обществъ сельскаго хозяйства и отчетъ о его учрежденіи и дѣйствіяхъ за первый годъ существованія. Прежде всего расскажемъ, какія обстоятельства пробудили въ сельскихъ хозяевахъ Юрьевскаго уѣзда (Владимірской губерніи) потребность основать Общество, между тѣмъ, какъ цѣлыя обширныя края Россіи не сознали еще пользу приносимую развитію общаго благосостоянія подобными учрежденіями, потомъ ознакомимъ читателя съ первыми трудами новоучредившагося Общества.

*) *Современникъ* 1855, № 9. — Библиографія.

Извѣстно, что по развитію промысловъ, Владимірская губернія занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ между всѣми нашими областями. Бѣдность почвы и подвозъ дешеваго хлѣба изъ сосѣднихъ хлѣбородныхъ губерній были причиною, что владимірскіе поселане, не находя выгоды заниматься земледѣліемъ, должны были искать средствъ къ безбѣдному существованію въ промышленности, которая давала имъ порядочныя выгоды. Но въ послѣднее время, въ слѣдствіе развитія мануфактуръ и промысловъ повсюду, прежніе источники доходовъ перестали быть выгодными, и явилась потребность заботиться объ улучшеніи средствъ промышленности, или изобрѣтеніи новыхъ промысловъ; явилась также необходимость искать въ улучшеніи сельскаго хозяйства тѣхъ способовъ къ жизни, въ которыхъ начала отказывать промышленность. Попытки отдѣльныхъ частныхъ лицъ на этомъ поприщѣ улучшеній, если и были удачны для самого предпринимателя (что бывало далеко не всегда), то оставались безъ вліянія на общее состояніе края. Эти соображенія побудили дворянскаго предводителя юрьевского уѣзда, В. В. Калачова, предложить помѣщикамъ своего уѣзда проектъ соединиться въ Общество, чтобы совокупными силами искать средствъ къ возвышенію собственнаго благосостоянія и благосостоянія всей мѣстности, находящейся въ одинаковыхъ съ юрьевскимъ уѣздомъ экономическихъ условіяхъ. Понимая важность и выгоду этой счастливой мысли, они приняли ее съ живымъ одобреніемъ, черезъ посредство губернскаго предводителя обратились къ министру государственныхъ имуществъ съ просьбою объ исходатайствованіи высочайшаго соизволенія на основаніе Общества сельскаго хозяйства, и Уставъ Общества былъ высочайше утвержденъ 19 марта 1854 года. По окончаніи сельскихъ работъ, 11-го сентября того же года, Общество, участвовать въ которомъ изъявили согласіе уже до шестидесяти лицъ, было торжественно открыто, благодаря дѣятельнымъ заботамъ В. В. Калачова. Въ то же время и также благодаря заботамъ В. В. Калачова, была устроена въ городѣ Юрьевѣ выставка мѣстныхъ произведеній, для ознакомленія какъ членовъ Общества съ экономическимъ положеніемъ края, такъ и окрестныхъ жителей съ полезными предпріятіями Общества. Выставка

дала живой поводъ для бесѣдъ новооткрывшагося Общества; съ тою же цѣлью, г. В. В. Калачовъ предварительно разослалъ помѣщикамъ рядъ сельско-хозяйственныхъ вопросовъ, обсужденіемъ которыхъ могло начать Общество свои совѣщанія. Московское Общество сельскаго хозяйства, для изъявленія своего сочувствія и готовности содѣйствовать трудамъ юрьевскаго Общества, поручило своему непремѣнному секретарю, г. Маслову, быть своимъ депутатомъ при его открытіи. Въ первыхъ же засѣданіяхъ Общества, по исполненіи обыкновенныхъ формальностей, выборъ девиза (*трудъ и соревнованіе*) и герба, избраніи президента (г. Пушкиевичъ), вице-президента (В. В. Калачовъ) и секретаря (г. Дубенскій) было прочитано нѣсколько статей, отличающихся здравымъ практическимъ направленіемъ (нѣкоторыя изъ нихъ, помѣщенные въ *Запискахъ* Общества, заслуживаютъ полного вниманія русскихъ сельскихъ хозяевъ), начались бесѣды, одушевленные и очень дѣльные, предложены желающимъ различныя практическія изслѣдованія, была осмотрѣна и обсужена выставка, розданы награды экспонентамъ, и проч. — Однимъ словомъ, началась живая и, безъ сомнѣнія, плодотворная для будущаго дѣятельность молодаго Общества. Черезъ три съ половиною мѣсяца по открытіи, къ 1-му января 1855 года, Общество состояло уже изъ 97 сочленовъ. Къ отчету Общества за 1854 годъ, доставившему намъ эти свѣдѣнія, приложено сельско-экономическое обзорѣніе 1854 года въ Владимірской губерніи и таблицы метеорологическихъ наблюденій.

Переходимъ къ *Запискамъ Общества*. Кромѣ различныхъ отчетовъ объ учрежденіи Общества и выставкѣ, эта, довольно полновѣсная, книга, заключаетъ въ себѣ слѣдующія статьи: *Объ устраненіи препятствій къ правильному развитію хозяйства и промышленности во Владимірской губерніи*, г. Соловьева; *Объ овсѣ*, г. Барыкова; *О дубленіи холста и полотенъ*, г. Калачова; *О почвахъ Владимірской губерніи*, г. Дубенскаго; *Замѣчанія о земледѣльческихъ орудіяхъ, бывшихъ на выставкѣ*, г. Калачова; двѣ статьи *О разведеніи табаку во Владимірской губерніи*, г. Ушакова и *Отвѣты на вопросы, предложенные обществомъ* (и составленные г. Калачовымъ).

Мѣсто не позволяетъ намъ говорить подробно о каждой изъ этихъ статей; замѣтимъ только, что всѣ онѣ имѣютъ прекрасное, чисто практическое направленіе, и представляютъ много полезныхъ наблюдений, указанныхъ авторамъ ихъ собственнымъ опытомъ. Чтобы дать понятіе читателямъ о дѣятельности многихъ членовъ Общества, скажемъ, что ни одинъ изъ предложенныхъ имъ 32-хъ вопросовъ, не остался безъ отвѣта, а на многіе получено по нѣскольку отвѣтовъ, большею частью очень удовлетворительныхъ, простыхъ, ясныхъ и здравыхъ. И здѣсь, какъ вездѣ, В. В. Калачовъ, которому принадлежитъ и мысль основать общество и ея исполненіе, является ревностнѣйшимъ членомъ Общества и обнаруживаетъ богатый запасъ агрономическихъ знаній и умѣнья прилагать ихъ къ дѣлу. Обширнѣйшая изъ помѣщенныхъ въ *Запискахъ* статей, — *О почвахъ Владимірской губерніи*, принадлежитъ г. Дубенскому; она представляетъ подробное описаніе всѣхъ мѣстностей Владимірской губерніи, по различію ихъ почвъ и произведеній, могущихъ расти въ каждой мѣстности. Если, какъ и должно думать, точность наблюдений, собранныхъ г. Дубенскимъ, равняется ихъ обилію, то его статья есть одно изъ лучшихъ описаній подобнаго рода. Статьи гг. Соловьева, Барыкова, Калачова и Уманова заключаютъ въ себѣ много вѣрныхъ практическихъ указаній и наблюдений относительно различныхъ отраслей сельскаго хозяйства.

Пожелаемъ всевозможнаго преуспѣянія трудамъ юрьевскаго Общества сельскаго хозяйства, начатымъ скромно и прекрасно, — желаемъ успѣха имъ сколько по сочувствію къ самому Обществу, столько и для того, чтобы прекрасный примѣръ, поданный гг. помѣщиками юрьевскаго уѣзда, возбудилъ — выражаясь терминами девиза, избраннаго ихъ Обществомъ — повсюду „соревнованіе,“ начатому ими „труду“ на пользу общую.

О званіи генерала, сочиненіе Дюра-Ласалья, перевелъ г. Сведерусъ. Спб. 1855. *)

Сочиненіе Дюра-Ласалья, написанное на французскомъ языкѣ, поднесено было въ рукописи покойному императору Николаю Павловичу; русскій переводъ этой книги посвященъ нынѣ благополучно царствующему государю императору. Краткія размышленія, находящіяся въ этой книжкѣ, если и не могутъ замѣнить полныхъ трактатовъ о военномъ искусствѣ или качествахъ полководца, то представляютъ много умныхъ и справедливыхъ замѣчаній. Для примѣра выпишемъ слѣдующія мѣста, заимствованныя съ первыхъ страницъ книги:

«Нѣтъ предразсудка гибельнаго мнѣнія, что генералы рождаются готовыми, что можно со славою командовать войсками, не бывъ къ тому приготовленнымъ съ самаго дѣтства, и не предаваясь продолжительнымъ и постояннымъ занятіямъ. Правда, были примѣры, что генералы—пѣвѣжды одерживали побѣды: но эти генералы имѣли достаточно ума, чтобы выслушивать и исполнять полезныя совѣты, были окружены офицерами, знающими свое дѣло, и потому на нихъ перенесена заслуга дѣйствій, совершенныхъ другими. Цезарь къ гению своему присоединялъ самыя обширныя знанія; Конде жилъ между ученѣйшими по всѣмъ отраслямъ людьми, изученіе исторіи было его первою страстью; Ришелье, изумленный его познаніями, предсказалъ, что онъ будетъ первымъ полководцемъ въ Европѣ. Но примѣръ Конде не единственный въ исторіи: Густавъ Адольфъ, Вилларъ, Тюренъ, Катина, Монтекукули, принцъ Евгений, Люксембургъ, Филиппъ орлеанскій, Вандомъ, Петръ Великій, де Саксъ, Фридрихъ, Румянцовъ, Марльборо. — всѣ эти великіе полководцы были такъ же знамениты по своимъ познаніямъ. Дюмурье, Моро, Дезе, Пишегрю, Суворовъ, были воины, обладавшіе обширнымъ образованіемъ. Противное мнѣніе распространилось потому только, что потворствуетъ нашей лѣни. Истинный генералъ долженъ соединять обширныя познанія съ счастливыми дарованіями.» (стр. 2—8).

Переходя къ изложенію своихъ понятій о военномъ образованіи, г. Дюра-Ласаль настаиваетъ на томъ, что спеціальному образованію должно предшествовать общее, обширное и основательное, и доказываетъ это тѣмъ, что, напримѣръ, французскія спеціальныя, замкнутыя школы, Политехническая и Сен-Сирская, не смотря на свою славу, до сихъ поръ еще не дали Франціи

*) *Современникъ* 1855, № 9. — Библиографія.

ни одного хорошаго полководца; причиною этого, очень натурально, авторъ полагаетъ то, что воспитанники этихъ школъ не получаютъ общаго образованія; чтобы быть хорошимъ полководцемъ, прежде всего надобно быть, по его мнѣнію, человѣкомъ съ развитымъ умомъ — качество, которое дается не спеціальными курсами, а общимъ образованіемъ.

«Неблагоразумно — замѣчаетъ онъ — давать мальчикамъ до шестнадцатилѣтняго возраста воспитаніе различное, смотря по предназначенію ихъ въ судьбу, въ администраторы или въ военную службу. Первоначальную цѣль воспитанія должно быть развитіе тѣла, приготовленіе ума къ ученію и направленіе сердца — это цѣль общая для всѣхъ классовъ общества. Ежели военное воспитаніе и требуютъ нѣкоторыхъ особенныхъ измѣненій, то они не важны и удобопонятны.» (стр. 13).

Отрывки, нами приведенные, содержатъ въ себѣ основную мысль книги г. Дюра-Ласала, который во многихъ случаяхъ хорошо развиваетъ ее и подтверждаетъ множествомъ примѣровъ.

Венгерская грамматика съ русскимъ текстомъ, и въ сравненіи съ чувашскимъ и черемисскимъ языками, составленная титулярнымъ совѣтникомъ Андреемъ Дешко. *Спб. 1855.**)

Кто, не зная ни по нѣмецки, ни по латинѣ, захочетъ познакомиться съ венгерскимъ языкомъ, тотъ найдетъ въ грамматикѣ г. Дешко нѣкоторое пособіе для исполненія своего желанія. Кромѣ этого, мы ничего не можемъ сказать въ похвалу его книгѣ, если не считать за похвалу неизбѣжной фразы, что авторъ заслуживаетъ признательности за самое намѣреніе, если не за выполненіе этого добраго намѣренія. Зная по венгерски, г. Дешко повидимому не почелъ нужнымъ для себя пріобрѣсти надлежащія знанія тѣхъ правилъ, безъ которыхъ невозможно написать хорошую грамматику, говоря проще, совершенно незнакомъ съ требованіями науки. Потому онъ вкладываетъ венгерскій языкъ въ рамки старинныхъ латинскихъ грамматикъ, которыя совершенно не приходятся къ этому своеобразному языку. Чтò же касается выводовъ, которые

*) *Современникъ* 1855, № 9. — Библиографія.

онъ извлекаетъ изъ своихъ сравненій венгерскаго языка съ чувашскимъ и черемисскимъ, они лишены прочнаго основанія, опять потому, что г. Дешко не познакомился съ приемами и понятіями сравнительной филологіи, и вообще поступаетъ въ этомъ случаѣ безъ всякой критики. Онъ говоритъ, что хочетъ также издать венгерско-русскій словарь — желаемъ ему исполнить это доброе обѣщаніе, но съ тѣмъ вмѣстѣ желаемъ, чтобы онъ, прежде нежели приступить къ составленію словаря, постарался приобрѣсть достаточное филологическое образованіе, безъ котораго нельзя составить хорошаго словаря.

Венгерскія собственныя имена принадлежатъ къ числу наиболѣе искажаемыхъ въ болѣе части русскихъ журналовъ и газетъ; между тѣмъ выучиться правильно читать ихъ и передавать русскими буквами очень просто; съ этою цѣлью приводимъ здѣсь венгерскую азбуку:

венгерскія буквы	a	á	e	é	i	o	ó
соотвѣтствующія русскія. . .	о	а	э	ей	и	о	оу
—	и	ö	ü				
—	у	франц.	eu	франц.	и		

Изъ согласныхъ буквъ только слѣдующія имѣютъ произношеніе, различное отъ значенія ихъ въ латинскомъ языкѣ:

венгерскія буквы	s	cs	cz	gy	ly	ny	ts	tz	ty	sz	zs
соотвѣтствующія русскія. . .	ш	ч	ц	дъ	лъ	нь	ч	ц	ть	с	ж

потому Magyar произносится Модѣръ; huszár — гусарь; Debreczen — Дебреценъ.

Въ воспоминаніе 12 января 1855 года. *Учено-литературныя статьи профессоровъ и преподавателей Императорскаго Московскаго университета, изданныя по случаю его столѣтняго юбилея. Москва. 1855.*)*

Мысль, вызвавшая сборникъ, изданный „въ воспоминаніе 12-го января 1855 года,“ прекрасна — день этотъ заслуживаетъ воспоминанія, какъ потому, что Московскій университетъ, ока-

*) *Современникъ* 1855, № 10. — Библиографія.

завѣщаній столь много услугъ великому дѣлу просвѣщенія русской земли, имѣеть полное право съ гордостью указывать на свою столѣтнюю дѣятельность, такъ — и еще болѣе — потому, что день этотъ былъ празднованъ съ торжественностью, достойною высокаго его значенія для русскаго общества: 12-е января 1855 года было одною изъ самыхъ блестящихъ побѣдъ науки надъ холодною или непріязнью. Чрезвычайное сочувствіе къ торжеству Московскаго университета, обнаруженное всѣми грамотными людьми, было поразительно и утѣшительно; оно вынудило и у всѣхъ остальныхъ невольное уваженіе къ наукѣ, которую столь многие и столь горячо желали почтить въ одномъ изъ ея представителей, Московскомъ университетѣ. Да, памятно должно быть въ исторіи русскаго просвѣщенія 12 января 1855.

Естественно, что ожиданія и требованія, которыми встрѣчены были книги, изданныя по случаю столь важнаго событія, были соотвѣтственны его значенію. Это, быть можетъ, надобно считать одною изъ причинъ того, что онѣ во многомъ не удовлетворили людей, нетерпѣливо ожидавшихъ появленія этихъ изданій. Чѣмъ болѣе высоки ожиданія, тѣмъ возможнѣе разочарованіе. Будь издана *Исторія Московскаго университета*, не по случаю его юбилея, а за два года назадъ или двумя годами позже, ее, быть можетъ, похвалили бы ради нѣсколькихъ интересныхъ выписокъ, находящихся въ ней; а если бы *Словарь профессоровъ и преподавателей Московскаго университета* явился какъ самостоятельное изданіе, а не какъ слѣдствіе юбилея, онъ безъ всякаго сомнѣнія былъ бы встрѣченъ съ чрезвычайно громкими одобреніями, потому что дѣйствительно представляетъ одно изъ важнѣйшихъ собраній матеріаловъ для исторіи русской литературы. Но блескъ торжества, въ соотношеніе съ которымъ были поставлены эти изданія, затмилъ ихъ. Нельзя не пожелать, чтобы *Словарь воспитанниковъ Московскаго университета*, послѣдній и самый важный изъ сборниковъ, которые должны остаться памятниками юбилея, полнотою и ученымъ достоинствомъ соотвѣтствовалъ требованіямъ, которыя только отчасти нашли себѣ удовлетвореніе въ двухъ изданіяхъ, уже разсмотрѣнныхъ *Современникомъ*, и въ книгѣ, о которой мы теперь должны дать отчетъ..

Впрочемъ, важнѣйшій изъ трудовъ, входящихъ въ составъ этой книги, также былъ уже рассмотрѣнъ нами. Это — изслѣдованіе г. Бодянскаго *О времени изобрѣтенія славянской азбуки*, по своей обширности напечатанное отдѣльно. Мы выразили мнѣніе, что вопросъ столь второстепенной важности, какъ споръ: „въ 855 или въ 862 году была изобрѣтена кирилловская азбука,“ представляетъ слишкомъ мало интереса для того, чтобы цѣна пріобрѣтеннаго рѣшенія могла искупить огромность ученаго труда, употребленнаго на это г. Бодянскимъ; говорили также, что скудость положительныхъ фактовъ, на которыхъ должно основываться его рѣшеніе, едва ли не отнимаетъ возможность прійти къ несомнѣнному выводу, при разнорѣчивыхъ показаніяхъ легендъ, опровергающихъ въ этомъ случаѣ одна другую и большею частью лишенныхъ признаковъ исторической достовѣрности. Но въ то же время признавали мы замѣчательную ученость и неутомимость, обнаруженныя нашимъ славянистомъ въ изслѣдованіи избраннаго имъ вопроса, и теперь должны прибавить, что его трудъ на столько же превышаетъ учеными достоинствами всѣ остальные сочиненія, написанныя въ воспоминаніе юбилея, сколько превосходитъ ихъ объемомъ.

Книга, теперь изданная, содержитъ тринадцать статей гг. Кудрявцева, Лешкова, Брашмана, Бѣляева, А. Давыдова, Орнатскаго, Буслаева, Глѣбова, Швейцера, Спасскаго, Любимова, Страхова. Этотъ списокъ именъ показываетъ, что только немногіе изъ наиболѣе извѣстныхъ въ литературѣ гг. профессоровъ Московскаго университета приняли участіе въ составленіи сборника, какъ гг. Буслаевъ и Кудрявцевъ, между тѣмъ какъ другіе, изъ которыхъ достаточно назвать гг. Грановскаго, Калачова, Леонтьева и Соловьева, не помѣстили въ этой книгѣ ничего. Этого конечно нельзя приписывать недостатку сочувствія къ юбилею, — подобное предположеніе и неправдоподобно, и положительно опровергается многими фактами, на примѣръ посвященіемъ четвертаго тома *Пропилей* памяти торжества Московскаго университета. Напротивъ, отсутствіе многихъ именъ въ сборникѣ, нами разсматриваемомъ, конечно должно быть объяснено другими причинами, чисто случайными.

Въ литературномъ отношеніи, безспорно лучшая изъ статей, вошедшихъ въ составъ Сборника, принадлежитъ г. Кудрявцеву, который живо и занимательно разсказалъ одинъ изъ періодовъ войны за независимость Нидерландовъ. Отрывку этому дано заглавіе *Осада Лейдена*, хотя эпизодъ объ этомъ событіи занимаетъ только немногія послѣднія страницы разсказа. Первая и большая половина статьи служитъ введеніемъ къ исторіи лейденской осады. Быть можетъ, картина выиграла бы въ единствѣ, если бъ это изложеніе предъидущихъ обстоятельствъ было сжатѣе; но въ такомъ случаѣ мы лишились бы многихъ подробностей о войнѣ, чрезвычайно замѣчательной и еще не имѣвшей хорошихъ описаній на русскомъ языкѣ. Поэтому мы скорѣе желали бы видѣть статью г. Кудрявцева расширенною до предѣловъ исторіи, хотя того періода войны, который заключается осадю Лейдена — тогда конечно осада Лейдена являлась бы только однимъ изъ событій, равно замѣчательныхъ, а не предметомъ особенной монографіи, которая не представляетъ самостоятельнаго цѣлаго, а кажется только отрывкомъ и не вполне излагаетъ особенныя условія, придавшія оригинальный характеръ и этой войнѣ и осадѣ Лейдена, — именно, взаимныя отношенія различныхъ нидерландскихъ провинцій и, главное, отношенія, которыя въ началѣ войны хотѣли онѣ сохранить къ Испаніи. Но и въ настоящемъ своемъ видѣ, статья г. Кудрявцева заслуживаетъ полнаго вниманія по интересности предмета, основательному изученію источниковъ и вѣрному изложенію событій.

Нельзя сказать, чтобы столь же вѣрно смотрѣлъ на свой предметъ г. Лешковъ въ статьѣ *Древняя русская наука о народномъ богатствѣ и благосостояніи*. Онъ изъ *Домостроя*, *Инструкціи для управленія имѣніемъ* Волынскаго и книги Посошкова думаетъ извлечь — „древнія русскія понятія о богатствѣ и благосостояніи“ — и извлекаетъ изъ нихъ почти только однѣ нравственныя наставленія, ни мало не опредѣлительныя съ точки зрѣнія политической экономіи. „Будь честенъ, трудолюбивъ, не пей много вина“ — вотъ мысли, находимыя нами въ *Домострой* — онѣ хороши, но не принадлежатъ политической экономіи. *Инструкція* Волынскаго показываетъ въ немъ за-

Историческій очеркъ практической статистики есть одна изъ тѣхъ компиляцій, которыя очень легко составлять каждому, кто знаетъ хотя одинъ изъ иностранныхъ языковъ, но мы остаемся увѣрены, что эта статья должна давать ему право на справедливую гордость.

Къ числу также компиляціонныхъ статей, но имѣющихъ гораздо болѣе ученаго достоинства, принадлежатъ: *Сравнительный взглядъ на нынѣшнія понятія объ энциклопедіи и понятія о ней древнихъ грековъ и римлянъ*, г. Орнатскаго, и *Физиологія аппетита или голода*, г. Глѣбова. *Ломоносовъ, какъ физикъ*, г. Любимова, представляетъ иногда любопытныя сличенія теорій Ломоносова съ понятіями другихъ тогдашнихъ ученыхъ. Но если мы не ошибаемся, исторія русской науки болѣе выиграла бы отъ этого обзора, еслибъ онъ былъ написанъ въ чисто историческомъ духѣ, а не въ тонѣ похвального слова, совершенно излишнемъ потому, что въ геніальныхъ дарованіяхъ Ломоносова никто не сомнѣвается.

Изслѣдованіе г. Бѣляева: *Какъ понимали давность въ разное время русское общество и русскіе законы* — монографія, полезная для исторіи русскаго права. Но мы не знаемъ, принесетъ ли особенную пользу исторіи языка *Извлеченіе изъ русской грамматики профессора Барсова*, сдѣланное г. Буслаевымъ. Судя по этому извлеченію, трудно согласиться съ почтеннымъ нашимъ ученымъ, что „для исторіи русскаго языка въ XVIII вѣкѣ, грамматика Барсова предлагаетъ весьма много любопытныхъ данныхъ. Неужели любопытными для исторіи языка считаетъ г. Буслаевъ, напримѣръ, слѣдующія замѣтки :

«Въ родит. над. множ. числа употребляются и *рублей* и *рублевъ*. -- Въмѣсто *полей* и *морей* въ стихахъ употребляются также *поль* и *морь*. — Сокращенныя имена *мать* и *дочь* заимствуютъ родит. единств. отъ своихъ полныхъ *матерь* и *дочерь*.»

„Рублевъ“ употребляется нынѣ и употреблялось за долго до XVIII вѣка; слѣдовательно, какъ само собою разумѣется, существовало и во время Барсова — новаго факта намъ не доставляетъ его замѣтка. Предположеніе объ имен. *матерь* и *дочерь* также не стоитъ замѣчанія, по обиходности этихъ формъ.

Напрасно такой ученый, какъ г. Буслаевъ, терялъ трудъ на составленіе этого извлеченія. Вообще, наука ничего не выиграетъ отъ желанія видѣть важность въ томъ, что вовсе не важно, ни съ научной, ни съ исторической точки зрѣнія. Мы не упоминали бы объ этомъ, если бы примѣръ, подаваемый г. Буслаевымъ, не дѣйствовалъ на его почитателей, которыхъ число довольно велико, и если бы въ такую же ошибку не впадали и нѣкоторые другіе изъ достойнѣйшихъ нашихъ ученыхъ, бесплодно теряя трудъ на то, чтобъ открыть что нибудь замѣчательное въ томъ, что очевидно не можетъ дать никакихъ результатовъ для науки.

Вотъ, напримѣръ, совершенно другое дѣло статья г. Стрехова: *Краткая исторія Академической Гимназіи, бывшей при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ* — она даетъ богатые матеріалы для исторіи русскаго образованія, потому что Гимназія при Московскомъ Университетѣ была однимъ изъ важнѣйшихъ учебныхъ учреждений, еще очень немногочисленныхъ въ послѣдней половинѣ XVIII вѣка, и потому, что г. Стреховъ умѣетъ составлять изъ своихъ воспоминаній картины полныя и живыя. Каждый, кто интересуется исторіею русской образованности, долженъ желать, чтобы г. Стреховъ писалъ болѣе, какъ можно болѣе: его статьи о профессорахъ Стреховѣ (родственникѣ автора) и Мудровѣ, вмѣстѣ съ исторіею Академической Гимназіи, принадлежатъ къ числу прекраснѣйшихъ матеріаловъ для исторіи нашего просвѣщенія при императрицѣ Екатеринѣ II и Александрѣ I. „Пятидесятилетнее (1755 — 1812) участіе университетскихъ гимназій въ образованіи множества молодыхъ людей“ — говоритъ г. Стреховъ — „было етли не больше, то уже конечно и не меньше участія самого Университета. Ибо число гимназическихъ учениковъ бывало всегда слишкомъ въ десятеро болѣе числа студентовъ Университета. Напримѣръ, въ 1787 году было студентовъ 82, и учениковъ 1,010; а въ 1800 — 1803 годахъ число студентовъ не превышало 102, между тѣмъ, какъ учениковъ гимназистовъ было до 3,300.“ Г. Стреховъ со вѣми подробностями описываетъ порядокъ занятій и устройство этого столь обширнаго заведенія, помѣщеніе, пищу и распредѣленіе времени у казеннокоштныхъ гимназистовъ, предметы ученія, употребительныя

награды и наказанія, мѣры къ надзору за учениками и т. д., наконецъ постепенное закрытіе гимназіи съ 1804 года и прекращеніе существованія ея послѣ 1812 года, когда изъ немногихъ остававшихся учениковъ большая часть поступили въ военную службу. Все это рассказано просто, отчасти даже наивно, но безъискусственное простодушіе составляетъ одно изъ лучшихъ достоинствъ, если соединено съ умѣньемъ рассказывать вѣрно и занимательно, какъ это и находимъ въ воспоминаніяхъ г. Страхова.

Библиотека для дачъ, парходовъ и желѣзныхъ дорогъ. *Собраніе романовъ, повѣстей и рассказовъ, новыхъ и старыхъ, оригинальныхъ и переводныхъ.* Изданіе А. Смирдина. I. *Аптекариша. Повѣсть графа В. А. Соллогуба.* Спб. 1855. *)

Мы желали бы предсказать успѣхъ изданію, предпринимаемому Смирдинымъ: мысль издать собраніе повѣстей и романовъ заслуживаетъ одобренія; для сборника выбранъ миньютюрный форматъ (въ 24 долю листа), довольно красивый; шрифтъ, которымъ напечатана первая книжка, хорошъ; бумага очень недурна, — однимъ словомъ, внѣшній видъ изданія говоритъ въ его пользу. Но, отъ души желая счастливаго продолженія сборнику Смирдина, мы посовѣтуемъ ему обратить болѣе вниманія на выборъ помѣщаемыхъ пьесъ. *Аптекариша* принадлежитъ къ лучшимъ повѣстямъ графа Соллогуба и въ свое время нравилась публикѣ — противъ нея мы ничего не можемъ сказать, хотя, для пользы изданія, было бы лучше начать его произведеніемъ, которое могло бы возбудить болѣе интереса въ публикѣ. Если бы слѣдующія книжки наполнялись повѣстями и романами, равными по достоинству *Аптекаришу*, то *Библиотека*, не приобрѣтая слишкомъ большаго успѣха, вѣроятно, не была бы и предпріятіемъ слишкомъ неудачнымъ. Но напечатанный на оберткѣ первой книжки списокъ повѣстей, которыя Смирдинъ предполагаетъ помѣстить въ слѣду-

*) *Современникъ* 1855, № 10. — Библиографія.

ющихъ выпускахъ, смугилъ насъ: за исключеніемъ двухъ-трехъ произведеній, могущихъ имѣть успѣхъ, списокъ составленъ изъ пьесъ, выбранныхъ несчастливо. — Скажите, могутъ ли не залежаться въ кладовой издателя выпуски, которые будутъ предлагать публикѣ, на примѣръ, слѣдующія произведенія, и въ свое время непонравившіяся публикѣ, а нынѣ рѣшительно потерявшія всякую возможность быть прочитанными: *Послѣдній консулъ въ Кафѣ* г. Шидловскаго; *Фултонъ* г. Каменскаго; *Александрина* г. Фанъ-Дима и проч. и проч. Мы боимся, что подобная неразборчивость можетъ уронить *Библиотеку*. — Намъ непріятно говорить это, но мы искренно желали бы предостеречь издателя. Неужели нѣтъ у него знакомаго человѣка, имѣющаго понятіе о литературѣ, съ которымъ могъ бы онъ посовѣтоваться?

Полное собраніе сочиненій русскихъ авторовъ. *Сочиненія* Н. Греча. *Изданіе А. Смирдина. Три тома. Спб. 1855.*)*

Нашъ вѣкъ, едва ли не по всей справедливости, извѣстенъ у чувствительныхъ людей подъ названіемъ желѣзнаго, хотя нынѣ и добывается каждый годъ въ Сибири, Калифорніи и Австраліи столько золота, что имъ можно было бы гальванопластически позолотить цѣлую Аркадію. Въ самомъ дѣлѣ, что пользы отъ этихъ тысячъ пудовъ золота, когда сердца у людей желѣзные, недоступны аркадскимъ чувствамъ безпредѣльнаго самоотверженія ради друзей, когда нѣтъ на свѣтѣ Пиладовъ и Орестовъ, или мнимый Пиладъ предастъ Ореста? Къ такому размышленію невольно приходишь, присматриваясь къ дѣламъ, которыя дѣлаются на бѣломъ свѣтѣ. Вотъ, на примѣръ, явились два Пилада у Турціи, нарекли ее своимъ Орестомъ, объявили, что сердечная ихъ забота — спасеніе несчастнаго Ореста отъ всякихъ дѣйствительныхъ опасностей, что единственная цѣль всѣхъ ихъ дѣйствій — возвращеніе здоровья и могущества и славы разстроившему

*) *Современникъ* 1855. № 10. — Библиографія.

свое здоровье и свои дѣла Оресту. Кажется, слова эти достойны золотого вѣка... Что же оказывается на самомъ дѣлѣ? Орестъ-Турція увѣряетъ своихъ друзей, что давно перестала бояться опасностей, которыми ее пугали, упрасиваетъ своихъ друзей прекратить заботы о ея спасеніи — а друзья очень нецеремонно отвѣчаютъ: „Молчи, не твое дѣло; мы заботимся сами о себѣ, а вовсе не о тебѣ.“ Да, какой тутъ золотой вѣкъ!

То же самое видишь, на чтò ни помотришь, — хотя бы, на примѣръ, на изданіе *Сочиненій* Греча, вышедшее въ нынѣшнемъ году. Памятно еще намъ первое изданіе этихъ сочиненій, по видимому, неоспоримо доказывавшее возвращеніе золотого вѣка біографією, которая была къ нему приложена. Какою горячею, вѣчною дружбою дышала каждая строка этого замѣчательнаго жизнеописанія! Оно и начиналось объявленіемъ публикѣ, что авторъ біографіи — искренній другъ Гречу, что онъ отъ всей души любитъ Греча, готовъ ради дружбы подвергнуть себя величайшимъ нареканіямъ и подвергаетъ, печатая эту біографію, и т. д., и т. д. Но — напрасно искали мы дружеской біографіи при новомъ изданіи! — какъ, зачѣмъ, почему исчезла она изъ новаго изданія? Ужели авторъ ея не хочетъ болѣе подвергаться нареканіямъ ради дружбы? Нѣтъ, мы не желали бы вѣрять этому. Нѣтъ, мы не желали бы разочароваться въ одномъ изъ трогательнѣйшихъ фактовъ, еще остававшихся на землѣ отголосками золотого вѣка!

Но мы вспомнили о другомъ случаѣ, и отказались отъ сладкой мечты о золотомъ вѣкѣ. Мы вспомнили о судьбѣ, испытанной романомъ Греча *Черная женщина* и на глазахъ напихъ невольно навернулась слеза. Увы, кто поразилъ *Черную женщину*? — Другъ! и какъ поразилъ? самымъ коварнымъ образомъ, — изъязвилъ бѣдную *Черную женщину* самыми острыми шпильками насмѣшки, увѣряя, что облакаетъ ее въ великолѣпнѣйшее одѣяніе похвалъ, хваля себя за этотъ подвигъ, какъ за величайшее доказательство дружбы! И въ довершеніе этого коварства, другъ-мучитель еще напоминалъ публикѣ и автору *Черной женщины*, что Гречь, авторъ *Черной женщины* — редакторъ журнала, въ которомъ помѣщается эта убійственная для него

статья, что Гречъ читаль корректуры этой статьи, и не могъ смягчить ее, напротивъ, принужденъ былъ исправлять каждую шпильку, если она притупилась типографскою опечаткою! Скажите, достигала ли такого жестокосердія даже Инквизиція? Она надѣвала на людей сапоги съ гвоздями, вбитыми остремъ вънутрь, но не заставляла жертву лакировать эти сапоги... Читатель, ваше сердце обливается кровью? Вы не вѣрите въ возможность такой утонченной жестокости? Мы сами не хотѣли бы вѣрить, — но вотъ подлинныя слова коварнаго друга (*Библиотека для Чтенія* 1834 г., томъ IV, Критика, стр. 17 и 19).

«Сбираясь говорить въ этомъ журналѣ о книгѣ, написанной его редакторомъ, мы обязаны прежде всего удостовѣрить собственныхъ нашихъ читателей въ возможности говорить здѣсь о ней безпристрастно и нелицемерно. Критическая часть этого журнала совершенно независима; ни издатель (А. Ф. Смирдинъ), ни редакторъ не оказываютъ на нее никакого вліянія...

«Авторъ *Черной женщины*, которому лучше всѣхъ извѣстны эти обстоятельства, весьма хорошо знаетъ, что по особенному устройству Журнала, онъ скорѣе можетъ встрѣтить на его страницахъ суровый приговоръ литературнаго правосудія, чѣмъ комплименты подозрительной услужливости, и если бъ намъ вздумалось, въ шутку, написать на его романъ грозное *разругали* мы бы легко могли сдѣлать васъ свидѣтелями любопытнаго психологическаго опыта, — вы могли бъ сами видѣть, или представить себѣ мысленно, лицо бѣднаго автора, который, въ званіи редактора, читаетъ корректуру сочиненной на него укоризны, и дрожащею рукою исправляетъ опечатки въ жестокихъ ударахъ наносимыхъ его самолюбію. Мысль о возможности подобнаго увеселенія, мы увѣрены, неоднократно приходила на мысль почтенному сочинителю *Черной женщины*...»

Затѣмъ слѣдуютъ увѣренія, что критикъ въ восторгѣ отъ *Черной женщины*, потому что это метафическій романъ, написанный въ доказательство глубокой идеи — именно, желающій доказать истину магнетизма, и съ тѣмъ вмѣстѣ преподробно объясняется, что метафическій романъ не можетъ быть ни романомъ, ни даже сказкою, а всегда останется странною нескладицею, что магнетизмъ, на которомъ основанъ весь интересъ романа, — вздоръ и пустяки, которымъ могутъ вѣрить одни невѣжды и простяки; тутъ же критикъ удивляется уму и знаніямъ автора *Черной женщины*; говорить, что въ романѣ нѣтъ ни плана, ни правдоподобія, господствуетъ безсвязность и неправдоподобіе, и т. д.

и въ то же время прибавляетъ, что романъ все-таки превосходенъ... Оказалъ дружбу критикъ автору! — скажешь послѣ всего этого.

Но если человѣку измѣняютъ друзья, то въ людяхъ постороннихъ является невольное желаніе поддержать покидаемаго. Извѣстно, что съ легкой руки друга-критика, начало распространяться и нынѣ совершенно утвердилось мнѣніе, что правильность языка — единственное достоинство въ произведеніяхъ Греча. Конечно, мы не рѣшимся принять на себя обязанность защищать достоинства *Черной женщины* или другаго романа Греча: *Повзда въ Германію*; но представимъ изъ его *Путевыхъ писемъ*, помѣщенныхъ во II томѣ нынѣшняго изданія, и *Обозрѣній русской словесности*, находящихся въ III томѣ, нѣкоторыя мѣста, интересныя въ историко-литературномъ отношеніи и съ тѣмъ вмѣстѣ показывающія въ авторѣ наблюдательность и замѣчательную способность понимать практическую сторону вещей, — способность, которая, вмѣстѣ съ несомнѣннымъ трудолюбіемъ и начитанностью, достаточно объясняетъ литературные успѣхи почтеннаго автора.

«Въ числѣ предметовъ, которые мнѣ хотѣлось въ подробности узнать и рассмотреть въ Парижѣ, не послѣднее мѣсто занимали судилища уголовныя... Слабость есть удѣлъ человѣчества. Гдѣ подь солнцемъ найдти истинное, совершенное безпристрастіе и правосудіе? Вездѣ знатность, богатство и другія временныя блага ослѣпляютъ людей; сильный порокъ торжествуетъ, слабая добродѣтель угнетается. Не станемъ искать совершенства въ здѣшнемъ мірѣ. Но есть средства обуздать злоупотребленія власти, сорвать личину съ порока и преступленія, даровать притѣсненной добродѣтели способы оправдаться и восторжествовать надъ кознями злобы и коварства. Сія средства, кромя надлежащаго, сообразнаго съ цѣлю, воспитанія народнаго, состоятъ въ утвержденіи правосудія на твердомъ, неизблемомъ основаніи, въ введеніи ясныхъ, опредѣленныхъ законовъ и неизмѣнныхъ формъ, которыя были бы свято наблюдаемы при разсмотрѣніи и рѣшеніи дѣлъ, отъ коихъ зависитъ съ одной стороны жизнь и честь частнаго человѣка, а съ другой безопасность и спокойствіе гражданскихъ обществъ. Нашему времени предоставлено исправленіе многихъ учрежденій и обычаевъ, вѣдущихся со временъ варварскихъ, когда право сильнаго, самовластіе, суевѣріе и фанатизмъ предписывали законы. Великіе умомъ и добродѣтелію мужи вникли въ состояніе законодательства и судопроизводства, введенныхъ обстоятельствами, утвержденныхъ временемъ, — и ужаснулись! Судьба человѣка зависла отъ воли нѣкоторыхъ частныхъ людей, нерѣдко опредѣляемыхъ безъ дальнѣйшаго выбора, почти никогда не имѣвшихъ надлежащаго образованія и необходимыхъ познаній. Но и самые честные, безпристрастные изъ

сихъ людей не могли основывать своихъ сужденій и приговоровъ на ясныхъ, опредѣленныхъ законахъ, равносильныхъ для всякаго гражданина. Правосудіе измѣнялось по времени и мѣсту, по чину, породѣ, богатству подсудимаго! Главнѣйшими средствами для сохраненія правосудія, для обрѣтенія надлежащей середины между потворствомъ, излишне шадящимъ преступниковъ, и безчеловѣчіемъ, карающимъ неопытную невинность наравнѣ съ законнѣлымъ порокомъ, суть: 1) ясное, полное и опредѣленное уголовное уложеніе, не основанное на мечтательныхъ предположеніяхъ, не заимствованное изъ постановленій другихъ земель, но извлеченное изъ коренныхъ древнихъ законовъ отечества, приведенныхъ въ порядокъ, поясненныхъ, согласенныхъ и дополненныхъ; 2) судъ по совѣсти или судъ присяжныхъ (жюги) и 3) гласное судопроизводство. (Часть II, стр. 354—356).

«Извѣстно, что французское уголовное уложеніе и судопроизводство введены были во всѣхъ почти владѣніяхъ Рейнскаго Союза. По изгнаніи французовъ изъ Германіи, прусское правительство намѣревалось въ герцогствѣ Прирейнскомъ возобновить прежній уголовный порядокъ; но жители тѣхъ мѣстъ, привыкшіе уже, въ теченіе двадцати слишкомъ лѣтъ, къ публичному дѣлопроизводству, обратились къ трону съ просьбою не лишать ихъ этого права. Нѣтъ сомнѣнія, что великодушный король не лишитъ новыхъ подданныхъ своихъ на берегахъ Рейна выгодъ, сопряженныхъ съ публичнымъ производствомъ дѣлъ. Можетъ быть, что онъ распространитъ это благодѣяніе и на всѣхъ прочихъ своихъ подданныхъ. Достойно примѣчанія, что въ Россіи, въ началѣ XVI вѣка, когда еще большая часть Европы была во мракѣ, едва начинавшемъ рѣдѣть отъ лучей истиннаго свѣта, существовали присяжные, или, по тогдашнему, цѣловальники. (Часть II, стр. 365—366).

«Русскій народъ подобенъ юношѣ, получившему въ наслѣдіе отъ отцовъ своихъ начала своихъ добродѣтелей — вѣру, вѣрность и любовь къ отечеству. Онъ заимствовалъ образованіе ума у иноплеменныхъ народовъ; скоро перенялъ полезное, и, въ полномъ чувствѣ силы своей, превзошелъ своихъ учителей дѣлами (*это писано вскорѣ послѣ 1812 года*); хитрости противопоставилъ правду, коварству — вѣрность, нечестію — вѣру, и утвердилъ бытіе свое навсегда. За напряженіемъ силъ слѣдуетъ усталость, въ юношескихъ лѣтахъ непримѣтная, скоро проходящая. Народъ опять почувствуетъ стремленіе къ подвигамъ и трудамъ. Гдѣ найти ему удовлетвореніе? Въ дѣлахъ мирныхъ, въ подвигахъ гражданскихъ, въ наукахъ, художествахъ, словесности, въ приготовленіи запаса къ тому времени, когда, не имѣя болѣе силы юношеской, тѣлесной, долженъ онъ будетъ превосходить другихъ качествами ума и сердца! Для этого должно наблюдать ходъ его литературы, способствовать ея успѣхамъ, замѣчать встрѣчающіяся ей препятствія и отвращать ихъ, усматривать уклоненія народнаго образа мыслей съ пути истины и добродѣтели, и стараться о направленіи его вновь на этотъ путь, но безъ всякаго напряженія и стѣсненія, которыя производятъ дѣйствія, совершенно противныя предполагаемымъ. Вотъ воспитаніе народное, вотъ истинныя средства обезпечить бытіе, цѣлость и силу государства на столѣтія! (Часть III, стр. 288—289).

«Воспитаніе или просвѣщеніе народное есть дѣло великое, одна изъ важнѣйшихъ и священнѣйшихъ обязанностей правительства. Но всѣ попеченія и ревность зани-

мающихся образованіемъ юношества становятся тщетными и бесполезными, если, по вступленіи молодыхъ людей въ свѣтъ, имъ нельзя будетъ употребить талантовъ въ нихъ открытыхъ или имъ сообщенныхъ. Въ разныхъ земляхъ Европы, гдѣ издревле заведены хорошія училища, гдѣ юношество получаетъ классическое образованіе, и гдѣ надлежало бы ожидать непрерывныхъ и важныхъ плодовъ этого образованія—видимъ мы совершенно тому противное. Словесность этихъ странъ находится въ вѣчной посредственности. Отчего это происходитъ? Оттого, что въ тѣхъ странахъ господствуетъ пагубное мѣстничество, заграждающее истиннымъ талантамъ путь къ отличіямъ и наградамъ; оттого, что умственная сила народа, въ тѣхъ странахъ обитающаго, драгоцѣннѣйшее достояніе человѣка, важнѣйшій, если смѣю сказать, капиталъ государства, скована цѣпями предрасудковъ, подозрительности и недовѣрчивости правительства. Таланты гибнутъ тамъ, какъ весенніе цвѣты отъ дыханія бурь и стужи! Въ Россіи нѣтъ этихъ препятствій; мудрыя ея законодатели, Петръ, Екатерина и Александръ (*писано въ 1817 году*), основали благоденствіе своихъ подданныхъ на благоразумной свободѣ и приличномъ каждому званію просвѣщеніи. Незнатность и бѣдность породы не препятствуютъ возвышаться людямъ съ способностями и познаніями. Екатерина даровала подданнымъ своимъ свободу изъяслять свои мысли изустно и во всепародныхъ писаніяхъ—и воспрянули отечественные таланты! Державинъ, языкомъ божественной поэзіи, фонъ-Визинъ, слогомъ здраваго и сильнаго разсудка, смѣло говорили предъ треномъ истины, которыхъ обнародованіе доказало твердость трона сего, на любви подданныхъ къ вѣрѣ и отечеству основаннаго: Александръ довершилъ начатое ею, и то, что въ царствованіе Екатерины было временною царскою милостію, въ правленіе Александра, съ утвержденіемъ устава о цензурѣ, сдѣлалось твердымъ государственнымъ закономъ. Изданіе этого устава, признаннаго всею просвѣщенною Европою превосходнымъ въ своемъ родѣ, ознаменовало возобновленіе отечественной словесности. Исторія русской литературы въ царствованіе Александра свидѣтельствуетъ о его важности и благодѣтельности (часть III, стр. 319—321).»

Хвалить все, что помѣщено въ трехъ томахъ *Сочиненій* Греча, было бы напрасно и несправедливо; но можно сказать, что между страницами слабыми, встрѣчаются у него иногда страницы занимательныя и хорошо написанныя.

О цѣнахъ на хлѣбъ въ Россіи. А. Н. Егунова. *Выпускъ 1.* Москва. 1855. *)

По одной части труда не всегда бываетъ можно дѣлать основательное заключеніе о характерѣ и значеніи цѣлаго труда, а еслибъ

*) *Современникъ* 1855, № 10. — Вибліографія.

въ настоящемъ случаѣ и было это возможно, то г. Егуновъ не хочетъ признавать того. Оставимъ же общее сужденіе о его изслѣдованіи до появленія слѣдующихъ выпусковъ, и ограничимъ наши замѣчанія только тѣми сторонами его работы, которыя уже окончательно представлены публикѣ въ первомъ выпускѣ.

Вопросъ о среднихъ цѣнахъ на хлѣбъ требуетъ длинныхъ и утомительныхъ вычисленій, и изъ словъ самого автора мы видимъ, что охота заняться тяжелымъ дѣломъ составленія таблицъ средней цѣнности хлѣба по губерніямъ была внушена ему только понятіемъ о важности этихъ выводовъ для рѣшенія чрезвычайно интереснаго вопроса о степени благосостоянія русскаго поселанина, которая зависитъ преимущественно отъ доходовъ, доставляемыхъ ему земледѣіемъ. Связь цѣны хлѣба съ благосостояніемъ поселанина очень тѣсна; но мы сомнѣваемся, чтобы г. Егуновъ могъ дойти до вѣрныхъ выводовъ объ этомъ благосостояніи чрезъ одно опредѣленіе цѣнности хлѣба. Количество дохода, доставляемаго земледѣіемъ, зависитъ не только отъ цѣны, но и отъ количества получаемаго хлѣба. Узнаю ли я, сколько дохода получаетъ смоленскій земледѣлецъ, если цифры доступныя для меня показываютъ только, что онъ получаетъ 3 руб. 93 коп. за четверть, а не показываютъ, сколько четвертей онъ получаетъ? А для послѣдняго обстоятельства нѣтъ положительныхъ и точныхъ печатныхъ данныхъ. Въ самомъ дѣлѣ, сборъ хлѣба зависитъ отъ урожайности и количества засѣва; и то и другое не опредѣляется печатными свѣдѣніями съ достаточною точностью. Какъ обыкновенно выражаются объ урожаѣ? — самъ — 4, самъ — $3\frac{1}{2}$, самъ — 3. Дроби меньше одной половины единицы уже не употребительны въ обыкновенныхъ извѣстіяхъ. А не только одна четверть, даже одна седьмая единицы въ этомъ случаѣ производитъ значительную разницу въ суммѣ дохода. Положимъ, на примѣръ, что мы нашли такое свѣдѣніе: въ 1850 г. въ Смоленской губерніи былъ урожай $3\frac{1}{2}$ — вѣдь это не значитъ, чтобы въ точности 10 четвертей посѣва принесли именно 35 четвертей сбора, а только то, что онѣ принесли болѣе 30 и менѣе 40, быть можетъ 33, быть можетъ и 37. То и другое подходитъ къ самъ — $3\frac{1}{2}$ ближе, чѣмъ къ самъ — 3 или самъ — 4. Но если съ 10 четвертей получено 33,

то за вычетомъ 10 четвертей на сѣмена, остается 23 четверти и доходъ сѣятеля будетъ (по 3 р. 93 к. четверть) 89 р. 39 к., а если получено 37 четв., и остается за вычетомъ 10 на сѣмена, 27 четвер., то доходъ будетъ 105 р. 11 к. — разница, какъ видимъ, 15 р. 72 к., или болѣе нежели 17⁰/₀. Но еще неопредѣленнѣе цифры, говорящія о количествѣ посѣва. Вѣдь онъ зависитъ отъ количества земли на тягло, а оно въ различныхъ общинахъ и помѣстьяхъ одной губерніи, даже одного уѣзда очень различно. Если г. Егуновъ признаетъ несовершенную точность въ показаніяхъ цѣнъ, узнать которыя такъ легко — стоитъ только спросить на рынкѣ у кого угодно, и дѣло въ шляпѣ, — то возможна ли хотя приблизительная достовѣрность въ показаніяхъ цифры земли, засѣянной въ цѣломъ уѣздѣ? Вѣдь эта цифра должна получиться черезъ сложеніе тысячъ цифръ, о каждой изъ которыхъ надобно забирать особенныя свѣдѣнія. Вѣдь никто, кромѣ хозяина, не знаетъ, навѣрное, сколько хлѣба засѣвается въ хозяйствѣ. Возможно ли разспросить всѣхъ землевладѣльцевъ и поселянъ въ уѣздѣ? Да и скажутъ ли они правду? Мы будемъ еще слишкомъ легковѣрны, если согласимся считать погрѣшность въ цифрахъ количества засѣваемой въ губерніи земли не больше 30⁰/₀, когда въ цифрахъ столь удобно получаемыхъ, какъ цѣны хлѣба, она превышаетъ 10⁰/₀ или 15⁰/₀. Вообразите же себѣ, до какой степени будетъ вѣренъ выводъ о благосостояніи поселянина, если, сдѣлавъ въ цѣнѣ хлѣба вѣроятную ошибку въ 10⁰/₀, мы сдѣлаемъ еще въ опредѣленіи урожая вѣроятную ошибку на 17⁰/₀, и въ количествѣ засѣянной земли на 30⁰/₀? Въ выводѣ, обремененномъ столькими ошибками, очень легко приписать поселянину вдвое болѣе или менѣе дохода, нежели онъ дѣйствительно получаетъ, вмѣсто 100 рублей высчитать 50 или 200, сдѣлать изрядно-живущаго поселянина нищимъ или богачемъ.

Конечно, со временемъ эти цифры посѣва и урожая достигнутъ большей точности; но въ настоящее время не только у насъ, но также и въ Германіи или Франціи невозможно, основываясь на нихъ, сдѣлать хотя приблизительно вѣрный выводъ безъ произвольныхъ поправокъ, которыя бы насильственно подвигали цифру къ величинѣ, сообразной съ положеніемъ поселянина,

прямо извѣстнымъ не изъ предположеній о цѣнахъ и посѣвахъ хлѣба, а прямо изъ наблюденія надъ его образомъ жизни. Математика даетъ выводы болѣе точные, нежели наблюденіе, но только тогда, когда обладаетъ очень точными элементами для своихъ вычисленій; а когда элементы невѣрны, вычисленіе ведетъ только къ ошибкамъ; потому лучше избѣгать его, пока не получимъ болѣе достовѣрныхъ основныхъ цифръ, и ограничиваться скромнымъ наблюденіемъ, не имѣющимъ притязаній на абсолютную полноту, но и не уменьшающимъ или увеличивающимъ вдвое.

Г. Егуновъ говоритъ, что описаній экономическаго быта простолюдиновъ у насъ очень мало, что этотъ источникъ слишкомъ скуденъ, потому и обратился онъ къ вычисленіямъ т. е. къ гипотезамъ. Мы согласны, что описанія хозяйственнаго быта простолюдиновъ у насъ очень скудны; но лучше скудость, нежели совершенная недостовѣрность и произволь. Если нѣтъ матерьяловъ для описанія быта простолюдиновъ и во всѣхъ различныхъ сферахъ ихъ занятій, и во всѣхъ губерніяхъ, опишите ихъ бытъ въ нѣкоторыхъ состояніяхъ и въ нѣкоторыхъ губерніяхъ: лучше сказать что нибудь вѣрное о Воронежскомъ или Ахтырскомъ уѣздахъ, нежели надѣлать невѣрныхъ гипотезъ о всѣхъ краяхъ и концахъ Россіи.

Но среднія цѣны хлѣба, если и не могутъ быть непогрѣшимымъ мѣриломъ экономическаго быта поселянъ, все-таки имѣютъ большую важность въ статистикѣ, особенно для соображеній о силѣ, съ какою дѣйствуютъ на народонаселеніе неурожай и застой въ продажѣ отъ излишества урожая, для соображеній о хлѣбной торговлѣ, путяхъ сообщенія и т. д. Потому таблицы среднихъ цѣнъ хлѣба въ 1846—1853 г., стоимшія г. Егунову, безъ сомнѣнія, очень многихъ трудовъ, заслуживаютъ полной благодарности, хотя и есть въ нихъ нѣкоторыя подробности, дающія поводъ къ возраженіямъ. Особенно важны нѣкоторые случаи, представляемые распредѣленіемъ губерній на полосы или группы, которое даетъ г. Егуновъ въ таблицахъ VII и VIII. Напримѣръ, Тверская губернія у него отнесена къ сѣверной полосѣ вмѣсто центральной — развѣ бытъ Тверскаго поселянина ближе къ быту Архангельскаго и Олонецкаго, нежели Московскаго и Костром-

скаго? Вятская губернія отнесена къ одной полосѣ съ Тульской и Нижегородскою (да и между Тульской и Нижегородскою какое сходство?) и т. д. Но доказывать неестественность въ составленіи этихъ полосъ излишне — довольно взглянуть на нихъ, чтобы убѣдиться въ томъ, что г. Егуновъ слѣдовалъ произвольному дѣленію, не ведѣя соблюдая даже свой собственный законъ близости по средней цѣнѣ хлѣба.

Окончимъ нашу рецензію сожалѣніемъ, что г. Егуновъ безъ нужды усѣялъ свое изслѣдованіе безчисленными нападеніями на комитетъ Географическаго Общества, сдѣлавшій нѣсколько замѣчаній на представленную авторомъ въ общество рукопись его изслѣдованія. Положимъ, что замѣчанія комитета были несправедливы, по крайней мѣрѣ, по мнѣнію автора — чтожь тутъ ужаснаго? Развѣ члены Географическаго Общества не могутъ ошибаться? Обижаться тутъ было нечѣмъ, еслибъ они и ошиблись; — вѣдь они же остались бы въ проигрышѣ, если бы публика сказала теперь, что правда на сторонѣ г. Егунова. Но г. Егуновъ оскорбился и надолго оскорбился; вотъ это немного странно въ человѣкѣ, который уже пишетъ не первую статью и могъ бы привыкнуть спокойнѣе принимать и похвалы и замѣчанія. Но и не въ этомъ даже дѣло — пусть г. Егуновъ оскорбился, такъ и быть, — онъ могъ бы выразить свой гнѣвъ, написать хотя тысячу страницъ противъ замѣчаній комитета Географическаго Общества, но опровергнуть ихъ однажды на всегда, и уже не отрывать ни себя ни читателя отъ изложенія своихъ изслѣдованій безпрестанными уклоненіями отъ предмета къ Географическому Обществу. Повторять одно и то же сто разъ, — вотъ что не ловко съ его стороны, потому что невыгодно для него самого. Читатель утомляется этими безпрестанными отступленіями отъ предмета, и наконецъ говорить: „вѣрно г. Егуновъ неправъ, если такъ неумѣренно гнѣвается“ — выгодно ли подвергать себя такой опасности?

Учебныя руководства для Военно-Учебныхъ Заведеній.
*Руководство Статистики Россіи. Составлено А. Соколовскимъ. Спб. 1855. *)*

Авторъ этого учебника умеръ, совершенно приготовивъ къ изданію свой трудъ, но еще не успѣлъ приступить къ его печатанію, забота о которомъ была возложена на г. Ивановскаго. Достоинства руководствъ, одобряемыхъ Штабомъ Военно-Учебныхъ Заведеній, признаются всѣми специалистами, и потому мы считаемъ достаточнымъ сказать нѣсколько словъ о системѣ, которая принята въ *Статистику* г. Соколовскаго. Книга его раздѣляется на три части, изъ которыхъ въ первой (Источники основныхъ силъ государства) излагается исторія расширенія предѣловъ Россійской Имперіи, настоящія границы и административное раздѣленіе ея территоріи, орографія, гидрографія, системы водяныхъ и сухопутныхъ сообщеній, обзоръ климата, постепенное увеличеніе населенія въ Россіи, настоящій составъ его по племенамъ, вѣроисповѣданіямъ и городовому или сельскому мѣсту жительства. Во второй части (Народная дѣятельность и ея послѣдствія) говорится о различныхъ отрасляхъ промышленности, заботахъ правительства о развитіи духовной дѣятельности и настоящемъ ея состояніи. Въ третьей части (Правительственныя силы) сообщается подробный обзоръ военныхъ силъ Россіи и очеркъ ея финансовъ.

**Премудрость и благость божія въ судьбахъ міра и чело-
вѣка.** *Москва. 1855. **)*

Это обширное сочиненіе представляетъ подробный обзоръ историческихъ событій, явленій природы и фактовъ человѣческой жизни, служащихъ доказательствами промысла божественнаго о мірѣ вообще и въ особенности о челоуѣкѣ. Характеръ изложенія въ немъ отчасти богословскій, отчасти научный, смотря по различію излагаемыхъ предметовъ, но богословская точка зрѣнія, какъ и должно быть, неуклонно руководитъ направленіемъ благочести-

*) *Современникъ* 1855, № 10. — Библиографія

**) *Ibid.*

выхъ разсужденій автора. Сочиненіе раздѣляется на семь писемъ, которыя, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, были помѣщаемы въ *Прибавленія къ Твореніямъ св. отцовъ*, изъ которыхъ нынѣ собраны въ отдѣльную книгу.

Сказаніе о странствіи и путешествіи по Россіи, Молдавіи, Турціи и Святой землѣ постриженника Святыя горы Афонскія инокъ ПАРФЕНІЯ. Въ четырехъ частяхъ. Части 1 и 2. Москва. 1855.*)

Языкъ этихъ многотомныхъ записокъ прежде всего поражаетъ читателя, представляя оригинальную смѣсь церковнославянскаго съ стариннымъ книжнымъ русскимъ и простонароднымъ русскимъ. Но прочитавъ нѣсколько страницъ, и узнавъ, что инокъ Парфеній до обращенія своего въ православіе на тридцатомъ году жизни, былъ чрезвычайно усерднымъ раскольникомъ, и не получилъ школьнаго воспитанія, мы перестаемъ удивляться его слогу, види, что онъ естественно образовался отъ равнаго изученія старопечатныхъ книгъ, богословскихъ книгъ прошедшаго вѣка и отъ постоянного обращенія среди простолюдиновъ.

Столь же разнохарактерно и содержаніе его разсказовъ: онъ равно подробно излагаетъ свои путешествія по святымъ мѣстамъ, свои бесѣды, сначала съ православными, которые обращали его, потомъ съ раскольниками, которыхъ обращалъ онъ, и наконецъ различные интересные анекдоты, слышанные въ путешествіяхъ. Все это записано имъ, по видимому, совершенно безыскусственно, тѣми самыми фразами смѣшаннаго языка, какими привыкъ онъ говорить. Напрасно было бы искать системы въ его книгѣ; и точное понятіе объ оригинальности ея наивнаго изложенія можно получить только перелистовавъ ее. Но для спеціалистовъ будетъ она любопытна ужь по одному тому, что авторъ сообщаетъ много

*) *Современникъ* 1855, № 10. — Библиографія.

извѣстій о нынѣшнемъ состояніи разныхъ сектъ, съ членами которыхъ сближался, отчасти также и по воспоминаніямъ о православныхъ и раскольникахъ въ Австрійскихъ владѣніяхъ и въ Молдавіи.

Сельско-хозяйственная статистика Смоленской губерніи. Составлена Яковомъ Соловьевымъ. Съ двумя картами. Москва. 1855. *)

Книга г. Соловьева — одинъ изъ тѣхъ трудовъ, которые заслуживаютъ полной похвалы безъ всякихъ оговорокъ, и, что еще лучше, искренней признательности со стороны каждаго занимающагося изученіемъ быта своей родины. *Статистика Смоленской губерніи* принадлежитъ къ числу очень немногихъ у насъ капитальныхъ сочиненій по этой части, и между ими должна занять одно изъ самыхъ почетныхъ мѣстъ. Г. Соловьевъ былъ начальникомъ кадастровой комиссіи, посланной отъ Министерства Государственныхъ Имуществъ въ Смоленскую губернію для переложенія подушнаго оклада государственныхъ крестьянъ въ поземельный, — это обстоятельство доказываетъ, что онъ имѣлъ способы собрать статистическія данныя объ этой губерніи въ такой полнотѣ и точности, какая невозможна была бъ ни для какого другаго лица. Все изложеніе книги его свидѣтельствуетъ, что онъ занимался этимъ съ ревностью, акуратностью и знаніемъ, какихъ только возможно желать; выводы его всегда осмотрительны и основательны; ученый взглядъ его на сельско-хозяйственные вопросы всегда пронизателенъ, здравъ, чуждъ и предубѣжденій рутины и самообольщеній, въ которыя часто впадаетъ теорія. Однимъ словомъ, книга г. Соловьева — одно изъ драгоценнѣйшихъ пособій для изученія сельско-хозяйственнаго быта въ Россіи, одно изъ столь рѣдкихъ у насъ сочиненій, о которыхъ можно говорить много и говорить съ удовольствіемъ, и намъ пріятно дать подробный отчетъ объ этомъ трудѣ, богатомъ интересными и поучительными данными.

*) *Современникъ* 1855, № 11. — Библиографія.

Первая мысль, которая может родиться у рецензента подобной книги—желаніе сравнить цифры и выводы, представляемыя авторомъ относительно отдѣльной области, съ фактами, касающимися другихъ частей государства, чтобы опредѣлить отношеніе части къ цѣлому. Но общее понятіе о мѣстѣ, занимаемомъ Смоленскою губерніею въ ряду другихъ, уже достаточно опредѣлилось; и намъ кажется, что нѣкоторые болѣе прежнихъ точные выводы объ этомъ отношеніи представляли бы менѣе интереса, нежели подробное изученіе тѣхъ условій быта въ Смоленской губерніи, которыя болѣе или менѣе общи ей или съ цѣлою Имперіею, или, по крайней мѣрѣ, съ цѣлымъ сѣверо-западнымъ краемъ Имперіи. Но прежде всего скажемъ нѣсколько словъ о порядкѣ изложенія, принятомъ въ *Сельско-хозяйственной статистикѣ*, — онъ отличается полнотою и послѣдовательностью, такъ что мы можемъ строго держаться его въ нашемъ извлеченіи. Г. Соловьевъ очень основательно начинаетъ очеркомъ историческихъ событій, имѣвшихъ вліяніе на настоящее положеніе Смоленской губерніи (стр. 17—32)—безъ того, по его справедливому замѣчанію, странны показались бы нѣкоторые изъ важнѣйшихъ фактовъ быта; потомъ, въ первой главѣ (стр. 33—85) даетъ геогностическое обозрѣніе формацій и почвъ, системъ водъ, болотъ, климата; вторая глава (стр. 86—152) сообщаетъ свѣдѣнія о числѣ жителей, раздѣленіи ихъ по племенамъ, мѣсту жительства, занятіямъ и сословіямъ; о физическомъ и нравственномъ состояніи рабочаго класса; въ третьей главѣ (стр. 153—256) излагается хозяйственный бытъ населенія: распредѣленіе земель, движеніе поземельной собственности, наемныя цѣны земли, расположеніе селеній, способы управленія крестьянами, способы пользованія землями, повинности, содержаніе крестьянскаго семейства, запасы продовольствія, недоимки, способы займовъ; четвертая глава (стр. 257—322) посвящена статистикѣ земледѣлія, пятая (323—383) второстепеннымъ отраслямъ сельскаго хозяйства: огородничеству, садоводству, пчеловодству, лѣсоводству, скотоводству; шестая глава (стр. 384—486) сельскимъ промысламъ, фабрикамъ, заводамъ и торговлѣ. Изъ двухъ отчетливо иллюминированныхъ картъ, одна показываетъ почвы, лѣсныя породы и средоточія промышленной

дѣятельности; другая — торговые пути для сбыта земледѣльческихъ произведеній. Самыя полныя и точныя свѣдѣнія г. Соловьевъ имѣлъ о бытѣ государственныхъ крестьянъ; данныя, касающіяся помѣщичьихъ крестьянъ, часто оказывались неполны и должны были быть дополняемы на основаніи приблизительныхъ соображеній. Сверхъ того, нѣкоторые вопросы, напримѣръ, о продолжительности средней жизни въ различныхъ сословіяхъ, оставлены авторомъ безъ рассмотрѣнія, конечно, по недостатку данныхъ; но тѣмъ не менѣе книга г. Соловьева — полнѣйшее и основательнѣйшее изъ всѣхъ извѣстныхъ намъ статистическихъ изслѣдованій объ отдѣльныхъ частяхъ русской Имперіи.

Нѣкогда Смоленское княжество было одно изъ самыхъ богатыхъ. Оно служило торговымъ путемъ изъ сѣверной Руси и нѣмецкихъ городовъ въ южную Россію и Грецію, благодаря выгодному положенію Смоленска на соединеніи системъ Двины и Днѣпра. Но когда началась борьба между Московскимъ и Литовскимъ княжествами, Смоленская область, поле битвъ и грабежа, начала сильно страдать. Литовскіе князья и польскіе короли поддерживали колеблющееся благосостояніе жителей льготами, и Смоленскъ все еще оставался городомъ цвѣтущимъ и торговымъ; другіе города той области также еще сохраняли часть своего благосостоянія; такъ, напримѣръ, въ Рославлѣ жили еще десятки нѣмецкихъ купцовъ. Но войны между Москвою и Польшею все болѣе и болѣе вредили Смоленской области, пока Смоленскъ наконецъ былъ разрушенъ въ 1611 году. Какъ обширенъ былъ городъ еще въ началѣ XI вѣка, видимъ изъ того, что въ однихъ посадахъ его, кромѣ сгорѣвшихъ, уцѣлѣло 10 церквей, изъ которыхъ нынѣ уже не существуетъ ни одной. Мало по малу городъ возобновился, и перешелъ къ Россіи „обширнымъ и хорошо отстроенымъ;“ онъ велъ довольно дѣятельную внѣшнюю торговлю; смоленскіе сады славились фруктами. Еще въ началѣ царствованія Екатерины II, несмотря на упадокъ, уже значительный въ сравненіи съ прежнимъ, Смоленскъ былъ однимъ изъ главныхъ торговыхъ городовъ имперіи. Смоленская область, безъ сомнѣнія, раздѣляла относительно благосостоянія судьбу своего главнаго города. Такъ какъ болѣе или менѣе быстрое приращеніе числа жителей въ

земляхъ еще недостаточно населенныхъ, служить мѣриломъ благосостоянія, то приведемъ слѣдующія цифры: нынѣшняя Смоленская губернія имѣла жителей :

Въ 1722 г. 659,734; въ 1775 г. — 892,300; въ 1811 г. — 1,056,715. И такъ, между 1722 — 1775 г. ежегодное увеличеніе населенія было 0,66 на сто, между 1775 — 1811 г. — только 0,50 на сто — слѣдовательно (говоритъ г. Соловьевъ) въ послѣднемъ періодѣ „распространеніе населенія уже начало встрѣчать препятствія въ средствахъ къ жизни.“ 1812 годъ, когда почти вся Смоленская губернія подверглась разоренію, нанесъ ей благосостоянію ударъ, отъ котораго до сихъ поръ она еще несовершенно оправилась. Потери губерніи простирались до 75 милліоновъ р. ассигн., кромѣ пожертвованій на сумму 10 милліоновъ, и убытковъ отъ того, что пропало до полумилліона головъ скота и болѣе 300,000 десятинъ земли остались незасѣянными. Въ 1816 г. населеніе было въ одномъ мужескомъ полѣ податныхъ состояній на 56,582 души менѣе, нежели въ 1811 году, и только въ 1834 году оно достигло опять цифры, которая считалась въ 1811 году. Городъ Смоленскъ до 1830 г. оставался почти въ развалинахъ. Да и нынѣ, вмѣсто 15,000 жителей, бывшихъ до 1812 г., онъ не имѣетъ и 11,000. Приращеніе населенія по губерніи было въ 1816 — 1835 г. 0,50 на сто, а въ 1835 — 1851 г. еще менѣе — только 0,20 на сто. Изъ этихъ чиселъ, по справедливому замѣчанію г. Соловьева, „слѣдуютъ два заключенія, изъ которыхъ каждое зависитъ отъ другаго: вопервыхъ, отечественная война до сихъ поръ оставила слѣды на Смоленской губерніи; во вторыхъ, это именно доказываетъ бѣдность средствъ, которая въ теченіе 40 лѣтъ не позволила вознаграждать потерь, причиненныхъ войною.“

Изъ общаго числа 1,083,249 душъ обоего пола, составлявшихъ населеніе Смоленской губерніи въ 1853 году, считалось :

помѣщиковъ	15,995 (обоего пола) или 1 1/2 %
крестьянъ госуд. и помѣщ.	972,334 — — 90 %
прочихъ сословій	94,900 — — 8 1/2 %

Число помѣщичьихъ крестьянъ въ Смоленской губерніи — 774,534 души — гораздо значительнѣе, нежели число государственныхъ крестьянъ — 197,999 душъ; объясняя этотъ пере-

вѣсь, г. Соловьевъ говоритъ: „Польскіе короли и русскіе государи неоднократно жаловали частнымъ лицамъ населенныя деревни изъ дворцовыхъ волостей... За неимѣніемъ данныхъ, невозможно опредѣлить, въ какой степени увеличилось число помѣщичьихъ крестьянъ отъ этихъ пожалованій; но, во всякомъ случаѣ, оно должно быть значительно; такъ на примѣръ, во время послѣдняго присоединенія Смоленска къ Россіи, весь нынѣшній Порѣчскій уѣздъ, за исключеніемъ Плойскаго участка, принадлежалъ къ разнымъ дворцовымъ волостямъ. Нынѣ въ этомъ уѣздѣ числится 16,756 душъ муж. пола помѣщичьихъ крестьянъ.“ То есть почти столько же, сколько остается государственныхъ крестьянъ (18,251 душа муж. п.)— иначе сказать, въ теченіе послѣднихъ 200 лѣтъ (съ 1654) около половины бывшихъ государственныхъ крестьянъ обращены въ помѣщичьи чрезъ пожалованье.

Интересны цифры, представляющія раздѣленіе крѣпостныхъ крестьянъ между мелкими и богатыми помѣщиками.

Число владѣльцевъ, имѣющихъ :		Общее число принадлежащихъ имъ крестьянъ мужскаго пола.	
менѣе	21 души	3,039	23,127
отъ	21 до 100 душъ	1,741	82,523
—	101 — 500 —	737	148,671
—	501 — 1000 —	64	44,214
болѣе	1000 —	38	79,403

Такимъ образомъ, изъ общаго числа 5,629 помѣщиковъ, 3,039 должны быть отнесены къ числу людей небогатыхъ; на половину менѣе помѣщиковъ, могущихъ жить безбѣдно (1741) и только 839 помѣщиковъ владѣютъ значительными имѣніями (болѣе 100 душъ); изъ нихъ только 102 человѣка могутъ назваться богатыми (имѣя болѣе 500 душъ). Изъ общаго числа крестьянъ, немного болѣе одной четвертой части раздѣлены между 4,780 помѣщиками, имѣющими, каждый, менѣе 100 душъ; владѣніе остальными $\frac{3}{4}$ сосредоточено въ рукахъ 839 владѣльцевъ.

Относительно народнаго здоровья, замѣтимъ, что въ Смоленской губерніи находится 26 врачей и 38 фельдшеровъ и лекарскихъ учениковъ. Число оспопрививателей — 191; оспа прививается изъ 1000 младенцевъ 650.

Грамотность между государственными крестьянами распространена въ два съ половиною раза болѣе, нежели между помѣщичьими.

О нравственномъ состояніи Смоленскаго населенія г. Соловьевъ замѣчаетъ: „Родительская и дѣтская любовь сильна; но родственныя связи въ другихъ степеняхъ ослабляются отъ семейныхъ раздоровъ, которые большею частію происходятъ отъ женщинъ... Явное воровство не можетъ найти себѣ защиты въ общественномъ мнѣніи крестьянъ; но воровство лѣса, воровство господскихъ сѣмянъ во время сѣва, уклоненіе отъ платежа податей, хотя бы и были къ тому средства, не считается ни за грѣхъ, ни за преступленіе... Религіозность простаго народа обнаруживается въ исполненіи однихъ только обрядовыхъ постановленій: хожденіе въ церковь, соблюденіе постовъ и т. п.; но смысла христіанской религіи, на которомъ основаны всѣ гражданскія добродѣтели, онъ не понимаетъ.“

Очень интересно краткое, но дѣльно составленное изложеніе народныхъ повѣрій у бѣлоруссовъ, составляющихъ, какъ извѣстно, половину населенія Смоленской губерніи. Выписываемъ слѣдующія строки, сохраняющія память древней системы дуализма и поклоненія стихіямъ:

«Сотвореніе міра представляется драматически, въ видѣ борьбы Добраго Верховнаго существа со Злымъ. Объ этомъ въ Бѣлоруссіи рассказывается цѣлая легенда. Сущность ея та, что Доброе существо вездѣ и во всемъ желало сдѣлать одно только благое; но вездѣ и во всемъ ему мѣшало Злое начало. Доброе существо хотѣло создать одинъ только черноземъ, но Злое примѣшало глину и песокъ. Доброе существо предназначило для земли ровную поверхность; но Злое, гдѣ только могло, избородило ее оврагами и набросало горъ. Сотвореніе воды и огня приписывается также Злому началу... Особеннымъ уваженіемъ пользуется огонь. При устройствѣ новаго жилья огонь непременно переносится съ стараго очага. Если, по отдаленности новаго жилища, нельзя перенести туда старый огонь, то берутъ, по крайней мѣрѣ, принадлежности очага — кочергу, ухватъ и т. п.»

Изъ общаго пространства 4,442,661 десятины удобной земли въ Смоленской губерніи, г. Соловьевъ полагаетъ:

усадебной	66,773 дес.	выгонной	249,909 дес.
пахатной	1,462,907 —	кустарниковъ	408,725 —
сѣнокосной	≈ 7,906 —	лѣсовъ	1,406,441 —

По генеральному межеванію, пахатныхъ земель было показано 1,837,573 десятины, т. е. почти 400,000 десятинъ болѣе, нежели полагаетъ г. Соловьевъ, — эту разницу онъ объясняетъ отчасти неточностью генеральнаго межеванія, отчасти тѣмъ, что, по общему мнѣнію, „хлѣбопашество въ Смоленской губерніи послѣ 1812 года уменьшилось,“ что подтверждается большими пространствами *зарослей*, или заброшенной пахатной земли, поросшей кустарникомъ.

Въ помѣщичьихъ владѣніяхъ, на ревижскую душу приходится земли гораздо болѣе, нежели въ государственныхъ имѣніяхъ, именно казна имѣетъ въ Смоленской губерніи 91,987 ревижскихъ душъ и 470,366 десятинъ, такъ что на душу среднимъ числомъ приходится 5 десятинъ; а помѣщики владѣютъ 350,922 душами и 3,847,524 десят. земли, такъ что на душу причитается 11 десятинъ. Не смотря на это, казенные крестьяне живутъ лучше, нежели помѣщичьи.

Средняя цѣна ревижской души въ Смоленской губерніи — отъ 150 до 200 р. сер., смотря по уѣзду и количеству угодій; о продажной цѣнѣ ненаселенной земли нельзя сказать ничего опредѣленнаго, потому что ненаселенная земля покупается рѣдко, и то развѣ для округленія угодій, по цѣнѣ случайной, далеко отступающей отъ нормальныхъ условій. Наемной цѣны пахатной земли также нельзя опредѣлить, потому что нѣтъ обычая брать ея въ наймы.

Въ числѣ дворянъ Смоленской губерніи есть болѣе 1000, быть можетъ до 2000 человекъ, такихъ, которые, вовсе не имѣя крестьянъ, живутъ особенными селами, сами обрабатывая землю. Въ одномъ Рославльскомъ уѣздѣ ихъ считается до 1000 человекъ, кромѣ того есть они въ шести другихъ уѣздахъ. Дворяне, имѣющіе менѣе 20 душъ, „недалеко (по словамъ г. Соловьева) ушли отъ тѣхъ, которые вовсе не имѣютъ крестьянъ,“ и онъ полагаетъ (стр. 110), что изъ нихъ до 1,500 человекъ также сами обрабатываютъ землю. Напротивъ, богатые помѣщики рѣдко живутъ въ помѣстьяхъ, а большею частію въ городахъ и столицахъ. Вообще г. Соловьевъ полагаетъ, что изъ помѣщичьихъ крестьянъ $\frac{2}{3}$ находится подъ непосредственнымъ управленіемъ

самихъ владѣльцевъ, а остальная треть находится въ завѣдываніи бурмистровъ изъ крѣпостныхъ людей или наемныхъ управляющихъ. Впрочемъ, наемные управляющіе находятся въ очень немногихъ имѣніяхъ — по всей губерніи ихъ не болѣе 20. Оброчныхъ крестьянъ въ Смоленской губерніи немного; средняя величина оброка — 20 р. сер., при чемъ крестьяне обязаны еще нѣкоторымъ количествомъ рабочихъ дней. Въ самомъ значительнѣйшемъ числѣ имѣній, крестьяне состоятъ на барщинѣ, которую отправляютъ съ 18 — 20 до 60 лѣтъ.

Земли, принадлежація селенію, государственные крестьяне дѣлятъ между собою по числу ревизскихъ душъ въ каждой семьѣ, и передѣлъ земель производится вообще отъ ревизіи до ревизіи. Въ помѣщичьихъ имѣніяхъ земля раздается по числу тягловыхъ душъ, и передѣлы (впрочемъ, частные, по возможности, не касающіеся другихъ тяголъ) бывають съ каждою прибылью или убылью тягловыхъ душъ въ семьѣ. Выгоны и лѣса состоятъ въ общемъ пользованіи. Государственныя селенія, размежеванныя въ одной дачѣ, также при ревизіи передѣливаются угодыми. Такъ изъ 2,083 селеній при 9-ой ревизіи болѣе 50 передѣляли свои земли.

Сборы съ государственныхъ крестьянъ Смоленской губерніи, до переложенія подушныхъ окладовъ въ поземельные, были: подушная подать — 95 коп., оброчная — 2 р. 58 коп., на содержаніе управленія государственныхъ имуществъ $58\frac{3}{4}$ коп., земскія повинности $40\frac{1}{4}$ коп., и на капиталъ продовольствія 6 коп., всего 4 р. 58 коп. съ ревизской души. Съ переложеніемъ этихъ различныхъ сборовъ на одинъ поземельный налогъ, средняя сумма, причитающаяся на ревизскую душу, составляетъ 4 р. 65 к. с. Кроме того, стоимость различныхъ повинностей, отправляемыхъ натурою, составляетъ, среднимъ числомъ, 99 коп. на душу, такъ что сумма всѣхъ окладовъ и повинностей съ казенныхъ крестьянъ можетъ быть считаема въ Смоленской губерніи среднимъ числомъ въ 5 р. 66 к. на душу.

Помѣщичьи крестьяне въ Смоленской губерніи платятъ, по вычисленію г. Соловьева, съ ревизской души казенныхъ податей 1 р. 53 коп., и отправляютъ натурою казенныхъ повинностей

по стоимости на деньги не менѣе 81 коп., всего казенныхъ податей и повинностей 2 р. 34 коп. съ души. Цѣнность работъ, которыя должно каждое тягло отправлять на барщину, г. Соловьевъ полагаетъ не менѣе, какъ въ 21 р. сер., и считая на 100 ревизскихъ душъ 50 тяголъ, мы получимъ, что въ Смоленской губерніи помѣщичьи крестьяне платятъ деньгами или исправляютъ натурою повинностей казенныхъ и господскихъ на сумму 12 р. 84 коп. или, круглымъ числомъ, 13 р. с. на каждую ревизскую душу.

Послѣ этого г. Соловьевъ посредствомъ расчетовъ, основанныхъ на многочисленныхъ показаніяхъ поселянъ, и дополненныхъ осмотрительными и точными соображеніями всѣхъ условій, старается опредѣлить средніе расходы крестьянскаго семейства, состоящаго изъ восьми душъ — двухъ малолѣтнихъ, четырехъ взрослыхъ и двухъ престарѣлыхъ; въ числѣ взрослыхъ онъ полагаетъ двухъ работниковъ и двухъ работницъ. Онъ основательно дѣлаетъ оговорку, что совершенной точности въ этомъ расчетѣ достигъ нынѣ еще не возможно. Тѣмъ не менѣе надобно сказать, что расчетъ его долженъ быть очень близокъ къ истинѣ.

Въ великорусскихъ семьяхъ, расходы на содержаніе вообще нѣсколько значительнѣе, нежели въ бѣлорусскихъ, потому что бѣлоруссы сокращаютъ расходы на пищу и одежду до предѣловъ, которыхъ еще отвращается великоруссъ. Напримѣръ, вмѣсто чистаго ржанаго хлѣба, бѣлоруссъ постоянно употребляетъ такъ называемый „пушной хлѣбъ“, т. е. смѣшанный съ мякиною. Поэтому для великорусской и бѣлорусской половины смоленскаго населенія, г. Соловьевъ даетъ различныя смѣты расходовъ. Мы здѣсь можемъ привести только результаты:

	Великорусскаго.	Бѣлорусскаго.
Расходы семейства изъ 2 малолѣтнихъ, 2 стариковъ, 2 работницъ и 2 работниковъ: пища	83 руб. 85 коп.	75 руб. 32 коп.
Одежда	60 — — —	42 — — —
Ремонтъ строеній	6 — 58 —	5 — 6 —
Отопленіе и освѣщеніе (дрова и лучина).	10 — 50 —	6 — 50 —
Ремонтъ посуды, земледѣльческихъ орудій и проч.	7 — 8 —	5 — — —
Церковныя требы	1 — 50 —	1 — 50 —

Всего 169 руб. 51 коп. Всего 135 руб. 38 коп.

То есть, кромѣ денегъ на уплату повинностей и податей, крестьянская семья изъ 8 человѣкъ должна въ Смоленской губерніи наработать въ годъ для себя массу цѣнностей — великорусская, въ 170 руб. сер., бѣлорусская въ 135 руб. 50 коп., чтобы ея положеніе не сдѣлалось къ концу года хуже, нежели было въ началѣ. Г. Соловьевъ не дѣлаетъ параллельнаго разчета относительно средней величины всѣхъ крестьянскихъ заработковъ, предоставляя читателямъ своей книги судить по собраннымъ у него фактамъ, возможно ли, чтобы расходы, имъ выведенные, покрывались доходами, получаемыми въ благопріятные годы.

Сумма недоимокъ, лежащихъ на государственныхъ крестьянахъ Смоленской губерніи, составляетъ болѣе нежели двойное количество годичнаго оклада этихъ податей, именно среднимъ числомъ 10 руб. 41 коп. на ревижскую душу. Въ томъ числѣ нѣсколько болѣе половины должно быть считаемо послѣдствіемъ 1812 года. Другая половина, нѣсколько менѣе, прибавилась въ теченіе послѣднихъ 16 лѣтъ. Пропорціонально, сумма недоимокъ, лежащая на помѣщичьихъ крестьянахъ, нѣсколько значительнѣе, равняясь двумъ съ половиною годовымъ окладамъ казенныхъ податей и составляя 3 руб. 50 коп. на ревижскую душу. Последняя сумма впрочемъ еще незначительна сравнительно съ массою другихъ долговъ, лежащихъ на помѣщичьихъ имѣніяхъ — суммы этихъ долговъ г. Соловьевъ впрочемъ не берется опредѣлить, по недостатку точныхъ свѣдѣній. Сравненіемъ пропорцій недоимокъ по уѣздамъ, авторъ показываетъ, что, чѣмъ имѣнья мелкопомѣстнѣе, тѣмъ болѣе лежитъ на нихъ недоимокъ.

Крестьяне берутъ деньги въ займы или покупаютъ хлѣбъ и скоть съ разсрочкою платежа на одинаково тяжелыхъ условіяхъ, у прасоловъ или домашнихъ ростовщиковъ. Для отвращенія этого зла, при пяти волостныхъ правленіяхъ Смоленской губерніи основаны „Вспомогательныя кассы“ или сельскіе банки для государственныхъ крестьянъ. Четыре изъ нихъ имѣли капиталъ по 994 руб. сер., а пятая вдвое менѣе, такъ что общая сумма капиталовъ всѣхъ пяти кассъ 4,473 руб. сер. Въ теченіе 7 лѣтъ эти кассы выдали 867 ссудъ, на общую сумму 18,589 руб. 22 копейки.

Изложивъ расколы крестьянъ, авторъ переходитъ къ доходамъ, изъ которыхъ главному — земледѣлію, посвящаетъ отдѣльную главу. Общій взглядъ г. Соловьева на состояніе сельскаго хозяйства въ Смоленской губерніи такъ основателенъ, что мы позволяемъ себѣ небольшую выписку:

«Общая система хозяйства обыкновенная трехпольная. Въ здѣшней губерніи, гдѣ такъ мало луговъ, при истощенныхъ и дурнаго качества земляхъ, неудобства настоящей системы представляются очевидно въ частыхъ неурожаяхъ. Но существуетъ много почти непреодолимыхъ препятствій къ замѣнѣ этой системы другими, съ посѣвами кормовыхъ травъ. Улучшенія крестьянскаго хозяйства, по общему мнѣнію, встрѣчаютъ препятствіе въ способѣ пользованія землями по душамъ или тягламъ. Но если крестьяне могутъ дѣлить свои земли по душамъ въ трехъ клинахъ, то какія могутъ быть затрудненія къ подобному раздѣлу въ четырехъ или болѣе клинахъ! Конечно, для этого нужны рѣшительныя мѣры, съ неизбѣжной, безъ всякаго сомнѣнія весьма трудной борьбой съ народными предрасудками. Помѣщичье хозяйство вполне зависитъ отъ крестьянскаго. Нѣтъ сомнѣнія, что помѣщичьи земли можно раздѣлить на сколько угодно полей; но обработка ихъ все-таки будетъ производиться крестьянскими орудіями и на крестьянскихъ лошадяхъ. По сему, при улучшеніи системы хозяйства, необходимы: улучшеніе земледѣльческихъ орудій, лучшія породы рабочихъ лошадей и вообще большее развитіе скотоводства. Слѣдовательно, нужны капиталы. Капиталы явились бы и частные, и со стороны правительства, если бы можно было надѣяться, что они принесутъ такіе проценты, какіе доставляютъ другія отрасли промышленности. При дешевой цѣнѣ хлѣба въ сравненіи съ стоимостью воздѣлыванія и при настоящемъ хозяйственномъ бытѣ, на это никакъ нельзя надѣяться. Вотъ почему, если въ Смоленской губерніи и встрѣчаются улучшенныя системы хозяйства, то это скорѣе — или благое намѣреніе безъ желаемыхъ результатовъ, или прихоть помѣщика. Коммерческихъ расчетовъ тутъ нѣтъ. Въ самомъ дѣлѣ, подобныя улучшенія, обыкновенно касаются самаго небольшого количества изъ общаго пространства воздѣлываемыхъ земель въ извѣстномъ хозяйствѣ, такъ что главная часть доходовъ получается отъ земель, обрабатываемыхъ по трехпольному хозяйству. Такъ же, гдѣ введены улучшенныя способы хозяйства въ болѣшемъ размѣрѣ, на это потрачено много денегъ, которыя далеко не приносятъ обыкновенныхъ процентовъ. Почти въ каждомъ уѣздѣ можно найти одно, два или нѣсколько помѣщичьихъ имѣній, въ которыхъ введено многопольное хозяйство. Эти слабыя попытки выйти изъ затруднительнаго положенія, въ которомъ находится Смоленская губернія, конечно мало имѣютъ вліянія на общее благосостояніе. Горько, но нельзя не сказать, что отъ этихъ улучшеній помѣщичьяго хозяйства иногда страдаютъ крестьяне, которые съ ихъ тощими лошадьми и дурными сохами съ трудомъ поднимаютъ землю послѣ клевера.»

Количество содержимаго скота ни мало не соразмѣрно пространству удобряемыхъ земель; пропорціонально, у государственныхъ

крестьянъ оно нѣсколько значительнѣе, нежели въ помѣщичьихъ имѣніяхъ, считая въ послѣднихъ и господскій скоть. Вообще, скота въ три съ половиною раза менѣе, нежели нужно для достаточнаго удобренія, — именно, менѣе нежели двѣ головы крупнаго скота на десятину, между тѣмъ какъ нужно по крайней мѣрѣ 6 головъ; при истощенныхъ земляхъ, средній доходъ съ десятины озимаго поля (рожь) 10—15 руб. сер., яроваго (овесъ, ячмень, греча) 7—11 руб., всего съ десятины въ трехъ поляхъ 17—26 руб. сер. Среднимъ числомъ, государственные крестьяне имѣютъ 2,5 десятины пахатной земли на ревижскую душу, помѣщичьи обрабатываютъ на себя по 2,4 десятины на душу. Рассчитавъ расходы семейства изъ 8 душъ, въ томъ числѣ 4 мужскаго пола, можемъ легко сосчитать средній доходъ того же семейства отъ хлѣбопашества; именно, при 4 ревижскихъ душахъ, семейство казенныхъ крестьянъ имѣетъ запашки 10 десятинъ, по $3\frac{1}{3}$ въ полѣ, и получаетъ съ нихъ хлѣба на 56—87 р. с., а семья помѣщичьихъ — 9 десятинъ или по 3 въ полѣ, и получаетъ хлѣба на 51—78 руб.; при этомъ надобно помнить, что земли первыхъ удобряются лучше, и потому доходъ скорѣе склоняется къ высшему изъ крайнихъ чиселъ, а у послѣднихъ, наоборотъ, къ низшему.

По сравненію засѣва и средняго урожая различныхъ породъ хлѣба и количества ихъ, нужныхъ для продовольствія жителей, г. Соловьевъ находитъ, что при среднемъ урожаѣ, Смоленская губернія можетъ отпускать на продажу: около 180,000 четвертей ячменя, около 105,000 четвертей гречи и 745,000 ч. овса; но должна прикупить изъ другихъ губерній около 315,000 четвертей ржи. При этомъ авторъ думаетъ, что урожаи приняты имъ выше среднихъ, а продовольствіе сокращено до крайняго предѣла, и потому въ дѣйствительности на продажу остается менѣе, а недостатокъ ржи бываетъ значительнѣе, нежели онъ принялъ, для избѣжанія всякихъ упрековъ въ уменьшеніи урожая и преувеличеніи количества, нужнаго для потребленія. Но и при высокихъ цифрахъ средняго урожая, принятыхъ г. Соловьевымъ, очевидно, что Смоленская губернія не въ состояніи прокормить своего населенія безъ ржи изъ другихъ губерній; что касается другихъ

отраслей сельскаго хозяйства, доходы съ садоводства и пчеловодства незначительны; коношляники доставляютъ около милліона руб. сер. Что касается лѣсовъ, въ нѣкоторыхъ уѣздахъ они почти не имѣютъ цѣны (десятина строеваго лѣса отдается на срубъ за 3 р. сер.); между тѣмъ, какъ другіе уѣзды той же губерніи терпятъ большой недостатокъ не только въ строевомъ лѣсѣ, но и въ топливѣ, хотя разстояніе между этими мѣстностями, страдающими однѣ отъ излишка, другія — отъ скудости, не превышаетъ 200 верстъ. Причиною этого различія въ цѣнахъ — недостатокъ путей сообщенія. Изъ лѣсныхъ уѣздовъ сплавляются въ другія губерніи лѣса на 500,000 р. сер. Относительно скотоводства, авторъ замѣчаетъ, что и лошади и коровы малы ростомъ, тощи и изнурены. О лошадяхъ онъ замѣчаетъ: „при такомъ содержаніи, на какомъ находятся здѣсь крестьянскія лошади, нельзя ожидать улучшенія породы посредствомъ хорошихъ случныхъ жеребцовъ.“ Должно замѣтить также, что число лошадей по различнымъ уѣздамъ вовсе не пропорціонально количеству сѣнокосовъ, которое позволяло бы держать гораздо болѣе лошадей. Тоже слѣдуетъ изъ фактовъ относящихся къ числу и качеству рогатаго скота. Попытки улучшенія породы остаются безуспѣшными, по скудному содержанію скота. Онъ держится почти только для навоза, потому что почти нѣтъ сбыта для молока.

Фабрики и заводы въ Смоленской губерніи малочисленны и незначительны: среднее годовое производство всѣхъ ихъ нельзя оцѣнить выше, какъ 1 милліонъ рублей. Поселянамъ эти фабрики и заводы не приносятъ почти никакихъ выгодъ, потому что всѣ почти работы на нихъ исправляются барщиною.

Торговля, также очень незначительная, состоитъ въ томъ, что Смоленская губернія дешево сбываетъ свои сырыя произведенія (овесъ, ячмень, гречу, пеньку, кожи) и дорого покупаетъ всѣ предметы служащіе къ удобству жизни среднему и высшему классамъ ея жителей, — классамъ, какъ мы видѣли, весьма немногочисленнымъ. Крестьянинъ большую часть вещей, въ которыхъ встрѣчается ему надобность, долженъ, по недостатку наличныхъ денегъ, брать въ кредитъ у прасоловъ, которые потомъ берутъ у него въ уплату хлѣбъ, пеньку и проч., съ учетомъ тяже-

лыхъ процентовъ, съ обманомъ въ мѣрѣ и по слишкомъ дешевой цѣнѣ. Главныя средоточія отпускной торговли — Бѣльская и Порѣчьская пристани и города — Ржевъ и Зубцовъ. Изъ нихъ Бѣльская отпускала сырыхъ произведеній — въ 1817 г. болѣе, нежели на 19 милліоновъ р. асс., въ 1818 г. болѣе, нежели на 10¹/₂ мил. р. асс., нынѣ отпускается на 4 мил. р. сер.; Порѣчьская на 2 мил. р. сер. Ржевъ и Зубцовъ отправляютъ вмѣстѣ съ другими сосѣдними пристанями на 6 мил. р. сер. Подвозъ хлѣба, пеньки и проч. къ этимъ пристанямъ занимаетъ довольно большое число крестьянъ въ свободное отъ хлѣбопашества время. Цѣны за провозъ такъ невыгодны для нихъ, что едва покрываютъ издержки на содержаніе лошади, а часто и не покрываютъ ихъ; но тѣмъ не менѣе крестьянинъ занимается извозомъ, чтобы получить хотя нѣкоторое подспорье въ прокормленіи лошади зимою — онъ считаетъ выгодною уже и то, что хотя часть издержекъ на зимній кормъ ея доставляется платою за извозъ. Работы на шоссе и проводимой нынѣ желѣзной дорогѣ занимаютъ также довольно значительное число рукъ. Интересно вникнуть въ расчеты этихъ рабочихъ съ подрядчиками. Въ контрактахъ всегда означаются довольно многочисленныя случаи вычета, — изъ нихъ главные: 1) за болѣзнь — проболѣвшій болѣе трехъ дней подвергается вычету за харчи и медикаменты, кромѣ вычета платы по расчету числа дней; 2) за прогулъ вычитается 2¹/₂ раза дневная выручка; за дни ненастной погоды, когда работы не производятся, также дѣлается вычетъ. Ни одинъ работникъ, какъ бы прилеженъ онъ ни былъ, не избавится отъ того или другаго вычета, и не получитъ полной договорной суммы. Г. Соловьевъ имѣлъ случай разсматривать расчеты подрядчика съ артелью, состоявшею изъ 132 человекъ; полная договорная сумма была 29 р. сер. но только 13 работниковъ получили по 27 р. сер. съ вычетомъ 2 р. сер. изъ полной платы, — остальнымъ по расчету пришлось еще менѣе, и 61 человекъ получили менѣе 18 рублей, нѣкоторые не болѣе 11 или даже 10 р. сер. изъ условныхъ 29 р. Полной договорной платы, безъ вычетовъ, не пришлось получить ни одному. Вообще же, вмѣсто 3,828 р. сер. которые должна была получить артель (по 29 р. на 132 человекъ), пришлось ей получить только

2,598 р., остальные 1,230 р., т. е. треть договорной суммы, были удержаны въ видѣ вычетовъ различнаго рода. Всѣ промыслы мелкіе и крупныя, извозъ, земляныя работы, фабрики, заводы и проч. и проч. даютъ нѣкоторое приращеніе къ доходу отъ земледѣлія только одной пятой части сельскаго населенія; средства для жизни у остальныхъ четырехъ пятыхъ частей населенія ограничены однимъ земледѣліемъ.

Мы извлекли, быть можетъ, только сотую долю многочисленныхъ фактовъ быта поселянъ Смоленской губерніи, — фактовъ, излагаемыхъ въ книгѣ г. Соловьева съ полною основательностью, которая должна назваться рѣшительно образцовою; мы привели только немногіе изъ его заключеній, высказываемыхъ у него не всегда съ одинаковою рѣшительностью, но всегда дѣльныхъ и истинно-благонамѣренныхъ: — но даже и по этимъ скуднымъ извлеченіямъ читатели конечно видятъ, что книга г. Соловьева, будучи самымъ полнымъ статистическимъ трактатомъ изъ всѣхъ описаній отдѣльныхъ частей Россіи, въ то же время должна быть названа однимъ изъ важнѣйшихъ сочиненій по изслѣдованію русскаго сельско-хозяйственнаго быта вообще. Мы едва ли ошибемся, если скажемъ, что послѣ сочиненія г. Тенгоборскаго *О производительныхъ силахъ Россіи* еще не выходило у насъ по части статистики книгъ, которыя могли бы значеніемъ своимъ равняться прекрасному труду г. Соловьева.

Полное собраніе сочиненій русскихъ авторовъ. Сочиненія Василя Львовича Пушкина (и Д. В. Веневитинова.) *Изданіе* А. Смирдина. *Спб. 1855.**

Изданіе Смирдина довольно часто соединяло въ одномъ томѣ имена, принадлежація различнымъ эпохамъ и направленіямъ; такъ, напримѣръ, въ товарищи Хемницеру дало оно не Дмитріева, какъ бы слѣдовало сдѣлать, а Кантемира; Нелединскаго-Мелецкаго соединило не съ Мерзляковымъ, а съ Дельвигомъ и т. д. Но никогда еще сочетаніе не было такъ странно, какъ въ настоящемъ

*) *Современникъ* 1855, № 11. — Библиографія.

случаѣ. Между Нелединскимъ и Дельвигомъ, писателями разныхъ школъ, можно найти что нибудь общее — оба они извѣстны своими русскими пѣснями; можно найти хотя отдаленное соотношеніе между насмѣшкою Кантемира и Хемницера; но какимъ образомъ было возникнуть мысли соединить В. Л. Пушкина, посредственнаго стихотворца, отсталаго подражателя Дмитріеву, съ Веневитиновымъ, энергическимъ юношею, талантъ и умъ котораго опередилъ ѣ эпоху и самыя лѣта его?

Хотя стихотворныя изданія В. Л. Пушкина вообще не заслуживаютъ вниманія, въ исторіи литературы останутся два или три отрывка изъ его полемическихъ посланій противъ партіи Шишкова, — если только исторія литературы будетъ заниматься тѣми бурями въ стаканѣ воды, которыя до сихъ поръ кажутся важными феноменами нѣкоторымъ нашимъ литературнымъ Эренбергамъ.

Быть можетъ, скажутъ: смѣшно толковать о языкѣ, когда онъ уже обработанъ для литературы; но совершенно другое значеніе имѣютъ вопросы о немъ, когда онъ еще только обрабатывается — тогда вопросы о словахъ и фразахъ дѣйствительно важны — совершенная правда, только надобно прибавить, что неважное мѣсто въ исторіи литературы, занимаютъ и періоды литературы, въ которые обязанность литературнаго дѣла состояла въ образованіи литературнаго языка. Времена Опица, Логенштейна и Готшеда не слишкомъ интересны въ нѣмецкой литературѣ. И, чтобы опереться на авторитетъ, припомнимъ слова Пушкина (разумеется племянника, а не дяди) о французской поэзіи: „Малербъ нынѣ забытъ подобно Ронсару. Сии два таланта истощили силы свои въ бореніи съ механизмомъ языка, въ усовершенствованіи стиха. Такова участь, ожидающая писателей, которые пекутся болѣе о наружныхъ формахъ слова, нежели о мысли, истинной жизни его, независящей отъ употребленія;“ — кажется, къ этому естественно можно прибавить: „и такова же участь періодовъ литературы, въ теченіе которыхъ вопросы о языкѣ казались и писателямъ и читателямъ самыми важными и краеугольными.“

Впрочемъ, само собою разумѣется, что какъ бы чуждо ни было высшимъ человѣческимъ интересамъ существенное и главное содержаніе какого нибудь человѣческаго дѣла, но нѣкоторая частица

этихъ интересовъ проникаетъ и въ него, потому что человѣкъ никогда не перестаетъ быть существомъ мыслящимъ — даже и во младенчествѣ онъ уже обнаруживаетъ нѣкоторые признаки чего-то похожаго на мысль, любовь къ истинѣ, на заботы о своемъ благѣ, на любовь къ своимъ ближнимъ. Такъ и во время Опица и Готшеда нѣмецкая литература заключала въ себѣ нѣчто, кромѣ заботы о словахъ, и Малербъ съ Ронсаромъ писали не совершенно пустыя фразы. Дѣло только въ томъ, какой элементъ преобладалъ — стремленіе ли къ выраженію высшихъ человѣческихъ интересовъ или забота о словахъ.

И тѣ споры, въ которыхъ принималъ участіе В. Л. Пушкинъ, подъ вопросами о словахъ скрывали нѣкоторые слѣды — съ одной стороны, вражды, съ другой симпатіи къ высшимъ интересамъ, напримѣръ, къ просвѣщенію. Потому мы — которые смотрѣли бы на обѣ партіи съ одинакою холодностью, если бы подъ словами не таилась мысль, слабая, робкая, неясная, но все-таки мысль, — сочувствуемъ одной сторонѣ, находимъ полезнымъ и справедливымъ, что другая сторона была побѣждена въ этой борьбѣ. Правда, сочувствіе наше должно быть соразмѣрно степени участія мысли въ спорѣ приверженцевъ Шишкова съ школою Карамзина, а это участіе было слабо. Правдо и то, что споры эти вовсе не составляли такого сильнаго движенія въ тогдашней литературѣ, какъ думали въ послѣднее время, — схватки, если и были иногда горячи, то походили на борьбу Гораціевъ съ Куріаціями или на ту войну, которую могла бы вести армія княжества Кюнипгаузена, состоящая изъ 23 человѣкъ, противъ арміи княжества Лихтенштейнскаго, состоящей изъ 19 человѣкъ — Бородинской битвы такія войска не дадутъ, и походы ихъ не надѣлаютъ много шума въ публикѣ. Но, какъ бы то ни было, все таки борьба Карамзинской школы съ Шишковскою принадлежитъ къ числу интереснѣйшихъ движеній въ нашей литературѣ начала нынѣшняго вѣка; все таки справедливость была на сторонѣ партіи Карамзина, — и В. Л. Пушкинымъ, однимъ изъ ревностныхъ приверженцевъ Карамзинскаго направленія, были сдѣланы двѣ или три счастливыя вылазки въ станъ противниковъ — вылазки, если и неимѣвшія вліянія на ходъ борьбы — В. Л. Пушкинъ не былъ

авторитетомъ даже въ то блаженное время, когда авторитетамъ не было числа—то, по крайней мѣрѣ, заслужившія благосклонную улыбку въ его литературныхъ патронахъ и надѣлавшія досады врагамъ. Одинъ изъ этихъ отрывковъ, вѣроятно знакомый большей части нашихъ читателей, мы относимъ въ примѣчаніе *). Другой, который былъ цитруемъ не столь часто, помѣщаемъ здѣсь—это отвѣтъ на злонамѣренные толки, возбужденные отрывкомъ, который привели мы въ выноска :

«Кто тщится жизнь свою наукамъ посвящать,
Раскольниковъ Славянъ дерзаетъ уличать,
Кто пишетъ правильно, и не варяжскимъ слогомъ,—
Не любить русскихъ тотъ, и виноватъ предъ богомъ»
Повѣрь, слова невѣждъ пустой кимвала звукъ ;
Они безумствуютъ, — сіяетъ свѣтъ наукъ

Въ предубѣжденіяхъ нѣтъ святости ни мало,
Они мертвятъ нашъ умъ и варварства начало.
Ученымъ быть не грѣхъ, но грѣхъ во тмѣ ходить.
Невѣжда можетъ ли отечество любить ?
Не тотъ къ странѣ родной усердіе питаетъ,
Кто хвалить все свое, чужое презираетъ,
Кто слезы льетъ о томъ, что мы не въ бородахъ,
И бѣдный мыслями, печется о словахъ, —
Но тотъ, кто, слѣдуя похвальному внушенью,
Чтить дарованія, *стремится къ просвѣщенью ;*

*) Я вижу весь соборъ безграмотныхъ Славянъ,
Которыми здѣсь вкусъ къ изяществу поправъ,
Противъ меня теперь рыкающей ужасно.
Къ дружинѣ вопіетъ нашъ Балдусъ велегласно :
«О, братіе мои, зову на помощь васъ!
Ударимъ на него, и первый буду азъ.
Кто намъ грамматикѣ совѣтуетъ учиться,
Во тьму крошблнную, въ геенну погрузится ;
И еще смѣетъ кто Карамзина хвалить,
Нашъ долгъ, о людіе, злодѣя истребить»

Въ славянскомъ языкѣ и самъ я пользу вижу,
Но вкусъ я варварскій гоню и ненавижу ;
Въ душѣ своей ношу къ изящному любовь ;
Творенье безъ идей мою волнуетъ кровь,
Словъ много затвердить не есть еще ученье :
Намъ нужны не слова, намъ нужно просвѣщенье.

(Посланіе къ Жуковскому).

Кто, согражданъ любя, желаетъ славы ихъ,
 Кто чуждъ и зависти, и предразсудковъ злыхъ.
 Квириты гордые полсвѣтомъ обладали,
 Но общежитію ихъ греки обучали,
 И славный Цицеронъ, ораторъ-гражданинъ,
 Сражая Верреса, вступаясь за Мурену,
 Былъ велерѣчіемъ обязанъ Демосоену.

.
 Такъ : сынъ отечества науками гордится,
 Во мракѣ утопать невѣжества стыдится,
 Не проповѣдуетъ расколовъ никакихъ,
 И въ старинѣ для насъ не видитъ дней благихъ.
 Хвалу я воздаю счастливѣйшей судьбинѣ,
 О, мой любезный другъ, что я родился нынѣ.
 Свободно я могу и мыслить и дышать.
 И даже *обіе* и *аше* не писать.

.
 Въ сужденьяхъ таковыхъ не вижу я вины :
 За что жъ мы на костеръ съ тобой осуждены ?
 За то, что мы любя словестность и науки,
 Не вѣкъ надъ букваремъ твердили *азъ* и *букн*.
 За то, что смѣемъ мы ученіе хвалить ;

.
 Нашествіе татаръ не чтимъ мы вѣкомъ славы,
 Мы правду говоримъ, — и слѣдственно не правы.

(Посланіе къ Дашкову).

Для опредѣленія отношеній нынѣшняго состоянія нашей литературы къ ея положенію за эпоху предшествовавшую появленію А. С. Пушкина, интересно было бы замѣтить, какіе именно изъ выписанныхъ нами стиховъ потеряли свой современный интересъ, и какіе, напротивъ, сохранили его.

В. Л. Пушкинъ былъ однимъ изъ тѣхъ людей, которые подъ споромъ о словахъ видѣли борьбу за просвѣщеніе, и въ этомъ смыслѣ стихи, нами выписанные, принадлежатъ къ числу лучшихъ остатковъ дѣятельности Арзамаскаго Общества. Только они, да еще посланіе къ членамъ Арзамаскаго общества, въ которомъ онъ упрекаетъ ихъ за неумѣренныя шутки надъ его стихами, да еще эпиграмма о пятнадцати-лѣтнемъ стихотворцѣ, пославшемъ двѣ оды на Парнасъ, и могутъ назваться удачными его произведе-

ніями, если не считать нѣкоторыхъ шутливыхъ стихотвореній, остающихся до сихъ поръ въ памяти любителей пьесъ подобнаго содержанія. Прочія его стихотворенія чрезвычайно слабы и по содержанію — почти всегда безцвѣтному, и по формѣ, чуждой поэтическихъ достоинствъ. Они едва ли заслуживаютъ хотя малѣйшее вниманіе.

Но личность В. Пушкина и отношенія, въ которыхъ держались къ нему его литературные пріатели, довольно важны для людей, которые захотѣли бы представить точную, чуждую риторическихъ прикрасъ картину стремленій и литературныхъ нравовъ того кружка, который игралъ главную роль въ нашей словесности до начала Пушкинской эпохи. Нѣсколько анекдотовъ объ этихъ забавахъ можно найти въ *Мелочахъ* Дмитріева. Спора нѣтъ, В. Л. Пушкинъ былъ человекъ безъ поэтическаго таланта; но развѣ нѣтъ нынѣ людей, лишенныхъ дарованія и одаренныхъ страстью къ стихотворству, — однако же никогда болѣе даровитые пріатели не позволятъ себѣ, да и не захотятъ потѣшаться надъ ними подобнымъ образомъ, потому что это и противорѣчило бы нашимъ понятіямъ о достоинствѣ литератора, да и скучно показалось бы нынѣ заниматься придумываніемъ этихъ продѣлокъ. Но тогда были другія времена: старики, отжившіе свой вѣкъ, смотрѣли на литературу, какъ на препровожденіе времени, требующее важности и солидности, — старики на все смотрятъ довольно угрюмо; и притомъ же они привыкли въ потѣ лица трудиться надъ возвышенными одами, изгоняющими всякую мысль объ удовольствіи. А для молодаго поколѣнія литературныя занятія были просто забавою, которой одни предавались по влеченію, другіе — и большая часть — просто „по легкомыслію молодости;“ о высокомъ общественномъ значеніи литературы думали очень немногіе; да и изъ тѣхъ, въ комъ было нѣкоторое сознаніе объ этомъ, почти ни въ комъ не достигало оно сильнаго развитія (Конечно, мы говоримъ исключительно о такъ называемой легкой литературѣ; между учеными были всегда люди другаго забала, хотя не всегда было ихъ много); потому-то понятія — литература, — игрушка, потѣха, пережѣшивались очень легко. Конечно, чтобы сдѣлать такой отзывъ, или согласиться съ нимъ, надобно понимать литературу

какъ одну изъ важнѣйшихъ стихій въ жизни обществъ, а не какъ игру въ фанты, шарады и мадригалы, надобно смотрѣть на исторію литературы какъ на одну изъ важнѣйшихъ частей общей исторіи народа. Не для всѣхъ еще возможно и нынѣ становиться на такую точку зрѣнія, хотя мы уже имѣемъ Гоголя и многочисленныхъ писателей, продолжающихъ въ томъ же смыслѣ дѣйствовать на развитіе. Дѣйствительно, чтобы мысль была ясна для всѣхъ, нужно, чтобы близкіе факты были явнымъ ея выраженіемъ, а о своей литературѣ мы еще не можемъ сказать, чтобы ея вліянія на публику невозможно было не замѣчать, — оно существуетъ, и уже довольно значительно, но еще не такъ огромно, чтобы быть поразительнымъ для всѣхъ. Это потому, что съ одной стороны люди читающіе еще составляютъ меньшинство въ нашемъ обществѣ, съ другой стороны и потому, что, если отдѣлка художественной формы достигла уже у насъ значительнаго совершенства, то содержаніе нашей литературы не проникло еще до глубины существеннѣйшихъ сторонъ общественной жизни — каждый разъ, когда писатель, повидимому, имѣющій достаточно и силъ и охоты, чтобы изобразить ихъ во всей полнотѣ, приступаетъ къ этому дѣлу, имъ какъ бы овладѣваетъ какая-то робость, и онъ отступаетъ назадъ, уклоняется въ сторону, только слегка коснувшись своей задушевной идеи, но не исчерпавъ всей глубины ея.

Какъ бы то ни было, фактъ несомнѣнный, что художественная форма явилась у насъ (мы говоримъ о литературѣ, начинающейся съ Ломоносова) — раньше, нежели содержаніе, и существенный характеръ историческаго движенія литературы съ эпохи Пушкина состоитъ въ томъ, что содержаніе ея мало по малу становилось все глубже и живѣе. Но движеніе это было до послѣдняго времени гораздо сильнѣе въ прозаическомъ отдѣлѣ изящной словесности, нежели въ собственно такъ называемой поэзіи. Лермонтовъ не успѣлъ сдѣлать и самъ столько, сколько сдѣлалъ Гоголь, да и новѣйшіе поэты сдѣлали гораздо менѣе, нежели прозаики.

А между тѣмъ проникновеніе литературы глубокимъ содержаніемъ началось было именно съ поэзіи. Мы не можемъ знать, продолжалъ ли бы свою поэтическую дѣятельность Грибоѣдовъ, или она уже была оставлена имъ для дипломатіи. Но, къ сожалѣнію,

мы слишкомъ хорошо можемъ знать, что ранняя смерть отняла у насъ въ Веневитиновѣ поэта, котораго содержаніе было бы глубоко и оригинально. Здѣсь мы останавливаемся, потому что имѣемъ намѣреніе представить читателямъ *Современника* о Веневитиновѣ особую статью.

Матеріалы къ ученію объ огнестрѣльныхъ ранахъ, собранные въ походахъ 1848, 1849 и 1850 годовъ докторомъ Гаральдомъ Шульцомъ. Перевелъ съ нѣмецкаго А. Кашинъ. Спб. 1855. *)

Сочиненіе Шульца принадлежитъ къ лучшимъ по своей части. Авторъ служилъ докторомъ при прусскомъ отрядѣ, сражавшемся противъ датчанъ и хотя число случаевъ, подлежавшихъ его наблюденію, не было многочисленно, по незначительности битвъ, но онъ старался вознаграждать недостатокъ матеріаловъ для наблюденій внимательнымъ ихъ изученіемъ и извлекъ изъ своей необширной практики все, что только было въ ней новаго или поучительнаго. Нѣтъ сомнѣнія, что изданіемъ его сочиненія въ русскомъ переводѣ оказывается услуга нашимъ военнымъ врачамъ.

Археологическіе и нумизматическіе отрывки. П. Савельева. Книжка 1-я. Спб. 1855. **)

Ученый авторъ книжки, заглавіе которой мы выписали, не пожелъ нужнымъ приложить къ ней предисловія, для объясненія цѣли и объема предпринимаемаго имъ новаго изданія. Сколько можемъ судить по содержанію первой книжки, оно будетъ заключать въ себѣ небольшія и чисто спеціальныя монографіи, служащія вообще дополненіемъ къ разнымъ спискамъ восточныхъ монетъ и къ

*) *Современникъ* 1855, № 11. — Библиографія.

**) Ibid.

различнымъ описаніямъ мухаммеданскихъ древностей. Такъ въ первой книжкѣ мы находимъ описаніе нѣсколькихъ небывшихъ еще изданными саманидскихъ диргемовъ, и пяти динаровъ (золотыхъ монетъ) той же династіи. Динары саманидовъ очень рѣдки; до сихъ поръ было извѣстно въ нумизматическихъ кабинетахъ цѣлой Европы только восемь экземпляровъ этихъ монетъ; потому описаніе пяти новыхъ экземпляровъ, недавно приобрѣтенныхъ императорскимъ Эрмитажемъ и министромъ удѣловъ графомъ Перовскимъ, составляетъ значительное дополненіе къ нашимъ знаніямъ объ этомъ классѣ монетъ. Затѣмъ слѣдуютъ прибавленія къ спискамъ восточныхъ монетъ Тизенгаузена и къ списку мѣсть, гдѣ были найдены клады съ восточными монетами въ Россіи. Вторая статейка описываетъ нынѣшнія монеты Мухаммеданской Азіи, именно монеты Турецкой имперіи, Персіи и Британской Индіи. Третья и четвертая статьи содержатъ рисунки и описанія монгольскихъ старинныхъ вещей, найденныхъ (1853 г.) въ Забайкальской Области, и древностей найденныхъ за Кавказомъ. Послѣднія г. Савельевъ относитъ къ VIII—IX вѣкамъ, не соглашаясь съ мнѣніемъ г. Ханькова, который называетъ ихъ скиѣскими.

Права и обязанности домовладѣльцевъ, управляющихъ домами и жильцовъ въ С. Петербургѣ, Москвѣ и другихъ городахъ. *Руководство, разсмотрѣнное II Отдѣленіемъ собственной ея императорскаго величества канцеляріи. Спб. 1855. *)*

Заглавіе этой книги достаточно объясняетъ ея пользу для домовладѣльцевъ. Постановленія правительства, которыми они должны руководствоваться, собраны издателемъ изъ *Свода Законовъ* и его *Продолженій*, внимательно, и расположены въ порядкѣ, облегчающемъ справки. Къ этимъ законамъ прибавлены извлечения изъ распоряженій С. Петербургской Полиціи, относящихся къ тому же предмету — видно, что авторъ преимущественно

*) *Современникъ* 1855, № 11. — Библіографія.

назначалъ свое *руководство* для жителей Петербурга. Домовладельцы въ провинціальныхъ великороссійскихъ городахъ также будутъ удовлетворены его книгою; но для Москвы и городовъ въ пограничныхъ провинціяхъ сборникъ его будетъ несовершенно достаточенъ, потому что особенныя распоряженія мѣстныхъ полицейскихъ управленій въ этихъ городахъ, значительно различающіяся отъ общихъ правилъ, не внесены въ его книгу — неполнота, извиняемая тѣмъ, что сборники этихъ мѣстныхъ постановленій можно составить только въ самыхъ городахъ, къ которымъ они относятся.

О значеніи практики въ системѣ современнаго юридическаго образованія. Д. Мейера. Казань. 1855. *)

Мейеръ, заслужившій столь лестную извѣстность, какъ одинъ изъ лучшихъ нашихъ профессоровъ правовѣдѣнія, развиваетъ въ брошюрѣ, заглавіе которой мы выписали, мысль о необходимости соединенія въ университетскомъ преподаваніи теоретическихъ лекцій съ практическими упражненіями въ производствѣ и рѣшеніи дѣлъ. Справедливость этой мысли несомнѣнна, и нельзя не прибавить, что ученый и опытный авторъ излагаетъ ее прекрасно.

Цѣль университетскаго преподаванія у насъ состоитъ не столько въ томъ, чтобы образовывать такъ называемыхъ „дѣльцовъ“, — ихъ мы имѣемъ довольно, и притомъ они могутъ пріобрѣтать необходимую ловкость и опытность не иначе, какъ долговременными служебными или адвокатскими занятіями, — сколько въ томъ, чтобы въ молодыхъ людяхъ, намѣривающихся посвятить себя службѣ, поселить возвышенныя и непоколебимыя убѣжденія о святости, ненарушимости права, развить въ нихъ широкій взглядъ на основныя, неприкосновенныя начала права, изъ которыхъ должны вытекать всѣ безчисленныя частныя законодательныя постановленія, составляющія только приложеніе основныхъ началъ права къ даннымъ историческимъ обстоятельствамъ народной

*) *Современникъ* 1855, № 12. — Библиографія.

жизни. Вся ученая и педагогическая дѣятельность Мейера рунчается за то, что онъ именно такъ смотритъ на вопросъ; если не ошибаемся, это самое воззрѣніе лежитъ въ основѣ и послѣдней его брошюры. Но съ тѣмъ вмѣстѣ необходимо, чтобы юридическое образованіе не ограничивалось одною чисто-теоретическою стороною, хотя она и должна считаться кореннымъ элементомъ его; необходимо, чтобы юноша, получившій вѣрныя и высокія понятія о правѣ, пріобрѣлъ нѣкоторую привычку прилагать ихъ къ практикѣ, и пріобрѣлъ подѣ руководствомъ тѣхъ же самыхъ людей, которымъ обязанъ своимъ теоретическимъ развитіемъ, — предоставленный единственно собственнымъ, еще неопытнымъ силамъ, онъ, быть можетъ, не сѣумѣлъ бы замѣтить отношенія данныхъ частныхъ фактовъ къ принципамъ права, и въ такомъ случаѣ близокъ былъ бы къ тому, чтобы отвергать тѣсную связь практическихъ случаевъ съ теоретическими началами, совершенно отвергнуть теорію, какъ нѣчто бесполезное для практики и такимъ образомъ потерять все, что пріобрѣлъ отъ теоретическаго образованія, — эту мысль развиваетъ Мейеръ въ своей брошюрѣ. Съ тѣмъ вмѣстѣ, справедливо продолжаетъ онъ, дать нѣкоторую практическую опытность юношѣ, получающему теоретическое образованіе, необходимо и для того, чтобы онъ не явился въ среду дѣльцовъ и практиковъ, незнакомый съ техническими приѣмами, которые исключительно у нихъ уважаются, — только это знаніе доставитъ ему неоспоримое основаніе требовать отъ нихъ уваженія къ себѣ и своимъ познаніямъ. Вмѣстѣ съ доказательствами необходимости ввести практической элементъ въ университетское преподаваніе права, Мейеръ, излагаетъ методъ и различные способы практическихъ занятій профессора съ студентами. Не говоря о другихъ, болѣе или менѣе ясныхъ для каждаго видахъ этихъ занятій, какъ-то: юридическомъ разборѣ различныхъ дѣлъ профессоромъ съ кафедры, каждымъ студентомъ въ отдѣльности, примѣрномъ производствѣ и рѣшеніи, съ распредѣленіемъ различныхъ ролей между студентами и проч. обратимъ вниманіе читателей только на предлагаемую Мейеромъ „юридическую клинику“ — родъ занятій, безъ сомнѣнія, могущій принести самые прекрасные плоды:

«Званіе юриста — говоритъ Мейеръ — какъ и званіе врача — практическое. Для практическаго образованія врачей учебнымъ заведеніямъ ввѣряются тысячи больныхъ, на которыхъ студенты учатся примѣнять запасъ теоретическихъ свѣдѣній; стороннія вѣдомства, сочувствуя просвѣщеннымъ усиліямъ къ образованію искусныхъ врачей, открываютъ учащимся свои больницы.

«На сколько допускается участіе питомца врачебной науки въ дѣйствительномъ пользованіи больныхъ, на столько, по крайней мѣрѣ, можетъ быть допущено и участіе студента правъ, съ ними уже ознакомленнаго, къ приложенію ихъ подготовленнаго, въ производствѣ суда дѣйствительнаго или въ дѣлахъ, болѣе или менѣе его касающихся. Въ этомъ занятіи молодой человѣкъ постигаетъ всю важность юридическаго образованія, усматриваетъ на дѣлѣ, какое значеніе имѣютъ интересы, къ обереженію которыхъ его призываетъ жизнь; чутке жизни шевелитъ страсть, которая съ перваго разу, когда еще не поздно, получаетъ благородное направленіе. Самый упрекъ въ неопытности, въ которомъ такъ часто скрывается софизмъ, уже не въ состояніи будетъ безусловно обезоружить молодаго юриста, и потому будетъ высказываемъ съ большею осторожностью и разборчивостью.

«Устройство этой клиники весьма простое: бѣдные люди, нуждающіеся въ совѣтахъ и помощи по какимъ либо касающимся ихъ въ присутственныхъ мѣстахъ дѣламъ, обращаются по усмотрѣнію своему къ завѣдывающему практикою, въ присутствіи его учениковъ сообщаютъ подлежащій случай, который и подвергается обсужденію, результатомъ чего должно быть какое либо одобряемое наставникомъ указаніе (профессоръ Сандуновъ позволялъ студентамъ присутствовать при происходившихъ у него на дому юридическихъ консультаціяхъ); по желанію совѣтующагося, тутъ же можетъ быть для него сочинена пужная бумага. Если дѣло таково, что интересантъ станетъ являться неоднократно, то оно можетъ быть поручено одному изъ практикантовъ, такъ что на попеченіе каждаго изъ нихъ можетъ достаться по одному дѣлу, или по нѣскольку, подъ руководствомъ, разумѣется, и отвѣтственностью наставника. Понятно, что успѣхъ такой консультаціи обуславливается единственно довѣріемъ, которое она внушитъ основательностью и практичностью совѣтовъ и потому ея развитіе будетъ служить залогомъ ея пользы.»

Памятная книжка Императорскаго Александровскаго Лицея на 1855—1856 годъ. Спб. 1855. *)

Кромѣ отчетовъ о состояніи Александровскаго (бывшаго Царскосельскаго) Лицея за прошедшій годъ, и правилъ, которыми должны руководствоваться лица, желающія помѣститъ сыновей

*) *Современникъ* 1855, № 12. — Библиографія.

или родственниковъ въ это учебное заведеніе, *Памятная книжка* заключаетъ списки начальниковъ, преподавателей и воспитанниковъ Лицея, съ его основанія до настоящаго времени, и большую статью *Торговые пути древнихъ грековъ по Черному морю*, написанную Г. П. Сабуровымъ, воспитанникомъ Лицея, кончившимъ курсъ въ 1855 году, съ первою золотою медалью.

Учебный курсъ въ Лицеѣ продолжается четыре года, и въ этотъ краткій періодъ времени, воспитанники должны изучать, кромѣ всѣхъ предметовъ входящихъ въ составъ гимназическаго курса: закона божія, математики, физики, зоологіи, ботаники, русскаго, славянскаго, нѣмецкаго и французскаго языковъ, исторіи, географіи, нѣкоторыхъ частей положительнаго законовѣдѣнія, черченія и рисованія, еще психологію, логику, практическую механику, химію, англійскій языкъ, сельское хозяйство, статистику, политическую экономію, энциклопедію права, римское право, финансовое право, исторію права и гражданскую архитектуру. Всего, кромѣ 14 предметовъ гимназическаго курса, еще 13 другихъ наукъ.

Сообразно этому значительному количеству преподаваемыхъ предметовъ, число часовъ, проводимыхъ воспитанниками Лицея въ классахъ, также очень значительно — оно простирается до $8\frac{1}{2}$ часовъ въ день.

Въ теченіе прошедшаго академическаго года число воспитанниковъ Лицея было 120. Изъ нихъ умерло 7, уволено для поступленія въ военную службу 8, и окончило курсъ 20 чело-вѣкъ. Удостоено перевода изъ низшихъ въ слѣдующіе классы 81, оставленъ по неуспѣшности на второй годъ въ томъ же классѣ только одинъ воспитанникъ.

Между списками воспитанниковъ Лицея, какъ извѣстно, особенно интересенъ списокъ перваго выпуска (1817 г.), потому что онъ заключаетъ въ себѣ имя Пушкина. Въ числѣ его товарищей по Лицею были: князь А. М. Горчаковъ, нынѣ полномочный министръ при вѣнскомъ дворѣ; С. Г. Ломоносовъ, нынѣ полномочный министръ въ Гатѣ; баронъ М. А. Корфъ, нынѣ членъ Государственнаго Совѣта и директоръ Императорской Публичной Библіотеки.

Приложенное къ отчетамъ Лицея изслѣдованіе о торговыхъ путяхъ древнихъ грековъ по Черному морю, составленное воспитанникомъ послѣдняго выпуска, г. Сабуровымъ, показываетъ въ молодомъ авторѣ человѣка съ трудолюбіемъ и основательными познаніями.

Цыганенокъ. *Повѣсть для дѣтей.* П. М. Шпилевскаго. Спб. 1855. *)

Въ основаніи повѣсти г. Шпилевскаго лежитъ мысль добрая и справедливая; нѣкоторыя страницы разсказа показываютъ умѣнье говорить съ дѣтьми, — и книжку, нами прочитанную, можно было бы назвать хорошею дѣтскою книжкою, еслибы сантиментальность и неправдоподобіе многихъ подробностей не вредили ея достоинству. Дѣло въ томъ, что сынъ небогатаго помѣщика, мальчикъ лѣтъ двѣнадцати, встрѣчается съ другимъ мальчикомъ, несчастнымъ цыганенкомъ-сиротою, котораго въ таборѣ бранятъ и бьютъ всѣ, хотя этотъ мальчикъ, выученный различнымъ фокусамъ, кормитъ таборъ своими представленіями. Барченку жаль бѣднаго цыганенка, въ которомъ онъ видитъ мальчика добраго и умнаго; онъ упрашиваетъ своего отца выручить маленькаго Мартина изъ несчастнаго положенія; отецъ соглашается, и Мартинъ принятъ въ домъ своего маленькаго покровителя, дѣлается товарищемъ его игръ, учится у него читать, и всею душою привязывается къ барченку. Это было въ каникулы; когда каникулы кончились, барченокъ отправляется въ гимназію, Мартинъ остается въ домѣ его отца, и черезъ нѣсколько времени начинаетъ такъ сильно тосковать о своемъ пріятелѣ и благодѣтелѣ, что рѣшается бѣжать изъ деревни въ городъ, гдѣ учится барченокъ, сбивается съ дороги, два дня бродитъ по лѣсу безъ пищи; наконецъ найденъ и возвращенъ въ деревню, — но отъ простуды и голода опасно занемогаетъ, — больной, онъ получаетъ отъ своего друга письмо, наполненное упреками: одинъ изъ товарищей по гимназіи сказалъ маленькому

*) *Современникъ* 1855, № 12. — Библиографія.

его покровителю, что Мартинъ убѣждалъ въ лѣсъ, увлекшись цыганскою привычкою воровать, и гимназистъ повѣрилъ этому. Огорченный упреками его, Мартинъ занемогаетъ еще труднѣе, и гимназистъ, разубѣжденный въ своихъ несправедливыхъ подозрѣніяхъ письмомъ отца, пріѣзжаетъ въ деревню, чтобы утѣшить и поддержать духъ своего пріемыша, — но уже поздно: бѣдный Мартинъ умираетъ, осыпая выраженіями признательности и любви своего маленькаго друга, который теперь вдвое сильнѣе прежняго понимаетъ, какую бѣду надѣлало его опрометчивое письмо. Читатели видятъ, что цѣль повѣсти — внушить сочувствіе къ бѣднымъ, безпріютнымъ, показавъ, что эти люди за ласку и ободреніе платятъ безграничною привязанностью, и при малѣйшей возможности становятся людьми добрыми; съ тѣмъ вмѣстѣ показать, какъ остороженъ каждый долженъ быть въ подозрѣніяхъ. Жаль, что многія сцены разсказа, развивающаго эти здравыя мысли, испорчены излишнею сантиментальностью, и что авторъ сдѣлалъ его несовсѣмъ правдоподобнымъ, заставивъ помѣщика не только дать пріютъ цыганенку, но и ухаживать за нимъ, будто за знатнымъ пріемышемъ. Если г. Шилевскій намѣренъ продолжать издавать повѣсти для дѣтей, то мы совѣтовали бы ему обращать болѣе вниманія на простоту языка и естественность въ развитіи сюжета. — тогда его повѣсти будутъ лучше изданной теперь, которою мы только на половину довольны.

О бытѣ крестьянъ въ Казанской губерніи. *Казань. 1855. *)*

Аксентій Ивановичъ Поприщинъ, въ одномъ мѣстѣ своихъ любопытныхъ *Записокъ*, замѣчаетъ, по случаю присланнаго въ *Сѣверную Пчелу* описанія какого-то бала въ городѣ Курекѣ, что „курскіе помѣщики хорошо пишутъ.“ Авторъ настоящей брошюры — житель Казани, рѣшился затмить столь почетную извѣстность курскихъ помѣщиковъ, и по выраженію Сумарокова, „принести честь своей родинѣ.“ описавъ бытъ крестьянъ Казан-

*) *Современникъ* 1855, № 12. — Библиографія

ской губерніи такимъ игривымъ слогомъ, которому позавидуютъ корреспонденты нашихъ газетъ, описывающіе великолѣбные губернскихъ баловъ. Тѣма у автора, по видимому, очень солидная, — по видимому, она даетъ возможность только передать читателямъ дѣльные свѣдѣнія, но никакъ не представляетъ случаевъ блеснуть остроуміемъ, — но посмотрите, какими брилліантами умѣлъ ученый авторъ украсить свой сухой предметъ. Онъ описываетъ татаръ, и вдоволь пошутивъ по случаю того, что на французскомъ языкѣ называются они *les tartars*, будто бы нахлынули на Европу изъ тартара, продолжаетъ :

«Голова крещенаго и некрещенаго татарина, по совершенно излишнему въ здѣшнемъ климатѣ подражанію юговосточнымъ народамъ, или, говоря словами Грибофдова, «разсудку вопреки, наперекоръ стихіямъ,» непремѣнно выбрита. Вообще, татары народъ развязный и красивый. Увы! я не могу сказать того же о татаркахъ!.. Конечно, я не раздѣляю мнѣнія тѣхъ этнографовъ, которые, подобно Фуксу, утверждаютъ, будто онѣ отъ природы неуклюжи, будто лица у нихъ калмыковатыя съ рѣзко выдавшимися скулами. Но ужъ и я, снисходительнѣйшій изъ людей, совершенно согласенъ, что онѣ неповоротливы отъ сидячей жизни. Посудите сами : богатая татарка съ наслажденіемъ придаются кейфу, расслабляющему силы тѣлесныя и душевныя ! Здѣсь уже не можетъ быть и рѣчи о тѣлесной ловкости и развязности. Онѣ либо не знаютъ, либо забыли, что первообразцамъ ихъ, арабскимъ красавицамъ, говорятъ, какъ обыкновенный комилиментъ : «уста твои пунцовы, какъ генинахъ, зубы твои бѣлы, какъ слоновою кость!»

Въ небольшой брошюркѣ, украшенной такими любезными цвѣтами ироніи, дѣльные замѣчанія или сухіе факты, по необходимости, заняли мѣсто второстепенное, — ихъ почти нѣтъ.

О значеніи и постепенномъ учрежденіи сельско-хозяйственныхъ обществъ въ Россіи. С. Пахмана. Казань. 1855. *)

Нѣтъ надобности говорить о важномъ значеніи обществъ сельскаго хозяйства для успѣховъ народнаго благосостоянія послѣ того, какъ важность и польза этихъ учрежденій столь ясно

*) *Современникъ* 1855, № 12. — Библиографія.

выражена высочайшимъ указомъ отъ 14 марта 1855 года, — указомъ, который былъ однимъ изъ первыхъ правительственныхъ дѣйствій нынѣ благополучно царствующаго монарха и обнаруженными вмѣстѣ съ этимъ указомъ рескриптами двумъ старшимъ и главнѣйшимъ нашимъ экономическимъ обществамъ, — вотъ текстъ этихъ замѣчательныхъ актовъ:

Высочайшій указъ г. Министру Государственныхъ Имуществъ.

„Считая сельское хозяйство однимъ изъ главныхъ источниковъ народнаго благосостоянія, и зная, что существующія въ Имперіи сельско-хозяйственныя общества служатъ правительству полезнымъ и важнымъ по сей части орудіемъ, повелѣваю:

1) Императорскому Вольному Экономическому Обществу и Императорскому Московскому Обществу Сельскаго Хозяйства доставить прилагаемые при семъ рескрипты, коими я подтверждаю дарованныя имъ моими августѣйшими предшественниками права.

2) Лифляндскому Экономическому Обществу, какъ одному изъ старѣйшихъ по учрежденію и постоянно, по засвидѣтельствованію вашему, трудящемуся съ пользою и успѣхомъ, разрѣшить именоваться императорскимъ.

3) Императорскому Обществу Сельскаго Хозяйства Южной Россіи, Императорскому Казанскому Экономическому Обществу, Гольдингенскому, Курляндскому, Эстляндскому, Ярославскому, Лебедянскому, Юговосточному, Калужскому, Кавказскому и Юрьевскому Обществамъ Сельскаго Хозяйства, а также вспомогательнымъ Лифляндскому Экономическому Обществамъ: Перново-Феллинскому, Аренбургскому и Вендень-Вольмарь-Валкскому, объявить, что труды ихъ и усердіе не будутъ оставляемы мною безъ вниманія, и что я всегда готовъ споспѣшествовать ихъ полезной дѣятельности.

Рескрипты.

I. Господа члены Императорскаго Вольнаго Экономическаго Общества! Въ постоянной моей готовности покровительствовать всѣмъ учрежденіямъ имѣющимъ цѣлю улучшенія разныхъ отра-

слей народнаго хозяйства, мнѣ пріятно выразить вамъ то одобреніе, которое Вольное Экономическое Общество заслужило своими долготѣтными и полезными трудами. Подтверждая всѣ права и преимущества, дарованныя сему Обществу моими августѣйшими предшественниками, и предоставляя ему выдавать, по прежнему, медали установленныя высокою его основательницею императрицею Екатериною II, я остаюсь въ полномъ упованіи, что Общество будетъ продолжать дѣйствовать на пользу любезной намъ Россіи, и успѣхи его не оставлю безъ вниманія.

II. Господа члены Императорскаго Московскаго Общества Сельскаго Хозяйства! Удовольствіемъ считаю удостовѣрить васъ, что я вполне цѣню постоянные труды ваши по развитію и улучшенію сельскаго хозяйства въ разныхъ странахъ любезнаго отечества нашего, и всегда готовъ покровительствовать полезную дѣятельность вашу. Подтверждая всѣ права и преимущества, дарованныя Московскому Обществу императоромъ Александромъ благословеннымъ и незабвеннымъ родителемъ моимъ, я остаюсь въ полной надеждѣ, что Общество успѣхами своими оправдаетъ мои ожиданія.“

Столь милостивое одобреніе монарха должно придать новую силу дѣятельности нашихъ Экономическихъ Обществъ, новая эпоха жизни должна начаться для нихъ. Въ такое время, полный и основательный обзоръ предшествующей дѣятельности и настоящаго состоянія ихъ, составленный Пахманомъ является какъ нельзя болѣе кстати.

Первое изъ сельско-хозяйственныхъ русскихъ обществъ, — Вольное Экономическое, было основано въ 1765 г., въ Петербургѣ — оно, по времени учрежденія, было восьмымъ въ ряду подобныхъ учрежденій въ Европѣ. Въ 1792 г. было основано Лифляндское, въ 1808 г. Эстляндское, въ 1819 г. Московское, въ 1824 г. Бѣлорусское общество. Въ настоящее время Пахманъ насчитываетъ въ Россіи 21 общество сельскаго хозяйства, и кромѣ того 28 сельско-хозяйственныхъ компаній, дѣятельность которыхъ, имѣя прямою цѣлью полученіе денежныхъ выгодъ, въ то же время содѣйствуетъ успѣхамъ различныхъ отраслей сельскаго хозяйства.

Ложь и дѣйствительность восточной войны. *Сочиненіе Виктора Жюли. Переводъ С. Р. Спб. 1855.*)*

Брошюрка эта, составленная изъ статей, которыя первоначально печатались въ газетѣ *Санчо*, слишкомъ поздно, по нашему мнѣнію, явилась въ русскомъ переводѣ. Послѣдняя изъ помѣщенныхъ въ ней статей относится къ 7 января 1855 года, — слѣдовательно, брошюрка трактуетъ о „дѣлахъ давноминувшихъ дней,“ о періодѣ войны, который уже совершенно потерялъ интересъ для настоящей минуты. Явись она полгода назадъ — она была бы прочитана съ жадностью, а теперь какое кому дѣло до старыхъ предположеній о ходѣ событій, уже давно совершившихся? Кому теперь любопытно знать, храбро ли будетъ сражаться принцъ Наполеонъ или герцогъ Кембриджскій, когда оба они уже давно воротились во свояси? Кому любопытны сужденія о стратегическихъ способностяхъ Сентъ-Арно, когда не только Сентъ-Арно давно успѣлъ умереть, но и преемникъ его, Канроберъ, уже давно отстраненъ отъ команды надъ экспедиціонною арміею? Кому нужны доказательства, что французы ошибутся, рассчитывая встрѣтить въ русскихъ воинахъ слабыхъ противниковъ, когда уже пѣлый годъ всѣ французскіе генералы и газеты отдають справедливость стойкому мужеству нашихъ героев?

Если бы брошюрка Жюли была переведена ранѣе, мы почли бы нужнымъ говорить о ней подробно; теперь же довольно будетъ ограничиться нѣсколькими словами. Жюли ненавидитъ англичанъ и Луи-Наполеона, и осуждаетъ ихъ дѣйствія. Но за что ненавидитъ, за что осуждаетъ, — этого невидно изъ его статей, по крайней мѣрѣ въ томъ видѣ, какъ онѣ являются въ этой брошюркѣ. Года три-четыре тому назадъ, онъ былъ ревностнымъ республиканцемъ, — не знаемъ, оставилъ ли онъ свои прежнія убѣжденія, но въ брошюркѣ нѣтъ доказательствъ, чтобъ онѣ измѣнились. Чѣмъ онъ недоволенъ, — тѣмъ ли, что французы начали войну противъ Россіи, или только тѣмъ, что война ведется

*) *Современникъ* 1855, № 12. — Вибліографія.

не Ледрю-Ролленомъ, а Луи-Наполеономъ? Чего онъ желалъ бы, — того ли, чтобы война была прекращена, или только того, чтобъ она велась со стороны французовъ иначе, умнѣе, энергичнѣе и еще жесточе? Хотѣлъ ли бы онъ, чтобъ французская армія никогда не переступала границъ родины, или того, чтобъ она не плыла на врага въ союзѣ съ англичанами, а шла сухимъ путемъ по наполеоновскому маршруту, — этого ничего не высказывается въ брошюрѣ. Ясно только, повторяемъ, что Жоли осуждаетъ Луи-Наполеона и англичанъ. Но опять: за что онъ не любитъ англичанъ? за то ли, что они аристократы? или за то, что у нихъ больше купцовъ, нежели солдатъ? или просто за то, что они держали Наполеона на островѣ св. Елены? — это опять остается въ совершенномъ туманѣ. Видно изъ всего, что у Жоли есть какія-то затаенныя мысли, которыхъ онъ не высказываетъ, чтобъ не повредить успѣху своей брошюры. Само собою разумѣется, намъ очень мало пользы отгадывать, что держитъ у себя на умѣ Жоли, но дѣло въ томъ, что отъ этихъ умолчаній его брошюра не производитъ на читателя опредѣленнаго впечатлѣнія.

Переведенная у насъ брошюра о крымской экспедиціи гораздо яснѣе и удовлетворительнѣе. Не говоримъ уже о томъ, что авторъ *Крымской экспедиціи* — кто бы онъ ни былъ, принцъ Наполеонъ или одинъ изъ его адъютантовъ, или Эмиль-де-Жирарденъ, — разоблачаетъ много тайнъ, а Жоли не знаетъ ничего такого, кромѣ того, что напечатано въ газетахъ и уже всеѣмъ намъ давно извѣстно гораздо лучше и полнѣе, нежели изложено въ его брошюрѣ.

Но одного достоинства нельзя отнять у его статей: онѣ написаны бойкимъ перомъ, и въ этомъ отношеніи оправдываютъ старинную извѣстность автора, какъ хорошаго оратора и публициста.

Руководство къ всеобщей исторіи, сочиненіе Ф. Лоренца.
Часть III. Отдѣленіе 2. Изданіе второе. Спб. 1855. *)

Достоинства книги г. Лоренца единогласно признаны всѣми. Мало того, чтобы сказать: „это лучший учебникъ всеобщей исторіи на русскомъ языкѣ,“ — другихъ хорошихъ учебниковъ всеобщей исторіи у насъ нѣтъ, и ставить сочиненіе г. Лоренца выше другихъ русскихъ руководствъ — похвала еще слишкомъ перѣшительная. Но и въ нѣмецкой литературѣ, очень богатой прекрасными учебниками всеобщей исторіи, сочиненіе г. Лоренца считается однимъ изъ лучшихъ. Авторъ — человекъ, котораго по справедливости надобно назвать ученымъ; онъ самостоятельно изучалъ исторію, особенно древнюю, по источникамъ; со всѣми лучшими спеціальными сочиненіями по всеобщей исторіи онъ знакомъ, какъ нельзя лучше. Онъ выказалъ въ своемъ *Руководствѣ* замѣчательный педагогическій талантъ: рассказъ его сжатъ, но связанъ и полонъ; не обремененъ излишними мелочными подробностями, избыткомъ хронологическихъ цифръ и собственныхъ именъ, — недостатокъ, которымъ почти всегда страдаютъ учебники исторіи, — но содержитъ множество фактовъ, и всѣ важные факты излагаетъ съ обстоятельностью, необходимою для того, чтобы дать о нихъ живое понятіе — качество, котораго также напрасно будемъ искать въ другихъ нашихъ учебникахъ. Наконецъ, г. Лоренцъ необыкновенно выгодно отличается отъ другихъ тѣмъ, что понимаетъ — и справедливо понимаетъ — значеніе историческихъ событій, имѣетъ взглядъ, — и взглядъ основательный.

Странно, что при такихъ высокихъ достоинствахъ, при такомъ неизмѣримомъ превосходствѣ надъ другими нашими „руководствами“ по всеобщей исторіи, учебникъ г. Лоренца мало распространенъ, что только немногіе преподаватели исторіи избираютъ для своего преподаванія эту книгу. Если не ошибаемся, главными затрудненіями въ этомъ случаѣ, преподавателямъ представляются цѣна книги и объемъ ея. Что касается перваго затрудненія, оно дѣйствительно важно — полное сочиненіе г. Лоренца (пять частей)

*) *Современникъ* 1855, № 12. — Библиографія.

стоитъ 11 р. сер., то есть, вдвое дороже другихъ учебниковъ, и намъ кажется, что издатель поступаетъ неразсчётливо, продавая книгу такъ дорого — выгоднѣе было бы для него продать 10,000 по 4 рубля, нежели 2,000 экземпляровъ по 11 р. Впрочемъ, если бы дѣло останавливалось только за цѣною, оно скоро уладилось бы: издатель понялъ бы, что его собственная выгода требуетъ пониженія цѣны, если съ этимъ соединить всеобщій запросъ на книгу. Вѣроятно, онъ продаетъ книгу дорого только потому, что не видитъ ей слишкомъ большаго сбыта даже при низкой цѣнѣ. И такъ, дѣло останавливается только объемомъ сочиненія, приводящимъ въ смущеніе многихъ преподавателей.

Но пугаясь того, что руководство г. Лоренца въ полтора или даже въ два раза болѣе по числу страницъ, нежели другія руководства, преподаватели, какъ намъ кажется, недостаточно принимаютъ въ соображеніе, что время, потребное для изученія книги, зависитъ не столько отъ ея объема, сколько отъ содержанія. Страница какой нибудь хронологической таблицы или безсвязнаго перечня собственныхъ именъ отнимаетъ у ученика болѣе времени, нежели двадцать страницъ связнаго, логически развивающагося разсказа, передающаго событія въ живыхъ картинахъ, необремененнаго десятками ненужныхъ именъ. Совѣтуемъ гг. преподавателямъ всеобщей исторіи обратить на это серьезное вниманіе. Притомъ же, отъ ихъ усмотрѣнія зависитъ выпустить изъ своихъ уроковъ подробности, которыя кажутся имъ слишкомъ длинными, — и самъ г. Лоренцъ уже облегчилъ это, различивъ мелкимъ шрифтомъ подробнѣйшіе разсказы отъ общаго очерка событій.

Стихотворенія графини Ростопчиной. Томъ первый. Спб.
1856. *)

Самое непріятное и самое бесполезное дѣло на свѣтѣ — возста-
вать противъ общепринятыхъ, укоренившихся мнѣній. Непріятно
оно потому, что человѣкъ, отваживающійся противорѣчить всѣмъ,
пріобрѣтаетъ себѣ множество противниковъ. „Какъ? ты хочешь
быть проницательнѣе всѣхъ? Такъ, по твоему, мы всѣ ошибались?
Да ты говоришь парадоксы, да ты говоришь явныя нелѣпости!“
И, если прежде считали этого человѣка неглупымъ, онъ compro-
метируетъ репутацію своего ума, даже своего здраваго смысла.
Легко бы ему перенести эту непріятность, если бы его отважное
противорѣчіе общему убѣжденію принесло хотя малѣйшую пользу
тому дѣлу, которое онъ рѣшился защищать, еслибъ онъ убѣдилъ
хотя немногихъ въ истинѣ того оригинальнаго мнѣнія, которое
онъ считаетъ справедливымъ. Но нѣтъ, никого не убѣдить онъ:
всѣ до одного читатели согласно рѣшатъ, что онъ странно, не-
простительно ошибается, и если произведетъ его смѣлое возстаніе
противъ общепринятыхъ сужденій какое нибудь дѣйствіе, то развѣ
только утвердитъ публику еще болѣе прежняго въ старыхъ мнѣ-
ніяхъ.

Эти слова достаточно убѣдятъ каждаго читателя, что мы очень
хорошо чувствуемъ трудность и опасность борьбы съ закоснѣлыми
предразсудками. Но иногда эти предразсудки бываютъ столь
очевидно неосновательны, столь несообразны съ несомнѣнными
фактами, что самый осторожный и робкій человѣкъ увлекается
мыслью: „эти призраки мнѣній держатся только потому, что
ничья рука до нихъ не дотрогивалась; самое легкое прикоснове-
ніе здраваго смысла низвергнетъ, рассылетъ въ пыль и прахъ

*) Современникъ 1856, № 3. — Библиографія.

эти лживые фантомы!“ Бываютъ, говоримъ мы, случаи, когда нелѣпость прежняго мнѣнія, правота новаго столь очевидны, что борьба противъ самообольщенія публики представляется очень легкою и обѣщаетъ быть успѣшною. Къ небольшому числу такихъ случаевъ, безспорно, принадлежитъ вопросъ о существенномъ характерѣ, внутреннемъ смыслѣ, задушевной идеѣ, — однимъ словомъ, о паѳосѣ стихотвореній нашей извѣстной писательницы графини Ростопчиной, которая всегда справедливо почиталась однимъ изъ украшеній русскаго Геликона. Обыкновенно думали и донинѣ продолжаютъ думать, что эта замѣчательная поэтесса изливала въ своихъ стихотвореніяхъ чувства и мысли, которыя казались ей высокими, правдивыми, глубокими; что ея паѳосъ — паѳосъ увлеченія идеями и ощущеніями, которыя составляютъ содержаніе ея стихотвореній; всѣ единодушно признавали, что ея поэзія — положительное отраженіе той жизни, которая казалась и кажется для самого поэта идеаломъ жизни.

Это мнѣніе положительно ложно. Надобно только перечитать со вниманіемъ прекрасныя стихотворенія графини Ростопчиной, и очевидна будетъ его ошибочность.

Критикъ, съ сужденіями котораго мы не любимъ расходиться, на авторитетъ котораго мы любимъ ссылаться, потому что лучшаго авторитета нѣтъ у насъ, болѣе справедливыхъ сужденій мы не найдемъ ни у кого, — этотъ критикъ замѣтилъ, что существеннѣйшее содержаніе стихотвореній графини Ростопчиной — балъ.

«Отличительныя черты музы графини Ростопчиной — склонность къ разсужденіямъ и свѣтскость. Исключительное служеніе «богу салоновъ» не совѣмъ выгодно. Наши салоны — слишкомъ сухая и неплодная почва для поэзіи. Правда, они даже и зимою дышатъ ароматомъ, или, какъ говоритъ муза графини Ростопчиной, *сылать ароматъ*; но этотъ ароматъ искусственный, возросшій на почвѣ оранжерейной, а не на раздольѣ плодотворной земли, улыбающейся ясному небу. *Балъ*, составляющій источникъ вдохновеній нашего автора, конечно, образуетъ собою обаятельный міръ даже и у насъ, — не только тамъ, гдѣ царитъ образецъ, съ котораго онъ довольно точно скопированъ; но балъ у насъ — заморское растеніе, много пострадавшее при перевозкѣ, помятое, вялое, блѣдное. Поэзія — женщина: она не любитъ показываться каждый день въ одномъ уборѣ; напротивъ, ей нравится каждый часъ являться новою, всегда быть разнообразною — это жизнь ея. А всѣ балы наши такъ похожи одинъ на другой, что поэзія не пошлетъ туда и своей ассистентки, не только сама не пойдетъ. Между тѣмъ, поэзія графини Ростопчиной прикована къ балу: даже

встрѣча и знакомство съ Пушкинымъ, какъ совершившіяся на балѣ, суть собственно описаніе бала. *) Талантъ графини Ростопчиной могъ бы найти болѣе обширную и болѣе достойную себя сферу, и стихи, подобные слѣдующимъ, выражаютъ только мнѣніе, кажется, несправедливое въ отношеніи къ высокому назначенію женщины вообще:

А я, я женщина во всемъ значеніи слова,
 Всѣмъ женскимъ склонностямъ покорна я вполнѣ;
 Я только женщина... гордиться тѣмъ готова...
 Я балъ люблю... отдайте балы мнѣ!»

(*Отечественныя записки* 1841 г., томъ XVIII, Библиографическая Хроника, стр. 6).

Въ словахъ объ отношеніи баловъ къ поэзіи есть своя справедливость; но — какъ ни прискорбно намъ опровергать сужденія критика, который былъ истиннымъ учителемъ всего нынѣшняго молодаго поколѣнія — мы должны откровенно сказать, что онъ совершенно ошибался, примѣняя эти общія соображенія къ стихотвореніямъ графини Ростопчиной. Онъ, по нашему непоколебимому убѣжденію, слишкомъ поверхностно взглянулъ на ихъ „салонное содержаніе,“ замѣтилъ только общую черту — присутствіе балныхъ мыслей въ каждомъ стихотвореніи, и ограничился этимъ. Но этого мало. Надобно было глубже вникнуть въ это „салонное содержаніе,“ и тогда характеристика вышла бы точнѣе, основательнѣе, тогда и заключенія его о талантѣ графини Ростопчиной были бы совершенно другія. Мы постараемся это сдѣлать и доставить посильный матеріалъ для исторіи нашей литературы, въ

*) Приводимъ здѣсь это поэтическое воспоминаніе:

На балѣ блестящемъ, въ кипящемъ собраньѣ,
 Гордяся кавалеромъ и объ руку съ *нимъ* **),
 Вмѣшалась я въ танцы, и счастьемъ моимъ
 Въ тотъ вечеръ прекрасный весь міръ озлащался.
 Онъ съ нѣжнымъ привѣтомъ ко мнѣ обращался;
 Онъ дружбой безъ лести меня ободрялъ;
 Онъ думъ моихъ тайну развѣдать желалъ...
 Онъ выманить скоро довѣрье умѣлъ...
 Подъ говоръ музыки, украдкой, дрожа,
 Стихи безъ искусства *ему* я шептала...
 Онъ пышностью прежней тогда оживлялся,
 Онъ къ юности знойной своей возвращался,
 Со мной молодѣя, онъ снова мечталъ...

(Изд. 1856 г. Стр. 256).

***) Александромъ Сергѣевичемъ Пушкинымъ.

Примѣч. автора.

которой г-жа Ростопчина, по общему мнѣнію и по заключеніямъ критика, должна занимать довольно или даже очень значительное мѣсто. *)

Съ этимъ полезнымъ стремленіемъ мы приступаемъ къ анализу стихотвореній графини Ростопчиной. Чтобы изобличить невѣрность мнѣній, приведенныхъ нами, надобно только собрать черты для составленія полной характеристики того женскаго лица, которое, въ бѣльшей части стихотвореній нашей поэтессы, является описывающимъ свои ощущенія и мечты. Но прежде всего напомнимъ читателю, что вообще не слѣдуетъ предполагать, будто каждое „я,“ излагающее въ лирической пьесѣ свои ощущенія, по необходимости есть „я“ самого автора, которымъ написана пьеса. Такъ, у г. Фета есть прелестное стихотвореніе :

Еще ребенкомъ я была,
Всѣ любовались мной :
Мнѣ шли и кудри по плечамъ
И фартучекъ цвѣтной...

Есть у него другая прекрасная пьеса :

Зеркало въ зеркало, съ трепетнымъ лепетомъ,
Я при свѣчахъ навела...

У Кольцова также есть много подобныхъ пьесъ, напримѣръ :

Я любила его
Жарче дна и огня...

Или :

Безъ ума, бозъ разума
Меня замужъ выдали,

*) Заключенія критика, котораго мы цитировали, выражены въ слѣдующихъ словахъ :

«Съ 1835 года, почти во всѣхъ періодическихъ изданіяхъ начали появляться стихотворенія, отмѣчаемая таинственною подписью: *Гр-ня Е. Р-на*. Но поэтическое инкогнито недолго оставалось тайною. *Истинный талантъ* какъ-то не уживается съ инкогнито. Къ тому же люди — странныя созданія. Иногда они потому именно и не знаютъ вашего имени, что вы поторопились сказать его, и добиваются знать и узнаютъ потому только, что вы его скрываете или дѣлаете видъ, что скрываете. Повторяемъ, главная причина того, что литературное инкогнито графини Ростопчиной скоро было разгадано, заключалось въ *поэтической прелести и высокому таланту*, которымъ замечательны ея прекрасныя стихотворенія.»

Золотой вѣкъ дѣвичій
Силой укорѣтали...

Есть такія пьесы и у Пушкина :

Подруга милая, я знаю, отчего
Ты съ нынѣшней весной отъ нашихъ игръ отстала.
Я тайну сердца твоего
Давно, повѣрь мнѣ, угадала...

Конечно, никто не скажетъ, чтобы г. г. Фетъ, Кольцовъ, Пушкинъ о себѣ говорили здѣсь: „Я навела,“ „я была,“ „я любила,“ „меня замужъ выдали,“ „я угадала.“ Есть подобныя „я,“ несомнѣнно различныя отъ личности самого лирика, въ лирическихъ пьесахъ Гёте и Шиллера, Беранже и Гейне, — однимъ словомъ, почти каждаго великаго поэта.

Мы нарочно выбирали примѣры самые неоспоримые, гдѣ уже самая грамматика различіемъ родовъ въ глаголѣ, относящемся къ „я,“ съ исторически несомнѣннымъ поломъ автора, показываетъ справедливость нашего положенія. Но и тамъ, гдѣ грамматика оставляетъ насъ въ сомнѣніи, по одинаковости пола автора пьесы и пола выводимаго имъ „я,“ здравый смыслъ и несомнѣнные біографическіе факты часто убѣждаютъ, что „я“ пьесы не есть „я“ автора, и поступки, положенія или ощущенія, усвояемые первому, ни мало не могутъ быть приписываемы послѣднему, то есть автору. Такъ, напримѣръ, въ одномъ стихотвореніи у Лермонтова читаемъ :

Молча сижу подь окошкомъ темницы...
Помню я только старинныя битвы,
Мечъ мой тяжелый да панцырь желѣзный.

Но положительно извѣстно, что въ 1841 году, когда написана эта пьеса, Лермонтовъ не сидѣлъ въ темницѣ или тюрьмѣ, а сражался за отечество на Кавказѣ, и никогда не было у него ни меча, ни желѣзнаго панцыря, а носилъ онъ всегда форменную саблю или шашку и мундиръ, какъ слѣдуетъ по положенію. Въ извѣстномъ романѣ Пушкина „Черная Шаль“ читаемъ, что „я убилъ какого-то армянина и какую-то дѣвушку-гречанку“ и потомъ :

Мой рабъ, какъ настала вечерняя мгла,
Въ дунайскія волны ихъ бросилъ тѣла.

Но положительно извѣстно, что Пушкинъ во всю свою жизнь никого не убивалъ, что рабовъ у него не было, а были дворовые люди, и что на Дунаѣ Пушкинъ никогда не жилъ, слѣдовательно не могъ съ лакеемъ своимъ бросать тѣлъ въ дунайскія волны. Мы готовы привести милліонъ подобныхъ примѣровъ изъ всѣхъ безъ исключенія лирическихъ поэтовъ.

Изъ этого неоспоримо слѣдуетъ: 1) что „я“ лирическаго стихотворенія не всегда есть „я“ автора, написавшаго это стихотвореніе; 2) что въ приписываніи самому поэту поступковъ, положеній и ощущеній являющагося въ лирическомъ стихотвореніи „я“ надобно поступать съ крайнею осмотрительностью и не иначе, какъ сообразивъ ощущенія и поступки лирическаго „я“ съ положительными историко-литературными фактами.

Да не упрекнетъ насъ читатель въ педантизмъ за длинное доказательство столь очевидныхъ положеній: мы хотѣли поставить ихъ внѣ всякаго спора, внѣ всякаго сомнѣнія, придать имъ достовѣрность математической истины, потому что на этихъ положеніяхъ основано наше мнѣніе о пафосѣ графини Ростопчиной.

Соберемъ же теперь черты для характеристики того лирическаго „я“, которое является въ стихотвореніяхъ графини Ростопчиной; докажемъ, что подобное „я“ не можетъ быть идеаломъ... не говоримъ: графини Ростопчиной, — но вообще какого бы то ни было поэта, укажемъ источникъ заблужденія, господствующаго въ критикѣ и публикѣ; наконецъ обнаружимъ истинныя — прекрасныя — отношенія графини Ростопчиной къ этому „я“; и тогда читатели согласятся, что поэтическое значеніе произведеній графини Ростопчиной доселѣ не было еще оцѣнено по достоинству; что они должны считаться... не говоримъ: прекраснымъ, въ этомъ никто не сомнѣвался до сихъ поръ, — но въ высшей степени замѣчательнымъ явленіемъ въ исторіи нашей литературы, — явленіемъ не менѣе замѣчательнымъ, нежели стихотворенія Лермонтова.

„Я“, говорящее о себѣ въ пьесахъ нашей поэтессы, до страсти любить балы. Эта черта, какъ мы видѣли, замѣчена критикою

какъ черта непривлекательная, но замѣчена безъ глубокаго анализа, только вообще. Если молодая дѣвушка, только что начавшая выѣзжать въ свѣтъ, увлекается два-три года балами, это еще ничего не значить: увлеченіе молодости, прелесть новизны оправдываютъ ее. Нѣтъ бѣды, если она двѣ-три зимы потанцуетъ съ удовольствіемъ; нѣтъ особеннаго преступленія, если она въ первые выѣзды заслушается комплиментовъ: какая свѣтская дѣвушка не мечтала о первомъ балѣ, не мечтала послѣ перваго бала? Не бойтесь за нее: вѣдь это все очень скоро проходитъ: какъ только балы перестанутъ быть для нея новизною, она будетъ очень часто скучать на балѣ, будетъ находить большую часть кавалеровъ скучными, и вѣрить никакому комплименту рѣшительно не будетъ. Изъ десяти свѣтскихъ дѣвушекъ такъ бываетъ съ девятью. Вѣдь, если смотрѣть на вещи безпристрастно, надобно сказать, что далеко не всѣ свѣтскія дѣвушки и молодыя дамы кокетки въ строгомъ смыслѣ слова: вѣдь и женщины такіе же люди, какъ мужчины, вѣдь и свѣтскія женщины тоже люди. Согласитесь же, если вы не мизантропъ, что между людьми рѣдки рѣшительно дурные характеры и совершенно пустыя головы; а кокеткою, говоря вообще, можетъ быть только женщина съ сухимъ, дурнымъ сердцемъ и съ пустою головою. И ужь если могла стать женщина кокеткою, останется она кокеткою до конца жизни: такова ея натура. Теперь судите, къ обыкновеннымъ ли свѣтскимъ женщинамъ принадлежитъ лицо, которому графиня Ростопчина даетъ первое мѣсто, уступаетъ первое лицо глагола и мѣстоимѣніе „я“ въ своихъ стихотвореніяхъ. Но вѣдь намъ приходится говорить объ этомъ „я“ пока еще загадочномъ, въ третьемъ лицѣ, и пока будемъ называть это лицо неопредѣленнымъ мѣстоимѣніемъ „она.“ „Она“ все счастье свое находитъ только на балѣ не въ продолженіе какихъ нибудь двухъ или трехъ, а въ продолженіе цѣлыхъ двѣнадцати лѣтъ; съ самаго начала стихотвореній, расположенныхъ по хронологическому порядку, до самаго конца перваго тома, съ 1829 до 1841,—тоже будетъ и втеченіе всѣхъ остальныхъ лѣтъ до настоящей минуты: въ разсѣянныхъ по журналамъ стихотвореніяхъ всѣхъ слѣдующихъ лѣтъ, гдѣ только является „она,“ „она“ прокинута мечтами о балѣ. Вотъ, на примѣръ,

„она“ въ деревнѣ, какъ видно, замужемъ; у „нея“ уже двое дѣтей, — бьетъ двѣнадцатый часъ; „она“ восклицаетъ:

Бывало, только ты пробьешь,
 Я въ полномъ упоеньѣ,
 И ты мнѣ радостно несешь
 Всѣ свѣта обольщенья.
 Теперь находишь ты меня
 За книгой, за работой...
 Двухъ люлекъ шорохъ слышу я
 Съ улыбкой и заботой.

И мнѣ представилось: теперь танцуютъ тамъ,
 На дальней родинѣ, навѣкъ избранной мною...
 Рисуются въ толпѣ наряды нашихъ дамъ,
 Ихъ ткани легкія съ отдѣлкой щегольскойю;
 Ярчѣй послѣдственныхъ алмазовъ тамъ блестятъ
 Глаза безсчетныя, весельемъ разгорѣвшись...
 Опередивъ весну, до время разгорѣвшись,
 Тамъ свѣжіе цвѣты своей сыплотъ аромать...
 Красавицы летятъ, красавицы порхаютъ,
 Ихъ вальсы Ланнера и Штрауса увлекаютъ
 Неодолимою игривостью своей...
 И все шумнѣе балъ, и танцы все живѣй!

И мнѣ все чудится! Но, ахъ! въ одномъ мечтаньѣ!
 Меня тамъ нѣтъ! меня тамъ нѣтъ!
 И, можетъ быть, мое существованье
 Давно забылъ безпамятный сей свѣтъ!

И чтò же привлекательнаго для „нея“ на балѣ? Не поэтическая сторона его, если онъ имѣетъ въ себѣ хотя каплю поэзіи, не пылкая страсть, не таинственная интрига, — нѣтъ, не бойтесь за „нее“, — просто наряды, комплименты и вальсъ; для натуръ пламенныхъ, которымъ прощается многое, даже любовь къ баламъ въ зрѣлыя лѣта, балъ — мѣсто страстныхъ, таинственныхъ разговоровъ съ *однимъ*, балъ — рай или адъ; для „нея“ балъ — просто развлеченье, очень пріятное потому, что тамъ много кавалеровъ, говорящихъ очень лестные комплименты:

Когда ровестницамъ моимъ въ удѣлъ даны
 Всѣ общества и свѣта развлеченья,

И царствуют онѣ, всегда окружены
 Толпой друзей, къ намъ полныхъ снисхожденья,
 Когда ихъ женскій слухъ ласкаетъ шумъ похвалъ,
 Ихъ занять умъ, ихъ сердце бьется шибко, ---
 Меня враждебный духъ къ деревнѣ приковалъ,
 И жизнь моя лишь горькая ошибка!

Такъ вотъ почему она восклицаетъ : „Я балъ люблю! отдайте балы мнѣ!“ — „Она“ съ самаго начала до самаго конца любитъ собою, свою красотой, — этимъ чувствомъ проникнуто каждое изліяніе „ея“ сердца; „она“ описываетъ свою наружность и наряды; „она“ даже говоритъ при случаѣ :

Что мнѣ до прелести румянца молодого ?

красота не въ румянцѣ; очаровательна та женщина, которая имѣетъ

Въ движеняхъ, въ поступи небрежную сноровку (стр. 192).

Наконецъ „она“ просто признается, что любила балы не по страстному увлеченію, а просто по тщеславію, что „она“ жила тщеславіемъ : “

Потомъ была пора, и свѣта блескъ лукавый
 Своєю мишурой мой взоръ околдовалъ :
 Балъ, искуситель нашъ, чарующей отравой
 Прельстилъ меня, завлекъ, весь умъ мой обаялъ...
 Пирь и праздники, алмазы и наряды,
 Головокружный вальсъ виоллѣ владѣли мной.
 Я упивалася роскошной суетой.
 Я вдохновенья лучъ тушила безъ пощады
 Для свѣта бальныхъ свѣчъ... я женщиной была!
 Тщеславьемъ женскимъ я жила! (Стр. 158).

А теперь --- говоритъ „она“ — настала пора другая, мечты прошли, „существенность“ стала интереснѣе, нежели „игра воображенія :“ прежде, говоритъ „она“ :

Я съ дѣтскимъ жаромъ увлекалась
 Воображенія игрой...

Но теперь ужъ не то :

Я въ горній міръ не увлекаюсь,
 Я пѣсней сердца не пою,

Но къ хладу жизни приучаюсь
И ужь существенность люблю! (Стр. 82—83).

Но о „существенности“ послѣ: намъ нужно еще послушать, что „она“ говоритъ на балѣ. Надобно кетати замѣтить, что „она“ постоянно жалуется на то, что свѣтскіе мужчины не умѣютъ оцѣнить сердца, жаждущаго любви: они боятся „молвы,“ и „она“ убѣждаетъ ихъ не бояться пустыхъ лживыхъ толковъ свѣта. За то, какъ сострадательно она готова утѣшать мужчину, который груститъ о подобной же неудачѣ! Вотъ одинъ примѣръ:

Зачѣмъ, страдалецъ молодой.
Зачѣмъ со мною лицефривить?
Нѣтъ! хитростью своей пустой
Тебѣ меня не разувѣрить!
Ты любишь! Это говорить
Твои задумчивость иъмая.
Безжизненный, унылый взглядъ.
Болѣзнь и блѣдность гробовая!

Такъ, твоя любовь несчастна, и ты никому не хочешь говорить этого, ты не хочешь парушать тайну своей любви!

Ты правъ! молчи! но знай, что мною
Твоя оплакана судьба! (Стр. 29).

Вотъ другой примѣръ:

Скажите, отчего вашъ взоръ
Всегда горитъ тоской сердечной?
Зачѣмъ панитанъ грустью вѣчной
Вашъ непритворный разговоръ?
Зачѣмъ таинственныя думы
Легли на томное чело
И скорбь оттѣнокъ свой угрюмый
На васъ вперила, какъ клеймо?
.....
Въ васъ что-то тайное, родное
Краснорѣчиво говорить,
И состраданіе святое
Меня невольно къ вамъ стремить!
О, еслибъ этимъ состраданьемъ

Могла купить я вамъ покой!
 Но я богата лишь желаньемъ,
 А не ходатай предъ судьбой.
 Примите жь все, что въ приношенье
 Вамъ дать въ порывѣ умиленья
 Я, безталанная, могу:
 Души свободной уваженье
 И состраданія слезу! (Стр. 103—104).

Будь твердъ, не унывай, возьми примѣръ съ меня:
 Смотри: тверда, сильна, невозмутима я!
 Предъ бѣдной женщиной, созданіемъ ничтожнымъ,
 Легко волнуемымъ, и страстнымъ и тревожнымъ,
 Себя мужчиною обязанъ ты явить,
 Великодушнѣй ты, смѣлѣе долженъ быть!
 Не слушай толкъ людской и вражки пересуды!
 Пусть люди противъ насъ — самъ богъ за насъ покуда! (Стр. 366).

Но что дѣлать, если мужчина разрываетъ союзъ сердець?
 Обыкновенной свѣтской женщинѣ остается одно — страдать и
 тосковать; „она“ дѣлаетъ не такъ: она, если ей вздумается
 взгрустнуть о такомъ обстоятельстве, тотчасъ же умѣетъ пере-
 ломить^{себя} себя, превозмочь горе; „она“ говоритъ себѣ:

Опомнись! призови на помощь силу воли,
 Оковы тяжкія герою съ плечъ стряхни!
 Сердечныхъ тайныхъ язвъ скрой ноющія боли
 И свѣту прежнюю себя припомни!

Гдѣ ленты и цвѣты, гдѣ легкіе наряды?
 Властящей бабочкой одѣнься, уберись,
 И поѣзжай на балъ, спѣши на маскарады,
 Разсмѣйся, торжествувай, понаравься, веселись!

Придутъ къ твоимъ ногамъ поклонники другіе, —
 Межъ нихъ забудешь ты цѣней своихъ позоръ,
 И онъ, онъ будетъ знать! Затѣи молодыя
 Встревожатъ и его внимательный надзоръ!

Онъ въ очередь свою узнаетъ страхъ и муку,
 Онъ будетъ ревновать, онъ будетъ тосковать,
 Ты выместишь на немъ страданья, горе, скуку,
 Потомъ простишь его и призовешь опять. (Стр. 393).

А если и это не удастся — что тогда? Тогда „она“ говорить ему слѣдующее :

Свободенъ ты! и я свободна тоже!
 Безъ ссоры мы съ тобою разошлись
 Найдется ли другой, душой моложе,
 И сердцемъ понѣжнѣе, — не сердись!
 Ты такъ хотѣлъ! (Стр. 400 и послѣдняя).

А когда найдется другой, душой моложе, какъ сдѣлать его соучастникомъ своимъ въ отпущеніи невѣрному? „Она“ будетъ говорить съ нимъ о поэзіи, о своемъ одиночествѣ, о томъ, что міръ не понимаетъ высокихъ стремленій и чувствъ. Но какъ вы думаете, что такое для „нея“ поэзія, „чистыя думы“ и т. д.? — Отдыхъ послѣ утомительнаго бала и средство приподняться послѣ различныхъ житейскихъ невзгодъ :

Когда въ шумѣ свѣта, въ его треволненѣхъ,
 Гонясь за весельемъ, прося наслажденій,
 Умается сердце, душа упадетъ, —
 Тогда въ думѣ чистой пріюта ищу я,
 Тогда я мечтаю, и, душу врачую,
 Поэзія крылья и мощь ей даетъ. (Стр. 164).

Вообще, по „ея“ мнѣнію, поэзія и мечты — только промежутокъ межъ выѣздовъ и баловъ :

Для женщины...

Есть часъ спокойствія, мечтанья, думъ святыхъ, —
 То промежутокъ ей межъ выѣздовъ, веселій.

Не бойтесь же, „она“ не увлечется поэзією или другими высокими стремленіями : она только будетъ толковать о нихъ съ кавалерами, которые „молоды душой“ и одарены „нѣжнымъ сердцемъ.“ Иной изъ этихъ неопытныхъ юношей разчувствуется и изъяснитъ ей въ приличныхъ выраженіяхъ свое сочувствіе, свою любовь. „Она“ будетъ отвѣчать ему такъ :

Но я не такова! Но съ ними вмѣстѣ въ рядъ вы
 Не ставьте и меня! Я не шучу собой.
 Я сердцемъ дорожу; восторженной душой
 Я слишкомъ высоко цѣню любовь прямую,

Любовь безмолвную, святую,
 Какой вамъ не найти здѣсь въ обществѣ своемъ!
 Иной я не хочу! Другъ друга не поймемъ
 Мы съ вами никогда! Такъ лучше намъ разстаться,
 Лишь рѣдко, издали, безъ лишнихъ словъ встрѣчаться!
 Хотя я и говорю: «никто, и никогда!» —
 Я такъ неовытна, пылка и молода,
 Что, право, за себя едва ли поручусь я!
 Мнѣ страшно слышать васъ; смотрѣть на васъ боюсь я! (Стр. 199).

Теперь намъ остается только выписать, безъ всякихъ замѣчаній, два стихотворенія, очень замѣчательныя.

НАДѢВАЯ АЛБАНСКІЙ КОСТЮМЪ

Нарядъ чужой, парядъ восточный,
 Хотя ты бы счастье мнѣ принесъ,
 Меня отъ стужи полуночной
 Подъ солнце юга перенесъ!

Подъ красной фескою албанки,
 Когда бь могла забыть я вдругъ
 Балъ, свѣтскій шумъ, плѣнь горожанки.
 Молву и тѣсной жизни кругъ!

Когда бь хоть на день птичкой вольной,
 Свободной дочерью лѣсовъ,
 Могла бы я дышать раздольно
 У іонійскихъ береговъ!

Разбивши цѣнь приличій скучныхъ,
 Поправъ у ногъ уставъ людей.
 Идти часовъ благополучныхъ
 Искать у гордыхъ дикарей!

Какъ знать? Далеко за горами
 Нашла бь я въ хижинѣ простой
 Друзей съ горячими сердцами,
 Привѣтъ радушный и родной!

Нашла бы счастья прямого
 У дѣлъ, незнаемый въ дворцахъ;
 И Паликара молодого
 Со страстью пламенныхъ въ очахъ! (Стр. 137—138).

ЦЫГАНСКІЙ ТАБОРЪ

Когда веселіемъ, восторгомъ вдохновенный,
 Вдругъ удалю пѣснь весь таборъ запоетъ,
 И громкій плескъ похвалъ, повсюду пробужденный,
 Безпечные умы цыгановъ увлечетъ,
 На смуглыхъ лицахъ ихъ вдругъ радость заиграетъ,
 Въ глазахъ полуденныхъ веселье загоритъ,
 И все въ нихъ пламенно и ясно выражаетъ,
 Что чувство сильное ихъ души шевелитъ :
 Нельзя, нельзя тогда внимать безъ восхищенья
 Напѣву чудному взволнованныхъ страстей!
 Нельзя не чувствовать музыки упоенья,
 Не откликаться ей всей силою своей!
 Поютъ... и имъ душа внушаетъ эти звуки.
 То страшно бѣшены, то жалобны они ;
 Въ нихъ все : и рѣзвый смѣхъ, и голосъ томной муки,
 И ревность грозная, и ворожба любви,
 И брани смѣлый вопль, и буйное раздолье

 Но вотъ гремящій хоръ внезапно умолкаетъ,
 И Таня томная одна теперь слышна :
 Ея пѣснь грустная до сердца проникаетъ,
 И страстную тоску въ немъ шевелитъ она.

О, какъ она мила ! Какъ чуднымъ выраженьемъ
 Волнуетъ, трогаетъ и нравится она !
 Душа внимаетъ ей съ тревожнымъ наслажденьемъ,
 Какъ бы предчувствіемъ мучительнымъ полна !
 Но если жъ пѣснь ея, съ восторгомъ южной страсти,
 Поетъ вамъ о любви, о незнакомомъ счастья,
 О, сердцу женскому напѣвы тѣ бѣда !
 Не избѣжить оно заразы ихъ и власти,
 Не смоетъ слезами ихъ жгучаго слѣда ! (Стр. 65—66).

Мы никакъ не вѣрили, чтобы апотеозъ хора московскихъ цыганъ и цыганокъ принадлежалъ „ей“ ; но сомнѣваться невозможно : стихотвореніе написано отъ имени женщины. „Она“ не только сама увлекается пѣснями цыганъ, но думаетъ, что каждая женщина увлекается ими. Удивительная женщина !

Мы не думаемъ, чтобы личность, какую изображаетъ намъ себя „она“, могла быть привлекательною. Тѣмъ менѣе мы допу-

скаемъ, чтобы въ ней было что нибудь поэтическое. Расчетъ и поэзія, холодное стремленіе къ цѣлямъ сущности и поэзія — вещи несомвѣстимыя. Мы рѣшительно отвергаемъ, чтобы какой бы то ни было поэтъ могъ сочувствовать подобной женщинѣ. Кто же можетъ сочувствовать ей, въ томъ нѣтъ ни капли поэзіи. Но графиня Ростопчина сама указываетъ намъ истинную точку зрѣнія на духъ своихъ стихотвореній, въ превосходномъ *Предисловіи*, которымъ украшено новое изданіе ихъ:

Я не горжуся тѣмъ, что свѣтлымъ вдохновеньемъ
Съ рожденья богъ меня благословилъ;
Что душу выражать онъ далъ мнѣ пѣснопѣньемъ
И міръ фантази мечтамъ моимъ открылъ.

Я не горжусь, что съ лестью и хвалю
Мнѣ свѣтъ внималъ, рукоплескалъ порой,
Что жены русскія съ улыбкой и слезою
Твердятъ, сочувствуя, стихъ душевный мой!

Я не горжусь, что зависть и жеманство
Нещадной клеветой преслѣдуютъ меня,
Что бабью суетность, тщеславіи мелкихъ чванство
Презрѣнъемъ искреннимъ своимъ задѣла я.

Горжусь я тѣмъ, что въ чистыхъ сихъ страницахъ
Нѣтъ слова грѣшного, виновной думы нѣтъ;
Что въ пѣсняхъ ли своихъ, въ разсказахъ, въ небыллицахъ
Я тихой скромности не презрѣла завѣтъ!

Горжусь я тѣмъ, что въ этой книгѣ новой
Намека вреднаго никто не подчеркнетъ,
Что даже злѣйшій врагъ, всегда винить готовый,
Двусмысленной въ ней точки не найдетъ!

Горжусь я тѣмъ, что дочери невинной
Ее безъ страха дастъ заботливая мать,
Что двѣушки съ душою голубиной
Надъ ней позволится и плакать и мечтать.

10 сентября 1850 года.

Теперь, надѣмся, каждый читатель отгадалъ нашу душевную мысль, въ доказательство которой написанъ весь этотъ

разборъ, и согласился съ нею. Такъ вы правы, читатель: графиня Ростопчина — писательница байроновскаго, лермонтовскаго, гоголевскаго направленія: она выставяетъ на позоръ тѣ уклоненія отъ идеала, которыя глубоко возмущаютъ ея благородную, поэтическую, чистую мысль; она клеймитъ горькою, холодною сатирою безъ усмѣшки, безъ улыбки, — клеймитъ сатирою, для поверхностнаго читателя чуждою всякой сатиры, пустоту головы и сухость сердца.

Предметъ ея безошадной ироніи — тѣ дамы, которыя, къ сожалѣнію, существуютъ въ такъ называемомъ свѣтскомъ обществѣ, хотя, къ счастью, составляютъ въ немъ малочисленное меньшинство. являются только какъ рѣдкія исключенія, — къ счастью, говоримъ мы, потому что если бы ихъ было много, не могло бы существовать общество. Этихъ кокетокъ, которыя не похожи на кокетокъ другихъ странъ, которыя хвалятся соблюденіемъ жеманныхъ приличій. графиня Ростопчина превосходно заставила излагать свои понятія и ощущенія, свои поступки и стремленія, олицетворивъ ихъ, по неизмѣннымъ законамъ поэтическаго творчества, въ этой вымышленной женщинѣ, говорящей намъ о своемъ „я.“ И какъ справедливы становятся слова графини Ростопчиной о своихъ стихотвореніяхъ, какъ скоро мы поймемъ это! Да, дѣйствительно, она горькой, несмѣющейся ироніею глубоко, смертельно оскорбила жеманство, суету, тщеславіи мелкіихъ чванство въ этихъ женщинахъ, выставивъ ихъ свѣту безъ всякихъ вуалей, въ истинномъ ихъ видѣ; да, она глубоко поразила ихъ своимъ презрѣніемъ! И если такъ, а иначе быть не можетъ, то, дѣйствительно, чисты ея страницы, потому что проникнуты спасительною мыслью, благороднымъ презрѣніемъ къ фразѣ и ничтожеству! Нѣтъ въ нихъ слова грѣшнаго, нѣтъ виновной думы, — о, нѣтъ, и не нарушила она, а защитила она скромность, показавъ ей въ этихъ *небылицахъ*, то есть созданныхъ творческимъ воображеніемъ поэта поступкахъ вымышленнаго лица, до чего доводятъ сухость сердца и пустота! Нѣтъ въ этихъ страницахъ намека, который бы могъ ввести въ сомнѣніе, сдѣлаться вреднымъ своею двусмысленностью: все выражено съ такою ясностью, что нѣтъ мѣста сомнѣнію, хороши ли, или презрѣнны

эти вымышленныя ощущенія, стремленія, поступки воображаемаго лица; и если дѣвушка, съ *невинною*, неопытною, *голубиною* душою, слишкомъ живо увлечется вихремъ наслажденій и развлеченій, столь невинныхъ, повидимому, въ началѣ, но приводящихъ къ столь жалкой существенности, какъ посѣщеніе цыганскихъ оргій, — если, говоримъ, неопытная дѣвушка увлечется этими опасными развлеченіями, *заботливая мать безъ страха дастъ* ей книгу графини Ростопчиной, — *безъ страха*, потому что сильно, но спасительно противодіе и несомнѣнно его дѣйствіе: ужаснется, содрогнется *голубиная* душа дѣвушки, и *заплачетъ* она, съ голубиною любовью зарыдаетъ о погибшихъ своихъ сестрахъ, съ ужасомъ о той страшной опасности, которой сама подвергалась, — и очистится эта голубиная душа пламеннымъ очищеніемъ ужаса отъ всѣхъ зародышей порока, какіе успѣли зарониться въ нее среди соблазновъ неизвѣданной ею, обольстительной, повидимому, жизни, и навѣки будетъ она чиста отъ *суеты, тщеславія*, ведущихъ къ соблазну, и недоступна навѣки будетъ она лъстивымъ искушеніямъ соблазна!

Высокъ подвигъ поэта, рѣшающагося избрать паѳосомъ своихъ стихотвореній изобличеніе ничтожества и порока, на благое предостереженіе людямъ; высокъ его талантъ, если онъ достойнымъ образомъ совершитъ свой благородный, но тяжелый подвигъ!

Этимъ, безъ сомнѣнія, надобно объяснять то уваженіе, которымъ почтили талантъ и произведенія графини Ростопчиной три величайшіе поэта трехъ поколѣній: Жуковский, Пушкинъ и Лермонтовъ. Мы уже видѣли, съ какою благосклонностью Пушкинъ слушалъ ея стихи. Жуковский послалъ ей книгу, которую Пушкинъ приготовилъ для записыванія своихъ стихотвореній, и которая найдена была еще бѣлою, дѣвственною послѣ его смерти. Видно, патріархъ нашихъ поэтовъ думалъ, что графиня Ростопчина достойна быть преемницею Пушкина въ нашей поэзіи. Любопытное письмо Жуковского объ этомъ напечатано на 231 — 232 страницахъ новаго изданія стихотвореній нашей поэтессы. Наконецъ, кому изъ насъ не памятно дивное стихотвореніе Лермонтова: *Графиня Ростопчиной*:

Я вѣрю : подъ одной звѣздой
 Мы съ вами были рождены ;
 Мы шли дорогою одною,
 Насъ обманули тѣ же сны...

Во всемъ мы можемъ обманываться, но не обманеть насъ одно : имя графини Ростопчиной будетъ увѣковѣчено этимъ прекраснымъ стихотвореніемъ.

Какъ же объяснить, что журнальная критика и масса публики до сихъ поръ не понимали истиннаго смысла стихотвореній графини Ростопчиной? — Очень просто, и вовсе не къ выгодѣ критики и публики, мы должны прибавить, не смотря на все уваженіе наше къ этимъ органамъ рѣдко погрѣшающаго здраваго смысла и общественнаго мнѣнія.

Сатиры графини Ростопчиной написаны для предостереженія свѣтскихъ женщинъ и по необходимости написаны салоннымъ языкомъ : вѣдь другаго языка онѣ не захотѣли бы слушать, даже не поняли бы : вѣдь съ каждымъ классомъ общества надобно говорить на его собственномъ языкѣ. А извѣстно, какъ тонка, почти неосязаема иронія салоновъ. Подумайте сами, могла ли понять журнальная критика, привыкшая къ грубому, топорному, смѣемъ выразиться, тону нашей мѣщанской литературы, нашихъ Гоголей и Больцовыхъ и имъ подобныхъ людей, — вѣдь и самъ Пушкинъ, самъ Лермонтовъ принуждены были говорить очень неделикатно, чтобы сдѣлать свою иронію понятной для нашей публики, — могла ли эта критика, сама говорившая столь рѣзко и привыкшая рубить съ плеча, — могла ли она понять, уловить тонкую, уловимую только для свѣтскихъ людей иронію графини Ростопчиной? Да и кто были критики? Мы очень уважаемъ ихъ умъ и нравственныя качества, но должны сознаться, что они воспитались не въ салонахъ : одинъ былъ сынъ купца, другой — семинаристъ или сынъ уѣзднаго лекаря, третій — мелкопомѣстный, чуть ли не однодушный уѣздный дворянинъ. Чего хотите вы требовать отъ этихъ людей, когда дѣло касается свѣтскаго языка? Теперь, конечно, и вамъ, и мнѣ, и каждому легко понять смыслъ стихотвореній графини Ростопчиной, когда она сама прекрасно объяснила его въ предисловіи къ новому изданію, когда

мы имѣемъ свидѣтельства Жуковскаго, Пушкина и Лермонтова.

А прежде? признайтесь и вы, читатель, вѣдь вы не понимали его? Да и гдѣ же вамъ понять! Мы знаемъ, кто вы такой, какого тона вы человекъ! Вѣдь вы любите Диккенса и Теккерея, этихъ грубыхъ, хотя и даровитыхъ людей, которые съ такою мужицкою прямою называютъ каждую вещь прямо по имени, не имѣя понятія о приличіяхъ въ образѣ выраженія.

Но не будемъ слишкомъ много обвинять себя за прежнее свое заблужденіе: мы всѣ искупали его тѣмъ, что признавали, — чисто на вѣру, безъ ясныхъ для насъ проявленій этого таланта, — высокій талантъ графини Ростопчиной. Мы загладимъ прежнее наше заблужденіе тѣмъ, что будемъ теперь очень ясно понимать все значеніе этого таланта.

Кто хочетъ составить себѣ точное понятіе о степени таланта графини Ростопчиной, долженъ, конечно, обратить вниманіе не столько на содержаніе, сколько на художественную форму ея произведеній, анализировать, въ какой мѣрѣ форма соотвѣтствуетъ идеѣ, и совершенно ли полно и ясно выражается идея въ формѣ.

Понимая эту идею, какъ она разъяснена самою поэтессою въ предисловіи, и какъ эта идея является въ нашемъ анализѣ, непогрѣшительная точность котораго едва ли оставляетъ мѣсто сомнѣнію, каждый долженъ будетъ сказать, что форма вполне соотвѣтствуетъ идеѣ, и потому безукоризненно художественна, въ самомъ строгомъ смыслѣ слова. Вымышленная личность, излагающая намъ свои ощущенія въ стихотвореніяхъ, холодна и искусственна въ своемъ выраженіи, какъ въ своей жизни. Она старается показать, что любитъ и понимаетъ поэзію и природу, — но на самомъ дѣлѣ не можетъ любить ихъ; однако же, какъ личность, хотя искусственно и фальшиво, но довольно развитая и образованная, она умѣетъ иногда употребить красивое или громкое выраженіе. Само собою разумѣется, что, несмотря ни на какую искусственность, природа всегда беретъ верхъ надъ расчетомъ и преднамѣренностью; потому стихи, имѣющіе поэтическую вѣщность, перемѣшаны съ гораздо большимъ количествомъ стиховъ сухихъ, нимало не поэтическихъ. Прежде находили это

недостаткомъ; теперь мы, съ своей точки зрѣнія, должны признать достоинствомъ, какъ соотвѣтственнѣйшее выраженіе природы излагаемыхъ ощущеній и мыслей. Да и тѣ стихи, которые на первый взглядъ кажутся поэтическими по блестящей фразеологіи, для внимательнаго читателя оказываются фальшиво-украшенными, а не прекрасными. Наконецъ, хотя вымышленная личность очень много говоритъ о пылкости своей натуры, о зноѣ страстей, о кипѣніи чувствъ, о пламенной любви, но такъ какъ она, какова бы ни была ея натура, пресыщена развлеченіями и наслажденіями, то вмѣсто пылкости вездѣ видна вялость, неразлучная спутница пресыщенія; зноя страстей мы въ ней не видимъ, а только видимъ женщину, утомленную удовольствіями, но все еще мечтающую объ удовольствіяхъ, — чувства и сердце ея уже утомлены, работаетъ одно экзальтированное воображеніе. Потому-то общій колоритъ стихотвореній чрезвычайно удовлетворяетъ художественнымъ условіямъ соотвѣтствія формы идеѣ: онъ сухъ, эгоистиченъ, экзальтированъ и холоденъ.

Даже самый языкъ соотвѣтствуетъ требованію идеи: онъ не всегда правиленъ, изобилуетъ ошибками въ употребленіи и сочетаніи словъ и въ удареніяхъ. Дѣйствительно, по свидѣтельству Пушкина, въ его время въ салонахъ не умѣли правильно говорить и не могли правильно писать по русски. Нынѣ, быть можетъ, не то; но вѣдь лицо, съ которымъ знакомитъ насъ графиня Ростопчина, принадлежитъ еще, по своему воспитанію, тридцатымъ годамъ, и истинный художникъ не могъ вложить въ уста этой женщины иного языка, какъ тотъ, о которомъ много разъ упоминаетъ Пушкинъ, говоря о дамахъ и дѣвицахъ своего времени.

По художественному достоинству, состоящему въ этомъ полномъ соотвѣтствіи формы съ идеєю, въ графинѣ Ростопчиной долженъ быть признанъ талантъ необыкновенный.

Само собою разумѣется, что такое заключеніе основано на выводахъ нашихъ объ истинномъ смыслѣ ея произведеній: кто не принимаетъ этихъ выводовъ о содержаніи, тому и художественныя качества формы должны представляться въ другомъ свѣтѣ.

Вѣстникъ Естественныхъ Наукъ. Москва. 1856. № 1.*)

Мы съ удовольствіемъ прочитали первый нумеръ *Вѣстника Естественныхъ Наукъ* и еще болѣе убѣдились, что это изданіе, уже два года выходящее въ Москвѣ, — положительно полезно и прекрасно. Рекомендуемъ его всѣмъ любителямъ, которые хотятъ вынести что нибудь изъ чтенія, обогатить себя свѣдѣніями. Да и какъ оно дешево стоитъ — всего шесть рублей!

Первый нумеръ на 1856 г. заключаетъ въ себѣ, кромѣ другихъ статей, въ высшей степени поэтическую и интересную статью знаменитаго Александра Гумбольдта: „Жизненная сила, или родосскій геній.“ Какая простота, благородство и возвышенность стиля и, притомъ, какъ все ясно, тепло, прямо льется въ душу! Глубокое и симпатическое сердце набросало эти коротенькія строки... Мы также любовались приложеннымъ къ 1-му № портретомъ Гумбольдта, этого восьмидесяти-шести лѣтняго служителя науки, болѣе полувѣка служащаго корифеемъ и представителемъ всѣхъ изумительныхъ движеній естествовѣдѣнія. Счастливое лицо, рѣдкое лицо, которое заставляетъ передъ собой склониться всякаго мыслящаго человѣка! Всмотритесь въ эту улыбку, въ этотъ возвышенный лобъ, который, кажется, такъ и говоритъ: „здѣсь жизненная сила входитъ во всѣ свои права.“ Гумбольдтъ, по справедливости, нравственное мѣрило всего мышленія XIX столѣтія, высшая грань, до которой достигнулъ нынѣшній человѣкъ. Г. Руде, редакторъ *Вѣстника*, очень можетъ гордиться тѣмъ, что такой человѣкъ прислалъ ему свой портретъ съ собственноручной надписью и тѣмъ одобреніемъ, которое Гумбольдтъ высказалъ объ его изданіи. Послѣ одобренія Гумбольдта, намъ остается только напомнить о *Вѣстникѣ* тѣмъ русскимъ читателямъ, которые еще не запаслись журналомъ г. Руде. Смѣло ручаемся, что они не будутъ жалѣть, приобрѣтая *Вѣстникъ*.

*) *Современникъ* 1856, № 3. — Библиографія.

Журналъ Садоводства, издаваемый Россійскимъ Обществомъ Любителей Садоводства. Книжка I (январь). Москва. 1856 г.*)

Красота цвѣтка, сада всегда дѣйствовала и будетъ дѣйствовать на человѣка, потому что живопись неотразимо дѣйствуетъ на душу человѣка. Это одно изъ эстетическихъ удовольствій, такъ же, какъ литература и музыка. Мы, жители страны березъ, можжевеловника и ёлокъ, не слышавшіе никогда, какъ шумятъ лавры, пальмы и густолиственные дубы, цѣлымъ шатромъ раскинувшіеся въ воздухъ, не слышавшіе даже запаховъ роскошнѣйшаго растительнаго царства, — мы, у которыхъ тянутся утомительные кустарники, плетни да метелки, вмѣсто деревъ, болѣе всего должны стараться пополнить скудость и непривѣтливость сѣверной природы. Балокъ, стропиль да плетней у насъ много; но какое невыносимое повтореніе, какое невеселое однообразіе окраски, подернувшей все одинаковымъ колеромъ! Поэтому аклиматизированіе деревьевъ и цвѣтовъ для насъ необходимо, необходимы люди, которые бы, силою науки и опыта, обогащали нашу національную флору, хотя бы съ помощію оранжерей, теплицъ и искусственныхъ садовъ. Путешествія ботаниковъ и ученыхъ въ отдаленныя страны уже обогатили Старый Свѣтъ растеніями тропическихъ странъ. Сколько мы уже видѣли чуждыхъ нашему климату растеній, которыя заслуживаютъ вниманія по своей красотѣ и изяществу, живутъ внѣ отечественной почвы... Стебель тропическаго растенія, тонкій, благовонный, яркоцвѣтный, карабкается себѣ по стѣнкамъ нашихъ оранжерей и теплицъ, ласкаетъ взглядъ и радуется за успѣхи науки.

Вотъ причина того хорошаго впечатлѣнія, которое произвелъ на насъ первый номеръ „возобновленнаго“ *Журнала Садоводства*. Это у насъ единственный въ Россіи садовый журналъ, который издается русскими любителями, въ Москвѣ, при просвѣщенномъ содѣйствіи уже прославившихся на этомъ поприщѣ гг. ванъ-Гутта, Вершаффельта, Линдена, Тапфа и Вагнера. За

*) *Современникъ* 1856, № 3. — Библиографія.

журналь этотъ многіе скажутъ спасибо, потому что цѣль его — знакомить русскую публику съ растеніями воздушными и тепличными, съ растеніями, вновь открываемыми, излагать способы устройства оранжерей, теплицъ, парниковъ, разбивки садовъ, обращать вниманіе на плодоводства и огородничество, какъ на отрасли, весьма важныя въ нашемъ отечествѣ. Кромѣ того, въ составъ программы журнала, вообще богатой и общающей много, входятъ также путешествія ботаниковъ въ разныя страны свѣта. Въ краткомъ предисловіи, написанномъ редакторомъ этого журнала, г. Пикулинымъ, высказана вся цѣль этого прекраснаго изданія, и мы отсылаемъ читателя къ этому предисловію.

Журналъ Садоводства, судя по первой книжкѣ, несмотря на всю свою спеціальность, можетъ быть доступенъ всѣмъ и каждому; даже дамы узнаютъ такъ много о цвѣтахъ, получаютъ нечувствительно столько знаній объ ихъ классѣ, отечествѣ, о томъ, отчего извѣстный цвѣтокъ называется тѣмъ или другимъ именемъ и т. д. Вѣдь немножко стыдно любить цвѣты и не имѣть хотя маленькаго научнаго о нихъ понятія, обо всемъ спрашивать своего садоваго нѣмца и его безграмотнаго помощника, который только посредствомъ русской сметки понялъ то, о чемъ толкуетъ хитрый нѣмецъ... Кромѣ удовольствія вынести пользу изъ чтенія этого журнала, читатели найдутъ при нумерахъ журнала удивительные рисунки растеній, которыя выписываетъ редакція отъ извѣстныхъ иностранныхъ садоводовъ. При № 1 приложены два иллюминированные рисунка, а именно: изящнѣйшій цвѣтокъ рододендронъ, съ темно-розовыми и пурпуровыми крапинами и карминными полосками по краямъ лепестка, и другой великолѣпнѣйшій рисунокъ растенія, интересующаго въ настоящее время всѣхъ ботаниковъ Европы — *Сарраценія Друммонда*. Красивый и оригинальный видъ этого заморскаго растенія, нынѣ распространеннаго по Европѣ, невольно поражаетъ глазъ своей мраморной окраской листьевъ, верхняя оконечность которыхъ покрыта бѣлыми и пурпуровыми пятнами, края обведены красно-лиловымъ ободкомъ; стебель этого растенія поддерживаетъ одинокій пятилепестный темнокрасный цвѣтокъ. Преоригинальное, красивое растеніе, съ такой удивительной окраской листьевъ! Честь и слава редакціи, которая

не поскупилась на приложеніе такихъ богатыхъ иллюминированныхъ рисунковъ, да еще присовокупила къ нимъ интересныя статьи... Мы не видывали еще такихъ отчетливыхъ и изящныхъ рисунковъ при русскихъ изданіяхъ.

Но кромѣ рисунковъ и политипажей, первая книжка *Журнала Садоводства* представила двѣ интересныя статьи: *Картины растительнаго царства* г. Мина и *Московскіе сады въ XVIII столѣтіи* г. Забѣлина. Намъ въ особенности понравилась статья г. Мина, и мы порадовались за редакцію, которая поняла, что подобныя статьи, хотя не заключаютъ въ себѣ ничего новаго, необходимы для русской публики, которую можно приучить къ интересамъ специальнымъ только посредствомъ общихъ, популярныхъ статей. Советуемъ г. Пикулину не упускать этого изъ виду, не забывать, что для массы читателей, не посвященныхъ въ специальность естествовѣдѣнія, необходимы общіе очерки, предварительные взгляды и описанія, изложенные языкомъ живымъ и общедоступнымъ для каждаго. Г. Минъ съ успѣхомъ достигнулъ этой цѣли и, популярнымъ языкомъ, слегка, но мастерски охарактеризовалъ всю красоту, богатство и важность растительнаго царства.

Статья *Московскіе сады въ XVIII столѣтіи* также читается съ большимъ интересомъ.

Въ заключеніе скажемъ, что первый номеръ *Журнала Садоводства* составленъ прекрасно. Желаемъ отъ души успѣха этому изданію, на который оно, безспорно, имѣетъ право рассчитывать. Видно, что люди съ любовью и съ знаніемъ дѣла принялись за изданіе, съ тактомъ критической оцѣнки при разборѣ новыхъ растений, которыя со дня на день наводняютъ Европу и—бываетъ это!—часто подъ пышнымъ именемъ растенія, привезеннаго изъ отдаленной точки земнаго шара, встрѣчаемъ старый и давно извѣстный видъ растенія...

Очерки Сибиряка. I. Дѣвчій сонъ на Новый годъ. Быль изъ временъ давно-прошедшихъ. Спб. 1856.*)

Прочитавъ на заглавномъ листѣ: *Очерки Сибиряка* и зная давнишнюю скромность русскихъ сочинителей, которые нерѣдко цѣлые трактаты называютъ: очерками, абрисами, этюдами и т. д., мы, признаемся, заранѣе ожидали извлечь изъ *Очерковъ* множество любопытныхъ замѣтокъ о Сибири. Что-то намъ расскажетъ почтенный сибирякъ объ этой странѣ, гдѣ все такъ ново, оригинально, гдѣ (не говоря ужъ объ этнографическихъ особенностяхъ и толстый золотопромышленникъ, и поручикъ сибирской гарнизонной стражи, и станціонный смотритель, — все имѣетъ свою особенную фizioномію, говоритъ другимъ языкомъ и съ увлеченьемъ толкуетъ о звѣриныхъ шкурахъ, — что-то намъ расскажетъ нашъ почтенный сибирякъ?

Такъ думали мы, прочитавъ заманчивое заглавіе: *Очерки Сибиряка*. Каково же было наше изумленіе, когда, перебросивъ заглавный листъ, на другомъ листѣ мы прочитали другое заглавіе: *Дѣвчій сонъ на Новый годъ въ стихахъ*. Не можетъ быть! Вѣроятно, дѣвическіе сны сибирскихъ барышень представляютъ что нибудь особенное, вѣроятно, имъ снится не то, что другимъ барышнямъ, и ужъ недаромъ авторъ прибавилъ: *быль изъ временъ давнопрошедшихъ*. Видно онъ выкопалъ какую нибудь сибирскую легенду!

Прочитавъ всю книжку, писанную дешевенькими стихами, въ родѣ тѣхъ, какими обыкновенно пишутъ благовоспитанныя дѣти, въ день именинъ своихъ мамашъ и крестныхъ батюшекъ, съ наивной откровенностью пролепетавъ: *для васъ — взомелъ я на Парнасъ*, — мы не нашли подобной откровенности въ неизвѣстномъ сибирякѣ. Г. сибирякъ описываетъ вмѣсто Сибири княжну, описываетъ львицу моднаго свѣта (вотъ тебѣ и быль изъ давно-прошедшихъ временъ!), раскладывающую наканунѣ Нового года мостикъ изъ прутиковъ. Эти прутики — эмблема мирныхъ женскихъ добродѣтелей; мостикъ — лѣстница, ведущая

*) *Современникъ* 1856, № 3. — Библиографія.

княжну въ объятія милаго человѣка, въ блестящей каскѣ и въ большихъ замшевыхъ перчаткахъ. А княжна-то, еслибъ вы знали, красавица какая! Господи, какъ она хороша! настоящій рафинадъ, какъ говорить гоголевская сваха. Посудите сами:

Груди лебедя, бѣлѣй
 Бѣлой пѣны океана!
 Гордо въ зеркало глядясь,
 Красотѣ своей дивясь,
 Ждетъ княжна любимца-друга;
 Скоро ль онъ за ней придетъ,
 Руку бѣлую возьметъ,
 Скажетъ: «ты моя супруга!»

Таковъ портретъ княжны. Сердце у ней необыкновенно мягкое. Какъ она перетрусилась, когда ей приснилось, что какое-то чудовище съ гусарской саблей кинулось на ея любимца-друга, какъ пронзительно вскрикнула бѣдная княжна:

«Няньки, мамки, защищайте,
 Жениха скорѣй спасайте...
 Онъ изрубить!» (Стр. 12).

Какъ? изрубить! любимца-друга, ротмистра Юлія изрубить! Какой вздоръ, княжна! развѣ можно изрубить, изгнать ротмистра Юлія изъ вашего сердца и изъ русской литературы! Успокойтесь! еще придется вамъ не разъ слышать и читать подобные разговоры:

«Ротмистръ Юлій!..» — Ахъ, вы живы! —
 И отемъ краснорѣчивымъ
 Мигомъ вспыхнула княжна.
 «Какъ! вы знаете? такъ скоро!
 Кто сказалъ вамъ?..» — Я!.. мнѣ!.. нѣтъ!..
 Робкій былъ ея отвѣтъ.
 Охвативъ горящимъ взоромъ,
 Юлій сѣлъ поближе къ ней.
 «Что же значить восклицанья?..»
 — Такъ, оставьте безъ вниманья...
 Расскажите поскорѣй,
 Что случилось? — И мгновенно,
 Точно жемчугъ драгоценный,

Слезы пали изъ очей.

«Боже! слезы!...» — Говорите! —

«Вы блѣдны такъ!!...» — Не томите!..

Каковъ ротмистръ Юлій? Ну, не злодѣй ли онъ, посудите сами! И за чтò такъ морочить блѣдныхъ русскихъ барышень, которыя, въ простотѣ своей, ничего возвышеннѣе не знаютъ ихъ возвышеннаго русскаго слога. О, милый марлинизмъ, давно отжившій, но еще не окончательно похороненный въ нашей литературѣ заднихъ рядовъ! о, великолѣпная шумиха словъ, фонтаномъ бьющая изъ краснорѣчивыхъ устъ ротмистра Юлія! Одинъ только онъ, ротмистръ Юлій, рѣшится произнести подобныя гремучія, хвастливыя фразы, объясняясь въ любви этой добренькой княжнѣ, отъ восторга даже развѣсившей уши :

Не заботясь о здоровьѣ (это говорить Юлій),

О могилѣ (?) но, храня

Свѣта моднаго условья,

Поскакалъ съ визитомъ я...

Я счастливеецъ! вы бальзамъ

Мнѣ на раны сердца льете,

Вы блаженство мнѣ даете.

Вы несете къ небесамъ!

Вашииъ и дышу дыханьемъ,

Жизнь мида мнѣ только въ васъ,

Съ вами жизнь и вѣчность — часъ!!

Но сказать, но васъ утвердить,

Какъ любовь моя сильна,

И огонь ее измѣритъ —

Нитъ и мѣры, нитъ и словъ!

А Княжна-то?

Долго вслѣдъ она глядѣла,

Грудь плескалась, грудь горѣла,

Чей-то голосъ говорилъ :

«Какъ хорошъ онъ, какъ онъ милъ!

Любишь друга?»

— Обожаю!

Голосъ молвилъ изъ груди.

Да и какъ, въ самомъ дѣлѣ, не обожать ротмистра, который, побрутивъ усъ, такъ выразился насчетъ ея взгляда :

Не сжимая — сжмете имъ!

И даже что еще выдумалъ :

Звукамъ рѣчи задушевной,
То отрадной, то смятенной,
Потрясаете въ груди
Струны лучшія мои!

Очень интересно знать, какія тамъ лучшія струны въ груди этого ротмистра Юлія, и точно ли есть тамъ подобныя струны... Сомнительно! не вѣрьте, княжна! Хотите знать, что за человекъ вашъ ротмистръ Юлій? Пустой малый, благонамѣренный трупъ старыхъ романовъ, лицо, нынѣ не существующее, ротмистръ съ мѣднымъ лбомъ, ни одной дѣльной книжкѣ не прочитавшій на своемъ вѣку, не имѣвшій даже времени рассмотреть хорошенько хоть одинъ планъ знаменитаго сраженія, считающій военную науку вздоромъ, ничего не слышавшій о маршалѣ Конде, о Тюренѣ, о принцѣ Евгеніи, по наслышкѣ знающій великаго Суворова, и т. д., и т. д., прямой наслѣдникъ героевъ повѣстей Марлинскаго, перепрыгивающій, отъ салонныхъ огорченій, кавказскія горы и машущій, отъ нечего дѣлать, шашкой подъ самымъ небомъ...

И такъ, читатель, если вамъ случится прочитать въ газетныхъ объявленіяхъ: *Очерки Сибиряка*, то знайте напередъ, что это деликатная выходка неизвѣстнаго автора, написавшаго подъ этимъ заглавіемъ сказочку о чувствительной барышнѣ и гремучемъ ротмистрѣ. Въмѣсто того, чтобъ ознакомиться съ Сибирью, васъ схватитъ въ объятія милашка-ротмистръ и, принявъ васъ за поджидаемую княжну, станетъ тискать васъ къ своей воинственной груди...

*Силуэты, сцены въ стихахъ В. Н. Попова. Спб. 1856. *)*

Стихи г. Попова совершенно другаго рода, чѣмъ стихи автора *Очерковъ Сибиряка*. Г. Поповъ, по крайней мѣрѣ, не увѣряетъ, что онъ описываетъ былъ изъ давно-прошедшихъ временъ, на-

*) *Современникъ* 1856. № 3. — Вибліографія.

противъ, онъ описываетъ сцены изъ современнаго быта и, притомъ, въ *новѣйшемъ* вкусѣ. Сатира, злая сатира разлита въ поэзіи г. Попова! Боже, какъ онъ хлещетъ наше современное ничтожество, какъ озлобленный герой его, Калитинъ, глубоко-мысленно разсуждаетъ о томъ, что ему стукнуло тридцать лѣтъ! Тридцать лѣтъ — и человѣкъ ничего не сдѣлалъ, тридцать лѣтъ — и все сердится, тридцать лѣтъ — и все повторяетъ одно и то же, тридцать лѣтъ — и все говоритъ съ чужаго голоса! Положеніе истинно драматическое, и, признаться, Калитинъ такъ искренно жалѣетъ о себѣ, съ такимъ презрѣніемъ отзывается о *мишурномъ свѣтѣ*, объ окружающей его пустотѣ, что мы даже порадовались за него. „Ну, въ добрый часъ — подумали мы — вѣроятно, онъ тотчасъ сядетъ къ письменному столу, попроситъ, чтобъ отыскали чернильницу, займетъ у пріятеля-чиновника перо и напишетъ прешеніе о ревностномъ своемъ желаніи поступить на службу, или же, что тоже хорошо, займется другимъ какимъ нибудь серьезнымъ дѣломъ. Немудрено: человѣкъ огорченъ, человѣкъ въ раздраженіи, что проболтался тридцать лѣтъ на своемъ вѣку; онъ хочетъ, вѣроятно, чѣмъ нибудь заняться, загладить прошлое, и ужь недаромъ онъ съ такой энергіей и жолчью заговорилъ, въ первомъ своемъ монологѣ, о нашемъ воспитаніи, — вѣдь какъ заговорилъ-то! ни дать, ни взять грибоѣдовскій Чацкій:

Кого я видѣлъ предъ собою?
 Французскихъ куколъ длинный рядъ.
 Онѣ — не съ русскою душою
 И не по русски говорятъ.

Потомъ — все тамъ же, въ первомъ монологѣ — Калитинъ такъ расходился, что сталъ посреди комнаты и обратился съ рѣчью къ цѣлой Россіи:

. Боже мой!
 Проснись, Россіи дивный геній, —
 Проснись, и мощною рукою
 Направь ты наше воспитанье,
 Дай чистой правды свѣтъ познать
 И, бросивъ иго подражанья,
 Заставь себѣ насъ подражать.

Эге-ге! человѣкъ недюжинный: какихъ матерій касается... видно, Чацкій на александринской сценѣ очень ему понравился. Что жь! это еще не бѣда; у Калитина впечатлительная натура, у него хорошая память, онъ сидѣлъ въ первыхъ рядахъ кресель и глоталъ каждое слово благороднаго Чацкаго... Такъ, Калитинъ бранить общество, говорить о нашемъ жалкомъ воспитаніи... Очень интересно знать, что будетъ онъ дѣлать еще.

Ну, что, если, сохрани богъ, онъ станетъ все отпускать ядовитыя остроты да изливать желчь на очень ограниченнаго человѣка, своего пріятеля Клиновскаго, котораго онъ, потому что послѣднему вздумалось искренно влюбиться, считаетъ круглымъ дурачкомъ? Такъ и есть: опять эта скверная жолчь, беззубыя остроты, старыя нападки на суетность женщинъ, громкія фразы... Досадно: Калитинъ повторяется, Калитинъ надувается нестерпимо, Калитинъ распустилъ хвостъ, Калитинъ, во что бы то ни стало, хочетъ удивить знаніемъ свѣта своего ограниченнаго пріятеля. Онъ смотритъ на него свысока, онъ считаетъ себя Александровской колонной въ сравненіи съ бѣднымъ Клиновскимъ; онъ въ душѣ даже презираетъ Клиновскаго, который съ такимъ добродушіемъ прибѣгаетъ (на третьей страницѣ) на выручку зарпортовавшагося философа и съ кротостью говоритъ: *bonjour, mon cher!* (стр. 3).

Клиновскій признается своему жолчному другу, что онъ влюбился въ хорошенькую вдову, т. е. Кринецкую, и хочетъ на ней жениться. Съ какимъ презрѣніемъ отозвался Калитинъ о женщинахъ, какъ отхлесталъ Кринецкую, эту французскую куколку, которая хоть и блистаетъ,

За то и курить, и стрѣляетъ,
И ѣздитъ цѣлый день верхомъ.

По уходѣ Клиновскаго, философъ, покачалъ головой, съ презрѣніемъ произнесъ:

Смѣшонъ Клиновскій мнѣ! Чудакъ, въ кого влюбился!
Въ кокетку страшную!... А что виной тому?
Все воспитаніе!

Далось ему это словечко : съ языка не сходить ! Что станете дѣлать съ бѣднымъ Калитинымъ : если человѣкъ, напримѣръ, шляпу себѣ на голову надѣль, онъ, навѣрное, съ усмѣшкой скажетъ : все воспитаніе ! увидить у когонибудь красивый кисетъ — все воспитаніе ! сапогъ, положимъ, васъ жметъ — виновать будетъ, конечно, не сапожникъ, а воспитаніе ; влюбились вы — виновато не сердце, а воспитаніе. Намъ почему-то кажется, что, если бѣ, напримѣръ, ктонибудь отъ горячки умеръ, то Калитинъ, посмотрѣвъ на него мрачно, съ негодованіемъ произнесъ бы :

А что виной тому ?

Все воспитаніе ! Какъ жалокъ свѣтъ ! вездѣ мученья.

Вездѣ и всѣмъ грозитъ бѣда !..

Да что онъ за господинъ такой ? Не разумѣетъ ли онъ — какъ это ни странно кажется съ перваго взгляда — подъ словомъ *воспитаніе* другаго слова : *женщина*, и ужь не ненавидитъ ли онъ этихъ женщинъ ? Онъ не можетъ не бранить ихъ очень шибко. и все этакъ свысока.

Образованья блескъ снаружи,
И пустота, межъ тѣмъ, въ сердцахъ !
А въ пансіонахъ часто хуже :
Дѣвницъ тамъ учать танцовать.
Болтать немного по французски.
Неправильно писать по русски.
Кой-что изъ бисера вязать !..
Къ чему такое воспитанье
Несчастныхъ дѣвушекъ ведетъ ?

Ну, такъ и есть : Калитину, по всей вѣроятности, насолила какаянибудь пансіонерка, которая кой-что изъ бисера вязала ; онъ и напустился на воспитаніе. Милосердый боже ! какъ легко можно огорчить человѣка ! Погибъ Калитинъ, *достойный мучешей доли*, погибъ ни за копѣйку, потерянъ навсегда для дамскаго общества ! Какъ бы не такъ ! Послушайте, чѣмъ разрѣшились всѣ его ядовитые монологи, чѣмъ кончиль карьеру этотъ глупѣйшій изъ фразеровъ, пышный на слова, убогій на дѣло.

Пріятель его Клиновскій, который смотритъ на Калитина

чуть ли какъ не на геніальнаго человѣка, знакомить его съ г-жою Бринецкою, въ которую онъ, Клиновскій, влюбленъ. Вдовушка оказывается премоилой особой: очень недурно стрѣляетъ изъ пистолета. верхомъ ѣздитъ порлочно, курить отлично и, съ болтливостью свѣтскаго ребенка, сама признается Калитину :

А еслибъ знали вы, какъ я
Изъ пистолета въ цѣль стрѣляю,
Иль на конькахъ катаюся, я знаю,
Вы ужаснулись бы меня!

Что жь, вы думаете, Калитинъ осыпалъ упреками эту, по его выраженію, *французскую куклу*. Нѣтъ, онъ оробѣлъ совершенно и едва слышно произнесъ :

Напротивъ, долженъ я признаться,
Что сожалѣю объ одномъ :
Что не могу быть ѣздокомъ,
Чтобъ съ вами смѣло состязаться :
Что не могу, какъ вы, стрѣлять.
Коньковъ боюся больше смерти :
Хотя и грустно мнѣ, повѣрьте,
Но долженъ я отъ васъ отстать.

Хотя онъ и скривилъ ротъ на манеръ сатирической улыбки, но, вмѣсто жолчи, упрековъ и негодованія на воспитаніе, онъ зашѣлъ тихо, слабо, какъ малиновка. Вдругъ, точно кто нибудь толкнулъ его подъ бокъ, Калитинъ опомнился, взъерошилъ волосы и, чтобъ не ударить въ грязь лицомъ, началъ... о чемъ бы вы думали? о томъ, какія идеи русскія матери развиваютъ у своихъ взрослыхъ дочерей, — словомъ, напалъ на свой конегъ, на воспитанье... и какъ грозно — послушайте .

Какія въ ней,
Гордяся любовью своей.
Она идеи развиваетъ ?
Она старается убить
У ней возвышенныя чувства.
Она хлопочетъ въ ней развить
Необходимое искусство —
Богатыхъ жениховъ ловить !
И дочь, понявши наставленья.

Для нихъ готова расточать
Свои улыбки, взоры, пѣнье,
Готова дѣлый день брѣнчать,
Для полноты обвороженья!
Вотъ воспитаніе въ домахъ!

Вѣроятно, пріятель Клиновскій, который сидѣлъ тутъ же (передъ нимъ-то болѣе всего и хотѣлъ щегольнуть Калитинъ), подумалъ: „фу, ты! голова-то, голова у моего друга Калитина! золотая головка... вотъ отхваталъ, такъ отхваталъ!“

И когда при прощаніи г-жа Кринецкая, какъ вѣжливая хозяйка, сказала неугомонному фразеру:

Надѣюсь, не въ послѣдній разъ
Вы у меня, хоть въ наказанье
За ваши колкости...

то нашъ Калитинъ, довольный собою, сухо отвѣчалъ:

О, я готовъ у васъ
Всегда наказанъ быть... Прощайте.

Во второмъ дѣйствіи *Силуэтовъ*, г-жа Кринецкая сидитъ одна, въ неглиже, и жалуется на то, что она очень устала. Еще бы не устать: танцуетъ до упаду, папироски курить самымъ свирѣпымъ образомъ, да еще, подобно знаменитой тетушкѣ несравненнаго Ивана Ѳедоровича Шпоньки, въ стрѣльбѣ упражняется. Вдругъ входитъ Калитинъ. Кринецкая въ восторгѣ, забыла о своемъ неглиже и говоритъ ему нараспѣвъ, подкативъ глазки:

Скажите.

Что васъ давно такъ не видать?

КАЛИТИНЪ.

Деревню въ томъ вините,

Что я не могъ у васъ бывать.

КРИНЕЦКАЯ.

Ну, какъ же вы тамъ поживали?

Я думаю, что не скучали?

КАЛИТИНЪ.

Я полагалъ, зеленый лугъ,

Картины мирныя природы

Мой усмирять *мятежный* (?) духъ
 И возвратятъ былые годы.
 Но что жь? Журчаніе ручья,
 Игра пастушеской свирѣли.
 Шумъ листьевъ, пѣнье соловья
 Мнѣ черезъ мѣсяцъ надоѣли.

Бринецкая замѣчаетъ ему, отчего же онъ, философъ, не полюбилъ деревенской поэзіи, которая стѣдитъ того, чтобъ ее полюбить? отчего онъ живетъ трутнемъ, болтается между небомъ и землей? отчего онъ, наконецъ, не исполнить хоть долга гражданина, какъ выражается Чичиковъ, т. е. хоть бы женился онъ, по крайней мѣрѣ? Боже, какъ разсердился нашъ Калитинъ, какъ заревѣлъ онъ звѣрски на вдову! онъ просто пришелъ въ бѣшенство и крикнулъ на беззащитную женщину:

Вы деревенскою жепю
 Меня хотите надѣлить?
 Нѣтъ! лучше заживо зарыть
 Себя, чѣмъ жертвовать собою.
 Чѣмъ вѣкъ безвыходно страдать
 И, не дѣлясь ни съ кѣмъ душою.
 Средь огородовъ прозябать!

Позвольте, г. Калитинъ, позвольте, ну перестаньте же махать руками и раздувать ноздри. перестаньте: вѣдь вамъ тридцать-первая весна пошла. Вы изволите говорить, что не желаете прозябать среди огородовъ; да дѣло въ томъ, что въ столицѣ вы браните мишурный свѣтъ, въ деревнѣ — шумъ листьевъ и пѣнье соловья: чего же вы хотите, скажите намилость? Повѣрьте, съ вашимъ дряннымъ фразерствомъ, школьнымъ озлобленіемъ вы вездѣ будете прозябать — и въ деревнѣ, и въ столицахъ. Въ деревнѣ вы на волосъ ничего не сдѣлаете добраго, а въ столицѣ и подавно: десять лѣтъ проживете въ Петербургѣ и ни разу не заглянете въ Императорскую Публичную Библіотеку, не выслушаете ни одного публичнаго курса хоть одной науки, не заглянете даже изъ любопытства въ университетъ, а все будете толковать о просвѣщеніи да о воспитаніи и, по прежнему, *на диво черни простодушной* (напр., Клиновскаго), станете обращаться къ Россіи, со слезами на глазахъ:

Проснись, и мощною рукой
Направь ты наше воспитанье!

Эхъ, почтеннѣйшій! что вы кривляетесь, надуваете себя и другихъ! Лучше проснитесь прежде сами и поплачьте о себѣ, а потомъ ужъ о Россіи. Вѣдь вы, сами того не знаете — гнилушка общества, — гнилушка, которая хочетъ стать на ходули. А вмѣсто этого, какъ было бѣ почтенно и благородно съ вашей стороны (вѣдь вы же пылаете духомъ усовершенствованія!), еслибъ вы скромно, безъ шума занялись чѣмъ нибудь да приохотили бѣ къ занятіямъ и къ серьезнымъ разговорамъ Клиновскихъ, да не фразерствовали, не подымали носъ кверху: тогда бѣ на дѣлѣ вы доказали ваши слова:

Я твердо вѣрю, что любовь
На этомъ свѣтѣ существуетъ.

Вотъ изъ вашей школы и вышли бѣ тогда хоть два-три порядочныхъ человѣка, да вы четвертый. Общество, разумѣется, васъ не замѣтило бѣ; а все-таки стало бѣ меньше четырьмя фразерами: и то слава богу. Конечно, авторъ вашъ, г. Поповъ, считаетъ васъ какъ будто порядочнымъ человѣкомъ; да отъ этого вамъ не легче: при такомъ фальшивомъ взглядѣ, при необдуманномъ желаніи повторять избитыя фразы вездѣ, вы будете прозябать, вездѣ останетесь трутнемъ и лишнимъ человѣкомъ въ божьемъ мірѣ.

Какъ вы думаете, читатель, чего собственно хочетъ Калитинъ? Вы не вѣрите его фразамъ о сѣмъ, о другомъ, о третьемъ: онъ желаетъ только одного — отыскать себѣ супругу:

Которая бы поняла
Свое высокое значенье
И исключеніемъ была
Изъ нынѣшняго поколѣнія! (Стр. 20).

Вѣдь малаго желаетъ добрый Калитинъ! женщина, которая по сердцу, по душѣ была бы исключеніемъ изъ нынѣшняго поколѣнія! И вообразите себѣ, онъ отыскалъ такую женщину: вдовушка Кринецкая, лихо разтѣзжающая на конькахъ, осчатливила философа и вышла за него замужъ. И тотъ человѣкъ, который бранилъ модныхъ львицъ, презиралъ балы, театры, маскарадъ,

съ жолчью отзывался о барышняхъ, кой-что вяжущихъ изъ бисера, нападалъ на распущенность нравовъ, женился на Круинецкой, стрѣляющей изъ пистолета! Вотъ ужъ подлинно: по Сенькѣ шапка.

Мы представляемъ себѣ слѣдующую семейную картину: слуга за завтракомъ опоздалъ, положимъ, во-время подать слѣдующее блюдо, и Калитинъ бросается на него съ яростью:

А что виной тому!

Все воспитаніе! Какъ жалокъ свѣтъ! вездѣ мученья,
Вездѣ и всѣмъ грозить бѣда!

А вдовушка, прикинувшаяся подъ конецъ пьесы исключеніемъ изъ женщинъ нынѣшняго поколѣнія, отъ скуки зарядить себѣ пистолеть, да и баць, баць, баць! ну, хоть въ дагеротипъ своего муженька, который, вѣроятно, виситъ въ ея будуарѣ. Веселенькій бракъ, нечего сказать...

Напрасно г. Поповъ не придалъ своей пьесѣ комическаго оттѣнка и вообразилъ, что Калитинъ достоинъ серьезнаго изображенія. Напрасно; сюжетъ очень недуренъ, и еслибъ все это представить въ юмористическомъ видѣ, то вышло бъ больше оживленія и правды.

Теперь вопросъ: отчего г. Поповъ назвалъ свои сцены *Силуэтами*? Заглавіе совершенно нейдетъ къ дѣлу. Не лучше ли было бъ, если бы г. Поповъ назвалъ свою пьесу: *Все воспитаніе! и вдова съ пистолетомъ!!* По крайней мѣрѣ это отвѣчало бъ основной идеѣ и было бы подъ стать изящнымъ заглавіямъ, которыя мы привыкли встрѣчать на афишахъ Александринскаго театра.

Разведеніе свекловичны и добываніе свекловичнаго сахара по совершенно новымъ методамъ. Сочиненіе М. Веллера. Москва. 1856.

Фабрикація стеариновыхъ, маргариновыхъ, прозрачныхъ, солнечныхъ, салныхъ и вообще всякаго рода свѣчей. Мельнейера. Москва. 1855.

Практика золоченія и серебрянія всѣхъ вообще металловъ по новейшимъ открытіямъ. Составлено Шрейверомъ. Москва. 1855.*)

По поводу всѣхъ этихъ и множества подобныхъ переводныхъ книжекъ приходитъ намъ непреодолимое желаніе повторить еще разъ давнишнее замѣчаніе: что за охота издателямъ ихъ компрометировать свои изданія ширококѣщательными заглавіями, когда издаваемые книжки сами по себѣ недурны, какъ тѣ, заглавія которыхъ мы выписали? Соглашаемся, что къ пустой и нелѣпой книжонкѣ шарлатанское заглавіе очень идетъ, даже необходимо ей, потому что она и издается только для заглавія, которое имѣеть цѣлью обманывать неопытныхъ покупателей. Но зачѣмъ шарлатанствомъ портить вещь; быть можетъ недурную, быть можетъ, даже хорошую? Вѣдь кажется, что это можетъ только повредить ей. Укажемъ въ примѣръ хоть на первое изъ названныхъ нами руководствъ. Написано оно съ толкомъ; переведено, положимъ, очень изящно, но кому дѣло до изящества языка, когда рѣчь идетъ о разведеніи свеклы и добываніи сахара? Лишь бы только можно было понять смыслъ, — и довольно; а смыслъ въ переводѣ соблюденъ. Кажется, въ сущности дѣла дурнаго ничего нѣтъ: зачѣмъ же придавать ему подозрительную наружность, безобразя книжку такимъ заглавіемъ:

«Разведеніе свекловичны и добываніе свекловичнаго сахара по совершенно новымъ методамъ, помощію которыхъ свекловично-сахарное производство доставляетъ большую выгоду и каждому земледову-домохозяину даетъ возможность, съ простыми снарядами, приготовить для себя потребное количество.»

*) *Современникъ* 1856, № 3. — Библиографія.

Не явная ли нелѣпность это обѣщаніе дать каждому помѣщику возможность дѣлать въ годъ 15—20 пудовъ сахару для домашняго обихода? и какія могутъ быть указаны въ книжкѣ совершенно новыя методы?— въ книжкѣ такихъ нелѣпостей не содержится. Ужели составители подобныхъ заглавій не думаютъ, что нелѣпное хвастовство отобьетъ у каждаго мало-мальски неглупаго человѣка охоту заглянуть въ брошюру съ такимъ шарлатанскимъ заглавіемъ? Кто повѣритъ, что она можетъ быть недурна? Беремъ другую, опять-таки недурную книжку :

«Фабрикація стеариновыхъ, маргариновыхъ, прозрачныхъ, солнечныхъ, сальныхъ и вообще всякаго рода свѣчей. Практическое, на новѣйшихъ опытахъ основанное руководство готовить свѣчи, сообщать имъ необыкновенную бѣлизну и яркость свѣта посредствомъ вновь изобрѣтенныхъ свѣтиленъ, очищать сало до невозможной степени чистоты и устраивать свѣчные заводы по выгоднѣйшимъ планамъ.»

У какого разсудительнаго хозяина будетъ охота заглянуть въ книжку съ такимъ подозрительнымъ заглавіемъ?

По нашему мнѣнію, эти шарлатанства должны вредить успѣху. Или издатели думаютъ, что издавать книги у насъ можно только для простаковъ, которыхъ надобно и можно обманывать? Они ошибаются, и напрасно, вредя самимъ себѣ, вредятъ и вообще развитію у насъ книжной торговли. Совѣтуемъ имъ серьезнѣе подумать о томъ, что добросовѣстность есть не только хорошее качество въ нравственномъ отношеніи, но и первое, необходимое основаніе всякаго прочнаго успѣха.

Первое чтеніе и первые уроки для маленькихъ дѣтей.
Сочиненіе А. Ишимовой. Часть I. Спб. 1856.)*

Имя г-жи Ишимовой, какъ составительницы дѣтскихъ книгъ, давно уже приобрѣло у насъ такую извѣстность, что педагогическій курсъ, ею теперь издаваемый, не нуждается въ нашихъ

*) *Современникъ* 1856. № 3. — Библиографія.

похвалахъ. Мы ограничимся только извѣщеніемъ о содержаніи первой части *Уроковъ для маленькихъ дѣтей*.

„Многія матери семействъ“ — такъ объясняетъ въ предисловіи г-жа Ишимова цѣль своего новаго сочиненія — „занимающіяся сами воспитаніемъ дѣтей своихъ, давно говорятъ съ величайшею похвалою о сочиненіи французской писательницы г-жи Тастю *L'education maternelle* и, сожальѣя, что у насъ нѣтъ подобной книги, изъявляли не разъ желаніе имѣть, по крайней мѣрѣ, переводъ ея.“ Достоинство курса г-жи Тастю несомнѣнно (продолжаетъ г-жа Ишимова); но переводъ его принесъ бы мало пользы нашимъ дѣтямъ, потому что составительница обращаетъ главное вниманіе на то, что нужно и интересно для французскихъ дѣтей, а не для русскихъ. Потому г-жа Ишимова рѣшилась изъ своей книги *Чтеніе для дѣтей перваго возраста* составить такое руководство, которое, будучи примѣнено къ потребностямъ русскаго воспитанія, съ выгодною замѣнило бы для нашихъ матерей-воспитательницъ книгу г-жи Тастю.

Въ первой части, нынѣ изданной, заключаются уроки чтенія, каллиграфія, нумераціи и краткая священная исторія. Все это изложено въ видѣ разговоровъ между матерью и дѣтьми или въ формѣ маленькихъ повѣстей, чтеніе которыхъ, по мнѣнію г-жи Ишимовой, будетъ завлекательно для дѣтей. Разговоры и повѣсти даютъ случай сообщить маленькимъ читателямъ первоначальныя понятія изъ естественныхъ наукъ и пр. Всѣ они проникнуты чистѣйшею нравственностью.

Изданіе книги, украшенной большимъ числомъ прекрасныхъ виньетокъ, очень изящно.

Нѣкоторыя замѣтки, начертанныя преимущественно изъ иностранныхъ источниковъ, о дѣйствительныхъ причинахъ гибели наполеоновыхъ полчищъ въ 1812 году. И. П. Липранди. Спб. 1855. *)

Мы выписали не то заглавіе, которое выставлено на оберткѣ брошюры и повторяется на второмъ изъ заглавныхъ листовъ ея, а только то, которое помѣщено на первомъ заглавномъ листѣ и не выставлено на оберткѣ; дѣйствительное же заглавіе, напечатанное на оберткѣ и второмъ листѣ, такъ многосложно, что займетъ еще вдвое больше строкъ. Вотъ оно :

«I. Не голодъ и не морозъ были причиною гибели наполеоновыхъ полчищъ. II. Русскіе или французы зажгли Москву? III. Замѣчанія на нѣкоторыя выраженія, встрѣчающіяся въ «Описаніи Отечественной Войны 1812 года,» съ присовокупленіемъ списка сочиненій, вошедшихъ въ составъ излагаемаго предмета.»

Изъ этого читатель можетъ заключить, что г. Липранди не хочетъ слѣдовать обыкновеннымъ техническимъ приѣмамъ, употребляющимся въ книжномъ дѣлѣ: оглавленіе въ своей книги онъ печатаетъ на оберткѣ, заглавіе прячетъ подъ обертку. И, дѣйствительно, слогъ его *замычаній*, которыя должны собственно быть обширнымъ критическимъ разборомъ нѣкоторыхъ сторонъ исторіи 1812 года Михайловскаго-Данилевскаго, соотвѣтствуетъ этому ожиданію; они несутъ болѣе слѣдовъ заботы о содержаніи, нежели о литературной формѣ. Но какое намъ дѣло до слога ученаго сочиненія, если содержаніе по большей части дѣльно? а таково оно въ книгѣ г. Липранди.

Большая половина ея занята первою статьею, посвященною доказательствамъ той справедливой мысли, что холодъ и недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ были только второстепенными причинами гибели великой арміи наполеоновой; главнѣйшими же причинами нашего торжества въ 1812 году должны быть признаваемы твердая рѣшимость императора Александра Благословеннаго, патріотизмъ народа, мужество нашихъ армій и искус-

*) *Современникъ* 1856, № 3. — Библіографія.

ство полководцевъ. Никто изъ русскихъ не сомнѣвается въ томъ; и если Михайловскій-Данилевскій, въ своемъ *Описаніи Отечественной Войны 1812 года*, иногда, по неосмотрительности, выражается объ этомъ предметѣ безъ достаточной точности, то, сколько мы знаемъ, никто изъ читателей его исторіи не былъ введенъ въ заблужденіе этими неточными выраженіями. Потому не дѣлаемъ извлеченій изъ первой статьи г. Липранди. тѣмъ болѣе, что убѣдительность ей придается многочисленными, удачно выбранными и сличенными свидѣтельствами изъ всѣхъ важнѣйшихъ иностранныхъ историковъ 1812 года, и, при обширности статьи, обзоръ ея на двухъ-трехъ страницахъ былъ бы сухъ и недостаточенъ.

Гораздо запутаннѣйшимъ и темнѣйшимъ представляется для русской публики вопросъ о томъ, русскіе или французы зажгли Москву. На русскомъ языкѣ не являлось еще изслѣдованія о немъ столь полнаго, проникательнаго и безпристрастнаго, какъ изслѣдованіе г. Липранди, и мы, вездѣ строго придерживаясь выраженій г. Липранди, представляемъ полное изложеніе этой его статьи, болѣе интересной для нашихъ читателей. безъ сомнѣнія, не нуждающихся въ доказательствахъ того, что русскій царь, русскій народъ и русскія войска, а не исключительно только морозъ и голодъ побѣдили французовъ въ 1812 году. но, быть можетъ, не имѣвшихъ случая познакомиться съ данными, служащими къ рѣшенію вопроса о причинахъ московскаго пожара. Г. Липранди справедливо находитъ, что въ этомъ случаѣ изложеніе Михайловскаго-Данилевскаго очень неудовлетворительно. выводы его шатки и неосновательны. Этотъ историкъ „попеременно приписываетъ сожженіе Москвы то французамъ, то патриотизму москвичей, стараясь при всякомъ случаѣ внушить то главное, что тутъ не было никакого участія со стороны нашего правительства, и какъ бы оправдаться передъ иностранцами, приписавшими истребленіе Москвы распоряженіямъ графа Ростопчина. Доводы автора въ этомъ случаѣ не только слабы. но и противорѣчатъ одни другимъ.“

„Сжечь столичный городъ имперіи (говоритъ Михайловскій-Данилевскій) надлежало имѣть главнокомандующему Москвы

высочайшее повелѣніе. Такого повелѣнія дано не было.“ Но, — замѣчаетъ г. Липранди — не было дано высочайшаго повелѣнія и отдать Москву французамъ, а ее отдали. Подобныхъ повелѣній не даютъ. Графъ Ростопчинъ пользовался полнымъ довѣріемъ императора; иначе онъ не дерзнулъ бы написать государю въ одномъ донесеніи: „Я въ отчаяніи, что Кутузовъ скрывалъ отъ меня свое намѣреніе (отдать Москву безъ боя), потому что я, не бывъ въ состояніи удерживать городъ, зажегъ бы его;“ а въ другомъ: „До 30 августа князь Кутузовъ писалъ мнѣ, что онъ будетъ сражаться. 1-го октября, когда я съ нимъ видѣлся, онъ то же самое мнѣ говорилъ, повторяя: и на улицахъ буду драться. Я оставилъ его въ часъ по полудни. Въ восемь часовъ онъ прислалъ мнѣ письмо, требуя полицейскихъ офицеровъ для препровожденія арміи изъ города, оставляемаго имъ, какъ онъ говорилъ, съ крайнимъ прискорбіемъ. Если бы онъ сказалъ мнѣ это за два дня прежде, то я зажегъ бы городъ, отправивъ изъ него жителей.“ — Ростопчинъ не рѣшился бы говорить въ донесеніяхъ къ государю: я зажегъ бы (продолжаетъ г. Липранди), если бы не былъ удостовѣренъ, что изъявляемая имъ патріотическая рѣшимость не будетъ неприятною и неожиданною для государя. И высочайшій манифестъ, изданный по случаю занятія французами Москвы, заключаетъ многія выраженія, дающія понимать, что сожженіе Москвы вовсе не казалось чѣмъ то особеннымъ или чрезвычайнымъ. При исчисленіи бѣдствій, постигшихъ Россію отъ нашествія французовъ и занятія ими Москвы, ихъ грабежей и буйствъ, въ манифестѣ ни слова не упоминается о томъ, что они сожгли Москву, чего, конечно, не было бы упущено, если бы это было такъ дѣйствительно, а напротивъ, дѣлаются намеки, что событіе это было предусмотрено и подготовлено. Вотъ подлинныя слова манифеста: „Москва вмѣщаетъ въ себѣ враговъ отечества своего, но непріятель не найдетъ въ столицѣ не только способовъ господствовать, ниже способовъ существовать.“ Эти доказательства очень убѣдительны. И слова Ростопчина и выраженія манифеста доказываютъ рѣшимость правительства. Ясно, что Ростопчинъ жалѣетъ только о томъ, что скрытность Кутузова отняла у него время для систематическихъ, всеобъемлющихъ

приготовленій къ зажженію города вдругъ на всемъ пространствѣ и въ тотъ же мигъ, какъ войска наши его покинули. Кутузовъ зналъ объ этомъ намѣреніи, потому что, по словамъ самого Михайловскаго-Данилевскаго, одною изъ причинъ, удержавшихъ его отъ битвы на Поклонной горѣ, передъ Москвою, было опасеніе, что, „въ случаѣ неудачи, зажженная въ тылу нашемъ Москва будетъ гибельна для отступающихъ войскъ;“ и такъ, онъ зналъ, что въ случаѣ, если Москву надобно будетъ уступить неприятелю, она будетъ зажжена. И такъ, твердое намѣреніе сжечь Москву существовало, и Ростопчинъ оправдывается передъ государемъ только въ томъ, что ему оставлено было слишкомъ мало времени для приготовленій къ этому. Какія же распоряженія успѣлъ онъ сдѣлать? Самъ Михайловскій-Данилевскій говоритъ: „Извѣстяся въ восемь часовъ вечера, отъ князя Кутузова о намѣреніи отступить отъ Москвы безъ сраженія, графъ Ростопчинъ велѣлъ разбивать бочки съ виномъ, что дѣлаемо было во всю ночь и на слѣдующее утро. Снимались караулы, уходили воинскія, городскія команды и полиція, и надъ Москвою носилось зарево бивачныхъ огней.“ Спрашиваю (говоритъ г. Липранди), что должно заключать изъ этого разсказа? Снимаются караулы, уходитъ полиція (еще до выступленія арміи), и Ростопчинъ приказываетъ разбивать бочки съ виномъ. Для чего это послѣднее? Конечно, для того, чтобы разгорячить простой народъ и подготовить къ тому наставленію и примѣру, который подалъ Ростопчинъ, „приказавъ (по словамъ самаго Михайловскаго-Данилевскаго), 2 сентября, въ пять часовъ утра, одному слѣдственному приставу отправиться на винный и мытный дворы, въ комиссаріатъ и на успѣвшія къ выходу казенныя и партикулярныя бочки и, въ случаѣ вступленія неприятеля, истреблять все огнемъ.“ Что разбитіе бочекъ произвело ожидаемое дѣйствіе на чернь, г. Липранди самъ видѣлъ и слышалъ, проѣзжая, въ колоннѣ Дохтурова, мимо нѣсколькихъ кабаковъ. „Таковы были причины первыхъ пожаровъ,“ заключаетъ самъ Михайловскій-Данилевскій. Какое же послѣ этого остается сомнѣніе въ томъ, кто былъ первоначальнымъ виновникомъ сожженія Москвы? Но черезъ нѣсколько страницъ, забывая о собственныхъ словахъ, Михайловскій-Данилевскій ставитъ сож-

женіе Москвы въ вину французамъ и самому Наполеону, говоря : „Стараясь отклонить отъ себя нареканіе въ пожарѣ, Наполеонъ учредилъ комиссію для сужденія двадцати-шести русскихъ, коихъ французы называли зажигателями.“ Учрежденіе комиссіи для прекращенія поджоговъ г. Липранди находитъ очень естественнымъ, „потому что французы пришли искать въ Москвѣ пріюта и продовольствія, а не дыму и пепла,“ о дѣйствіяхъ же ея, признаваемыхъ Михайловскимъ-Данилевскимъ несправедливыми, говорить : „Въ опредѣленіи этой комиссіи (о наказаніи найденныхъ поджигателей). основанномъ на законахъ, съ соблюденіемъ всѣхъ формъ, исчислены улики, представлено личное заключавшееся во множествѣ найденныхъ горючихъ предметахъ, наконецъ собственное признаніе пойманныхъ на поджогахъ и показаніе, что имъ велѣно зажигать. Авторъ, неизвѣстно на чемъ, основываетъ увѣреніе свое, что это признаніе подсудимыхъ выдуманно французами. Изъ двадцати-шести человекъ подсудимыхъ было десять полицейскихъ солдатъ. Эта послѣдняя цифра едва ли не должна имѣть особенное значеніе при изслѣдованіи о причинахъ сожженія Москвы.“

Вутурлинь, издавшій свою *Исторію 1812 г.* при императорѣ Александрѣ I (переводъ этой книги былъ даже посвященъ императору Николаю Павловичу), прямо говоритъ, что Москва была сожжена по распоряженію правительства : „Во многихъ домахъ приготовлены были стараемыя вещества, и по городу была разсѣяна толпа наемныхъ поджигателей, подъ управленіемъ нѣсколькихъ офицеровъ бывшей полиціи московской, оставшихся тамъ переодѣтыми. Толь великое, толь неслыханное пожертвованіе, каково было сожженіе столицы, довольно показывало твердость російскаго правительства. А какъ Москва загорѣлась уже по входѣ въ нее французовъ, то и не трудно было увѣрить народъ, что непріятель зажегъ ее.“ Вутурлинь былъ очевидецъ.

Если же Ростопчинъ, въ изданной имъ французской брошюрѣ, отказывался отъ участія въ московскомъ пожарѣ, то „онъ могъ говорить это по требованію обстоятельствъ.“

«Ростопчинъ, совершивъ свой подвигъ (говоритъ г. Липранди), какъ человекъ умный и истинный патріотъ, могъ по окончаніи войны, по многимъ отношеніямъ,

а быть можетъ и весьма уважительнымъ причинамъ, стараться скрыть свое участіе въ зажженіи Москвы. Жители ея, возвратясь на пепелища домовъ своихъ, въ первое время по минованіи опасности могли питать негодованіе къ виновнику ихъ раззоренія и бѣдствій, хотя бѣдствія эти потомъ съ избыткомъ вознаградились щедротами государя и послѣдовавшими успѣхами нашего оружія. Эту послѣднюю причину отрекательства Ростовчина отъ своего подвига подтверждаютъ его письма, напечатанныя въ собраніи его сочиненій.»

Почему же Михайловскій-Данилевскій старался доказать, что правительство не имѣло участія въ сожженіи Москвы? — трудно найти удовлетворительную причину этому, говорить г. Липранди:

«Не думаль ли онъ этимъ возвысить еще болѣе народный русскій патриотизмъ? Но тутъ-то онъ и ошибся. Мысль зажечь свой домъ при оставленіи его могутъ внушить страсти, вовсе чуждыя патриотизму; но сжечь его, повинувся общему распоряженію властей, есть подвигъ истиннаго патриотизма. Послушное, самоотверженное исполненіе распоряженій народомъ несравненно выше дѣйствій, къ которымъ народъ увлекается самъ собою.»

Третья статья г. Липранди заключаетъ замѣчанія относительно того, что Михайловскій-Данилевскій напрасно употребляетъ въ столь серьезномъ трудѣ, какъ *Исторія 1812 года*, неумѣренныя выраженія, говоря, напримѣръ, о Наполеонѣ, что онъ „обремененъ проклятіемъ вѣковъ,“ „присутствіемъ своимъ осквернилъ Москву, запятналъ имя свое посрамленіемъ,“ говоря: „мошеничество Наполеона“ и пр., называя его маршаловъ его клеветами, корсиканскими выходцами и пр., называя его войска свирѣпствующими злодѣями, извергами, осатанѣлыми и т. д. По справедливому мнѣнію г. Липранди, надобно быть умѣреннымъ даже говоря и о врагѣ.

ПОЛЕМИЧЕСКІЯ КРАСОТЫ.

КОЛЛЕКЦІЯ ПЕРВАЯ. *)

КРАСОТЫ СОБРАННЫЯ ИЗЪ

„РУССКАГО ВѢСТНИКА.“

Гнѣвъ, богиня, воспой Ахиллеса.
Иліада, переводъ Гнѣдича.
Пѣсня I, ст.

I.

Современникъ распался на партіи, несогласныя между собою почти что ни въ чемъ. Наши собратья по литературѣ давно намекали объ этомъ, уличая одну статью нашего журнала въ противорѣчїи съ другою. Недоставало только собственнаго признанья. Явилось и оно. Безымянный авторъ статей, занявшійся съ нынѣшняго года отдѣломъ *Внутренняго Обозрѣнія* въ нашемъ журналѣ, публично объявилъ, что ему нѣтъ никакого дѣла до мнѣній другихъ сотрудниковъ *Современника*, что они пусть противорѣчатъ ему, сколько хотятъ, въ своихъ статьяхъ, а онъ, не стѣсняясь, станетъ противорѣчить имъ въ своихъ. Фактъ прискорбный, но, должны мы сознаться, естественный въ журналѣ, нестыдящемся являться въ одной оберткѣ съ *Свисткомъ*. (Кстати мы имѣемъ надежду, что *Свистокъ* скоро возвра-

*) *Современникъ* 1861, № 6.

тится къ *Современнику* изъ заграничной отлучки: нигдѣ не нашелъ онъ климата лучше петербургскаго, тишины и довольства, отраднѣйшихъ, чѣмъ въ любезномъ отечествѣ, и спѣшитъ онъ снова наслаждаться сладкимъ и пріятнымъ дымомъ его.) Да, говоримъ мы, какъ ни прискорбно это признаніе, но воротить его нельзя. Всѣмъ теперь извѣстно, что между сотрудниками *Современника* нѣтъ никакого согласія въ образѣ мыслей. Мы можемъ только негодовать на сотоварища нашего по журналу, столь неосторожно разоблачившаго наши домашнія слабости (это негодованіе и выразилось язвительнымъ эпитетомъ „безымянный“). Но если ужъ признаніе сдѣлано, то и будемъ поступать сообразно тому. Пусть каждый изъ насъ пишетъ, нимало не справляясь съ тѣмъ, одобрится ли его взглядъ и тонъ другими сотрудниками и редакцію.

Эта рѣшимость, овладѣвшая мною, однимъ изъ сотрудниковъ *Современника*, и открыла мнѣ возможность заняться подборомъ полемическихъ красотъ изъ многочисленныхъ статей и статейекъ, глубокомысленныхъ изобличеній и милыхъ выходокъ, печатающихся противъ *Современника*. До сихъ поръ никакъ нельзя мнѣ было этимъ заняться по самой простой причинѣ: я не читалъ, кромѣ *Современника* (да и то въ корректурахъ), рѣшительно никакихъ русскихъ журналовъ вотъ уже болѣе четырехъ лѣтъ. Почему не читалъ? Между прочимъ вотъ почему: у меня чрезвычайно нетвердый умъ (какъ и было доказано много разъ въ разныхъ журналахъ въ то время, когда еще я читалъ ихъ; доказывается и теперь, какъ вижу, по журналамъ нынѣшняго года; отсюда по аналогіи заключаю, что доказывалось и въ длинный промежутокъ, когда я не читалъ журналовъ). При такой шаткости ума, какъ только чтò я прочитаю, съ тѣмъ и соглашаюсь. А сверхъ всѣхъ другихъ недостатковъ ума и характера, одаренъ я еще болтливостью: рѣшительно ни о чемъ не могу смолчать. Представьте же, какое было бы мое положеніе, еслибъ я совершенно не бросилъ лѣтъ пять тому назадъ читать всѣ журналы, кромѣ *Современника*. Встрѣчается мнѣ въ *Русскомъ Вѣстникѣ* или *Отеч. Запискахъ*, *Московск. Вѣдомостяхъ* или *С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ* какая нибудь статья противъ *Совре-*

менника. Прочелъ я ее и, по шаткости своего ума, соглашаюсь, что она вполне справедлива. Сажусь къ рабочему столу — такъ и тянетъ меня написать: „въ такомъ-то номерѣ такого-то журнала или газеты прочли мы статью, уличающую нашъ журналъ за то-то и за то-то въ невѣжественности или легкомысліи, въ злонамѣренности или безвкусицѣ. Мы находимъ это обвиненіе совершенно справедливымъ и *Современникъ* кругомъ виноватъ.“ Но какъ я могъ напечатать это? Вѣдь я считалъ нужнымъ, чтобы журналъ сохранялъ единство направленія; а я противорѣчилъ бы ему на каждомъ шагѣ. Согласитесь, непріятно возбуждаться къ мыслямъ, которыя не можешь высказывать. Такъ я и бросилъ читать журналы.

Теперь дѣло другое. Даровитый писатель, взявшій въ нынѣшнемъ году на себя отдѣлъ *Внутренняго Обзорнія* въ *Современникъ*, вывелъ меня изъ затрудненія, погружавшаго меня столь долго въ такое прискорбное незнаніе о дѣяніи русской журналистики, ея успѣхахъ въ сильномъ и прямомъ обсужденіи важнѣйшихъ вопросовъ общественной и государственной жизни нашего отечества, и въ прочемъ всемъ остальномъ. (Замѣчаете, шаткость моя уже и выказалась: я уязвилъ сотоварища эпитетомъ „безымянный,“ а вотъ и льщу ему эпитетомъ „даровитый.“) Теперь я не связанъ никакими соображеніями о соблюденіи единства въ направленіи и тонѣ журнала. Когда мнѣ покажется, что другіе бранятъ *Современникъ* справедливо, умно, остроумно, мило (а мнѣ рѣшительно каждый разъ будетъ это казаться), я могу въ *Современникъ* же и печатать, что вотъ какъ хорошо и дѣльно изболѣченъ *Современникъ* такимъ-то журналомъ, такою-то газетою. Недѣли двѣ тому назадъ, я дошелъ до этого рѣшенія, — и, о, восторгъ наслажденія, котораго лишалъ себя столь много лѣтъ! — я принялся читать русскіе журналы.

Я пропустилъ безъ чтенія журналы эти за столько лѣтъ, что не могъ и помыслить о прочтеніи или хотя бы легкомъ просмотрѣ всей невѣдомой мнѣ массы ихъ за эти годы. Надобно было опредѣлить какую нибудь достижимую человѣческимъ силамъ границу возвращенія моего назадъ къ сокровищамъ прошлой нашей журналистики. Я поставилъ себѣ этою границею 1 января

настоящаго года. Только при крайней надобности, когда попадется въ этомъ моемъ чтеніи развѣ ужъ очень интересная ссылка на какую нибудь статью прежнихъ годовъ, я доставлю себѣ наслажденіе прочесть эту драгоценность.

Уже и за одинъ нынѣшній годъ какую груду приходится мнѣ пересматривать! Вѣдь мое рѣшеніе было принято 7 іюня (день — приснопамятный для меня, день моего возвращенія въ сладчайшую жизнь читателя русскихъ журналовъ!) — я пропустилъ болѣе пяти мѣсяцевъ, и сколько прекраснѣйшаго чтенія приготовила для меня русская журналистика въ эти пять мѣсяцевъ!

Какъ голодный, прямо бросающійся на самое сытное блюдо, я началъ свое чтеніе, разумѣется, съ *Русскаго Вѣстника*, лучшаго изъ нашихъ журналовъ. Общая молва о его достоинствахъ не обманула меня. Много, много замѣчательнаго нашель я въ немъ, — напр., въ 1-мъ же номерѣ превосходную, утыканную шпильками статью г. Леонтьева *О судьбѣ земледѣльческихъ классовъ въ древнемъ Римѣ* и восхитительную по своей невинной наивности статью г. Сухомлинова *Ломоносовъ-студентъ Марбургскаго университета*, а въ *Современной Лѣтописи* несравненные статьи г. Ржевскаго, равно замѣчательнаго ученостью, скромностью и глубокомысліемъ. Но болѣе всего заняли меня полемическія статьи (по шаткости ума и слабости характера, при первомъ соприкосновеніи съ полемикою пробудилась во мнѣ страстишка къ полемикѣ, спавшая непробуднымъ сномъ нѣсколько лѣтъ). По естественной слабости къ журналу, въ которомъ участвуешь, разумѣется, больше всего заинтересовался я полемикою противъ *Современника* и она такъ очаровала меня, что на этотъ разъ не могу я говорить ни о чемъ, кромѣ нея. Какъ измѣнила она мой взглядъ на многое въ *Современникѣ*, сколько недостатковъ его раскрыла, сколько промаховъ разоблачила! Они такъ грубы, неприличны, что прежде всего я долженъ назвать совершенно заслуженнымъ со стороны *Современника* тонъ этой полемики. Вотъ образцы его. Первымъ образцомъ можетъ служить первая полемическая статья нынѣшняго года: *Нѣсколько словъ вмѣсто современной лѣтописи*. Она такъ хороша, что мы представимъ довольно большія извлеченія изъ нея. Статья начинается

тѣмъ, что съ нынѣшняго года открывается въ *Русскомъ Вѣстникѣ* постоянный отдѣлъ *Литературное обозрѣніе и замѣтки*. Въ другихъ журналахъ соотвѣтствующій тому отдѣлъ давно существуетъ, но ведется совсѣмъ не такъ, какъ слѣдуетъ.

„Читатели, вѣроятно, еще помнятъ, какъ дѣтъ пять или шесть тому назадъ, ежегодно передъ открытіемъ подписки возгоралась литературная брань между журналами: *Современникъ* доказывалъ, что *Отечественныя Записки* никуда не годятся; *Отечественныя Записки* съ неменьшею убѣдительною доказывали то же самое о *Современникѣ*. Въ первый годъ существованія *Русскаго Вѣстника* мы указали на эту черту нашихъ литературныхъ [правовъ], на этотъ процвѣтавшій тогда въ журналахъ [обычай], подъ видомъ литературныхъ обозрѣній зазывать къ себѣ публику. Обычай этотъ тогда же прекратился; но не надолго: натура взяла свое. Брань возвратилась, только уже не литературная: сброшенную маску литературныхъ объясненій поднять было совсѣстно, и раздались объясненія болѣе обыкновенныя, прямѣе идущія къ дѣлу, открылись балаганы съ пѣснями и безъ пѣсенъ, со свистомъ и даже съ визгомъ, какъ выразился недавно одинъ изъ этихъ свистуновъ.“

Это я называю скромностью: до *Русскаго Вѣстника* журналы держали себя неприлично; явился *Русскій Вѣстникъ*, указалъ имъ, что это — дурно, и неприличный „обычай тогда же прекратился.“ Со стороны другихъ журналовъ похвально такое послушаніе справедливымъ внушеніямъ *Русскаго Вѣстника*: если сами они дурны, хорошо уже хоть то, что слушаются указаній отъ лучшаго журнала. Но, — но очень они уже дурны: и желали исправиться, да не могутъ: „обычай прекратился, но не надолго, натура взяла свое: брань возвратилась.“ Какая дурная натура! Самая площадная натура. Нравится мнѣ ѣдкость выраженія: „открылись балаганы съ пѣснями и безъ пѣсенъ, со свистомъ и даже съ визгомъ, какъ выразился недавно одинъ изъ этихъ свистуновъ.“ Чтобы не оставить читателя въ недоразумѣніи, сдѣлана при этихъ словахъ выноска, указывающая на № 1-й *Современника* за нынѣшній годъ. Острота — очень хорошая; ея пріятности не мѣшаетъ даже то, что она повторена изъ статьи *Московскихъ Вѣдомостей* и со словъ почтеннаго нашего

публициста г. Погодина, достойно завершившаго свою громкую славу недавними статьями по крестьянскому вопросу. Такъ воть, критическій отдѣлъ въ другихъ журналахъ неприличенъ; конечно въ *Русскомъ Вѣстникѣ* онъ будетъ несравненно приличнѣе. Но къ счастью мы видимъ, что это не мѣшаетъ ему употреблять, какъ и слѣдуетъ, сильныя выраженія противъ журналовъ и писателей дряннаго сорта. Вотъ, на примѣръ, выдержки со слѣдующей страницы.

„Мы не будемъ заниматься *искусствомъ для искусства*, какъ занимаются имъ именно тѣ изъ нашихъ литературныхъ критиковъ, которые съ свирѣпымъ безсмыслиемъ протестуютъ противъ *искусства для искусства*. Только праздные и больные умы занимаются сами собою; только хилое искусство превращается въ эстетическіе курсы; только лишенная производительности, безжизненная и бессильная литература роется въ собственныхъ дрязгахъ, не видя передъ собою божьяго міра, и вмѣсто живаго дѣла занимается толченіемъ воды или домашними счетами, мелкими интригами и сплетнями. Намъ ставили въ укоръ отсутствіе литературныхъ разсужденій въ нашемъ изданіи именно тѣ журналы, гдѣ съ тупымъ доктринерствомъ или съ мальчишескимъ забіячествомъ проповѣдывалась теорія, лишаящая литературу всякой внутренней силы, забрасывались грязью всѣ литературные авторитеты, у Пушкина отнималось право на названіе національнаго поэта, а Гоголю оказывалось снисхожденіе только за его сомнительное свойство обличителя; гдѣ современные писатели, отличающіеся какимъ-либо художественнымъ достоинствомъ, потому только осыпались льстивыми похвалами, что успѣхъ ихъ въ публикѣ былъ выгоденъ для этихъ журналовъ, помѣщавшихъ у себя ихъ произведенія, но гдѣ немедленно измѣняется тонъ отзывовъ, съ прекращеніемъ разчета на сотрудничество.“

Какая благопристойность тона, не лишеннаго однакожь рѣзкой силы: „балаганы,“ „свистуны,“ „свирѣпое безсмысліе,“ „мальчишеское забіячество,“ упрекъ за „забрасываніе грязью всѣхъ литературныхъ авторитетовъ,“ наконецъ, что лучше всего, указаніе на „льстивыя похвалы писателямъ, успѣхъ которыхъ выгоденъ для журнала, пока эти писатели помѣщаютъ въ немъ свои произведенія,“ и прибавка, что „тонъ отзывовъ немедленно измѣнялся съ прекращеніемъ разчета на сотрудничество.“ Чтобы читатель

не оставался въ недоразумѣніи, къ этимъ же словамъ сдѣлана и выноска слѣдующаго содержанія :

„Такъ измѣнялся тонъ *Современника* о нѣкоторыхъ писателяхъ, въ честь которыхъ еще такъ недавно пламенѣли жертвенники въ этомъ журналѣ. Въ послѣднемъ номерѣ его напечатано между прочимъ элегическое стихотвореніе, въ которомъ изливаются скорбныя сѣтованія на дороговизну произведеній г. Тургенева.“

Я никакъ не нахожу, что этотъ оборотъ изложенія имѣеть нѣкоторое сходство съ „домашними счетами, мелкими интригами и сплетнями.“ Я прочелъ, что *Русскій Вѣстникъ* порицаетъ ихъ, и знаю, что онъ никогда до нихъ не унижится. Выписанныя мною слова я называю просто благороднымъ изобличеніемъ низости *Современника*. Какъ я благодаренъ *Русскому Вѣстнику*, что раскрылись у меня теперь глаза на эту низость. Прежде дѣло представлялось мнѣ въ иномъ видѣ. Послушайте, какъ грубо я ошибался.

Мнѣ казалось, что было время, когда не замѣчали между собой разницы во взглядахъ люди, далеко разошедшіеся нынѣ. Было время, когда г. Катковъ писалъ въ *Отечествен. Запискахъ* вмѣстѣ съ авторомъ *Писемъ объ изученіи природы*. Нѣкоторыя статьи г. Каткова приписывались Бѣлинскому (мы не полагаемъ, чтобы сказали этимъ что нибудь оскорбительное для г. Каткова). Теперь на сколько партій раздѣлились эти люди, составлявшіе нѣкогда одну партію, въ которой рядомъ стояли г. Катковъ и покойный К. Аксаковъ? Отчего же разошлись эти люди? Отчего многіе изъ нихъ стали даже враждебны другъ-другу по образу мыслей? Намъ казалось, что низкими расчетами не слѣдуетъ объяснять ни этого прежняго союза, ни этого послѣдующаго разрыва. Намъ казалось, что какъ ни жалко состояніе нашей литературы, но все-таки управляли въ ней симпатіями и антипатіями силы болѣе широкія и болѣе благородныя, чѣмъ денежный расчетъ. Намъ казалось, что развивалась національная мысль, опредѣленнѣе становились убѣжденія, и отъ этого оказывалась надобность разойтись людямъ, стоявшимъ рука объ руку, поселялось несогласіе въ понятіяхъ, а вслѣдъ за нимъ возникала и борьба между

людьми, думавшими и дѣйствовавшими за-одно, когда вопросовъ было не такъ много, вопросы были поставлены не такъ опредѣленно и отвѣты на нихъ не могли быть такъ разнородны, какъ сдѣлались при дальнѣйшемъ развитіи общественной жизни. Эти разлуки бывали иногда тяжелы для сердца растающихся, — по крайней мѣрѣ для нѣкоторыхъ изъ нихъ. Сошлемся на опытъ каждаго, кто дѣйствовалъ въ литературѣ благородно: кому изъ нихъ не случилось нѣсколько разъ говорить себѣ то о томъ, то о другомъ, близкомъ прежде, соучастникѣ трудовъ и стремленій: „Мы перестаемъ понимать другъ-друга; мы стали чужды другъ-другу по убѣжденію, мы должны покинуть другъ-друга во имя чувствъ, еще болѣе чистыхъ и дорогихъ намъ, чѣмъ наши взаимныя чувства.“ Тотъ, кто пишетъ эти строки, началъ свою литературную дѣятельность позднѣе почтеннаго редактора *Русскаго Вѣстника*; но и ему пришлось уже испытать не одну такую потерю. Онъ можетъ сказать не шутя, что не совсѣмъ легко было ему убѣдиться нѣсколько лѣтъ тому назадъ, что онъ и редакція *Русскаго Вѣстника* по мнѣніямъ своимъ о нѣкоторыхъ слишкомъ важныхъ вопросахъ не могутъ сочувствовать другъ-другу. Что мнѣ былъ г. Катковъ? его тогда не зналъ въ лицо, онъ меня такъ же. Я никогда не рассчитывалъ быть его сотрудникомъ; онъ вѣроятно еще меньше могъ бы согласиться принять меня въ свои сотрудники. Ничего подобнаго личнымъ отношеніямъ или интригамъ тутъ быть не могло. Но было время, когда мнѣ пріятно было думать: „а мы можемъ дѣйствовать за-одно;“ расчетъ ли денежнаго выигрыша былъ тутъ? И пришло потомъ время, когда мнѣ тяжело было думать: „по вопросу, который теперь стоитъ впереди всего, мы не можемъ дѣйствовать за-одно,“ — что же въ самомъ дѣлѣ, денежную ли потерю я чувствовалъ такъ горько? И если я теперь думаю: „можетъ придти очередь другихъ вопросовъ, въ которыхъ мы можемъ сойтись,“ — развѣ денежныя выгоды или другія дразги заставляютъ меня желать этого? Пусть судьей будетъ самъ *Русскій Вѣстникъ*.

Нѣтъ, я не умѣю писать. Къ чему этотъ искренній тонъ, этотъ порывъ чувства, которое сильнѣе и выше всѣхъ журнальныхъ дразгъ? Къ чему этотъ неумѣстный пафосъ въ статьѣ, начатой

съ насмѣшливой мыслью и, правду сказать, съ презрительной мыслью? И какъ теперь изъ этой сферы мыслей, хоть нѣсколько достойныхъ честнаго гражданина, перейти къ журнальной полемикѣ? Нѣтъ, лучше остановлюсь здѣсь; полемика пусть будетъ отложена до другаго раза. А первый отрывокъ пусть и будетъ законченъ надеждой на близость лучшаго развитія нашей литературной дѣятельности.

Но эта пора еще не наступила, и уже шевелится въ моей головѣ мелкій вопросъ о дразгахъ: „что же подумаетъ *Русскій Вѣстникъ*, что же подумаетъ публика? Вызовъ ли это на литературное примиреніе? не робость ли это? не подобострастіе ли?“ Нѣтъ; въ чемъ въ другомъ, а въ литературной трусости едва ли самый *Русскій Вѣстникъ* заподозритъ пишущаго эти строки. Въ чемъ другомъ еще какъ случится, а въ литературной полемикѣ онъ не слишкомъ боится за себя. И примиренія по вопросамъ, о которыхъ можетъ она идти, онъ не ждетъ ни у *Русскаго Вѣстника* съ *Современникомъ*, ни у какого другаго журнала съ *Русскимъ Вѣстникомъ* или *Современникомъ*. Да-съ, послѣ отъ нечего дѣлать пошутимъ, посмѣемся, изобличимъ, вознегодуюемъ, „втопчемъ въ грязь,“ „завизжимъ,“ а теперь — какъ-то случилось разговориться такъ, что не то на умѣ.

Думалъ я подписывать эти статьи какимъ нибудь задорно-шуточнымъ псевдонимомъ; но судя по нынѣшнему, не однопутество въ нихъ будетъ, и потому стану подписывать подъ ними свою фамилію.

II.

А вотъ пришло и другое расположеніе духа.

Такъ какъ же, по низкому вопросу льстилъ *Современникъ* г. Тургеневу, по низкому расчету теперь ругаетъ его?

Мы полагаемъ, что самъ г. Тургеневъ понимаетъ дѣло иначе; очень можетъ быть, что и *Русскому Вѣстнику* можно иначе понять его.

Почему г. Чичеринъ съ своими друзьями отдѣлился отъ *Русскаго Вѣстника*? Въ платѣ за статьи они не сошлись? Извѣстно

литературному кругу, что разрывъ между ними произошелъ совсѣмъ не по этой причинѣ. Сначала имъ казалось, что они сходятся въ убѣжденіяхъ; потомъ они увидѣли, что расходятся, — и разошлись.

Нашъ образъ мыслей прояснился для г. Тургенева на столько, что онъ пересталъ одобрять его. Намъ стало казаться, что послѣднія повѣсти г. Тургенева не такъ близко соотвѣтствуютъ нашему взгляду на вещи, какъ прежде, когда и его направленіе не было такъ ясно для насъ, да и наши взгляды не были такъ ясны для него. Мы разошлись. Такъ ли? Ссылаемся на самого г. Тургенева.

Мы льстили ему! — Пусть укажутъ хотя одно слово лести, написанное хотя кѣмъ нибудь изъ нынѣшнихъ сотрудниковъ *Современника*. Ни *Русскій Вѣстникъ*, ни кто не въ состояніи указать этого. Или пусть укажутъ хотя одно такое слово кѣмъ бы то ни было написанное въ *Современникъ* съ той поры, когда русскіе журналы стали сколько нибудь похожи на журналы. Этого также нельзя указать. Да и такой ли человекъ г. Тургеневъ, чтобы не различить лести отъ искренняго тона и не оскорбиться лестью? Онъ не такого дурнаго тона и не такой неразборчивый человекъ. Лстить ему было бы невыгодно, если бы и была охота лстить.

Съ другой стороны — когда это были оскорбленія ему въ *Современникъ*? Любопытно было бы, если бы кто указалъ, гдѣ и въ чемъ они были.

Что же такое было? Измѣнился нашъ взглядъ на положеніе, принадлежащее повѣстямъ г. Тургенева въ русской литературѣ. Это такъ. Но кто скажетъ, что это положеніе не измѣнилось? Развѣ не измѣнилась сама русская литература? Что же, намъ слѣдовало бы теперь повторять то, что думали прежде, при другомъ положеніи литературы, и чего уже не могли думать теперь?

А что за оборотъ — придавать дурной видъ шуткѣ, которая относилась вовсе не къ г. Тургеневу, а къ журналисту, да и не къ какому нибудь журналисту въ отдѣльности, а ко всѣмъ журналистамъ, — шуткѣ, имѣвшей тотъ смыслъ, что теперь авторъ хорошихъ повѣстей или статей беретъ за свой трудъ хорошія

деньги, и нельзя журналисту держать его на антоніевской нищѣ, какъ дѣлалось когда-то? Тутъ было не одно имя г. Тургенева; тутъ говорилось о нѣсколькихъ писателяхъ, которыми наиболѣе дорожатъ журналы, — говорилось о г. Гончаровѣ, г. Костомаровѣ. Что тутъ обиднаго?

Или г. Тургеневъ разошелся съ *Современникомъ* изъ-за того, что *Современникъ* не согласился заплатить ему за какую нибудь повѣсть столько, сколько онъ хотѣлъ, или потому, что другой журналъ далъ дороже? — Вѣдь этотъ намекъ вы дѣлаете? А вы бы подумали лестенъ ли, пріятенъ ли такой намекъ — не для *Современника*, а для самого г. Тургенева. И вѣдь вамъ, да и каждому журналисту очень хорошо извѣстно было, что намекъ этотъ совершенно лишенъ всякаго основанія. — Г. Тургеневъ помѣщаетъ свои произведенія тамъ, гдѣ ему пріятнѣе, а не тамъ, гдѣ ему больше даютъ, — развѣ кто нибудь торговался когда съ г. Тургеневымъ? Сколько мы его знаемъ, мы не полагаемъ, чтобы это было кому нибудь возможно, по характеру г. Тургенева. Онъ не изъ тѣхъ писателей, которые любятъ, или съ которыми нужно торговаться.

Къ чему жъ была эта выходка? Развѣ къ тому, чтобы замѣшать г. Тургенева въ журнальныя дразни? *Русскій Вѣстникъ* однажды ужъ дѣлалъ это. Но полезно ли повторять неловкость, которая и въ первый разъ не была хороша?

Вотъ, что значитъ гнѣвная неразборчивость: хотѣли пощипать „мальчишекъ-свистуновъ“, а по неловкости ущипнули г. Тургенева, человѣка совершенно посторонняго и ничѣмъ не заслужившаго вашихъ, непреднамѣренно задѣвшихъ его шпилекъ.

III.

Въ № 1 *Русск. Вѣстникъ* такъ лишь слегка пошалилъ (и какъ мило пошалилъ), а въ февральской книжкѣ онъ помѣстилъ капитальную статью противъ насъ, подъ названіемъ *Старые боги и новые боги*. — Это заглавіе обозначаетъ, что мы, по врожденному намъ подобоострастію, не можемъ не валяться на колѣняхъ

передъ какими нибудь кумирами, и потому, низвергая прежнихъ, мы становимъ новыхъ, которые чуть ли не хуже прежнихъ, и провозглашаемъ слѣдное поклоненіе имъ. Что жь, оборотъ придуманъ очень ловкій — мы всегда рады отдавать справедливость *Русск. Вѣстнику*; онъ вздумалъ повести дѣло такъ, чтобы явиться защитникомъ правъ человѣческаго разума на свободу противъ насъ, поработающихъ разумъ новому суевѣрью въ замѣнъ старыхъ предразсудковъ. Только одно изъ условій остроумія не соблюдено: вѣдь нужно, чтобы выдумка имѣла видъ правдоподобія, — безъ того она не будетъ остроумна, какъ бы ни была замысловата. А та часть публики, которая несогласна съ нами, видя въ насъ множество недостатковъ, никакъ не думала находить, чтобы мы воздвигали кумировъ. Оттого статья *Русскаго Вѣстника* и выходитъ — не больше, какъ забавна для той части публики, которая сочувствуетъ намъ, — неудачно выбранъ пунктъ обвиненій. Мы воздвигаемъ кумировъ! — сдѣлайте одолженіе, вините насъ въ этомъ почаще и побольше. Это хорошо.

Но посмотримъ на статью, истинно радующую насъ искуснымъ выборомъ темы для обвиненій. Начинается она порицаніемъ за то, что мы говоримъ иногда уклончиво, стороною о разныхъ предметахъ, о которыхъ можно говорить прямо.

„Къ чему лукаво подмигивать, коварно намекать, завертываться въ аллегорію, расточать иронію, сыпать побасенками, когда дѣло просто, и нѣтъ ни малѣйшей надобности прибѣгать ко всѣмъ этимъ военнымъ хитростямъ?“

Хорошо. А зачѣмъ вся статья, начинающаяся этимъ порицаніемъ, написана именно тою самою манерою, которую порицаеть за ея ненужность? зачѣмъ вся она до того „завертывается“ въ разныя уловки, что многіе даже вообразили, будто ее надобно понимать въ прямомъ, а не въ ироническомъ смыслѣ, будто *Русскій Вѣстникъ* въ самомъ дѣлѣ защищаетъ противъ насъ матеріализмъ? Къ чему же порицать другихъ за то, что приходится дѣлать и вамъ самимъ?

Далѣе слѣдуетъ очень милая „побасенка“ объ Иванѣ Яковлевичѣ, — сильно, впрочемъ, отзывающаяся подражаніемъ статьѣ

Современника о книжкѣ г. Прыжова. Зачѣмъ подражать тому, надъ кѣмъ смѣешься? Или, можетъ быть, это не подражаніе, а только пропія?

Дѣло сводится къ тому, что мы за наше безсмысліе сравниваемся съ Иваномъ Яковлевичемъ, — очень мило и граціозно; только зачѣмъ же заимствовать свое остроуміе у такихъ безсмысленныхъ людей, какъ мы? А что мы безсмысленны, вотъ вамъ доказательство:

„Женится ли Х.“ спрашивалъ кто-то у Ивана Яковлевича. „Безъ працы не бендзе кололацы,“ таковъ былъ отвѣтъ. *Кололацы*—мудреное слово, но вопрошавшій былъ вѣроятно удовлетворенъ имъ, не добираясь до смысла. *Кололацы*—слово безъ смысла. А прислушайтесь: эти *кололацы* встрѣтятся вамъ такъ часто, что вы не поставите ихъ въ упрекъ бѣдному обитателю сумасшедшаго дома.

„*Кололацы! Кололацы!* А развѣ многое изъ того, что преподается и печатается — не *кололацы*? Развѣ философскія статьи, которыя помѣщаются иногда въ нашихъ журналахъ, — не *кололацы*?”

„Дѣло не въ томъ, что вы говорите или пишете, во что вы вѣруете или не вѣруете, что полагаете или что отрицаете; дѣло не въ томъ, какія истины хотите вы проповѣдывать, суровыя или нѣжныя; а въ томъ, понимаете ли вы сами что говорите, способны ли вы мыслить или способны только вязать слова, которыя для людей немыслящихъ могутъ показаться очень эффектнымъ, но которыя въ сущности не что иное, какъ *кололацы* Ивана Яковлевича.“

Мило, очень мило. „Кололацы бѣднаго обитателя сумасшедшаго дома,“ — какаѣ деликатная полемика! Далѣе слѣдуютъ, все въ примѣненіи къ намъ же: „желтый домъ,“ „безсмысленный,“ „раболѣпство,“ — „фанатическое поклоненіе идоламъ, которые созданы нашимъ невѣжествомъ,“ — „оскверненіе мысли въ ея источникахъ,“ — „возмутительно,“ — это на одной 894 страницѣ; — разочтите же, сколько такихъ красотъ на 12 страницѣхъ статьи. Это значитъ, что другіе журналы не умѣютъ держать себя прилично, а Р. В. умѣетъ.

Послѣ этого начинается разборъ статьи г. Антоновича о *Философскомъ словарѣ*, — г. Антоновичъ ни мало не нуждается

въ томъ, чтобы его защищали другіе, и оставляя эту часть статьи на доброе сердце г. Антоновича, приведу отрывки изъ конца ея, обращеннаго ко мнѣ.

Прочитавъ длинное назиданіе г. Антоновичу, Р. В. рекомендуетъ ему „одну статью, напечатанную въ трудахъ Кіевской Духовной Академіи.“

„Статья эта, подъ заглавіемъ: *Изъ науки о человѣческомъ духѣ*, составляетъ довольно обширное сочиненіе. Авторъ ея, — профессоръ Кіевской академіи, г. Юркевичъ. Сочиненіе это вызвано нѣкоторыми статьями о философскихъ предметахъ, появившимися въ *Современникѣ*. Г. Юркевичъ разоблачаетъ наглое шарлатанство, выдаваемое за высшую современную философію, и разоблачаетъ такъ, что даже взыскательный г. Антоновичъ можетъ остаться доволенъ. Нѣтъ худа безъ добра; спасибо шарлатанству по крайней мѣрѣ за то, что оно послужило поводомъ къ появленію этого превосходнаго философскаго труда. Статья г. Юркевича не простое отрицаніе или обличеніе; но исполнена положительнаго интереса, и рѣдко случалось намъ читать по-русски о философскихъ предметахъ что-нибудь въ такой степени зрѣлое. Впрочемъ о статьѣ г. Юркевича мы не хотимъ говорить мимоходомъ. Въ слѣдующемъ номерѣ *Русскаго Вѣстника* мы представимъ обширныя выдержки изъ этого трактата, который отличается всѣми признаками зрѣлаго, самостоятельнаго, вполне владѣющаго собою мышленія.

„Будемъ надѣяться, что философскія понятія господь, пишущихъ въ *Современникѣ*, мало-по малу прояснятся, и что они найдутъ наконецъ возможность обходиться безъ шарлатанства. И теперь ужь по нѣкоторымъ частямъ замѣтенъ значительный прогрессъ. Г. Чернышевскій, повидимому главный вождь этой дружины, начинаетъ уже говорить человѣческимъ языкомъ по предметамъ политической экономіи. Il s'humanise, se mon-sieur. Въ послѣднихъ номерахъ этого журнала мы съ удовольствіемъ прочли статьи за его подписью; въ нихъ уже нѣтъ тѣхъ безсмыслицъ, которыя выдавалъ онъ прежде за глубокую мудрость, почерпаемую со дна таинственнаго кладязя. Онъ судитъ здраво и согласно съ началами политической экономіи, такъ что ему нѣтъ теперь надобности отдѣлять себя отъ экономистовъ, которыхъ онъ бывало называлъ *узколобыми бѣдняками*. Такимъ является онъ теперь и самъ въ статьяхъ, подписанныхъ его именемъ. Надобно отдать ему

справедливость; онъ хорошо пользуется уроками и не даромъ проводить время въ предварительной школѣ.

„Но если прежняя дичь остерегается заглядывать въ тѣ статьи г. Чернышевскаго, которыя подписаны его именемъ, то она еще отзывается въ другихъ, имъ не подписанныхъ. Тамъ еще тономъ шарлатанской ироніи говорится о великихъ русскихъ экономахъ, гг. Вернадскомъ, Бунге, Ржевскомъ, Безобразовѣ, къ которымъ причисляется г. де-Молиари, а наконецъ Каре (или какъ у насъ пишутъ Кери) и Бастиа. Статейка, о которой мы сейчасъ упоминали, очень курьезная статейка; это рецензія недавно вышедшей книги Каре *Письма къ президенту Соединенныхъ Штатовъ*. Въ ней есть одно замѣчательное мѣсто. — (Пересказывается изъ этой статьи отрывокъ о драмѣ „Юдионъ,“ заключающійся словами: „Историческій путь не тротуаръ Невскаго проспекта, онъ идетъ пѣликомъ черезъ поля, то пыльные, то грязные, то черезъ болота, то черезъ дебри. Кто боится быть покрытъ пылью и выпачкать сапоги, тотъ не принимайся за общественную дѣятельность“).

„Послѣ этого очаровательнаго эпизода, въ которомъ такъ и слышится скорбный вздохъ „Юдионъ,“ осквернившей себя для спасенія родины, рецензентъ снова обращается къ тарифу и свободной торговлѣ. Не могла бы эта прелестная поэзія вернуться сама собою въ такой сухой и прозаическій предметъ, еслибъ ея не призвало само сердце писавшаго. Она могла сказаться только изъ глубины души, она могла прорваться только неудержимою силой невольнаго откровенія. Столько слезъ и нѣжности въ этомъ разсказѣ, который явился неожиданнымъ оазисомъ среди пустыни протекціонныхъ пошлинъ, гдѣ вѣетъ совѣмъ иной духъ, сухой и суровый!

„Дѣйствительно, не есть ли и шарлатанство нѣкотораго рода оскверненіе? Не великую ли жертву приносятъ тѣ доблестные общественные дѣятели, которыхъ неразумная чернь зоветъ шарлатанами? Но, о, новыя „Юдионъ!“ повѣдайте намъ, ради какихъ великихъ благъ пятнаете вы свою непорочную чистоту, „какой другой не видывали люди?“

„О, господа, не пятнайте себя понапрасну! Не приносите ненужныхъ жертвъ! Не оправдывайте себя подвигомъ: никакого подвига не имѣется. Вы и себя обольщаете, и обманываете другихъ. Вы сами не знаете, вы сами не чувствуете, какая вы вредная задержка посреди этого общества съ неустановившимися силами, съ неокрѣпшею жизнію. Тѣмъ хуже, если вы люди способные. Современемъ, можетъ-быть, вы откажетесь отъ шарлатанства; ваши понятія стануть яснѣе

(начинають же разъясняться мало-по-малу экономическія понятія г. Чернышевскаго, а это добрый задатокъ); послѣ вы хватитесь, но будетъ поздно. Съ презрѣніемъ оглянитесь вы на свое прошедшее, и можетъ-быть глубоко пожалѣете о шутовской роли, которую вы играете теперь.“

Эпизодъ о „Юдиѣ“ дѣйствительно годился для того, чтобы посмѣяться надъ нимъ; и примѣненіе его къ моему „шарлатанству“ сдѣлано мило, — этотъ отрывокъ статейки, нешутя, очень игривъ и ловокъ. Отъ души смѣюсь вмѣстѣ съ *Русскимъ Вѣстникомъ* надъ тѣмъ, какъ я уподобляюсь Юдиѣ величіемъ жертвы, приносимой мною для спасенія родины. Это очень забавно вышло; тутъ насмѣшка вполне удалась *Русскому Вѣстнику*. Да и патетическій тонъ эпизода о Юдиѣ дѣйствительно очень забавенъ своимъ не со всѣмъ удобнымъ помѣщеніемъ въ статейкѣ о сухомъ предметѣ, тарифѣ и Кери. Это отличная насмѣшка. Да, вѣдь разумѣется само собою, что эту статейку писалъ я, — *Русскій Вѣстникъ* на то и намекаетъ. Онъ не ошибся. Но я боюсь, что ошибся *Русскій Вѣстникъ* въ предположеніи, будто мои экономическія мнѣнія исправляются. Это я считаю за знакъ доброты ко мнѣ, не больше; благодарю, но принять не могу. Дѣло объясняется иначе. До прошлаго года, я писалъ политико-экономическія статьи объ отдѣльныхъ вопросахъ, наиболѣе интересовавшихъ меня, — разумѣется, это были вопросы, которые мнѣ казались особенно плохо излагаемыми у писателей господствующей экономической школы. Потому въ этихъ статьяхъ не было почти ничего, кромѣ споровъ противъ господствующей теоріи, кромѣ изложенія мыслей, не успѣвшихъ попасть въ нее по своей новости или отвергаемыхъ ею за ихъ направленіе. Въ началѣ прошлаго года показалось мнѣ полезно дать русской публикѣ систематическій трактатъ о экономической наукѣ во всемъ ея объемѣ. Я сталъ переводить Милля и дѣлать къ нему дополненія. У самого Милля излагаются болѣею частью вопросы безспорные; мои дополненія часто должны относиться также къ такимъ вопросамъ. Вотъ отчего разница впечатлѣнія, производимаго моими прежними статьями и моимъ изданіемъ Милля. Тогда я говорилъ: буду излагать лишь то, въ чемъ я съ вами не сог-

ласень ; въ переводѣ Милля имѣю цѣлью изложить все, что надобно думать о предметѣ, — и то, въ чемъ я не согласенъ, и то, въ чемъ согласенъ съ вами. Не дѣлаетъ чести пронизательности *Русскаго Вѣстника*, что онъ не догадался объ этой главной причинѣ разницы въ своемъ впечатлѣніи. Сказать ли другую причину ? Упомянуть о нихъ мнѣ самому довольно щекотливо, но я не поцеремонюсь, потому что не очень-то боюсь ни чьихъ насмѣшекъ, когда знаю, что говорю правду. Вотъ еще объясненіе тому, что *Русскій Вѣстникъ* сталъ находить статьи, подписанныя моимъ именемъ, менѣ „дикими.“ Моя репутація увеличивается — говорю это, не прикидываясь скромнымъ, потому что не слишкомъ-то горжусь своей литературной дѣятельностью. Почему же такъ ? — Самъ *Русскій Вѣстникъ* говоритъ :

„Жалкая литература ! Мы находимся на школьномъ положеніи. Мысль наша не имѣетъ къ себѣ уваженія, и ей трудно уважать себя. Она прячется, роетъ норки ; въ ней развиваются всѣ барскія свойства“ (*Р. В.*, мартъ. *Литер. Обзорніе*, стр. 21).

Послѣ этого объясненія, нечего мнѣ церемониться ни съ собою, ни съ другими. У многихъ это чувство смягчается нѣкоторымъ самодовольствомъ, не лишеннымъ справедливости. Каково бы ни было ихъ положеніе, но они въ немъ все-таки остаются честными людьми. Это ихъ нѣсколько утѣшаетъ. Я, какъ литераторъ, такъ же честенъ ; но меня это нисколько не утѣшаетъ, и мое чувство къ литературѣ, въ томъ числѣ и къ моей долѣ въ ней, имѣетъ жесткость, ничѣмъ не смягченную. Кому угодно, тотъ можетъ сдѣлать это объясненіе предметомъ насмѣшки ; я самъ знаю, что оно очень удобно можетъ быть обращено въ насмѣшку надо мной. Но смѣйтесь и бранитесь какъ хотите ; а вы сами знаете, что я тутъ правъ, и я знаю что вы согласны со мной въ очень значительной степени.

Такъ вотъ я мертвъ поэтому къ похвалѣ и къ порицанію тому, что я пишу. Я самъ судья, произнесшій и себѣ въ числѣ другихъ приговоръ, который не поправишь и не испортишь ничѣмъ. И на то, какъ думаетъ обо мнѣ публика, я смотрю точно такъ же, какъ на толки о какой нибудь m-ле Ригольбошъ. Умна ли она, глупа

ли она, хороша ли она, дурна ли она — все равно, она ведетъ такой образъ жизни, что никакими комплиментами не исправишь мнѣнія о ней.

Есть люди другаго рода: они чувствуютъ робость передъ извѣстностью. Таковъ *Русскій Вѣстникъ*. Прежде онъ осмѣливался находить, что въ моихъ статьяхъ нѣтъ ничего, кромѣ дичи; теперь онъ робѣетъ высказывать это. Только и всего. Удовлетворены ли вы этимъ объясненіемъ, *Русскій Вѣстникъ*? Если нѣтъ, я, пожалуй, объяснюсь пообстоятельнѣй: себя я не слишкомъ-то жалѣю, а другихъ, — на примѣръ, хоть васъ, — разумѣется, не больше, чѣмъ себя. Слѣдовательно, объясненій со мной вамъ не выдержать, — не потому, чтобъ я былъ умнѣ васъ или владѣлъ перомъ искуснѣе васъ, а потому, что у меня языкъ развязанъ хоть въ этомъ отношеніи, а у васъ и въ немъ онъ связанъ.

Но я не все сказалъ, сказавъ, что къ своей литературной репутаціи я мертвъ. Къ себѣ, какъ къ человѣку, я не могу быть мертвъ. Я знаю, что будутъ лучшія времена, литературной дѣятельности, когда будетъ она приносить обществу дѣйствительную пользу и будетъ дѣйствительно заслуживать доброе имя тотъ, у кого есть силы. И вотъ я думаю: сохранится ли во мнѣ къ тому времени способность служить обществу, какъ слѣдуетъ? Для этого нужна свѣжесть силъ, свѣжесть убѣжденій. А я вижу, что уже начинаю входить въ число „уважаемыхъ“ *) писателей, то есть писателей истаскавшихся, отстающихъ отъ движенія общественныхъ потребностей. Это горько. Но что дѣлать? Лѣта берутъ свое. Дважды молодъ не будешь. Я могу только чувствовать зависть къ людямъ, которые моложе и свѣжѣй меня. На примѣръ, къ г. Антоновичу. Что жъ? развѣ я стану скрывать, что дѣйствительно завидую имъ, завидую съ отгѣнкомъ оскорбляемаго ихъ свѣжестью самолюбія, съ досадою опережаемаго?

*) Изъ всего этого можно будетъ *Русскому Вѣстнику* извлечь очень насмѣшливыя замѣчанія противъ меня: «г. Чернышевскій думаетъ, что его репутація увеличивается, — какое пріятное самообольщеніе!» — «г. Чернышевскій изъ Юдиинъ обращается въ m-ле Ригольбошъ (развить параллель между нимъ и m-ле Ригольбошъ). — «Онъ скорбитъ о томъ, что онъ уважаемый писатель — пусть онъ не горюетъ объ этомъ, его никто не уважаетъ» и т. д. и т. д. — Всѣ эти насмѣшки могутъ быть ѣдки и забавны, если написаны будутъ умно и живо.

Не угодно ли получить объясненіе и относительно того, какую пользу моему исправленію принесъ *Русскій Вѣстникъ*? Извольте. И тутъ скажу правду. Я просматривалъ *Русскій Вѣстникъ* при началѣ его изданія. Не припомню теперь хорошенько, до 17 или до 18 № перваго года изданія. Послѣ того до конца перваго года мнѣ случилось прочесть еще двѣ или три статьи въ слѣдующихъ книжкахъ, потому что въ тотъ годъ приносили *Русскій Вѣстникъ* изъ магазина въ мою квартиру. На второй годъ я сказалъ, чтобъ этого не дѣлали. И съ той поры до начала нынѣшняго мѣсяца я формально не читалъ въ *Русскомъ Вѣстникѣ* ничего, за исключеніемъ четырехъ вещей, которыя всѣ и перечислю. Въ редакцію *Современника* была доставлена біографія Радищева со многими, по словамъ лица, ее передавашаго, важными дополненіями противъ того, что было напечатано въ *Русскомъ Вѣстникѣ*. Случилось такъ, что заняться сличеніемъ некому было, кромѣ меня. Я взялъ книжку *Русскаго Вѣстника* и сличилъ съ нею рукопись. Оказалось, что прибавленія неважны, и печатать ихъ не стоитъ. Лѣтомъ прошлаго года я прочелъ полемическія статьи по поводу г-жи Свѣчиной, вздумавъ написать объ этомъ казусѣ статейку, за неимѣніемъ другаго матеріала для журнала. Въ одномъ изъ номеровъ *Русскаго Вѣстника*, гдѣ была эта стрѣльба по г-жѣ Туръ, напечатана статья г. Малиновскаго (если не ошибаюсь) о пороховыхъ взрывахъ, кажется. Она какъ-то развернулась, и я прочелъ нѣсколько страницъ. Наконецъ, сидя однажды у постели больного, я прочелъ для него нѣсколько страницъ изъ повѣсти г-жи Кохановской; заглавія повѣсти не помню, а знаю только, что въ ней рассказъ ведется отъ лица женщины, часто вставляющей въ свою исторію отрывки изъ народныхъ пѣсенъ.

Довольны вы, *Русскій Вѣстникъ*, этимъ объясненіемъ? Или можетъ быть вамъ любопытно будетъ узнать, отчего я не читалъ васъ? На первый разъ скажу: отъ глубокаго равнодушія. Если же угодно будетъ знать больше, я скажу и больше, — мнѣ все равно.

А теперь вотъ я началъ читать. — Скучныя времена, глуныя времена, — дай, думаю, поразвлекусь полемикою, на которую.

какъ я слышу, напрашивается *Русскій Вѣстникъ*. Вотъ, и развлекаюсь. Плохое развлеченіе, а все же лучше, чѣмъ запить съ тоски. Надоѣсть — брошу, что бы вы тамъ ни писали обо мнѣ или о *Современникѣ*. А пока еще не надоѣло, развлекаюсь, какъ видите.

IV.

Въ № 3 *Русскаго Вѣстника* литературное обозрѣніе начинается статью съ очень заманчивымъ заглавіемъ: *Нашъ языкъ и что такое свистуны*. — По цитатамъ, приведеннымъ изъ № 1, мы знали, что подъ этимъ именемъ „свистуновъ“ *Русскій Вѣстникъ* разумѣетъ сотрудниковъ *Современника*, и ждали, что вся статья будетъ посвящена ему. Нѣтъ, о *Современникѣ* и *Свисткѣ* говорится въ ней лишь мимоходомъ, а главное содержаніе статьи совсѣмъ не то: идетъ споръ съ „Основой“ о томъ, способенъ ли малорусскій языкъ къ литературному развитію, потомъ споръ съ *Временемъ* объ историко-литературныхъ и эстетическихъ вопросахъ, наконецъ подробная диссертация о г-жѣ Толмачевой, доказывающая, что Камень-Виногородъ былъ въ сущности правъ, а лишь неосторожно выразился.

Такое непредвидимое разнообразіе „свистуновъ“ объясняется на стр. 20 словами: „всѣ мы (т. е. русскіе журналы и журналисты) болѣе или менѣе свистуны“ — вотъ, какъ! ужъ и самого себя *Русскій Вѣстникъ* не исключаетъ изъ „свистуновъ“, — за что же гнѣвъ на насъ? Самое замѣчательное мѣсто въ цѣлой статьѣ — слѣдующее разсужденіе о правахъ женщины и объ эмансипаціи:

„Права женщины! Но кто же отнималъ у ней эти права, или какихъ еще правъ ей надобно? Въ гражданскомъ положеніи она, именно у насъ, ничѣмъ не уступаетъ мужчинѣ, она не подлежитъ опека и совершенно самостоятельна. Въ домѣ она хозяйка, въ салонѣ она царица; въ литературѣ, въ искусствѣ, даже въ наукѣ, ей вездѣ есть мѣсто, былъ бы только талантъ и охота. Правда, у насъ нѣтъ амазонскихъ полковъ и женскихъ департаментовъ. Но неужели женщина этого хочетъ? Неужели это ей нужно? Наконецъ, если между

министрами не бываетъ дамъ, то намъ извѣстно, что поль женщины не лишаетъ ее правъ на верховную власть. У насъ были знаменитыя императрицы, на англійскомъ престолѣ возсѣдаетъ теперь королева, на испанскомъ тоже. Какихъ же это правъ еще ей нужно? Въ обществѣ она окружена почетомъ; вѣка рыцарства выработали до идеальной тонкости отношенія мужчины къ женщинѣ въ образованномъ обществѣ. Тутъ личность женщины, не утратившей своего достоинства, есть нѣчто неприкосновенное и священное. Чего же можетъ хотѣть женщина? Неужели того, чтобъ быть эманципированною во всѣхъ тѣхъ отношеніяхъ, въ какихъ считаетъ себя эманципированнымъ мужчина? Но хорошо ли, что мужчина считаетъ себя эманципированнымъ во всѣхъ отношеніяхъ? Пріятно ли будетъ ей самой сравниться съ нимъ во всѣхъ отношеніяхъ? А если пріятно, такъ что жъ мѣшаетъ и женщинѣ пользоваться тѣми же правами? Увы, — какъ много женщинъ, которыя ими пользовались и пользуются, не слыхавъ ни о какой эманципаціи, и безъ помощи особыхъ доктринъ о своихъ правахъ! Для этого не нужно образованія, не нужно развитія умственного или нравственного, эта благодать достается сама собою, и лишь высшее нравственное развитіе, вкореняя въ душу чувство долга, спасаетъ, какъ мужчину, такъ и женщину, отъ этой даровой и всѣмъ легко доступной эманципаціи. Можетъ быть женщинѣ не достаетъ нѣкоторыхъ удобствъ эманципаціи, которыми пользуется мужчина? Но стоитъ ли толковать о такихъ мелочахъ, тѣмъ болѣе, что женщина можетъ имѣть своего рода удобства, какихъ не имѣетъ мужчина? Какъ бы то ни было однако, представимъ себѣ женщину эманципированную наравнѣ съ мужчиной. Пользуясь совершенно одинаковымъ съ мужчиной положеніемъ, женщина тѣмъ самымъ отказывается отъ всѣхъ особенностей собственно-женскаго положенія. Она уже не должна хотѣть и не можетъ требовать отъ мужчины того особаго уваженія, той деликатности, на которыя имѣетъ право женщина, оставаясь въ своемъ положеніи, высшемъ и привилегированномъ, котораго никто у ней не оспариваетъ, которымъ, напротивъ, всѣ дорожатъ, которое всѣ охраняютъ, удаляя отъ женщины эманципаторовъ съ грязными руками.“

Напрасно *Русскій Вѣстникъ* печатаетъ такія вещи. Говоримъ ему это въ предостереженіе. Какую роль тутъ онъ принимаетъ на себя? Стремленіе женщины къ эманципаціи онъ смѣшиваетъ съ желаніемъ развратничать. Это не хорошо. Это — обсеуран-

тизмъ. Если *Русскій Вѣстникъ* станетъ выказывать себя съ такой стороны, ему придется плохо. Дальше, чтобы отвратить женщину отъ желанія сравняться съ мужчиной, „*Русскій Вѣстникъ*“ выставляетъ, что она лишится чрезъ это особенныхъ выгодъ своего нынѣшняго положенія: мужчины ужь не будутъ ей, какъ ровной себѣ, оказывать „того особаго уваженія, той деликатности, на которыя имѣетъ она право, оставаясь въ своемъ положеніи, высшемъ и привилегированномъ,“ — о чемъ это вы говорите? О комплиментахъ, галантерейностяхъ, о томъ, что женщина — царица общества, воздушное существо? о томъ, что ей привозятъ въ подарокъ конфекты? Да вѣдь это „особое уваженіе, эта деликатность“ необыкновенны пошлы; ими унижается женщина; ими тяготится каждая не то, что эмансипированная, а каждая женщина, имѣющая отъ природы умъ и чувствующая свое челоуѣческое достоинство. Вѣдь все отзывается средневѣковымъ взглядомъ на женщину, какъ на „даму сердца,“ то есть куклу, обязанную сидѣть на балконѣ и раздавать шарфы побѣдителямъ, а иногда и служить наградой побѣдителю. Вѣдь этимъ женщина ставится въ положеніе ребенка, на котораго не смотрятъ серьезно, съ которыми только шалятъ по снисходительной любезности. Или вы думаете о другомъ? Можетъ быть вы думаете, что признавъ женщину равной себѣ, отбросивъ приторныя деликатесы въ обращеніи съ нею, мужчина станетъ толкать ее на улицѣ? Но, вѣроятно, вѣдь и другъ-друга мужчины перестанутъ толкать на улицахъ. — А лучше всего начало выписаннаго отрывка: „Права женщины! Но кто же отнималъ эти права, или какихъ еще правъ ей надобно?“ И черезъ нѣсколько строкъ повтореніе: „какихъ же это правъ еще ей нужно?“ — Потрудитесь прочесть помѣщенную въ „*Современникѣ*“ нынѣшняго года статью г. Филиппова „о гражданскихъ законахъ,“ — вотъ вы и увидите, какихъ правъ не достаеетъ женщинѣ даже по гражданскимъ законамъ (не говоря уже о политическихъ правахъ и экономическихъ правахъ), тогда вы и не скажете, что „въ гражданскомъ положеніи женщина, именно у насъ, ничѣмъ не уступаетъ мужчинѣ.“ Да, надобно еще упомянуть объ одномъ: „*Русскій Вѣстникъ*“ находитъ, что въ оскорбленіи женщины „*Современникъ*“ гораздо болѣе вино-

вать, чѣмъ кто нибудь: „Михайловъ, говоритъ „Русскій Вѣстникъ,“ явился мстителемъ за честь женщины, когда Камень-Виногоровъ „сказалъ два грубыхъ слова,“ —

„А гдѣ онъ былъ, когда въ томъ самомъ журналѣ, въ которомъ онъ печатаетъ свои эманципаціонныя статьи, предавалась самому ужасному поруганію тоже женщина, и при томъ женщина, которая приобрѣла себѣ имя въ русской литературѣ? Мы говоримъ о тѣхъ критическихъ статьяхъ, которыя нѣсколько лѣтъ тому назадъ являлись въ *Современникѣ* по поводу сочиненій графини Ростопчиной. Далѣе поруганіе идти не можетъ, еслибъ и хотѣло. Передъ этимъ поруганіемъ ничто, совершенно ничто, — камешки, брошенные г. Камнемъ-Виногоровымъ, — камешки, которые никуда бы не долетѣли и которыхъ никто бы не замѣтилъ, если бы не гаркнула вся эта стая, спущенная г-мъ Михайловымъ. Пусть эти менады, растерзавшія Камня-Виногорова, припомнятъ тѣ статьи.“

Вотъ видите ли, что: была нѣкоторая разница между нашими статьями о графинѣ Ростопчиной и случаемъ, о которомъ вы разсуждаете. То, что говорила г-жа Толмачева, находятъ справедливымъ и благороднымъ почти все просвѣщенные люди (за исключеніемъ васъ, чего мы не ждали); а то, за что мы осуждали Ростопчину, заслуживало строжайшаго осужденія по мнѣнію самыхъ крайнихъ эмансипаторовъ; — графиня Ростопчина писала вещи въ духѣ *Фоблаза*, прямо противоположномъ идеямъ эмансипаторовъ, которые освобожденіе женщины считаютъ дѣломъ столь же мало похожимъ на развратъ, или ведущимъ къ разврату, какъ освобожденіе крѣпостныхъ крестьянъ. Не знать этого — стыдно, а притворяться незнающимъ — еще стыднѣе.

Что „Русскій Вѣстникъ“ недаромъ причислилъ себя къ свистунамъ, доказывается слѣдующею статьею, о книгѣ Гильдебранда, — по тону своему она явно усиливается быть сколкою съ нашихъ библиографическихъ статей, какъ и начало статьи „Старые боги и новые боги“ явно навѣяно статьею „Современника“ о житіи Ивана Яковлевича: та же шутливость, тѣ же приемы, та же манера не церемониться съ иностранными знаменитостями — какъ это позволяетъ себѣ „Русскій Вѣстникъ“ „топтать въ

грязь авторитеты!“ И зачѣмъ бранить тѣхъ, кому подражаешь? Хотя бы ту предосторожность взяли, чтобы нашими любимыми выраженіями не заимствоваться, придумать свои какія нибудь, — а то, напримѣръ, для обозначенія людей, пробавляющихся свѣдѣніями изъ вторыхъ рукъ, употребляетъ „Русскій Вѣстникъ“ выраженіе: „привыкшіе почерпать свои данныя изъ французскихъ книжекъ“ — ай, ай, ай! — откуда это выраженіе „французскія книжки?“ — Это ужь очень плохо, когда подражаніе доходитъ до заимствованія словъ.

V.

Въ № 4 „Русскаго Вѣстника“ отдѣлъ литературнаго обозрѣнія и замѣтокъ доходитъ до такого совершенства въ наивности, что трудно будетъ даже при всей основательности „Русскаго Вѣстника“ удержаться этому отдѣлу на подобной высотѣ.

Прежде всего отмѣтимъ длинную статью почтеннаго нашего ученаго г. Лонгинова въ защиту юбилея князя Вяземскаго съ обильными доказательствами, что князь Вяземскій одаренъ высокимъ поэтическимъ талантомъ. Оно должно быть такъ; надобно только сказать, что предметъ для апологіи выбранъ очень удачно. Русская литература будетъ помнить покровительство, какимъ она пользовалась отъ князя Вяземскаго, когда онъ находился первымъ ея начальникомъ въ званіи товарища министра народнаго просвѣщенія. Да, она будетъ помнить съ надлежащей признательностью. Впрочемъ, и изложеніе мыслей у почтеннаго нашего библіографа также не дурно: образцомъ можетъ служить хоть слѣдующее невинное мѣсто: „безпрерывныя утраты милыхъ людей, безпрестанныя испытанія освобождаютъ его (князя Вяземскаго) вполне отъ тѣхъ обмановъ, которые тревожатъ и увлекаютъ пламенную молодость.“ Это относится къ 1846 году, а князь Вяземскій родился въ прошломъ столѣтіи, да и то еще не въ самомъ концѣ столѣтія, такъ что ему въ 1846 г. было или подь 60 лѣтъ, или за 60 лѣтъ. Ну, въ эти годы можно освободиться отъ пламенной молодости и безъ всякихъ испытаній. Тутъ приличнѣе бы вспомнить слова псалмопѣвца: „дніе лѣтъ нашихъ“

и т. д. — За апологією юбилея и панегирикомъ поэтическому таланту кн. Вяземскаго слѣдуетъ статья о книжкѣ, изданной подъ редакцію г. Лонгинова, не сына и не отца и не брата предыдущаго Лонгинова, а того же самого. Дѣло идетъ о письмахъ Карамзина къ Малиновскому, и „Русскій Вѣстникъ“ гнѣвается за нашу непочтительность къ Карамзину. Наивности и тутъ очень много. Примѣромъ пусть послужатъ хоть слѣдующія строки: „Недавно кто-то; разбирая эти письма въ „Современникѣ“ (говорить „Русскій Вѣстникъ“), отозвался съ большимъ презрѣніемъ и о нихъ, и о самомъ Карамзинѣ.“ — „Насъ удивило (продолжаетъ „Русскій Вѣстникъ“ на той же страницѣ), что рецензентъ, приводя разные отрывки изъ писемъ Карамзина, выбралъ самые незначительные, могущіе служить къ оправданію любимой (рецензентомъ или „Современникомъ“) точки зрѣнія.“ — Вотъ удивительно-то въ самомъ дѣлѣ: приводитъ человекъ изъ книги такія мѣста, которыми бы подтверждалось его мнѣніе о ней! Спросимъ теперь редакцію „Русскаго Вѣстника,“ какъ она по правдѣ думаетъ: можно ли вести „Литературное Обзорѣніе“ съ сотрудниками столь наивными? Мистеръ Тутсъ въ „Домби и сынъ“ Диккенса, тоже очень любившій писать, былъ человекъ благороднѣйшей души, прекраснѣйшаго трудолюбія; но могъ ли онъ быть рецензентомъ?

Имѣтъ ли и впредь сотрудниками въ „Литературномъ Обзорѣніи“ предыдущихъ мистеровъ Тутсовъ, это мы совершенно предоставляемъ усмотрѣнію самого „Русскаго Вѣстника,“ не выражая своего мнѣнія о томъ. Но вотъ по поводу слѣдующей статейки нельзя ужъ намъ будетъ оставить „Русскаго Вѣстника“ безъ добраго совѣта.

Эта слѣдующая статейка — *Два слова объ Академіи Наукъ* Я. Грота. Г. Я. Гротъ — академикъ (по отдѣленію русскаго языка) и защищаетъ Академію, особенно отдѣленіе русскаго языка и словесности, это насъ не удивляетъ. Но какъ онъ защищаетъ это отдѣленіе! прелесть! Вотъ образчикъ. Тѣ, которые нападаютъ на отдѣленіе русскаго языка и словесности не хотятъ (говорить г. Я. Гротъ) соображать разныя обстоятельства въ организаціи Академіи, отъ членовъ ея независящія:

„Извѣстно ли, напримѣръ, публикѣ, что II отдѣленіе, занимающееся русскимъ языкомъ и литературой, существуетъ на совершенно другихъ основаніяхъ, нежели I физико-математическое и III историко-филологическое? Въ послѣднихъ двухъ члены состоятъ на жалованьѣ и многіе изъ нихъ получаютъ въ зданіяхъ Академіи казенныя квартиры. Члены отдѣленія русскаго языка не имѣютъ ни жалованья, ни квартиръ, и посвящаютъ себя академическимъ трудамъ изъ чести. Они получаютъ умѣренную плату только за самую не существенную часть своей академической дѣятельности, то есть за присутствіе въ засѣданіяхъ, да въ случаѣ печатанія трудовъ своихъ въ изданіяхъ отдѣленія — имѣютъ право на скудный гонорарій.“

Вотъ наивность-то. Ученому содружеству говорятъ, что труды его изъ-рукъ-вонъ плохи; а членъ ученаго содружества плачется передъ публикою, что мало даютъ имъ награды за труды:

«Подайте мальчику на хлѣбъ, —
Онъ Вилизарія питаетъ.»

Дайте, дайте намъ по 1500 руб. жалованья съ казенною квартирою, — вѣдь мы русскій народъ питаемъ лексиконами, грамматиками и другими прекрасными трудами. Нѣтъ, тутъ наивность переступаетъ уже предѣлы приличія. Каждый встрѣчный, по прочтеніи статейки г. Я. Грота, удостовѣритъ редакцію „Русскаго Вѣстника“, что мы даемъ ей чистосердечный, доброжелательный и совершенно вѣрный совѣтъ, совѣтуя ей отнынѣ и во вѣки вѣковъ не печатать статей г. Я. Грота. Онъ быть можетъ полезнѣйшій членъ отдѣленія русскаго языка и словесности; онъ безъ всякаго сомнѣнія — добродѣтельнѣйшій человѣкъ (только добродѣтельные возвышаются до такой трогательной простоты душевной), — только, воля ваша, статьи его неприличны.

VI.

Но вотъ капиталнѣйшая статья полемическаго отдѣла IV книжки „Русскаго Вѣстника“: „Изъ науки о человѣческомъ духѣ. П. Юркевича. Труды Кіевской Духовной Академіи. 1860.“ Въ „старыхъ богахъ и новыхъ богахъ“ „Русскій Вѣстникъ“ обѣщаль напечатать обширное извлеченіе изъ образцовой статьи

г. Юркевича, мыслителя глубокаго, превосходнаго. Теперь онъ исполняетъ свое обѣщаніе. Въ IV книжкѣ онъ помѣстилъ начало извлеченія, а въ V хочетъ представить конецъ. Извлеченію предшествуетъ предисловіе отъ самого „Русскаго Вѣстника,“ — я это предисловіе прочелъ и тѣмъ удовольствовался. Дѣло для меня уже ясно изъ одного предисловія.

Статья г. Юркевича написана, какъ оказывается, въ опроверженіе моей статьи объ „антропологическомъ принципѣ.“ Это опроверженіе помѣщено въ журналѣ, издаваемомъ кievскою духовною академіею, а самъ г. Юркевичъ — профессоръ этой академіи.

Я самъ — семинаристъ. Я знаю по опыту положеніе людей, воспитывающихся, какъ воспитывался г. Юркевичъ. Я видѣлъ людей, занимающихъ такое положеніе, какъ онъ. Потому смѣяться надъ нимъ мнѣ тяжело: это значило бы смѣяться надъ невозможностью имѣть въ рукахъ порядочныя книги, надъ совершенною беспомощностью въ дѣлѣ своего развитія, надъ положеніемъ, невообразимо стѣсненнымъ во всѣхъ возможныхъ отношеніяхъ.

Я не знаю, какихъ лѣтъ г. Юркевичъ; если онъ уже не молодой человѣкъ, заботиться о немъ поздно. Но если онъ еще молодъ, я съ удовольствіемъ предлагаю ему тотъ небольшой запасъ книгъ, какимъ располагаю.

О г. Юркевичѣ я кончилъ этимъ. Но „Русскій Вѣстникъ“ — о немъ я еще не кончилъ, потому что долженъ сказать ему, что онъ (конечно, непреднамеренно) поступилъ съ г. Юркевичемъ не хорошо. Всѣ мы, семинаристы, писали точно то же, что написалъ г. Юркевичъ. Если угодно, я могу доставить въ редакцію „Русскаго Вѣстника“ такъ-называемыя на семинарскомъ языкѣ „задачи,“ то есть сочиненія, маленькія диссертации, писанныя мною, когда я учился въ философскомъ классѣ Саратовской семинаріи. Редакція можетъ удостовѣриться, что въ этихъ „задачахъ“ написано то же самое, что должно быть написано въ статьѣ г. Юркевича, — да, я увѣренъ, что въ ней написано то же самое, хотя я еще не читалъ ея, и не прочту ея, не прочту и всего извлеченія, напечатаннаго въ „Русскомъ Вѣстникѣ,“ а прочту

въ корректурѣ тотъ отрывокъ изъ извлеченія, который отмѣтилъ я для вставки въ эту статью. Я впередъ знаю все, что я прочту въ немъ, все до послѣдняго слова, и очень многое помню наизусть. Извѣстно, какъ пишутся эти вещи, что пишется въ этихъ вещахъ, — то есть извѣстно это намъ, семинаристамъ. Другіе могутъ считать это новымъ, — могутъ, пожалуй, считать хорошимъ, какъ имъ угодно. А мы знаемъ, что это такое.

Если положеніе г. Юркевича измѣнится, то очень скоро ему станетъ непріятно вспоминать о своей статьѣ. Но еслибъ она осталась только въ „Трудахъ,“ она осталась бы неизвѣстна публикѣ. „Русскій Вѣстникъ“ своимъ извлеченіемъ компрометируетъ его передъ публикой.

Мнѣ хотѣлось бы не приводить отрывковъ изъ этого несчастнаго извлеченія. Но я обязанъ передъ „Русскимъ Вѣстникомъ“ сдѣлать это: вѣдь ему кажется, что я опровергнуть статью г. Юркевича; я не въ правѣ скрывать отъ своихъ читателей эту статью, опровергнувшую меня, по увѣренію „Русскаго Вѣстника.“

Я не имѣю права перепечатывать больше, какъ третью часть статьи. Я вполне долженъ воспользоваться своимъ правомъ. Статья имѣетъ 27 страницъ. Я перепечатаваю изъ нихъ 9, начиная съ того мѣста, гдѣ рѣчь обращается отъ общихъ разсужденій прямо ко мнѣ. Пришлось такъ, что послѣдніи строки послѣдней страницы, до конца которой доходить мое право перепечатки, не заключаютъ въ себѣ полного періода, и въ концѣ послѣдней строки стоитъ только половина слова, другая половина котораго переносится на слѣдующую страницу. Что дѣлать, брать со слѣдующей страницы я не имѣю уже права, а до конца этой страницы я обязанъ воспользоваться вполне своимъ правомъ, чтобы не лишить читателя ни одной буквы изъ той части побѣдоноснаго опроверженія моихъ мыслей, которую могу сообщать ему.

„Гдѣ рубка, тамъ летятъ щепки (говорить „Русскій Вѣстникъ“); гдѣ горячо и живо идетъ работа, тамъ возникаютъ и односторонности и ошибки, которыя не мѣшаютъ однако дѣлу подвигаться впередъ. Въ горячей работѣ часто некогда бываетъ осмотрѣться вокругъ, подвергнуть должной критикѣ

свою мысль, и мы часто видимъ людей, заслуживающихъ полнаго уваженія, дѣльныхъ ученыхъ и испытателей, открывающихъ въ своей наукѣ новые горизонты, съ смутными понятіями о собственномъ дѣлѣ, съ теоріями, не выдерживающими никакой критики; но нелѣпости, въ которыя они впадаютъ, поучительны и интересны. Эти нелѣпости—въ то же время факты, образующіеся изъ извѣстныхъ условій и любопытные для психологическаго наблюденія. Фохту, Мошотту позволительно до нѣкоторой степени не отдавать себѣ должнаго отчета въ собственной точкѣ зрѣнія: занятые дѣломъ, которое въ ихъ рукахъ плодотворно и полезно, они не находятъ въ своемъ умѣ ни времени, ни мѣста анализировать свои понятія. Но весьма жаль видѣть людей, которые были бы способны къ чему нибудь лучшему, но которые вчужѣ хватаются отовсюду все, что только есть односторонняго, фальшиваго и нелѣпаго, и въ этомъ полагаютъ всю мудрость, послѣднее слово знанія и мысли. Кто не помнитъ изъ временъ своей школьной жизни, съ какою жадностью дѣтскіе умы хватаются именно за то, въ чемъ нѣтъ никакого смысла, но что плѣняетъ ихъ своею рѣзкостью? Что естественно въ дѣтскомъ возрастѣ, то жалко въ зрѣломъ; что у мѣста въ школѣ, то нелѣпо въ литературѣ.

„Сочиненіе г. Юркевича вызвано нѣкоторыми статьями, появившимися въ нашихъ журналахъ по вопросамъ антропологическимъ. У насъ нѣтъ ни психологіи, ни физиологіи, но есть литературныя мечтанія о томъ и о другомъ; точно такъ же, какъ у насъ нѣтъ политической экономіи, а есть литературныя мечтанія о наилучшемъ устройствѣ человѣческаго общества; точно такъ же, какъ у насъ нѣтъ ни политическихъ наукъ, ни политической жизни, но за то появляются корреспонденціи о *говорильняхъ*, весьма похожія по своему грубому цинизму на донесенія нашихъ старинныхъ русаковъ, ѣзжавшихъ за-границу съ дипломатическими порученіями, хотя безъ ихъ простодушной наивности, а взамѣнъ того съ фанфаронствомъ юнаго ума, ни въ чемъ неповиннаго, но вообразившаго себѣ, что онъ все испыталъ, все извѣдалъ, утомился подъ бременемъ знанія и опыта, и во всемъ видитъ суету суетствій.

„Ближайшимъ поводомъ къ труду г. Юркевича послужили статьи, напечатанныя въ № 4 и 5 „Современника“, за 1860 годъ, подъ заглавіемъ: *Антропологическій принципъ философіи*. Замѣчательный трудъ г. Юркевича, несмотря на свой полемическій поводъ, представляетъ самостоятельный интересъ, и полемическій поводъ послужилъ автору только къ тому, чтобы высказаться опредѣлительнѣе и явственнѣе. Въ своей поле-

миѣ авторъ обнаруживаетъ очень тонкій тактъ. Онъ не прибѣгаетъ ни къ какимъ постороннимъ топикамъ; онъ не взводитъ никакихъ обвиненій, онъ беретъ мысль и судить ее по законамъ мысли; разбирая теорію, онъ имѣетъ въ виду только опредѣлить, объясняетъ ли она то, что общаетъ объяснить. Съ благородною деликатностью онъ тщательно устраняетъ и предупреждаетъ все, что могло бы быть истолковано къ невыгодѣ разбираемыхъ статей съ какихъ либо точекъ зрѣнія, кромѣ чисто научныхъ. „Статьи: *Антропологическій принципъ философіи*, говоритъ онъ, какъ бы обращаясь къ своимъ слушателямъ въ духовной академіи, относятся къ философіи реализма, которая сдѣлала въ наше время такъ много отертой въ области душевной жизни, подарила намъ такими точными анализами явленій человѣческаго духа, что, по всей вѣроятности, это направленіе, рано или поздно, должно представить большіе интересы для самого богословія. Мы увѣрены, что науки богословскія особенно нуждаются въ точныхъ психологическихъ наблюденіяхъ и вѣрныхъ теоріяхъ душевной жизни. Въ этомъ отношеніи, повторяемъ, современный философскій реализмъ есть явленіе, мимо котораго богословъ не можетъ проходить равнодушно: онъ долженъ изучать эту философію опыта, если онъ хочетъ успѣха своему собственному дѣлу.“

„Но разбирая упомянутыя статьи съ точки зрѣнія логики и науки, г. Юркевичъ изобличаетъ всю фальшь, заключающуюся въ основѣ этихъ фразъ, повторяемыхъ съ чужаго голоса; полемическій тонъ его возвышается по мѣрѣ изложенія дѣла, и переходитъ къ концу въ безошадный, но вполне мотивированный приговоръ.“

„Такого рода труды, какъ г. Юркевича, большая рѣдкость въ нашей литературѣ. Статья эта неизвѣстна публикѣ, потому что напечатана въ изданіи, почти не обращающемся въ ней. А потому мы думаемъ оказать услугу нашимъ читателямъ, если представимъ сколько можно болѣе обширныя выписки изъ этого труда. Сначала мы ограничимся лишь первымъ отдѣломъ его, гдѣ рѣчь идетъ о томъ вопросѣ, котораго вкратцѣ коснулись мы въ нашихъ вступительныхъ строкахъ: и чтобы не утомлять читателей, не привыкшихъ къ развитію подобныхъ вопросовъ, мы отложимъ выдержки изъ другой его половины до слѣдующей книжки нашего журнала.“

„Сказавъ нѣсколько вступительныхъ словъ и объяснивъ поводъ своего труда, г. Юркевичъ продолжаетъ:

„Психологія не можетъ получать своего матеріала ни откуда, кромѣ внутренняго опыта. Ощущенія или представленія, чувствованія и стремленія суть такой матеріаль, котораго вы

нигдѣ не отыщете во внѣшнемъ опытѣ, и слѣдовательно ни въ какой области естествознанія. Правда, что психологія не можетъ рѣшить своей задачи безъ пособія физиологіи и даже механической физики, потому что условія для опредѣленныхъ измѣненій душевныхъ явленій лежатъ первѣе всего въ измѣненіяхъ живаго тѣла: въ этомъ отношеніи она пользуется результатами физиологіи, сравниваетъ явленія физиологическія съ душевными, и опредѣляетъ такимъ образомъ ихъ взаимную зависимость. Если это означаетъ, что она получаетъ свой матеріалъ изъ области физиологіи, то справедливо сказать, что и физиологія получаетъ свой матеріалъ изъ психологіи въ такомъ же смыслѣ: эти двѣ науки взаимно вліяютъ одна на другую, и успѣхи въ одной изъ нихъ поведутъ къ успѣхамъ въ другой. Тѣмъ не менѣе каждая изъ нихъ имѣетъ свой собственный матеріалъ и увеличиваетъ этотъ матеріалъ изъ областей только ей доступной. Предметъ психологіи данъ во внутреннемъ самовозрѣніи, естественныя науки не могутъ дать ей этого предмета, не могутъ увеличить этого матеріала. Такъ, на примѣръ, оптика, развитая математически, изъясняетъ только положеніе рисунка въ нашемъ глазѣ и различныя направленія глазныхъ осей во время видѣнія; но она ничего не знаетъ объ этомъ видѣніи, для нея глазъ есть зеркало, отражающее предметы, а не органъ видѣнія. Только психологъ, наблюдающій внутренно, можетъ сказать, что въ то время, какъ оптикъ замѣчаетъ на тѣлѣ глаза изображенія опредѣленной величины и видитъ, что самое тѣло глаза получило опредѣленное направленіе, душа представляетъ такой-то предметъ, въ такомъ-то цвѣтѣ, на такомъ-то разстояніи и т. д. Также точно для акустики, которая развита математически, ухо есть только тѣлесный снарядъ, приходящій въ правильныя сотрясенія, когда ударяютъ на него волны воздуха; но что душа слышитъ, по поводу сотрясенія этого снаряда, бой барабана или музыкальную мелодію, объ этомъ акустика ничего не знаетъ. Это ясное и понятное раздѣленіе между предметами, извѣстными изъ опыта внутреннего, и предметами, извѣстными изъ опыта внѣшняго, совершенно выпущено изъ виду сочинителемъ разбираемыхъ нами статей, и вотъ почему онъ говоритъ такъ безусловно о матеріалахъ, которые представляютъ естественныя науки для рѣшенія вопросовъ нравственныхъ. „Физиологія, говоритъ сочинитель—раздѣляетъ многосложный процессъ, происходящій въ живомъ человѣческомъ организмѣ, на нѣсколько частей, изъ которыхъ самыя замѣтныя: дыханіе, питаніе, кровообращеніе, движеніе, ощущеніе.“

„Кто никогда не былъ въ анатомическомъ театрѣ, тотъ, на основаніи этихъ словъ, можетъ вообразить что тамъ профессоръ анатоміи показываетъ простому или вооруженному глазу слушателей систему пищеварительныхъ органовъ, кишекъ, нервовъ и систему ощущеній, слѣдовательно систему представленій и мыслей, страданій и радостей, мечтаній и надеждъ. Въ приведенныхъ словахъ сочинитель, кажется, ясно говоритъ, что ощущеніе есть предметъ, такъ же данный для внѣшняго физиологическаго опыта, какъ сжатіе и растяженіе мускуловъ, движеніе крови, химическая переработка пищи въ желудкѣ и т. д.

„Такимъ образомъ онъ раздѣляетъ основное заблужденіе или обольщеніе тѣхъ физиологовъ, которые въ послѣднее время думали замѣнить физиологіей такъ-называемую прежде психологію. Теперь мы видимъ почему онъ признаетъ за нравственными науками такое же достоинство точности и совершенства, какими отличается, напримѣръ, химія: съ его точки зрѣнія успѣхи этихъ наукъ находятся въ рукахъ естествознанія, или, опредѣленнѣе, физиологія своими средствами внѣшняго наблюденія изъясняетъ натуру тѣхъ предметовъ, которые, по мнѣнію психологовъ, вовсе не существуютъ для внѣшняго наблюденія. „Основаніемъ для той части философіи, говоритъ сочинитель, которая разсматриваетъ вопросы о человѣкѣ, точно также служатъ естественныя науки, какъ и для другой части, разсматривающей вопросы о внѣшней природѣ. Принципомъ философскаго воззрѣнія на человѣческую жизнь со всѣми ея феноменами служить выработанная естественными науками идея о единствѣ человѣческаго организма; наблюденіями физиологовъ, зоологовъ и медиковъ отстранена всякая мысль о дуализмѣ человѣка. Философія видитъ въ немъ то, что видитъ медицина, физиологія, химія; эти науки доказываютъ, что никакого дуализма въ человѣкѣ не видно, а философія прибавляетъ, что еслибы человѣкъ имѣлъ, кромѣ реальной своей природы, другую натуру, то эта другая натура непременно обнаружилась бы въ чемъ нибудь, и такъ какъ она не обнаруживается ни въ чемъ, такъ какъ все, происходящее и проявляющееся въ человѣкѣ, происходитъ по одной реальной его натурѣ, то другой природы въ немъ нѣтъ.

„Этотъ текстъ очень опредѣленно показываетъ, что для его сочинителя нравственныя, или философскія науки суть только другое названіе для наукъ естественныхъ, которыя изъясняютъ всѣ предметы, доселѣ входившіе въ область философіи. Въ человѣческомъ организмѣ „философія видитъ то, что видятъ медицина, физиологія, химія.“ Какая же на-

добность въ этой наукѣ, которая еще разъ видитъ то, что уже прежде ея увидѣли другія науки? Къ довазательствамъ медицины, химіи и фзіологіи, что „никакого дуализма въ человѣкѣ не видно, философія прибавляетъ, что еслибы чело- вѣкъ имѣлъ, кромѣ реальной своей природы, другую природу, то эта другая природа непременно обнаруживалась бы въ чемъ нибудь, и такъ какъ она не обнаруживается ни въ чемъ... то другой природы нѣтъ въ немъ.“ И такъ, вотъ для чего нужна философія: она нужна, чтобы сдѣлать прибавленіе къ ученію естествознанія о единствѣ чело- вѣческаго орга- низма, — прибавленіе, которое можетъ сдѣлать и безъ нея даже самая пустая голова, какъ только ей удастся понять этотъ выводъ естествознанія, что въ чело- вѣкѣ не видно ни- какого дуализма. По всему замѣтно, что сочинитель не сое- диняетъ никакого опредѣленнаго понятія съ словами: *нрав- ственная наука и философія*: и этого надобно было ожидать послѣ того, какъ онъ поставилъ ощущеніе, слѣдовательно представленіе и системы чело- вѣческихъ мыслей, а съ ними и всѣ ряды чувствованій и стремленій, въ кругъ фзіологиче- скихъ предметовъ, данныхъ для внѣшняго опыта, какъ будто представленія и мысли существуютъ для глаза, который ви- дитъ ихъ въ пространствѣ съ фигурами и красками, для руки, которая беретъ и поднимаетъ ихъ, для носа, который обню- хиваетъ ихъ и т. д.

„Послѣ этого ничего нѣтъ страннаго, если сочинитель выдаетъ за научныя истины психологіи, какъ точной науки, такія положенія, которыя вовсе не суть произведенія строгаго анализа. Такъ напримѣръ, онъ пишетъ;

„Психологія говоритъ, что самымъ изобильнымъ источни- комъ обнаруженія злыхъ качествъ служить недостаточность средствъ къ удовлетворенію потребностей, что чело- вѣкъ по- ступаетъ дурно, то есть вредитъ другимъ, почти только тогда, когда принужденъ лишиться ихъ чего нибудь, чтобы не остаться самому безъ вещи для него нужной... Психологія прибавляетъ также, что чело- вѣческія потребности раздѣляются на чрезвы- чайно различныя степени по своей силѣ: самая настоятель- нѣйшая потребность каждаго чело- вѣческаго организма состо- итъ въ томъ, чтобы дышать... Послѣ потребности дышать (продолжаетъ психологія) самая настоятельная потребность чело- вѣка ѣсть и пить.“

„Спрашиваемъ, нужна ли тутъ психологія и притомъ, какъ точная наука, чтобы повторить то, что извѣстно всякому простому и не ученому смыслу? Что скажетъ естествоиспы- татель, если онъ послушаетъ объ этихъ великихъ открытіяхъ

строгаго психологическаго анализа, именно, что голодь заставляеть челоуѣка воровать, особенно же, что челоуѣкъ имѣеть потребность дышать, ѣсть и пить?

„Между тѣмъ главная мысль, которая служитъ для сочинителя основаніемъ всѣхъ его изслѣдованій о челоуѣкѣ, имѣеть свой особенный интересъ. „Принципомъ философскаго воззрѣнія на челоуѣческую жизнь. говоритъ онъ, со всѣми ея феноменами служитъ выработанная естественными науками идея о единствѣ челоуѣческаго организма; наблюденіями фізіологовъ, зоологовъ и медиковъ отстранена всякая мысль о дуализмѣ челоуѣка.“ Говоримъ, что эта мысль имѣеть свой особенный интересъ, потому что она отдѣляетъ научное знаніе о челоуѣкѣ отъ представленій общаго смысла.

„Когда греческій философъ Платонъ училъ, что тѣло челоуѣка создано изъ вѣчной матеріи, которая не имѣеть ничего общаго съ духомъ, то онъ такимъ образомъ допускалъ дуализмъ *метафизическій*, какъ въ составѣ міра вообще, такъ и въ составѣ челоуѣка. Христіанское міросозерцаніе отстранило этотъ метафизическій дуализмъ: матерію признаеть оно произведеніемъ духа; слѣдовательно, она должна носить на себѣ слѣды духовнаго начала, изъ котораго произошла она. Въ явленіяхъ матеріальныхъ вы видите форму, законообразность, присутствіе цѣли и идеи. Если челоуѣческій духъ развивается въ матеріальномъ тѣлѣ, если его совершенствованіе связано съ состояніями тѣлесныхъ возрастовъ; то эта связь не есть насильственная, положенная безпредѣльнымъ произволомъ божественной воли: она опредѣляется смысломъ челоуѣческой жизни, ея назначеніемъ, или идеей. Матерія, какъ говоритъ Шеллингъ, стремится, порывается родить духъ: она неравнодушна къ цѣлямъ духа, она имѣеть первоначальное и внутреннее отношеніе къ нимъ. Изучите хорошо тѣлесный организмъ челоуѣка, и вы можете отгадать, какія формы внутренней, духовной жизни соотвѣтствуютъ ему. Изучите хорошо эту внутреннюю жизнь, и вы можете отгадать, какой тѣлесный организмъ соотвѣтствуетъ ей. И такъ, если сочинитель говоритъ, что „наблюденіями фізіологовъ, зоологовъ и медиковъ отстранена всякая мысль о дуализмѣ челоуѣка;“ то противъ этого нельзя возражать безусловно. Только мы хотѣли бы опредѣленно знать, о какомъ дуализмѣ говорится здѣсь.

„Извѣстно, что послѣ устраниенія дуализма *метафизическаго* остается еще дуализмъ *тосеологическій*, дуализмъ знанія. Сколько бы мы не толковали о единствѣ челоуѣческаго организма, всегда мы будемъ познавать челоуѣческое существо двоею:

внѣшними чувствами — тѣло и его органы, и внутреннимъ чувствомъ — душевныя явленія. Въ первомъ случаѣ мы будемъ имѣть фізіологическое познаніе о человѣческомъ тѣлѣ, а во второмъ психологическое познаніе о человѣческомъ духѣ. Или и этотъ дуализмъ устраненъ наблюденіями фізіологовъ, зоологовъ и медиковъ? Нашъ сочинитель, по видимому, отвѣчаетъ на этотъ вопросъ положительно. Какъ мы видѣли, онъ относитъ ощущеніе къ предметамъ фізіологіи наравнѣ съ системою кишекъ, мускуловъ, нервовъ и т. д. Слово: *дуализмъ*, какъ кажется, напугало его, и онъ уже не могъ объяснить себѣ, какъ и откуда психологія знаетъ о своихъ предметахъ.

„Кажется ясно, что мысль не имѣетъ пространственнаго протяженія, ни пространственнаго движенія, не имѣетъ фигуры, цвѣта, звука, запаха, вкуса; не имѣетъ ни тяжести, ни температуры; и такъ фізіологъ не можетъ наблюдать ее ни однимъ изъ своихъ тѣлесныхъ чувствъ. Только внутренно, только въ непосредственномъ самовозрѣніи онъ знаетъ себя, какъ существо мыслящее, чувствующее, стремящееся. Эти двѣ величины, то есть предметы внѣшняго и внутренняго опыта суть, какъ говорятъ психологи, несоизмѣримы: научнаго, послѣдовательнаго перехода отъ одной изъ нихъ къ другой вы не отыщете. Фізіологъ будетъ наблюдать самыя сложныя движенія нервовъ: но все же эти движенія, пока они существуютъ для внѣшняго опыта, то есть, пока они суть пространственныя движенія, происходящія между матеріальными элементами, не превратятся въ ощущеніе, представленіе и мысль. Сочинитель говоритъ: „мы знаемъ, что ощущеніе принадлежитъ извѣстнымъ нервамъ, движеніе другимъ.“ Разберите это выраженіе. Когда внѣшній толчокъ дѣйствуетъ на нервъ, то будетъ ли это нервъ ощущенія, или нервъ движенія, все равно, онъ по поводу этого толчка придетъ въ движеніе, или сотрясеніе: это мы наблюдаемъ въ фізіологическомъ опытѣ. Итакъ нужно сказать: мы знаемъ, что всякій нервъ приходитъ въ движеніе по поводу внѣшняго впечатлѣнія. Но что „извѣстнымъ нервамъ принадлежитъ ощущеніе,“ этого мы вовсе не знаемъ изъ фізіологическаго опыта, потому что и эти „извѣстные нервы“ представляютъ для внѣшняго фізіологическаго опыта только движеніе, которое никогда не превращается на глазахъ наблюдающаго фізіолога въ ощущеніе, представленіе и мысль. Или, какъ мы сказали выше, здѣсь фізіологія получаетъ свой матеріалъ отъ психологіи. Только сравнивая опыты фізіологическіе и психологическіе, мы убѣждаемся, что видѣніе такихъ-то и такихъ цвѣтовъ, слышаніе

такихъ-то и такихъ тоновъ возможны для души только подъ условіемъ опредѣленныхъ движеній зрительнаго и слуховаго нервовъ.

„Но кто утверждаетъ, что самое это движеніе зрительнаго и слуховаго нервовъ есть уже ощущеніе опредѣленной краски и опредѣленнаго тона, тотъ не говоритъ ни одного яснаго слова. Попробуйте провести въ мышленіи и построить въ воззрѣніи, какимъ это образомъ пространственное движеніе нерва, которое при всѣхъ усложненіяхъ должно бы, повидимому, оставаться пространственнымъ движеніемъ нерва, превращается въ непространственное ощущеніе, или въ желаніе. Положимъ, что вы слышали ученіе физики о зависимости объема тѣла отъ его температуры и о томъ, что съ измѣненіемъ его температуры *необходимо* измѣняется и его объемъ: что сказали бы о васъ, если бы вы превратили это отношеніе *необходимой* связи въ отношеніе *тождества* и стали разсуждать: температура тѣла превращается въ объемъ тѣла, объемъ тѣла есть не что иное, какъ его температура? А между тѣмъ ученіе нынѣшнихъ физиологовъ о томъ, что ощущеніе души есть не что иное, какъ движеніе нервовъ, основано именно на этомъ превращеніи *необходимой* зависимости явленій въ ихъ *тождество*. Если бы насъ спросили, какимъ образомъ температура *начинаетъ* быть объемомъ, то намъ пришлось бы отвѣчать: она никакъ не *начинаетъ* быть объемомъ; только по необходимому физическому закону она производитъ измѣненія въ тѣлѣ, которое *безъ* объема немыслимо. Такимъ же образомъ и на вопросъ: какъ движеніе нерва *начинаетъ* быть ощущеніемъ, мы должны были бы отвѣчать, что движеніе нерва никакъ *не* *начинаетъ* быть ощущеніемъ, что оно всегда остается движеніемъ нерва, только по необходимому закону (физическому или метафизическому, — объ этомъ спорятъ еще) это движеніе нерва производитъ измѣненія въ душѣ, которая немыслима безъ ощущеній, чувствъ и стремленій. Итакъ, если говорятъ, что движеніе нерва *превращается* въ ощущеніе, то здѣсь всегда обходятъ того дѣятеля, который обладаетъ этою чудною *превращающею* силой, или который имѣетъ способность и свойство рождать въ себѣ ощущеніе по поводу движенія нерва; а само это движеніе, какъ понятно, не имѣетъ въ себѣ ни возможности, ни потребности быть чѣмъ либо другимъ, кромѣ движенія.

„Странно и однако же справедливо, что сочинитель, такъ много говорящій въ своихъ статьяхъ о естественныхъ наукахъ, не имѣетъ яснаго представленія о ихъ методѣ, о ихъ предметѣ. Если философіи противопоставляются точныя науки,

то подь этими послѣдними разумѣются въ такомъ случаѣ науки опытныхъ, слѣдовательно занимающіяся явлениями и не касающіяся вопроса о метафизической сущности вещей. Теперь опытная психологія и требуетъ признать только это феноменальное, или психологическое различіе, по которому вся предметъ, какъ данный во внутреннемъ опытѣ, не имѣетъ ничего сходнаго общаго съ предметами внѣшняго наблюденія. Только на этомъ предположеніи возможна точная наука о душѣ, то есть о душѣ, какъ опредѣленномъ явленіи, подлежащемъ нашему наблюденію. Всякій дальнѣйшій вопросъ о сущности этого явленія, вопросъ о томъ, не сходятся ли разности матеріальныхъ и душевныхъ явленій въ высшемъ единствѣ и не суть ли онѣ простое послѣдствіе нашего ограниченнаго познанія, — поколику оно не постигаетъ подлинной, однородной, тождественной съ собою сущности вещей, — всѣ эти вопросы принадлежатъ метафизикѣ и равно не могутъ быть разрѣшены никакою частною наукою. Въ настоящее время, однако же, химія и физиологія нерѣдко берутся за рѣшеніе этихъ вопросовъ о сверхчувственной основѣ вещей, какъ будто эту сверхчувственную основу можно увидѣть въ химической лабораторіи или въ анатомическомъ театрѣ. Такъ, если физиологія говорить намъ о единствѣ нервныхъ процессовъ и душевныхъ явленій, то этимъ она не выражаетъ, что душевные явленія должны представиться намъ въ научномъ опытѣ нервными процессами, или что нервные процессы должны представиться намъ въ научномъ опытѣ душевными явленіями: нѣтъ, разности, опытно данная, между представленіями и нервными процессами остаются такими же на концѣ науки, какими были онѣ въ началѣ ея. Итакъ, ученіемъ объ этомъ единствѣ она только выражаетъ метафизическую мысль о сверхчувственномъ тождествѣ явленій матеріальнаго и духовнаго порядка: слѣдовательно она даетъ намъ мысль, которую ни утверждать, ни отрицать она не имѣетъ основанія. Нашъ сочинитель такъ же не различаетъ вопросовъ метафизическихъ отъ вопросовъ, рѣшеніе которыхъ принадлежитъ точнымъ или опытнымъ наукамъ. Онъ говоритъ: „принципомъ философскаго воззрѣнія на человѣческую жизнь со всѣми ея феноменами служитъ выработанная естественными науками идея о единствѣ чело- вѣческаго организма.“ Кто знакомъ съ естествознаніемъ и философіею, тому извѣстно, что это понятіе и это слово *единство* имѣетъ чарующую прелесть для метафизика и почти не имѣетъ никакого значенія для естествоиспытателя. Успѣхъ естествознанія основанъ на томъ, что оно разрѣшаетъ всякое единство, всякую сущность, всякій субъектъ, всякій организмъ

на *отношенія*, потому что только въ такомъ случаѣ оно можетъ подводить наблюдаемое явленіе подъ математическія пропорціи. Итакъ несправедливо, что идея единства человѣческаго организма выработана естественными науками. Правда, что нѣкоторые физиологи допускали особый принципъ органической жизни подъ именемъ жизненной силы: съ этой точки зрѣнія можно говорить о единствѣ человѣческаго организма, потому что жизненная сила доставляла бы различнымъ матеріямъ организма то внутреннее и дѣйствительное единство, вакого они, какъ матеріальныя частицы, не могутъ имѣть сами по себѣ. Но извѣстно, какъ надобно думать объ этой жизненной силѣ, которую нельзя ни разложить никакимъ анализомъ, ни подвести подъ математическія пропорціи: какъ простое, какъ абсолютное, оно не можетъ идти въ соображеніе при эмпирическихъ наблюденіяхъ, хотя бы метафизика и доказала, что предположеніе такой силы необходимо.

„Замѣчательнымъ образомъ сходятся при вопросѣ о единствѣ человѣческаго организма естествознаніе и философія въ ихъ современномъ положеніи. Физиологія и химія разлагаютъ это единство на множество матеріальныхъ частей, которыя въ своихъ движеніяхъ подчинены общимъ физическимъ, а не частнымъ органическимъ законамъ. Итакъ, единство человѣческаго организма есть для нихъ феноменъ, есть нѣчто являющееся, кажущееся. Но откуда происходитъ этотъ феноменъ? Отчего множество представляется *намъ* какъ единство? Отчего капли дождя представляются *намъ* какъ радуга, а не какъ капли дождя? Отчего матеріальныя частицы, не имѣющія между собою внутренняго единства и сочетавающіяся по общимъ физическимъ законамъ, представляются *намъ* какъ единство, какъ цѣлость, какъ одинъ, въ себѣ законченный образъ? На эти вопросы отвѣчаетъ философія и притомъ съ математическою достовѣрностію: это происходитъ отъ свойствъ зри.....“

На этотъ разъ довольно; и о „Русскомъ Вѣстникѣ,“ пока, тоже довольно. Въ слѣдующій разъ развлекусь „Отечественными Записками.“

КОЛЛЕКЦІЯ ВТОРАЯ. *)

КРАСОТЫ СОБРАННЫЯ ИЗЪ

„ОТЕЧЕСТВЕННЫХЪ ЗАПИСОКЪ.“

I.

Связывать себя обѣщаніями — самое неблагоразумное дѣло. Вотъ, напримѣръ, первое свое полемическое развлеченіе закончилъ я обѣщаніемъ, что въ слѣдующій разъ „поразвлекусь Отечественными Записками.“ Какой скукъ я подвергъ себя этимъ обѣщаніемъ! Вообразите себѣ, вѣдь для составленія коллекціи красоть изъ „Отечественныхъ записокъ,“ я долженъ былъ перелистывать чуть не половину каждой книжки этого журнала за цѣлые полгода, потому что по всѣмъ отдѣламъ, составляющимся постоянными соучастниками редакціи „Отечественныхъ Записокъ,“ разсѣяны въ неисчислимомъ количествѣ выходки противъ „Современника.“ День, два, три дня одолѣвалъ я скуку, — наконецъ, по выраженію поэта,

Не стало силъ, не стало воли.

Просмотрѣвъ прелестныя „Записки праздношатающагося“ въ двухъ первыхъ книжкахъ почтеннаго журнала, я отказался отъ чтенія этого отдѣла въ слѣдующихъ номерахъ. Надобно только разъ поддаться слабости, она все больше будетъ овладѣвать человѣкомъ; послѣ того я и въ другихъ отдѣлахъ журнала все больше и больше листовъ оставлялъ непрочтенными. Такимъ образомъ я не могу сдержать своего обѣщанія вполнѣ. Но прошу „Отечественныя Записки“ не приписывать неполноту коллекціи

*) Современникъ 1861, № 7.

недостатку желанія во мнѣ выставить съ надлежащими похвалами все разнообразіе, остроуміе и глубокомысліе ихъ полемики: усердія во мнѣ было много; но только Ливингстонъ могъ бы пройти такую обширную пустыню не утомляясь, и вынести изъ нея образцы всѣхъ странныхъ произведеній, встрѣчающихся въ ней. Я ограничу свое изслѣдованіе лишь двумя-тремя прекраснѣйшими оазисами, предварительно сказавъ нѣсколько словъ о характерѣ остальной страны, которую едва могъ я окинуть взоромъ.

Страна эта велика и обширна, но порядка въ ней нѣтъ. „Отечественныя Записки“ разсуждаютъ объ очень многомъ, очень подробно и очевидно съ прекраснѣйшими намѣреніемъ: заботятся о занимательности, заботятся больше всего о томъ, чтобы выработать себѣ хоть какой нибудь взглядъ на дѣла, о которыхъ толкуютъ вслѣдъ за другими журналами. Но какая-то несчастная судьба мѣшаетъ имъ въ этомъ превосходномъ стремленіи. Онѣ обрѣчены составлять самую милую противоположность „Русскому Вѣстнику“ и „Современнику“ въ этомъ отношеніи. Вы можете не соглашаться съ „Русскимъ Вѣстникомъ“, можете бранить его, если вамъ угодно, но вы видите, какихъ принциповъ держится „Русскій Вѣстникъ“, чего онъ хочетъ и почему онъ хочетъ; вы должны будете признать, что свои идеи проводить онъ послѣдовательно, какъ должно быть. То же самое вы скажете и о „Современникѣ.“ — „Отечественныя Записки“ добиваются, чтобъ объ нихъ можно было сказать то же самое: вотъ, дескать, этотъ журналъ имѣетъ опредѣленное направленіе, идетъ къ извѣстной цѣли, понимаетъ, чего хочетъ. Но никакъ не могутъ „Отечественныя Записки“ добиться этого: чего-чего не набито въ нихъ сплошь и рядомъ: западничество и славянофильство, умѣренность и крайній образъ мыслей, и все это обито непроницаемымъ туманомъ. Какъ будто соединены листы, вырванные изъ „Русскаго Вѣстника“ и „Современника“, изъ „Русской Бесѣды“ и „Русскаго Слова“, съ обрывками изъ покойнаго „Москвитянина“ и прежнихъ „Отечественныхъ Записокъ“ времени Бѣлинскаго. Не знаемъ, до какой степени правится этотъ пестрый характеръ журнала сотрудникамъ, завѣдующимъ разными отдѣлами его: мы желали бы знать мнѣніе г.

Альбертини о „Запискахъ празднующагося;“ мнѣніе г. Вестужева-Рюмина о статьяхъ г. Лохвицкаго; мнѣніе г. Громеки о статьяхъ г. Дудышкина, и т. д. и т. д. Но по всей вѣроятности нравится эта нестрота „общей редакціи“ „Отечественныхъ Записокъ.“ Если бы намъ, постороннимъ людямъ, необходимо было принять чью-нибудь сторону въ этомъ домашнемъ разладѣ, мы стали бы на сторонѣ гг. Альбертини, Вестужева-Рюмина и Громеки, которые вѣроятно еще могли бы какъ-нибудь идти по одному направленію; когда бы занимался общимъ направленіемъ журнала изъ нихъ ли кто-нибудь или другой кто-нибудь таковой же. А нынѣшнее положеніе этихъ частныхъ редакторовъ должно быть очень затруднительно: одна статья дергается журналу туда, другая сюда; изъ одной статьи слышится отгласъ Аполлона Григорьева, изъ другой статьи отгласъ Дружинина; въ третьей статьѣ раздается задорное козлогласованіе г. Лохвицкаго; четвертая статья написана послѣдователемъ г. Каваліа; такъ что самъ Регель затруднился бы возвести эти разногласія въ синтезу. Мы чрезвычайно полагаемся на добросовѣстность людей, великодушныхъ здраваго смысла; потому надѣемся, что гг. Альбертини, Вестужевъ-Рюминъ и Громека соглашаются съ нами. А если не согласны, то приглашаемъ ихъ заявить печатно, что мы ошибаемся въ ихъ чувствахъ. Да, мы просимъ ихъ объ этомъ, и любя каждый вопросъ ставить такъ, чтобы его рѣшеніе было неизбежно, мы говоримъ, что, если гг. Альбертини, Вестужевъ-Рюминъ и Громека не дадутъ категорическаго отвѣта на вопросъ о существованіи или несуществованіи нескладницы въ „Отечественныхъ Запискахъ“, ихъ молчаніе будетъ всеми принято за согласіе съ нашимъ мнѣніемъ.

Принимая въ соображеніе эту нескладницу, мы считаемъ необходимымъ разсматривать каждый отдѣлъ въ „Отечественныхъ Запискахъ“ особенно отъ другихъ отдѣловъ, какъ особый маленькій журналъ, только шереметенный въ одну толстую книгу; въ нѣсколькихъ другихъ особенныхъ журналахъ, а каждую отдѣльную статью, какъ особенную брошюру, считаемъ съ другими такими же брошюрами по капризу шереметчика.

II.

Первое мѣсто въ ряду журнальцевъ, составляющихъ „Отечественныя Записки“, занимаетъ „Политическое Обзорѣніе“, которымъ завѣдуетъ г. Альбертини. Я не боюсь говорить то, справедливость чего знаетъ и мой противникъ, хотя бы и былъ я увѣренъ, что онъ почтетъ за нужное печатнымъ образомъ отрекаться отъ того, что я говорю. Пусть отпирается, — все равно, людямъ литературнаго круга останется по прежнему извѣстно, а каждому читателю изъ собственныхъ словъ его будетъ видно, что отрывается онъ напрасно. За этимъ предисловіемъ сообщу я слѣдующій фактъ.

Прочитавъ первую мою статью, заканчивавшуюся обѣщаніемъ, что я поразвлежусь „Отечественными Записками“, г. Альбертини потерялъ спокойствіе духа. Онъ мучился страхомъ, что я стану говорить о его полемическихъ подвигахъ противъ „Современника“ такимъ тономъ, какого заслуживаютъ они по всей непристойности. Напрасно боялся онъ этого. Я вовсе не намѣренъ огорчать его. Но за то онъ позволитъ мнѣ пожалѣть о немъ и дать ему совѣтъ, искренность и вѣрность котораго онъ можетъ провѣрить, спросивъ мнѣнія у своихъ друзей.

Есть люди, очень благородные, но чрезмѣрно склонные поддаваться всякимъ безъ разбора внушеніямъ. Они безукоризненно держатъ себя пока живутъ въ обществѣ, гдѣ всѣ также благородны, какъ они сами. Сошедшись съ людьми пошлыми, они иногда дѣлаютъ поступки не совсѣмъ хорошіе подъ чужимъ вліяніемъ. Г. Альбертини — одинъ изъ этихъ людей нетвердаго характера. Онъ сдѣлаетъ очень хорошо, если постарается жить исключительно въ кругу людей благороднаго образа мыслей, какъ жилъ, если не ошибаюсь, до своего переѣзда въ Петербургъ. Пусть онъ спрашиваетъ у нихъ мнѣнія о томъ, что пишетъ. Безъ такой поддержки онъ можетъ вовсе испортиться. Повторяю: пусть онъ спроситъ у своихъ друзей, правду ли я говорю ему.

Боязнь моего заслуженнаго сарказма, конечно, заставляла его въ эти послѣднія недѣли припоминать съ раскаяніемъ тѣ выходки

противъ „Современника,“ до которыхъ унижался онъ. Я увѣренъ, что въ тяжеломъ ожиданіи этой моей статьи онъ внутренно проклиналъ чужія внушенія, которыя подвели его подъ удары, грозившіе ему по его мнѣнію. Пусть онъ успокоится: мнѣ жалъ наказывать его, потому что довольно наказанъ онъ собственнымъ чувствомъ. Я оставляю безъ всякаго упоминовенія нехорошія вещи, которыя онъ писалъ противъ „Современника.“ Я только хочу предостеречь его, чтобы онъ не спѣшилъ впередъ спорить какимъ бы то ни было тономъ — грубымъ ли, деликатнымъ ли, — съ людьми, которые гораздо лучше его знаютъ, что говорить, почему и зачѣмъ говорить. Не приводя его неприличныхъ выраженій, чтобы не позорить публично человѣка, уже стыдящагося въ душѣ, я возьму только основныя мысли изъ одной статейки его противъ „Современника“ и кроткимъ тономъ, безъ всякаго полемическаго оттѣнка, покажу ему, что тотъ, кто дѣлаетъ такія возраженія, ставитъ себя въ невыгодное положеніе. Беру для этого опыта помѣщенныя въ № IV „Отечественныхъ Записокъ“ возраженія противъ „Письма изъ Турина,“ напечатаннаго въ № III „Современника.“

Смысль этого письма кажется очень дуренъ вамъ, г. Альбертини (не любопытствовалъ я узнать, самъ г. Альбертини, или кто другой написалъ пересматриваемую мною діатрибу; но все равно, она помѣщена въ отдѣлѣ, которымъ завѣдуетъ онъ, стало быть онъ отвѣчаетъ за нее). Васъ огорчаютъ наши отзывы о Кавурѣ и о его партіи; вы воображаете, что мы оскорбляемъ итальянскій народъ. Напрасно вы это говорите. Вамъ слѣдовало бы самому знать то, что постараюсь рассказать вамъ въ нѣсколькихъ словахъ.

Въ каждомъ обществѣ есть консерваторы и прогрессисты. Займемся прогрессистами. Между ними есть множество подраздѣленій, но интересъ націи требуетъ, что бы они понимали одинаковость главнаго своего стремленія и соединились въ одно цѣлое для борьбы съ общими своими противниками, отвергающими прогрессъ. Исполняется или не исполняется это важное условіе національнаго блага, зависитъ отъ умѣренныхъ прогрессистовъ. Крайніе прогрессисты такъ преданы дѣлу совершенствованія, что всегда готовы, принося въ жертву и самолюбіе и мелкіе расчеты, поддерживать умѣренныхъ. Если умѣренные прогрессисты одаре-

ны политическимъ тактомъ, они понимаютъ это и принимаютъ союзъ, предлагаемый имъ крайними прогрессистами. Тогда дѣло совершенствованія идетъ на столько успѣшно, на сколько можетъ идти при данномъ состояніи національнаго развитія. Но иногда умѣренные прогрессисты отвергаютъ союзъ. Отъ этого страдаетъ дѣло прогресса, то есть благо націи. Примеры тому и другому представляетъ Англія. Нынѣшній предводитель умѣренныхъ прогрессистовъ въ Англіи — лордъ Пальмерстонъ; крайнихъ прогрессистовъ — Брайтъ. Будемъ для краткости называть эти отдѣлы прогрессивной партіи именами ихъ предводителей. Когда Пальмерстонъ опирается на Брайта, его министерство непоколебимо. Когда онъ отталкиваетъ отъ себя Брайта, онъ теряетъ власть. Умно ли поступаетъ Пальмерстонъ, когда держится въ союзѣ съ Брайтомъ? Умно ли, когда отталкиваетъ его? — Но Пальмерстонъ, какъ бы тамъ ни судили мы о его убѣжденіяхъ и правилахъ, человекъ расчетливый, — а вѣрнѣе сказать, парламентская тактика очень хорошо выработалась въ Англіи; потому Пальмерстонъ постоянно держится въ союзѣ съ Брайтомъ, и если иной разъ по упрямству оттолкнетъ его, тотчасъ же понимаетъ свою ошибку и снѣшить мириться съ нимъ.

Дозволительно ли не благоговѣть передъ мудростью Пальмерстона, г. Альбертини? Если позволительно, тѣмъ больше можно не прѣблоняться передъ Кавуромъ, не имѣвшимъ даже и того такта, который находимъ въ Пальмерстонѣ.

Излагать ли исторію его ошибокъ? Пересматривать весь рядъ ихъ было бы слишкомъ долго; — отсылаемъ г. Альбертини къ статьѣ о Кавурѣ въ № 6 „Современника“; здѣсь вспомнимъ лишь объ ошибкахъ, относящихся лишь къ тому времени, о событіяхъ котораго не говоритъ эта статья, какъ о вещахъ, по ихъ недавности еще незабытыхъ живыми.

Между частями Италіи, соединявшимися въ одно государство, существуетъ споръ объ относительномъ ихъ значеніи для итальянской національности: Миланъ, Флоренція, Болонья, Неаполь, не могутъ уступить первенства другъ другу, тѣмъ менѣе уступить его Турину. Всѣ они согласны уступить первенство только Риму; Кавуръ до послѣдней возможности спорилъ противъ мысли пере-

нести столицу государства въ Римъ, — спорилъ не потому, что рано было думать объ этомъ, а потому, что „Пьемонтъ освободилъ Италію, слѣдовательно столицей Италіи должна остаться столица Пьемонта.“ Кавуръ доказывалъ, что Римъ — городъ прошедшаго, городъ мертвый, что онъ не годится быть столицею. Пусть бы онъ говорилъ, что надобно повременить, что обстоятельства еще не позволяютъ думать о Римѣ, — нѣтъ, онъ доказывалъ по принципу, что общее стремленіе итальянцевъ совершенно ошибочно. Онъ отказался отъ желанія оставить Туринъ вѣчною столицею Итальянскаго королевства только тогда, когда уже возбуждено было въ итальянцахъ много жолчи его сопротивленіемъ. Это ли называется политическимъ тактомъ?

Итальянцы очень раздражаются мыслью, что ихъ страны присоединяются къ Пьемонту не по принципу равноправности, а съ подчиненіемъ Пьемонту, какъ господствующей странѣ. Кавуръ провозглашалъ это подчиненіе съ очень страннымъ самодовольствомъ. Онъ восхищался, когда говорилъ: „мы, пьемонцы, выше всѣхъ васъ остальныхъ итальянцевъ.“ Это ли называется искусствомъ государственнаго человѣка? — Узкость понятій Кавура въ этомъ отношеніи была удивительна. Напримѣръ, гражданскіе и уголовные законы въ Тосканѣ лучше пьемонтскихъ; въ Неаполѣ — также. Кавуръ хотѣлъ замѣнить ихъ пьемонтскими. Это страшно оскорбляло Тоскану и Неаполь. И какимъ путемъ хотѣлъ произвести такую перемѣну Кавуръ! Самымъ безтактнымъ. Онъ хотѣлъ дѣйствовать распоряженіями прямо отъ имени туринскаго министерства. Вся Италія говорила: нужно установить одинаковые законы для всѣхъ частей Италіи; но эти законы пусть будутъ составлены и введены правильнымъ порядкомъ, черезъ парламентъ. Кавуръ не хотѣлъ этого. Почему не хотѣлъ? Понятно было бы, еслибъ онъ опасался, что парламентъ установитъ законы не на тѣхъ принципахъ, какіе считалъ хорошими онъ. Но парламентъ состоялъ изъ его приверженцевъ, дѣйствовалъ бы въ его духѣ. — Опять понятно было бы, если бы Кавуръ былъ непріязненъ парламентской формѣ. Но онъ былъ искреннимъ приверженцемъ ея. Потому его странное противорѣчіе общему желанію

не объясняется ничѣмъ, кромѣ узкости понятій, кромѣ безтактности.

Вещь извѣстная, что для сліянія прежнихъ раздѣльныхъ частей въ одно крѣпкое цѣлое, надобно не оставлять этихъ частей административными единицами, а раздроблять ихъ на мелкіе округи, которые, не имѣя связи между собой, имѣли бы отношеніе прямо къ центральному правительству. Съ этой цѣлью были нѣкогда раздроблены французскія провинціи на департаменты. Въ кабинетѣ Кавура былъ выработанъ проеѣтъ, прямо противорѣчавшій этому простому соображенію. Предполагалось оставить Италію въ административномъ отношеніи раздѣленной на „области“ или „страны,“ соотвѣтствующія, прежнимъ отдѣльнымъ государствамъ. Этотъ проеѣтъ всѣ итальянцы нашли прямо противорѣчающимъ упроченію Итальянскаго королевства. Кавуръ защищалъ его, — даже и не по самолюбію, потому что авторъ проеѣкта былъ не онъ, а министръ внутреннихъ дѣлъ Мингетти, — нѣтъ, по какой-то непостижимой несообразительности. Мингетти самими приверженцами Кавура былъ признанъ за человѣка неспособнаго и непопулярнаго; они сами упрашивали Кавура замѣнить Мингетти кѣмънибудь другимъ, кѣмъ ему угодно, лишь бы кѣмънибудь другимъ. Кавуръ оставилъ Мингетти на мѣстѣ, — хотя бы по какомунибудь личному пристрастію къ Мингетти, — нѣтъ, просто по безтактному упрямству.

Говорить ли объ отношеніяхъ Кавура къ Гарибальди? Пусть бы Кавуру казалось нужно отстранить Гарибальди; но развѣ нельзя было устроить это благовиднымъ образомъ? И развѣ Гарибальди такой человѣкъ, котораго трудно оттѣснить отъ власти? Нѣтъ, онъ самъ готовъ былъ удалиться. Но Кавуръ наносилъ ему мелочныя обиды, рѣшительно ни для чего не нужныя; если, напримѣръ, было два человѣка, которымъ предполагалась одинаковая награда, и если узнавали, что одинъ изъ нихъ хорошъ съ Гарибальди, то отмѣняли назначенную ему награду. Если являлось на какуюнибудь должность два кандидата, одинаково достойныхъ или недостойныхъ ея, и если объ одномъ изъ нихъ узнавали, что у него были непріятности съ Гарибальди, должность давали ему. Если предполагали гдѣнибудь встрѣтить

Гарибальди, то залу, въ которой должна была произойти встрѣча, нарочно старались наполнить людьми, имѣвшими личныя непріятности съ Гарибальди. Что это такое? неужели это достойно серьезнаго человѣка? Кавуръ унижался тутъ до мелочнаго подпусканія шпилекъ, которое простибельно только пустымъ людямъ. Просимъ г. Альбертини понять, что мы тутъ говоримъ не о правахъ Гарибальди, а только о выгодахъ самого Кавура; не о томъ, что Кавуръ поступалъ неблагодарно или неблагородно, а только о томъ, что онъ поступалъ чрезвычайно безтактно. Онъ раздражалъ противъ себя прямодушную массу людей во всѣхъ партіяхъ и даже въ своей собственной этими странными поступками, совершенно неприличными.

А что сказать о сообразительности, какую выказалъ онъ относительно солдатъ бывшей неаполитанской арміи и относительно волонтеровъ Гарибальди? Мы не о томъ говоримъ, можно ли было сформировать порядочное войско изъ бывшихъ неаполитанскихъ солдатъ; положимъ, что нельзя, хотя навѣрное было можно. Мы не о томъ говоримъ, могли ли быть хорошимъ войскомъ волонтеры, — положимъ, что не могли, хотя не только могли, но уже и были. Положимъ, что Кавуръ не ошибся въ мысли о неспособности тѣхъ и другихъ къ военной службѣ, хотя онъ и ошибся въ этомъ. Но благоразумно ли распускать вооруженныхъ людей въ огромномъ количествѣ безъ всякаго надзора, снявъ съ нихъ всякую дисциплину и не приискавъ для нихъ никакихъ средствъ существованія, распускать ихъ въ странѣ, въ которой нѣтъ ни войска, ни даже порядочной полиціи? Каждый знаетъ, что это значить дѣлать ихъ бандитами. Они безпріютны, они голодны, они не прищутъ себѣ никакого промысла, и начинаютъ разбойничать. Это сочинилъ Кавуръ. Онъ сочинилъ тѣ шайки, для истребленія которыхъ посланъ теперь Чальдини съ 50 тысячами войска. Умно ли это? спросимъ мы у г. Альбертини.

Просимъ его сказать также, знаетъ ли онъ, что мы указываемъ на ошибки, сдѣланныя только въ теченіе одного года, и не упоминаемъ о другихъ ошибкахъ, за тотъ же годъ, еще болѣе важныхъ, — не упоминаемъ потому, что онѣ относятся не къ одному этому году, а ко всему ряду лѣтъ власти Кавура?

Другимъ извинительно, когда они не знаютъ или не понимаютъ этихъ ошибокъ. Но въ г. Альбертини это странно. Онъ находился въ кругу людей, понимающихъ вещи не хуже, чѣмъ мы, и такъ же, какъ мы, не черпающихъ своихъ мнѣній готовыми изъ какого нибудь *Journal des Débats* или *Revue des Deux Mondes*. Онъ долженъ знать, что такое здравый смыслъ, не позволяющій принимать безъ всякой критики болтовню какого нибудь Сень-Маркъ-Жирардена или Форкада, у которыхъ великіе люди растутъ изъ-подъ пера какъ грибы, у которыхъ и Дюма-сынъ — геніальный романистъ, и Октавъ-Фелье — геніальный драматистъ, и всякій маршалъ — геніальный полководецъ. Неужели г. Альбертини такъ скоро разучился понимать все, что умѣлъ понимать?

И неужели онъ такъ скоро разучился сочувствовать всему, чему конечно сочувствовалъ, когда находился въ кругу людей умныхъ и благородныхъ? А еслибъ не разучился, онъ понималъ бы, подвліяніемъ какихъ мыслей писана статья, выходками противъ которой такъ прискорбно онъ роняетъ себя. Неужели не было времени, когда онъ сумѣлъ бы самъ отвѣчать на вопросъ о нашихъ симпатіяхъ и антипатіяхъ, — вопросъ, котораго и предлагать не стоить, потому что онъ ни для кого не составляютъ секрета. Пусть г. Альбертини обдумаетъ хорошенько, долженъ ли онъ стыдиться этого вопроса. Напрасно вы компрометируете себя, г. Альбертини. Не дѣлайте этого впередъ. За подобные вопросы перестаютъ уважать писателя не только какъ писателя, но и какъ человѣка. Понятно ли вамъ хотя это? Или даже и это не понятно?

Или вамъ непонятно, почему усиливается въ русской литературѣ направленіе, вами осуждаемое? Попробуйте припомнить вещи, которыя, конечно, были хорошо вамъ извѣстны еще не очень давно, и вы поймете. Но объ этомъ мы можемъ и поговорить съ вами. Извольте, поговоримъ.

Вы знаете, что въ каждой литературѣ преобладаніе одного направленія смѣняется другимъ сообразно расположенію общества, а расположеніе общества измѣняется обстоятельствами исторической жизни. Это все равно, какъ измѣняется расположеніе мыслей:

въ отдѣльномъ человѣкѣ отъ перемѣны въ обстоятельствахъ его жизни. Знаете ли вы, какъ разгоняются иллюзіи опытомъ жизни? знаете ли вы, какое чувство овладѣваетъ человѣкомъ, увидѣвшимъ обманчивость своихъ иллюзій? знаете ли вы, что онъ любитъ тогда людей, говорящихъ сурово и насмѣшливо? То же бываетъ и съ обществомъ. Если вы не понимаете этого, вы живете въ мірѣ иллюзій, которыми уже почти никто не обманывается. Желаемъ вамъ выйти поскорѣе изъ этого незавиднаго обольщенія. А пока вы не вышли изъ него, „Современникъ“ не будетъ вамъ нравиться. Вы лучше читайте пока „Исторію государства Россійскаго“ Карамзина, похвальные слова Ломоносова, „Леонида“ г. Р. Зотова, „Рославлева“ и „Юрія Милославскаго“ Загоскина, — да и мало ли есть прекрасныхъ книгъ! Но знаете ли? Пока вы находитесь въ такомъ настроеніи мыслей, не пробуйте разсуждать печатнымъ образомъ о насъ. Милое дитя, избѣгайте полемическихъ встрѣчъ съ нами.

III.

Къ г. Альбертини я былъ снисходителенъ, главнымъ образомъ изъ уваженія къ людямъ, къ которымъ онъ принадлежалъ, когда они задумали было издавать „Московское Обозрѣніе.“

Но мнѣ наскучило сдерживать себя. Надобно же и посмѣяться; да надобно и показать на комъ нибудь примѣръ г-ну Альбертини, чтобы онъ видѣлъ, какъ могло бы ему достаться за его необдуманная выходки. Г. Буслаевъ такъ обязателенъ, что безъ всякой надобности, единственно по добротѣ душевной, доставилъ мнѣ прекрасный случай развлечься.

Дѣло произошло слѣдующимъ порядкомъ. Вышло собраніе сочиненій г. Буслаева. Г. Пыпинъ пожѣстилъ въ „Современникѣ“ разборъ ихъ. Статья была написана совершенно серьезнымъ тономъ, съ уваженіемъ къ ученымъ заслугамъ г. Буслаева. Ни оскорбительнаго, ни насмѣшливаго не было въ ней ни на волосъ. Г. Пыпинъ не соглашался съ нѣкоторыми мнѣніями г. Буслаева, но спорилъ противъ нихъ такъ, что самый самолюбивый и раз-

дражительный человекъ не могъ бы обидѣться такимъ споромъ. Тѣмъ менѣе могъ ожидать ктонибудь, что оскорбится статьею г. Пыпина г. Буслаевъ, человекъ почтеннаго характера, чуждый болѣзненнаго тщеславія. Но черезъ три мѣсяца является въ „Отечественныхъ Запискахъ“ „письмо къ А. Н. Пыпину“ г. Буслаева, — письмо, каждая строка котораго такъ и дышетъ желаніемъ уязвить. Что такое сдѣлалось съ г. Буслаевымъ? За что воскипѣлъ онъ жолчью на г. Пыпина? Вотъ за что.

Къ той книжкѣ „Современника,“ гдѣ находилась статья г. Пыпина о г. Буслаевѣ, былъ приложенъ „Свистокъ;“ къ одной изъ статей этой тетради „Свистка“ было сдѣлано примѣчаніе, возстановлявшее очень любопытныя черты древне-славянскаго эпоса на основаніи приписанныхъ тамъ графу Хвостову стиховъ, ровно ничего такого въ себѣ не заключавшихъ. Вотъ эти стихи:

«Что награды всѣ другія
Предъ сокровищемъ такимъ?»

Авторъ ученаго примѣчанія въ „Свисткѣ“ дѣлалъ филологическій разборъ словъ „награда“ и сокровище.“ Оказывалось, что въ словѣ „награда“ лежитъ смыслъ скандинавской Валгаллы, а подъ „сокровищемъ“ разумѣется жительница Валгаллы, то есть Валькирія, и т. д. и т. д. Это изысканіе заканчивалось ссылкой на сочиненія г. Буслаева.

Дурно это было или хорошо, остроумно или глупо, обидно или безобидно, — но какое отношеніе имѣла эта шутка къ статьѣ г. Пыпина? Ровно никакого, кромѣ того, что напечатана была въ той же книжкѣ журнала. Съ какой стати было яриться за это примѣчаніе на г. Пыпина? Пусть г. Буслаевъ скажетъ, умно ли поступилъ бы тотъ, кто сталъ бы сердиться на него, г. Буслаева, за „Очерки винокуренной промышленности“ г. Лѣскова или за стихотвореніе „Слезы кукушки,“ на томъ основаніи, что эти вещи напечатаны въ одной книжкѣ журнала съ его письмомъ къ г. Пыпину? Но видите ли, г. Буслаеву вздумалось, что насмѣшка въ „Свисткѣ“ написана г. Пыпинымъ. Трехъ мѣсяцевъ было бы, кажется, достаточно, чтобы справиться о вѣрности этого предпо-

наль умолчать о ней. — Мы, свистуны, обратились къ г. Пыпину съ просьбой, чтобы онъ написалъ статью о васъ. Онъ долго отказывался, — почему отказывался, я не вправѣ сказать вамъ, потому что это — не мой секретъ, а секретъ г. Пыпина. А впрочемъ, если вамъ непремѣнно хочется узнать, то я можетъ быть успѣю получить у г. Пыпина разрѣшеніе, чтобы сообщить вамъ и публикѣ эту тайну. — Ну-съ, такъ вотъ г. Пыпинъ долго отказывался писать статью о васъ. Тогда я сказалъ, что если не напишетъ онъ, придется писать кому нибудь изъ насъ, свистуновъ. Г. Пыпинъ, какъ специалистъ, уважаетъ васъ специалиста. Ему не хотѣлось, чтобы напримѣръ я высказывалъ свое мнѣніе о вашемъ значеніи въ наукѣ. Что дѣлать, — понятная слабость специалиста къ специалисту. — „Если такъ, сказалъ г. Пыпинъ, я согласенъ избавить г. Буслаева отъ статьи, писанной вами.“ — Эхъ, батюшка мой, г. Буслаевъ! отблагодарили же вы добраго человѣка за желаніе избавить васъ отъ бѣды! — Ну, догадываетесь ли хоть теперь, о чемъ я хочу сказать вамъ? Вотъ о чемъ: слишкомъ плохую услугу оказали вы себѣ письмомъ къ г. Пыпину. Когда представится *Современнику* надобность въ другой разъ говорить о васъ, мы, свистуны, по прежнему будемъ уговаривать г. Пыпина, чтобъ статью о васъ написалъ онъ. Но согласится ли онъ? А богъ его знаетъ! Покрайней мѣрѣ прочитавъ письмо ваше, онъ сказалъ, что разбирать вашихъ сочиненій нельзя человѣку, не любящему полемическихъ схватокъ. Ну, что же теперь, если онъ останется при этомъ рѣшеніи? Вѣдь поневолѣ придется писать статью о васъ мнѣ или другому какому нибудь свистуну. Какъ вы полагаете, похожа будетъ эта статья на статью г. Пыпина? Много мы найдемъ въ васъ ученыхъ достоинствъ? И какъ вы полагаете, во многихъ изъ вашихъ почитателей измѣнится мнѣніе о нихъ отъ статьи, писанной свистуномъ? Вѣроятно вы еще не можете этого сообразить. И желаю вамъ, какъ можно дольше оставаться въ неизвѣстности на этотъ счетъ.

Затѣмъ, свидѣтельствуя совершеннѣйшее почтеніе къ вашему трудолюбію и глубочайшее уваженіе къ вашему благородству, имѣю честь остаться всегда готовый къ какому вамъ угодно ученѣйшему спору: Въ ожиданіи этого лестнаго моему невѣжеству

спора собираю розданныя разнымъ знакомымъ книги свои по предмету, нѣкогда, къ сожалѣнію, и меня занимавшему.

Р. S. Спѣшу предупредить васъ объ одномъ обстоятельстве, чтобы избавить васъ отъ новыхъ огорченій. Быть можетъ, вамъ вздумалось бы сказать, что я неосновательно и бездоказательно произвожу жолчь вашу отъ статейки *Свистка*, и утверждаю, что эту статейку вы приписывали г. Пыпину. Пожалуйста не говорите этого. Вѣдь вы знаете, что это правда, и знаете, что это всемъ извѣстно въ литературномъ кругу. Отрицая вещь, всемъ извѣстную, вы только снова обнаружили бы опрометчивую несообразительность.

Р. P. S. Быть можетъ также, вамъ вздумалось бы отрицать мой рассказъ о происхожденіи статьи г. Пыпина. Но предупреждаю васъ, что рассказъ мой совершенно вѣренъ истинѣ, и сомнѣніе въ немъ не повело бы ни къ чему, кромѣ подробнѣйшаго подтвержденіи моихъ словъ.

VI.

Письмо г. Буслаева обратило на себя мое вниманіе потому, что воззрѣніе г. Буслаева на старинную нашу литературу и излагаемая г. Буслаевымъ понятія о народности служатъ однимъ изъ основаній, на которыхъ зиждется критика *Отечественныхъ Записокъ*. Отдѣломъ критики завѣдуютъ въ *Отечественныхъ Запискахъ* гг. Дудышкинъ и Краевскій. О міросозерцаніи г. Краевского я не буду говорить, потому что считаю это напраснымъ. Я буду говорить только о г. Дудышкинѣ или, точнѣе выражаясь, для г. Дудышкина.

Мнѣ очень понятны были многія совершавшіяся на страницахъ *Отечественныхъ Записокъ* странности въ прежнія времена, лѣтъ за пять или за шесть, когда на оберткѣ журнала выставлялось имя одного только г. Краевского. Начавъ, послѣ четырехъ или пяти лѣтъ, въ которыя не читалъ я русскихъ журналовъ, пересматривать *Отечественныя Записки* за нынѣшній годъ, я уже не умѣю объяснить себѣ этихъ странно-

стей, потому что на обертѣ журнала читаю: „издаваемый А. Краевскимъ и С. Дудышкинымъ.“ Къ этому я не прибавляю ни слова, потому что Дудышкинъ не такой человѣкъ, какъ г. Буслаевъ. Онъ понимаетъ вещи.

Говорить о достоинствѣ критическаго отдѣла въ *Отечественныхъ Запискахъ* я не хочу. Обращу вниманіе Дудышкина только на одно обстоятельство, да и то лишь потому, что приходится это кстати, по связи съ предъидущими отрывками. Какимъ образомъ могъ найти себѣ Дудышкинъ авторитетъ для себя въ г. Буслаевѣ? Этого я не въ силахъ понять, а я считаю себя человѣкомъ очень понятливымъ. Придумываю, придумываю и не могу придумать никакого удовлетворительнаго объясненія этому обстоятельству. Чаще всего приходитъ мнѣ на мысль такое соображеніе. Дудышкинъ не имѣлъ несчастія убить нѣсколько лѣтъ на изученіе славянской филологіи и тому подобной суши. Какъ человѣкъ умный и незараженный чрезмѣрнымъ тщеславіемъ, онъ и не считаетъ себя знатокомъ въ этомъ дѣлѣ (вовсе неважномъ для журналиста). Не воображаетъ ли онъ, что о достоинствѣ мнѣній г. Буслаева, онъ точно такъ же не можетъ судить собственнымъ умомъ, какъ не можемъ мы оба съ нимъ судить о достоинствѣ трудовъ Эри или Леверрье, и что онъ долженъ принимать мнѣнія г. Буслаева на вѣру, какъ мы оба съ нимъ принимаемъ на вѣру рѣшенія астрономовъ объ орбитѣ Нептуна? — Очень можетъ быть, что Дудышкинъ такъ думаетъ. Но если такъ, смѣю его увѣрить, что напрасно такая его недовѣрчивость къ себѣ въ этомъ случаѣ. Можно, и не будучи специалистомъ по филологіи, судить о связности и правдоподобности возрѣній какого нибудь филолога на народную жизнь и литературу. Я попробую предложить Дудышкину нѣсколько вопросовъ, и увѣренъ, что онъ не найдетъ ихъ рѣшеніе затруднительнымъ для себя.

Если кто нибудь станетъ говорить, что наши лубочныя картины выше произведенія Рафаеля по своей идеѣ, или что византійское вліяніе внесло живой элементъ въ нашу народную поэзію, — затруднился ли бы Дудышкинъ признать такого человѣка нѣсколько свихнувшимся.

Если кто нибудь половину статьи о какой нубудь русской сказкѣ набьетъ разсужденіями Микель-Анджело, — затруднился ли бы Дудышкинъ признать статью эту за нескладицу?

Если кто нибудь станетъ говорить, что о потребностяхъ и чувствахъ русскаго простолюдина, живущаго теперь, мы не въ силахъ судить, пока не изучимъ старинныя рукописи и не вызубримъ нѣмецкую грамматику Гримма съ прибавленіемъ исландской Эдды и санскритскаго словаря, — и если этотъ человѣкъ будетъ доказывать, что по недостаточной разработкѣ этихъ предметовъ у насъ, мы не можемъ заботиться о простолюдинѣ съ пользою для него, — затруднился ли бы Дудышкинъ похохотать надъ такимъ вздоромъ?

Больше я ничего не скажу. Дудышкинъ самъ видитъ, что направленіе критическаго отдѣла „Отечественныхъ Записокъ“ очень сильно должно измѣниться, если эти вопросы не покажутся ему затруднительными.

Сказать ли вамъ по секрету? Не мѣшаетъ иной разъ умному человѣку взглянуть на дѣло подобно намъ, свистунамъ, то есть, безъ самоуниженія передъ вздоромъ. Повѣрьте, отъ этого и образъ мыслей у человѣка отъ природы неглупаго становится яснѣе, да и статьи его журнала выигрываютъ.

Мы только такъ, кстати, упомянули объ одномъ изъ тѣхъ основаній, покоясь на которыхъ, критическій отдѣлъ „Отечественныхъ Записокъ“ возмущается нашею неосновательностью. А вѣдь если перебрать другія основанія этого недовольства, оказался бы точно, такой же выводъ и объ этихъ другихъ основаніяхъ. Но Дудышкинъ самъ въ силахъ будетъ разсудить, — лиха бѣда, начать, — ну, вотъ мы и сдѣлали для него начало, — а тамъ у него у самого дѣло переборки пойдетъ, какъ по маслу.

VII.

Горячность, горячность портитъ ваше дѣло, г. Громека, — говоримъ мы, переходя къ отдѣлу, называющемуся „Современною хроникою Россіи.“ Кромѣ этого недостатка, все остальное у васъ

превосходно. Попробуйте быть немножко хладнокровнѣе, — хоть на полчаса, хоть на четверть часа, — больше я отъ васъ не потребую, потому что и четверть часа, уже слишкомъ тяжело для васъ провести безъ вспышекъ, — благороднѣйшихъ, прекраснѣйшихъ вспышекъ. Я не хочу мечтать, чтобы захотѣли вы отказаться отъ нихъ; да и преступно было бы по вашему мнѣнію хотя нѣсколько сдерживать въ себѣ взрывы возвышенныхъ чувствъ. Но такъ, для разнообразія, на четверть часа, только на четверть часа, изъ любезности ко мнѣ, постарайтесь быть хладнокровны; умоляю васъ, если только возможно это для васъ, попробуйте, въ личное одолженіе мнѣ, даже улыбнуться вмѣстѣ со мной. Сохранить хладнокровіе, почувствовать расположеніе къ веселой улыбкѣ будетъ для васъ нетрудно (если вы хоть сколько нибудь способны къ этому по натурѣ), потому что въ моей бесѣдѣ съ вами не будетъ ни одного, сколько нибудь рѣзкаго или обиднаго слова для васъ.

Начнемте воспоминаніемъ о забавномъ случаѣ давно прошедшихъ лѣтъ, когда вы, прочитавъ одну мою статейку, сулили въ наказаніе мнѣ подарить вещицы, которыя становились тогда не нужны вамъ. Зачѣмъ не сдержали вы обѣщанія? Вотъ прошло съ той поры больше двухъ лѣтъ; какъ вы теперь понимаете эту статейку? Все по прежнему? Или можетъ быть согласитесь теперь со мной, что это была продѣлка, довольно дерзкая и не совсѣмъ не безчестная? — Такъ что же вашъ обѣщанный подарочекъ мнѣ, все думаете еще прислать? Или ужь находите, что мнѣ онъ такъ же не къ лицу, какъ и вамъ? Я смѣюсь при этомъ воспоминаніи, — не улыбаетесь ли и вы?

Улыбнулись? Прекрасно; теперь не приходитъ ли вамъ охота улыбнуться вмѣстѣ со мной и надъ слѣдующей вашею страничкой, — да вы не примите моей улыбки въ дурную сторону, въ томъ смыслѣ, что страничка эта не хорошо написана, — нѣтъ, нѣтъ, прекрасно: съ горячимъ, искреннимъ одушевленіемъ, съ чистѣйшею любовью къ добру, съ возвышеннѣйшимъ негодованіемъ на злобу и порокъ, — нѣтъ, я только такъ улыбаюсь, какъ улыбался человѣкъ, знавшій секретъ ларчика, открывавшагося просто, надъ стараніями добрыхъ людей, ломавшихъ голову, чтобы раскрыть

ларчикъ. Что это такое пишется въ „Современникѣ“ — спрашиваете вы: какія убѣжденія у этихъ свистуновъ? Не отыскивается у нихъ никакихъ убѣжденій, продолжаете вы и начинаете немножко сердиться. Какой-то журналъ порицаетъ насъ, свистуновъ, за неуваженіе къ почтеннымъ личностямъ. — Это еще ничего, замѣчаете вы: водятся за этими негодными свистунами преступления гораздо худшія:

„Пусть бы гг. свистуны оскорбляли лица, сколько ихъ душъ угодно — мы за этимъ не стоимъ: на Руси это не въ диковинку, иногда даже выходитъ очень смѣшно; но когда они бросаютъ грязью въ лучшія человѣческія вѣрованія“ (позвольте мнѣ вставлять свои замѣтки въ вашу рѣчь: на примѣръ, какія же это „лучшія вѣрованія?“ — То, что Кавуръ благодѣтельствовалъ Италію, или, что стѣдить только ротъ разинуть, то и влетитъ въ него жаренная утка? Или, что плуты не обманываютъ людей?) „Когда они осмѣиваютъ всякое благородное увлеченіе“ (на примѣръ, увлеченіе розгами или вещами, изъ которыхъ выходитъ нѣчто гораздо худшее розогъ? „и когда, наконецъ, знаешь, что это дѣлается изъ одного только „фокусничанья“ (вы такъ думаете? проздравляю васъ. Напрасно вы не пишете статей о Рабле и Диккенсѣ, — вы должно быть отлично понимаете ихъ) „и привлеченія почтеннѣйшей публики, тогда мы понимаемъ, какъ далеко можетъ простираться негодование и презрѣніе къ подобному художеству.“ (А мы давнымъ-давно понимали это, читая благородно-негодующія статьи дѣвицы Зражевской о Жоржѣ Зандѣ; статьи эти, дышанція благородствомъ невинности, служили украшеніемъ „Маяка“). „И есть люди, которые простодушно вѣрятъ“ (какіе чудачки!), „что въ этомъ фиглярствѣ скрывается глубокая, недосказанная мудрость! А все потому, что она не досказывается...“ (а ваша, какъ? досказывается?) „да вѣроятно, никогда и не доскажется до конца: мудрость, какъ извѣстно, вещь бездонная, и ее никогда не исчерпать, по крайней мѣрѣ, до тѣхъ поръ, пока останутся не переведенными на русскій языкъ многія французскія книжки...“ (а вы должно быть полагаете, что австрійскія стихотворенія Якова Хама дѣйствительно переведены Конрадомъ Лилиеншвагеромъ, если не съ австрійскаго, то съ французскаго.

Хорошо, хорошо). „А между тѣмъ, эта мудрость систематически убиваетъ вѣру въ „людей“ (т. е. въ какихъ же? въ Кавура и Шмерлинга? Или въ Державина и Карамзина? Или въ Пинетти и г. Кокорева? Вы за которыхъ больше стоите?), „въ ихъ честность и великодушіе, въ ихъ любовь и дружбу, въ возможность безкорыстнаго съ ихъ стороны“ (т. е. со стороны Кавура и Шмерлинга, или со стороны Достъ-Мохаммеда афганскаго и Саидъ-Паши египетскаго, или со стороны Миреса и Перейры?) „самопожертвованія... Куда же ведетъ эта мудрость“ (не туда, куда ведетъ легковѣріе), „чего хочетъ“ (того, чтобы люди не давались въ обманъ), „какихъ героевъ приготовляетъ „для будущаго?“ (такихъ, которые не были бы похожи ни на Донъ-Кихота, ни на Сентъ-Арно или Эспинасса). „Можно поручиться, что „изъ ея школы не выйдетъ ни одного Пирогова“ (нѣтъ, не выйдетъ, потому что г. Пироговъ старался связать вещи несомвѣстныя, — розги съ гуманностью; по нашему, что нибудь одно: или сѣвки, или не сѣвки, —

А смѣшивать два эти ремесла

Есть тѣмъ охотниковъ, мы не изъ числа.

Г. Пироговъ не виноватъ въ томъ, что былъ непослѣдователенъ: онъ въ такое время воспитался. Но стыдно было бы намъ, если бы мы ставили свой идеалъ на томъ же уровнѣ, на какомъ стоялъ онъ во времена воспитанія г. Пирогова). „Можно быть увѣрену, что она никого не подвинетъ ни на какое общественное дѣло: для этого требуется вѣра въ человѣка; пламенная вѣра“ (что за Африка такая!) „и увлеченіе“ (родной мой, увлекались и мы, подобно вамъ, да увидѣли, что насъ дурачили), „а не холодная, бездушная насмѣшка“ (ну, это дѣйствительно не по вашей части, и растолковать этого вамъ не берусь я, пока вы не охладѣете, хотя немножко), „все разъединяющая“ (напримѣръ, публику съ г. Кокоревымъ и другими ея благодѣтелями) „и оскорбляющая“ (все тѣхъ же г. Кокорева съ Кавуромъ) „и способная только подвинуть на бросанье изъ-за угла камешковъ и грязи.“ (А вы, прямо въ лицо бросаете грязь тому, кого считаете

достойнымъ забрасыванья грязью? Или по вашему ни въ кого не слѣдуетъ бросать грязью, даже и въ Гайнау не слѣдуетъ?).

„Увѣряютъ, что свистуны служатъ великому дѣлу отрицанія, безъ котораго, какъ извѣстно, нѣтъ движенія впередъ. Это неправда! Не такъ дѣйствуютъ герои отрицанія“ (куда намъ лѣзть въ герои!), „которымъ вздумали бы подражать свистуны. Тѣ ненавидятъ многое, потому что многое любятъ, во многое вѣрятъ, на многое надѣются; они сегодня радуются, завтра рыдаютъ; у нихъ насмѣшка бичуетъ и жжетъ, потому что идетъ изъ сердца, полного страстной любви къ человѣку и непредѣльнаго негодованія къ неправдѣ.“ (А знаете ли что? — Безъ похвалыбы сказать, очень многіе насъ любятъ за то, что считаютъ именно такими, вотъ ни дать-ни-взять, какъ вы изволите описывать героев-то отрицанія). „У нашихъ свистуновъ нѣтъ сердца“ (что за притча! у курицы сердце есть, а у насъ будто нѣтъ; есть, родной мой, есть, да еще и очень сердитое, только не на васъ), „нѣтъ вѣры“ (да что же вѣрить-то, когда знаешь? Если, напримѣръ, знать, что хорошее — хорошо, а дурное — дурно, то это убѣжденіе покрѣпче будетъ, какъ $2 \times 2 = 4$); „они считаютъ постыднымъ хоть разъ чѣмъ нибудь увлечься въ жизни“ (увлекались, золотой мой, да еще какъ, — не хуже васъ самихъ; а теперь до такой поры дожили, что разсудокъ да опытъ житейскій верхъ берутъ); „они никого и ничего не любятъ“ (что за изверги рода человѣческаго! — Да хоть самихъ-то себя любятъ ли? А если самихъ себя любятъ, значить, и все свое любятъ. Ну, а русская-то земля чья же, какъ не ихъ земля? Подумайте-ко хорошенько: можетъ выйдетъ, какъ умомъ-то разумомъ прикините, что и ее они любятъ. А, ну, ну: подумайте, несравненный нашъ, подумайте); „они смѣются надъ любовью“ (ну, да вѣдь любовь любви рознь; надъ иною не то что посмѣяться, а даже похотать слѣдуетъ, — напримѣръ, если бы какой нибудь близорукой въ нестерпимое рыло втюрился, — да погодите, еще и самъ онъ надъ собою посмѣется, когда подскочитъ поцаловаться, да и увидитъ вмѣсто красавицы обезьяню харю; а васъ пожалуй и бранить станеть, если вы его къ этой любви возбуждали, въ этомъ обольщеніи поддерживали); „они считаютъ обязанностью порицать безъ разбора все, что

попадается подъ руку“ (то есть, „Замѣтки“ ли „праздношатающагося“ въ *Отечественныхъ Запискахъ*, статьи ли г. Я. Грота въ *Русскомъ Вѣстникѣ*, — что за эхидные такіе люди!); „они занимаются искусствомъ для искусства“ (а вотъ что я вамъ скажу: когда откуда заимствуетесь мыслью, то надобно указывать источникъ; вы бы упомянули, что это *Русскій Вѣстникъ* говорить; а спросите-ко теперь *Русскій Вѣстникъ*, радъ ли онъ, что толковалъ объ этомъ, — вѣроятно сами видите, что не долженъ быть радъ).

Вотъ мы хоть на этомъ пока и остановимся. А то ужъ совсѣмъ васъ утомили воздержаніемъ въ хладнокровіи. Но что же, согласитесь, что оно хотя и тяжело вамъ съ непривычки разсуждать хладнокровно, а все-таки полезно. Вотъ, горячились вы, горячились, и никакъ не могли добиться, чего мы хотимъ, чтò любимъ; теперь же, только четверть часа побесѣдовали мы съ вами хладнокровно, и открылось вамъ все: любимъ мы родину свою, а хотимъ — добра ей, только и всего.

Да знаете ли, что? Если бы хотя немножечко похладнокровнѣе были вы, и безъ бесѣды съ нами узнали бы это отъ другихъ, отъ кого хотите, — къ примѣру сказать, хотя бы даже отъ самихъ *Отечественныхъ Записокъ*. Не вѣрите? Не замѣчали вы въ своемъ журналѣ такихъ указаній? Такъ лишь оттого не замѣчали, что очень ужъ въ большомъ азартѣ были, — на страницу-то смотрите, а что на ней написано-то, не разберете, потому что въ глазахъ отъ горячности туманъ стоитъ. А то увидали бы, какъ не увидать — отпечатано четко, хорошо таково. Хотите, покажу? Возьмите, напримѣръ, третью книжку *Отечественныхъ Записокъ* нынѣшняго года, разверните „Критику“ на стр. 9; на этой страницѣ читайте строку 29-ю и двѣ слѣдующія. Ну-съ, видите, что на нихъ написано?

„Глумленія *Современника* не щадятъ ничего, кромѣ двухъ-трехъ предметовъ, въ самомъ дѣлѣ священныхъ: свободы женщинъ и простолюдина.“

Позвольте объяснить? — или и сами понимаете?

Все-то мы съ вами, г. Громека, бесѣдовали такъ хладнокров-

но ; а вамъ вѣроятно ужь давно хочется погорячиться ? Извольте, извольте, для васъ готовъ на все. Закончимте бесѣду нѣсколькими горячими словами. Эхъ, горе наше съ вами : стиховъ писать не умѣемъ, въ стихахъ бы оно лучше вышло, — ну, да оно и прозою горячо выйдетъ, съ душою, съ любовью, съ вѣрою.

Вотъ мое мнѣніе. Принять или не принять его — ваша воля :

Очень мало на свѣтѣ людей, въ которыхъ честность соединена съ пронизательностью. Объ этихъ людяхъ мы съ вами довольно поговорили. Далѣе, есть на свѣтѣ не очень большое количество плутовъ и неисчислимое множество простаковъ. Плуты обманываютъ простаковъ ; льстятъ имъ и обираютъ ихъ ; запугиваютъ ихъ и помыкаютъ ими. Правда, иль нѣтъ ? Разумѣется, плуты по своей малочисленности ничего не могли бы сдѣлать, если бы дѣйствовали только своими силами. Но изъ самихъ простаковъ очень многіе такъ и лѣзутъ изъ кожи вонъ отстаивать плутовъ. Изъ какой прибыли ? Ровно ни изъ какой, безкорыстно, безкорыстно такъ и лѣзутъ вонъ изъ кожи. Къ этому разряду простаковъ я причисляю васъ. Не обижайтесь. Простяками въ вашемъ родѣ бываютъ люди всякаго ума : и глупые, и умные, и гениальные даже, — въ примѣръ вамъ приведу Лафайета, Ламартина, Вильгельма фонъ-Гумбольдта, самого Штейна. Если человѣкъ глупъ, это бѣда неизлечимая. Если же онъ не глупъ, а только простякъ, то излечивается отъ своего недостатка онъ тотчасъ же, какъ только замѣтитъ его въ себѣ. Прямо никто изъ людей не вступаетъ въ жизнь пронизательнымъ, — это качество, развивающееся рефлексію. А рефлексія требуетъ хладнокровія.

Соглашайтесь или не соглашайтесь со мною, это — повторяю — какъ вамъ угодно.

Надѣюсь, что мы разстаемся друзьями.

VIII.

А вотъ какъ разъ поспѣла для украшенія моей коллекціи и 7-я книжка *Отечественныхъ Записокъ* съ крупнымъ полемическимъ алмазомъ, который постараюсь я добросовѣстно отшлифовать въ превосходнѣйшій брильянтъ. Алмазъ находится

въ изобильномъ рѣдкостями рудникѣ Критическаго отдѣла. Оно какъ разъ мнѣ съ руки: вѣдь въ прежнихъ отрывкахъ я мало занимался этимъ отдѣломъ, такъ что могло бы это огорчить завѣдывающаго имъ Дудышкина, могло бы показаться Дудышкину злостною невнимательностью къ нему. Хорошо, что могу я теперь заглазить эту свою вину, отвратить отъ себя этотъ упрекъ.

Эхъ, Дудышкинъ! гдѣ можно бы неспеціалисту имѣть смѣлость собственнаго сужденія, тамъ вы не отваживаетесь вникнуть въ дѣло своимъ умомъ; а въ чемъ для разбора дѣла нужно быть спеціалистомъ, вы полагаетесь на собственное сужденіе. Вотъ къ примѣру сказать хотя бы опроверженіе, написанное г. Юркевичемъ противъ моихъ статей объ антропологическомъ принципѣ въ философіи, — ну, можетъ ли тутъ неспеціалистъ разсудить, съ толкомъ или безъ толку пишетъ г. Юркевичъ? Вѣдь тутъ все дѣло состоитъ въ методологическихъ, психологическихъ, метафизическихъ тонкостяхъ; тутъ такого рода дѣло, что глубоко-мысленно призадумался бы самъ Куно Фишеръ, этотъ великій мудрецъ, переводъ изъ котораго помѣщенъ въ іюльской же книжкѣ „Отечественныхъ Записокъ.“ Чтобы понимать эти хитрыя подраздѣленія и подразличенія, нужно быть спеціалистомъ. Вотъ, напримѣръ, г. Катковъ понимаетъ эти вещи. Ему понятно, что говоритъ въ своей статьѣ г. Юркевичъ; онъ увидѣлъ, что воззрѣніе г. Юркевича близко къ направленію, которое считаетъ справедливымъ самъ онъ; и г. Катковъ не сдѣлалъ ошибки, помѣстивъ въ своемъ журналѣ извлеченіе изъ г. Юркевича съ большими похвалами ему. Я не раздѣляю этого направленія, потому рѣзко отзываюсь о всякихъ его послѣдователяхъ; но что они довольны другъ-другомъ, этому такъ и быть должно. Ну, а вы-то съ „Отечественными Записками“ съ какой стати восхитились статьею г. Юркевича? Вы развѣ полагаете о себѣ, что держитесь того же направленія? Представьте себѣ, къ вашей сѣдѣ, заглянулъ я на обратную страницу верхняго полулиста обертки того самаго 7-го № „Отечественныхъ Записокъ,“ въ которомъ вы оттиснули свое восхищеніе г. Юркевичемъ. Что же я увидѣлъ на этой страницѣ? Крупнымъ шрифтомъ напечатано слѣдующее объявленіе:

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

„Такъ какъ многіе изъ читателей изъявили желаніе прочесть все сочиненіе Бокля *History of civilisation in England* въ русскомъ переводѣ, то редакція *Отечественныхъ Записокъ*, напечатавъ уже шесть главъ этого сочиненія, намѣревается, если не встрѣтитъ особенныхъ препятствій, перевести его въ цѣлости и помѣщать въ журналѣ въ томъ самомъ порядкѣ, въ какомъ будетъ выходить англійскій подлинникъ.“

Знаете ли, какая комическая вещь выходитъ изъ этого? Вотъ какая. За исключеніемъ очень немногихъ страницъ въ отдѣлѣ о энциклопедистахъ, которыхъ и вы не одобрите, когда читаете ихъ, и я не одобряю, — весь первый томъ Бокля прямо противоположенъ тому направленію, которымъ вздумали вы восхищаться въ г. Юркевичѣ. Вотъ исторія-то! — Ужь и подлинно можно назвать ее *исторіей цивилизаціи* въ „Отечественныхъ Запискахъ.“

Но вы не огорчайтесь штукою, какая вышла отъ вашего объявленія о переводѣ Бокля: вы превосходно дѣлаете, что переводите его; отъ всей души желаю, чтобы не встрѣтили вы препятствій въ этомъ очень полезномъ дѣлѣ. Русская публика будетъ вамъ благодарна за него.

Хотите, я расскажу вамъ, какъ произошелъ въ васъ психологическій процессъ, по которому, печатая Бокля, восхитились вы г. Юркевичемъ? Если вы увидите, что я не ошибусь въ объясненіи такого изумительнаго происшествія, то вотъ вамъ и будетъ доказательство, что я — великій мастеръ производить психологическія наблюденія и законы психологіи знаю, какъ свои пять пальцевъ. А согласитесь, что я вызываюсь на пробу, очень трудно, потому что разбираемый мною психическій актъ необычайно мудренъ и повидимому нарушаетъ всѣ законы мышленія: хвалить то, истребленію чего содѣйствуешь печатаніемъ превосходнаго сочиненія, — вѣдь это психическій феноменъ, котораго не распуталъ бы самъ Кантъ. А вотъ я распутаю, подведу его подъ общіе психологическіе законы.

Законъ первый. Незнающій влечется подражать знающему. „Русскій Вѣстникъ“ похвалилъ г. Юркевича, вы повлеклись хвалить его.

Законъ второй. Сладко слышать брань на того, кого самъ бранишь. Г. Юркевичъ вооружается на меня; вы также вооружаетесь; потому вамъ сладко слѣдовать г. Юркевича.

Углубитесь въ самого себя, наблюдайте умственнымъ окомъ вашу психическій процессъ, вы увидите, что мое объясненіе безукоризненно вѣрно.

Но согласитесь, тяжело вамъ было это наблюденіе вашего психическаго процесса. Согласитесь, васъ безпрестанно отвлекало отъ этого труднаго самонаблюденія мельканіе разныхъ постороннихъ дѣлу представленій, — въ родѣ слѣдующихъ: „нѣтъ, я не по примѣру „Русскаго Вѣстника“ нашелъ, что г. Юркевичъ правъ, я самъ догадался объ этомъ; я безпристрастенъ; я понималъ сущность спора; направленіе г. Юркевича — мое направленіе; я не за то восхитился имъ, что онъ пишетъ противъ Чернышевскаго“ и т. д. и т. д., — согласитесь эти иллюзіи такъ и влѣзали насильно въ ваше самосознаніе и очень трудно было вамъ отбиваться отъ нихъ. Но любовь къ истинѣ восторжествовала въ васъ надъ этими обольщеніями; но напряженное вниманіе къ дѣйствительному ходу вашего психическаго процесса отогнало эти мечты, — и вы наконецъ постигли два вышеприведенные психическіе закона и безтронетно подвели подъ нихъ странный фактъ похвалы г. Юркевичу со стороны журнала, переводящаго превосходную книгу Бокля. Честь вамъ и хвала. Вашъ подвигъ былъ труденъ, но вы совершили его.

Видите ли теперь, какъ тяжелъ анализъ самосознанія, какихъ особенныхъ приемовъ онъ требуетъ? Видите ли, что человѣку, спеціально не занимавшемуся этимъ предметомъ, нельзя судить о достоинствахъ или недостаткахъ статей, къ нему относящихся? За то и плоды этой науки очень вкусны для самолюбія, — не правда ли?

А если правда, то я надѣюсь, что вы не откажетесь въ благодарность мнѣ за этотъ урокъ пересмотрѣть вмѣстѣ со мною содержаніе статейки противъ меня, которая помѣщена въ іюль-

скою книжкѣ „Отечественныхъ Записокъ,“ въ отдѣлѣ, находящемся подъ вашимъ завѣдываніемъ (г. Краевскій вѣроятно не будетъ претендовать на то, что я обращаюсь исключительно къ вамъ).

IX.

Послѣ нѣкоторыхъ прелюдій, относящихся къ языку, статейка, восхищающаяся г. Юркевичемъ, упоминаетъ о разборѣ философіи г. Лаврова, который былъ сдѣланъ г. Антоновичемъ въ IV книжкѣ „Современника“ нынѣшняго года. Упомянутое объ этомъ разборѣ основывается на томъ, что онъ по направленію сходенъ съ моими статьями объ антропологическомъ принципѣ. Положимъ сходенъ, но слѣдовало ли вамъ заговаривать объ этой статьѣ, которая отозвалась на вашемъ журналѣ уморительными послѣдствіями, показывающими, что вы какъ прочли ее, такъ тотчасъ же и измѣнили свое мнѣніе о достоинствѣ трудовъ г. Лаврова. Ужъ лучше молчали бы вы. А если непременно хочется вамъ говорить, то признались бы, что статья г. Антоновича раскрыла вамъ глаза.

Но вамъ хочется побранить ее. Любопытно послушать, за что вы ее браните. Вотъ единственный недостатокъ, который вы въ ней нашли: „никакого умственного напряженія не нужно, чтобы понять все, что говоритъ г. Антоновичъ. Ясность (этой статьи) поразила всѣхъ.“ Сообразите сами, достоинствомъ или недостаткомъ должна считаться ясность? Разумѣется, каждый не глупый человѣкъ почтетъ, что вы хвалите статью г. Антоновича, выставя въ ней такое качество. А вы думаете, уронили ее этимъ. Какъ случилась съ вами эта вторая „исторія вашей цивилизаціи,“ я опять расскажу вамъ.

Вы наслушались, что философія — предметъ головоломный. Вы пробовали читать философскія статьи, въ родѣ произведеній г. Лаврова, и ровно ничего не понимали. А г. Лавровъ былъ по вашему мнѣнію хорошій философъ. Вотъ и состроился у васъ въ умѣ силлогизмъ такого рода: „философіи я не понимаю; слѣдовательно то, что я могу понимать — не философія.“ Вы вѣдь

такъ прямо и говорите: г. Антоновичъ пишетъ ясно, стало быть нѣтъ философіи у него въ статьѣ. — Но вѣдь это прилично было вамъ думать, когда вы о философіи судили по статьямъ г. Лаврова. Ну-съ, а вѣдь теперь вы уже находите, что философскія статьи г. Лаврова были плохи (признавайтесь, что находите: вѣдь у насъ есть улика тому); такъ не слѣдовало ли бы вамъ разсудить такимъ манеромъ: „о какомъ бы предметѣ ни заговорилъ человѣкъ, образъ мыслей котораго туманенъ, рѣчь его будетъ туманная, головоломная. А сама по себѣ, философія быть можетъ и не-богъ-знаетъ какая непонятная наука.“ Вы не ошиблись бы въ этомъ.

Но о статьѣ г. Антоновича говорится только такъ, кстати, что вотъ дескать она совершенно такая же, какъ и статьи Чернышевскаго объ антропологическомъ принципѣ, — философіи не можетъ быть въ этихъ статьяхъ, потому что онѣ ясны. Затѣмъ говорится ужь обо мнѣ одномъ.

„Статья г. Чернышевскаго вызвала отвѣтъ въ г. Юркевичѣ, въ *Трудахъ Духовной Академіи кievской*, такой отвѣтъ, который поставилъ г. Юркевича сразу на первое мѣсто между всѣми, кто когда-либо писалъ у насъ о философіи“ (значить, выше Бѣлинскаго, у котораго очень много относящагося къ философіи, выше автора „Писемъ объ изученіи природы?“ Хорошо. Но вѣдь не выше же г. Гогоцкаго и г. Ореста Новицкаго? Зачѣмъ обижать этихъ великихъ мыслителей той же самой школы, какъ и г. Юркевичъ?) „Только помнимъ мы статьи И. В. Кирѣевскаго“ (отлично! Такъ добрый и почтенный И. В. Кирѣевскій былъ, по вашему, дѣйствительно философъ, а не просто наивный мечтатель? Но вѣдь ужь если такъ, вы должны признать своимъ главнѣйшимъ авторитетомъ покойнаго Хомякова. Такъ вы кстати ужь переименовали бы свой журналъ изъ „Отечественныхъ Записокъ“ въ „Русскую Бесѣду“ или „Возобновленный Москвитянинъ“), „отличавшіяся тою простотою и ясностью философскаго изложенія, съ которою мы встрѣтились у г. Юркевича. Знаніе системъ философскихъ, полное усвоеніе предмета и самостоятельное къ нему отношеніе — вотъ заслуги г. Юркевича“ (дай богъ ему всякихъ совершенствъ!). „По направленію своему — онъ идеа-

листъ, и точки опоры въ его ученіи такъ глубоко имъ обслѣдованы и тонко проведены, что на русскомъ языкѣ мы ничего подобнаго не читали“ (помилуйте, г. Гогоцкій точно также глубоко и тонко все это изслѣдовалъ), „и въ этомъ совершенно согласны съ „Русск. Вѣстникомъ“ (также, какъ я во всемъ совершенно согласенъ съ „Горнымъ Журналомъ,“ — предмета не знаю, статей не понимаю, но полагаю, что онѣ писаны людьми знающими, потому и принимаю всѣ ихъ слова на вѣру), „который распространилъ эту статью. Перепечатывать статьи мы не станемъ; мы приведемъ изъ нея два только мѣста: одно „о превращеніи раздраженія нерва въ ощущеніе“ и другое объ измѣненіи „количественнаго“ въ „качественное.“ На этихъ двухъ положеніяхъ все остальное держится“ (Отеч. Зап. Русск. лит. стр. 41, 42). Но прежде того выписывается окончаніе статьи г. Юркевича, очень сильно поражающее меня, какъ невѣжду. Ну, хорошо, если я невѣжда, такъ вы разсудили ли, что вамъ-то не слѣдовало бы говорить объ этомъ? Въ „Русскомъ Вѣстникѣ,“ на примѣръ, я не писалъ; онъ не компрометируетъ себя толками о моемъ невѣжествѣ. А вѣдь въ „Отеч. Зап.“ я довольно много писалъ въ началѣ своей литературной дѣятельности, — такъ у васъ, значить, невѣжды могутъ бывать сотрудниками, да еще такими, которыми редакція дорожить?

Напрасно вы повторяете чужія слова о моемъ невѣжествѣ, Дудышкинъ; другіе журналы могутъ это говорить, а вашему журналу неловко. Приведя отзывъ г. Юркевича о моемъ невѣжествѣ, „Отеч. Зап.“ дѣлаютъ выписку изъ него же о томъ, что „пространственное движеніе нерва не есть еще непространственное ощущеніе“ и о томъ, что „переходъ отъ количественнаго къ качественному ясенъ только для одного „Современника,“ для всѣхъ же другихъ составляетъ необъяснимую задачу.“ — видите, Дудышкинъ, о какихъ техническихъ тонкостяхъ разсуждаетъ г. Юркевичъ, а вы беретесь судить о его статьѣ, рѣшаете, что онъ правъ, когда не умѣете даже различить, въ какомъ духѣ онъ пишетъ и не расходится ли онъ, на примѣръ, съ вашимъ собственнымъ Боклемъ ровно на столько же, на сколько со мною. „Отеч. Записки“ продолжаютъ:

„Читатель видитъ по этимъ выпискамъ, которыя могутъ дать понятіе о прекрасной статьѣ г. Юркевича, заключающей въ себѣ цѣлый трактатъ о философіи, видитъ, что имѣетъ дѣло съ человѣкомъ хорошо знающимъ предметъ“ (видитъ или нѣтъ читатель, это какъ случится; а сами-то вы видите ли, или только съ чужихъ словъ говорите?) „Г. Юркевичъ не прибѣгаетъ къ площаднымъ шуткамъ, чтобъ задобрить читателя, не боится подходить къ предмету и сказать: это еще недоказано никѣмъ, этого мы не знаемъ, хотя имѣлъ бы гораздо больше поводовъ, нежели г. Чернышевскій, говорить съ увѣренностью. По крайней мѣрѣ ясно одно, что такое возраженіе заслуживаетъ подробнаго отвѣта“ (Увѣряю васъ, что не заслуживаетъ, съ моей точки зрѣнія. Если бы какой нибудь ученый сталъ доказывать, что ошибаетесь вы, отвергая алхимию или кабалистику, — вы почли ли бы его сочиненіе достойнымъ подробнаго опроверженія? Какъ вы смотрите на ученыхъ, держащихся алхимическаго или кабалистическаго ученія, такъ я смотрю на школу, къ которой принадлежитъ г. Юркевичъ. Хороша или дурна теорія, которой держусь я, объ этомъ можетъ думать каждый, какъ ему угодно; но что человѣкъ держащійся такой теоріи долженъ считать смѣшными и пустыми возраженія, дѣлаемая теоретиками школы, къ которой принадлежитъ г. Юркевичъ, — это фактъ, извѣстный каждому специалисту; вы удивляетесь этому лишь оттого, что взаимныя отношенія разныхъ философскихъ направленій плохо извѣстны вамъ).

„Что же дѣлаетъ г. Чернышевскій? А то же, что онъ дѣлаетъ всегда, когда у него потребуютъ серьезнаго отвѣта: отдѣльвается непозволительною развязностью“ (т. е. когда жъ это „всегда?“ Я въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ не вель никакой полемики и ровно ничего не отвѣчалъ ни на какіе вызовы и возраженія, слѣдовательно не могло быть ни развязности, ни неразвязности въ моихъ отвѣтахъ по той простой причинѣ, что отвѣтовъ вовсе не существовало; а прежде, когда вель полемику, случалось мнѣ писать огромнѣйшія и обстоятельнѣйшія возраженія на замѣтки противъ меня), „которая наконецъ переходитъ въ дерзость по отношенію къ г. Юркевичу“ (что дѣлать? Если вы уважаете, а я не уважаю извѣстное направленіе, то мои отношенія къ нему

будутъ вамъ казаться непозволительно дерзкими. Точно такковы же кажутся людямъ, уважающимъ направленіе г. Аскоченскаго, ваши отношенія къ нему). „Мы увѣрены, что послѣдователи г. Чернышевскаго найдутъ такой отвѣтъ крайне-остроумнымъ. Вотъ что говоритъ г. Чернышевскій“ (Отеч. Зап. Руск. литерат., стр. 55). — Тутъ выписана первая половина моего отзыва о статьѣ г. Юркевича; затѣмъ слѣдуетъ:

„Какъ вамъ нравится этотъ отвѣтъ! Другими словами, г. Чернышевскій говоритъ: вы несчастный человѣкъ, г. Юркевичъ, потому что учились въ семинаріи и учились по плохимъ руководствамъ“ (что жъ, развѣ это неправду я говорю?). „А вотъ я потомъ досталъ славныя книжки: въ нихъ написано все то, что я говорю. Повѣрьте мнѣ, и если вы еще не устарѣли, то я могу пособить вашему горю, пришлю вамъ мои книжки. Изъ нихъ вы и увидите, что я правъ!“ (Что жъ, мнѣ кажется, что тутъ я выразилъ доброжелательность; ну, скажите, а вы развѣ иначе отвѣчали бы человѣку, который, напримѣръ, дѣлалъ бы противъ вашихъ историко-литературныхъ статей возраженія по учебнику г. Зеленецкаго?)

„Намъ эти слова напомнили блаженной памяти барона Брамбеуса, который всегда отвѣчалъ въ этомъ родѣ, когда Бѣлинскій заставлялъ его отвѣчать категорически. Только баронъ Брамбеусъ отвѣчалъ часто гораздо остроумнѣе г. Чернышевскаго; напримѣръ, онъ отвѣчалъ такъ иногда: „а когда нибудь на досугъ напишу вамъ отвѣтъ на латинскомъ языкѣ.“ Но теперь и баронъ Брамбеусъ не писалъ бы такихъ отвѣтовъ. Въ тѣ злополучныя времена, когда наша философія крылась подъ эстетическими рецензіями на Гоголя, Жоржъ Занда, Сю, противники Бѣлинскаго, къ которымъ принадлежалъ Сенковскій, чтобъ вести споръ околицей, переименовали мадамъ Дюдеванъ въ г-жу „Спередка“, и разыгрывали на эту тему свои замысловатыя рецензіи. И тогда подобныя рецензіи приводили въ омерзѣніе: — что же сказать, когда ту же продѣлку употребляетъ г. Чернышевскій съ г. Юркевичемъ, въ спорѣ первой важности, въ вопросѣ, поставленномъ ясно? Если баронъ Брамбеусъ и въ то злополучное время, въ которое жилъ, упалъ въ общемъ мнѣніи за подобныя продѣлки

и публика отвернулась отъ него, то чего же хочеть г. Чернышевскій — въ наше?

Вы изволите сравнивать меня съ барономъ Брамбеусомъ? — Ну, что жь, если разобрать это сравненіе, то вѣдь окажется, что вы употребили его, не вообразивъ, что изъ него выходитъ.

Дѣло идетъ объ обширности моихъ знаній. Я похожъ на барона Брамбеуса, то есть на покойнаго Сенковскаго. Кто же сомнѣвается, что Сенковскій владѣлъ знаніями, изумительно обширными? Что жь изъ этого выходитъ о моихъ знаніяхъ, если я похожъ на него? Вотъ что значитъ неловкость въ полемикѣ, — хотѣли сказать, что я невѣжда, а изъ вашихъ словъ оказалось, что вы сами считаете меня человѣкомъ очень обширныхъ свѣдѣній. Куда же вамъ полемизировать?

Но я похожу по вашимъ словамъ на Сенковскаго тѣмъ, что люблю отшучиваться отъ возраженій. Хорошо. Почему же Сенковскій любилъ отшучиваться? Потому что былъ человѣкъ очень сильнаго ума, — находившій, что при своемъ умѣ имѣеть право презирать противниковъ. Это вы хотѣли сказать обо мнѣ? Должно быть не это, а изъ вашихъ словъ это выходитъ. Благодарю васъ: вы внушаете читателю мысль, что я — человѣкъ очень сильнаго ума, чувствующій свое превосходство надъ своими противниками. А вѣдь дѣйствительно чувствую (и вы сами навѣрное чувствуете) мое превосходство надъ вами. Что жь дѣлать, не могу не чувствовать: вы слишкомъ плохо полемизируете.

Но Сенковскій упалъ въ общемъ мнѣніи, — вы предсказываете ту же судьбу и мнѣ. Только напрасно вы наговорили лишняго для вашей цѣли, наговорили такихъ вещей, которыми прямо уничтожается во мнѣ это опасеніе. Вы упомянули, что Сенковскій вооружался противъ Бѣлинскаго, Гоголя, Жоржа Занда, то есть противъ того, что я защищаю. Стало быть, если Сенковскій упалъ за свое направленіе, то меня ждетъ участь прямо противоположная. Я буду возвышаться въ общемъ мнѣніи. Это вы хотѣли сказать? Нѣтъ, не хотѣли? Такъ зачѣмъ выходитъ это изъ вашихъ словъ? Плохо, плохо вы полемизируете. Посмотримъ, что-то у васъ дальше.

„Полноте, г. Чернышевскій! въ наше время нельзя всего знать — и естественныхъ наукъ, и философіи, и политической экономіи, и исторіи всеобщей и русской, и литературы. Кто все это знаетъ, тотъ ровно ничего не знаетъ. Эту, по крайней мѣрѣ, аксіому затвердила наша литература, и ее мы можемъ привести противъ васъ. А вы, вѣдь, все знаете. Это подозрительно что-то“ („Отечественныя Записки,“ іюль, русская литература, стр. 56, 57).

Да кто васъ увѣрялъ, что я все знаю? Всего никто не знаетъ, — ни Монтань, ни Вольтеръ, ни Гейне, ни даже самъ Баль не знали. Неужели я вамъ долженъ объяснять разницу между начитанностью и спеціализмомъ, между спеціальнымъ ученымъ, который двигаетъ впередъ одну науку или одну отрасль науки, и между журналистомъ, которому довольно быть образованнымъ человѣкомъ, который только популяризируетъ выводы, слѣданные учеными, только смѣиваетъ грубые предразсудки и отсталость? Неужели вы не сообразили, въ какое смѣшное положеніе ставите себя вы, журналистъ, притворяясь, будто не знаете, что такое журналистъ? Не постигаю, что за радость выставять вамъ себя человѣкомъ ничего не понимающимъ, даже своей профессіи. Неужели по вашему журналистъ долженъ писать только о томъ, въ чемъ онъ спеціалистъ? Да вѣдь если такъ, то журналъ обратится въ *Comptes rendus* парижскаго Института.

Но вы интересуетесь лично мною, — вамъ угодно знать, ученый ли я человѣкъ? Извольте. Давно ужъ не занимаюсь я спеціально ничѣмъ, кромѣ политической экономіи. Прежде занимался я кое-какими другими предметами довольно усердно, такъ что хотя перезабылъ много мелочей изъ нихъ, но судить о томъ, что пишутъ по этимъ предметамъ другіе, очень могу. Что тутъ удивительнаго? Но прежде всего, я по профессіи — журналистъ, подобно вамъ, то есть человѣкъ, старающійся знать успѣхи умственной жизни по всѣмъ вопросамъ, интересующимъ вообще всѣхъ образованныхъ людей. Вы такъ понимаете профессію журналиста, или нѣтъ?

Или вамъ все не то хочется узнать, а то, какъ обширны мои знанія? На это могу отвѣчать вамъ только одно: несравненно

обширнѣе вашихъ. Да это вы и сами знаете. Такъ зачѣмъ же вы добивались получить печатно такой отвѣтъ? Неразсудительно, неразсудительно вы подводили себя подъ него.

Да вы пожалуйста не пріймите этого за гордость: есть чѣмъ тутъ гордиться, что знаешь гораздо больше, нежели вы. И опять не пріймите этого такъ, что я хочу сказать, будто вы имѣете слишкомъ мало знаній. Нѣтъ, ничего-таки: кое-что знаете, и вообще вы человѣкъ образованный. Только напрасно вы такъ плохо полемизируете. — Ну что, прямо я отвѣчалъ, или все отшутивался отъ отвѣта?

Далѣе слѣдуетъ выписка изъ физиологіи Льюиса о различіи физиологическихъ процессовъ отъ химическихъ. Защитникъ г-на Юркевича въ „Отечественныхъ Запискахъ,“ воображая, что г. Юркевичъ смотритъ на это дѣло одинаково съ Льюисомъ, говорить:

„Сравните этотъ отрывокъ изъ Льюиса съ тѣмъ, что говоритъ г. Юркевичъ, и вы увидите, что нашему кievскому профессору извѣстны послѣднія изслѣдованія не хуже г. Чернышевскаго. Слѣдовательно онъ знаетъ не одни семинарскія тетрадки и учебники, какъ завѣряетъ г. Чернышевскій. Мы это говоримъ только для тѣхъ, которые думаютъ, что все сказанное съ-размаху, очертя голову (т. е. кѣмъ же это? мною, что ли?) „непремѣнно и справедливо; а у насъ, къ сожалѣнію, такихъ людей очень много“ (ну, ловко ли вы полемизируете, признавая тутъ, что у насъ очень много людей, одобряющихъ мои статьи? Эхъ, несообразительность-то какая! А еще туда же полемизировать хотите!) „Пожалуй, подумали бы, что г. Юркевичъ схоластикъ, а г. Чернышевскій — прогрессистъ.“

Вамъ показалось, будто между словами г. Юркевича и Льюиса есть сходство; въ словахъ-то есть сходство, да въ смыслѣ-то словъ нѣтъ его. Вы понимаете ли, къ чему клонить дѣло г. Юркевичъ? Къ поддержкѣ идей, прямо противоположныхъ, — чему бы, какъ это выразить? — ну, хоть такъ скажу: прямо противоположныхъ идеямъ Бокля, котораго вы переводите. А Льюисъ вовсе не къ тому ведетъ дѣло. Онъ только доказываетъ, что каждая отдѣльная наука разсматриваетъ частныя видоизмѣ-

ненія общихъ законовъ природы въ особенныхъ условіяхъ. Прочтите у Льюиса всю главу, изъ которой отрывокъ взяли вы, и вы убѣдитесь, что мысли г. Юркевича отъ его мыслей такъ же далеки, какъ отъ моихъ. Съ Льюисомъ-то я совершенно соглашаюсь; а спросите-ко у г. Юркевича мнѣніе о школѣ, къ которой принадлежитъ Льюисъ, онъ вамъ такихъ любезностей о ней наговоритъ, что вы съ своимъ Льюисомъ жизни не рады будете, если дорожите мнѣніемъ г. Юркевича. Но съ вами надобно говорить яснѣе. Вѣдь для васъ все еще остается въ туманѣ предметъ, за который спорилъ противъ меня г. Юркевичъ. Извольте. Объясню это дѣло по возможности.

Вы видите ли по крайней мѣрѣ то, что я съ вами дѣлаю? Я не упускаю почти ни одного изъ вашихъ словъ, беру вашу рѣчь цѣликомъ. Но зачѣмъ я это дѣлаю? за тѣмъ ли, чтобы соглашаться съ вами? Нѣтъ, я дѣлаю вставки къ вашимъ словамъ, перестанавливаю ихъ, переворачиваю, и выходитъ смыслъ, противоположный тому, какой они имѣли у васъ. Напримѣръ, вы говорите, что я невѣжда; а перебираю ваши слова, и — выходитъ изъ нихъ, что я человекъ чрезвычайной учености; вы говорите, что я затрудняюсь отвѣчать на возраженія, — я опять перебираю ваши слова, и выходитъ изъ нихъ, что вы сами признаете меня несравненно сильнѣе людей дѣлающихъ мнѣ возраженія. Понимаете ли теперь, какъ и для чего я пользуюсь вашими словами? — А между тѣмъ вѣдь я воспользовался ими, не правда ли?

Вотъ точно такъ же пользуется трудами естествоиспытателей школа, къ которой принадлежитъ г. Юркевичъ. Она пересматриваетъ труды добросовѣстныхъ специалистовъ, чтобы выворачивать факты въ пользу теоріи, прямо противоположной взгляду этихъ естествоиспытателей.

Вы по всей вѣроятности находите, что я искажаю смыслъ вашихъ словъ? А я полагаю, что вы сами не сообразили, что такое говорили, и что я подмѣчаю въ вашихъ словахъ истинный смыслъ ихъ, котораго вы не замѣтили.

Вотъ точно такъ же школа г. Юркевича думаетъ, что естествоиспытатели сами не понимаютъ того, что излагаютъ и что

только она влагааетъ въ заимствуемые у нихъ факты истинный смыслъ, прямо противоположный заблуждающемуся взгляду естествоиспытателей. А естествоиспытатели находятъ, что эта школа искажаетъ смыслъ фактовъ, которые заимствуетъ у нихъ.

Вамъ все еще можетъ быть несовсѣмъ понятно дѣло. Поясню я примѣромъ, — у меня страсть къ примѣрамъ (вотъ вы надъ этимъ бы подсмѣялись, что иногда пристрастіе къ нимъ дѣлаетъ мои статьи растянутыми, — уличить меня въ этомъ недостаткѣ вы были бы въ силахъ, а то хватаетесь за такія стороны дѣла, съ которыми вы не сладите). Ну-съ, такъ приведу вамъ примѣръ.

Вы курите сигары? Вы очень хорошо знаете, что сырыя сигары плохи, а сухія гораздо лучше. Прекрасно; какимъ же образомъ получаютъ сухія сигары? И это вы знаете. Надѣлавъ сигаръ, фабрикантъ, дорожащій репутаціею своей фабрики, оставляетъ ихъ очень долго, быть можетъ года два или три, лежать въ обыкновенной комнатной температурѣ. Въ это время онѣ и высыхаютъ. Хорошо; но вѣдь до такой же степени сухости можно было бы довести сигары въ какіе нибудь два часа времени, помѣстивъ ихъ въ горячую температуру, напримѣръ хоть градусовъ въ 60, — почему же это не годится? А вотъ почему, какъ вы сами знаете. Когда сигара сохнетъ быстро, то ингредиенты, отъ которыхъ зависитъ вкусъ ея, входятъ въ химическія соединенія, при которыхъ вкусъ сигары портится; а если она сохнетъ очень медленно, ингредиенты эти соединяются между собою другимъ способомъ, при которомъ сигара получаетъ хорошій вкусъ. Вы знаете, что это такъ? Хорошо; что же изъ этого слѣдуетъ? Слѣдуетъ вотъ что. Процессъ испаренія воды, находящейся въ сырой сигарѣ, приводитъ къ извѣстному результату, когда совершается медленно; а когда совершается быстро, результатъ бываетъ вовсе не таковъ.

Вотъ въ этомъ самомъ родѣ разсуждаетъ и Льюисъ о разницѣ между химическимъ процессомъ, совершающимся въ ретортѣ и между пищевареніемъ, совершающимся въ обстановкѣ, очень различной отъ химической реторты. Онъ говоритъ вотъ въ какомъ духѣ: сварите говядину на очень сильномъ огнѣ, — вы получите бульонъ извѣстнаго сорта; сварите ее на слабомъ огнѣ, медленно,

— вы получите бульонъ совершенно иного сорта; если же вы вмѣсто простой воды будете варить говядину въ какомъ нибудь кислотномъ растворѣ (напримѣръ, въ родѣ кваса или сока кислой капусты), — у васъ выдетъ бульонъ опять иного сорта. Словомъ сказать, результатъ процесса измѣняется отъ каждой переменны въ условіяхъ процесса. Вотъ Льюисъ и говоритъ, что каждый изъ этихъ случаевъ надобно наблюдать особенно и не смѣшивать съ другими. Что жъ, по моему мнѣнію, онъ говоритъ правду.

А школа, къ которой принадлежитъ г. Юркевичъ, что выводить изъ подобныхъ фактовъ? — что дескать естественныя науки объясняютъ намъ только одну сторону жизни, а другую; высшую, мы познаемъ, и т. д. и т. д., и что де натуралисты — пронащій народъ. Вы соглашаетесь съ этимъ направлениемъ?

Ясно ли для васъ хоть теперь?

А можетъ быть еще не ясно? Если такъ, потолкуемъ съ вами еще не много. Какъ вы полагаете, не дѣйствуютъ ли въ знаменитомъ Юмѣ какія-то особенныя, удивительныя силы? — или онъ просто ловкій фокусникъ? Сколько я знаю васъ, вы вѣроятно полагаете, что онъ просто фокусникъ. А по методу, которой держится школа, имѣющая своимъ ораторомъ г. Юркевича, надобно отвѣчать такъ: „позвольте, остановитесь, не будьте опрометчивы. Можетъ ли какая нибудь химія или фізіологія объяснить тотъ фактъ, что г. Юмъ видитъ изъ Петербурга чело-вѣка, сидящаго въ Пенсильваніи въ Америкѣ, и сообщаетъ вамъ точныя свѣдѣнія о его здоровьѣ, видитъ, что онъ боленъ флюсомъ и ставитъ себѣ пиявки къ деснѣ. Позвольте васъ спросить, милостивый государь, какъ вы объясните этотъ фактъ вашею химіею или фізіологіею, вашею катоптрикою или діоптрикою? Сознайтесь, м. г., что тутъ дѣйствуютъ въ г. Юмѣ какія-то особенныя силы!“ — Сколько я васъ знаю, вы очень хладнокровно будете отвѣчать такому вашему изобличителю: „м. г., этого факта, на который вы ссылаетесь, рѣшительно нѣтъ, а есть другой фактъ, котораго не угодно вамъ замѣчать. Ничего находящагося въ Америкѣ г. Юмъ изъ Петербурга не видѣлъ; онъ только дурачилъ васъ.“

Вотъ точь-въ-точь такого рода споръ между теоріею естество-

испытателей, которая кажется мнѣ справедлива, и которую я стараюсь популяризировать по своей профессіи журналиста, и между школою, къ которой принадлежит г. Юркевичъ. Вы на чьей сторонѣ были бы въ подобномъ спорѣ? Сколько я васъ знаю, были бы вы на моей сторонѣ, только не удалось вамъ разобрать, въ чемъ споръ.

Но мой примѣръ не конченъ. Я остановился на томъ, что вы говорите своему возражателю, приверженцу Юма: „Я отрицаю дѣйствіе особенныхъ силъ въ Юмѣ, потому что не тѣми, какъ вы, глазами смотрю на фактъ, сбивающій васъ съ толку.“ Но вѣдь этотъ противникъ не оставитъ васъ безъ отвѣта. Онъ скажетъ вамъ, что „люди, наблюдавшіе Юма, остались убѣждены, что это не фокусы;“ онъ прибавитъ: „вы познакомьтесь съ этими людьми, они вамъ расскажутъ много такого, чего вы не знаете; въ вашихъ словахъ, отвергающихъ мое мнѣніе о Юмѣ, я вижу только наглость вашего незнанія.“ Что вы станете дѣлать съ такимъ человѣкомъ? Смотря по расположенію духа: если вы не расположены смѣяться, то уйдете отъ него; а если расположены смѣяться, станете насмѣхаться надъ нимъ. Въ томъ и другомъ случаѣ вы будете правы: съ такимъ человѣкомъ или вовсе не стоитъ говорить, или нельзя говорить безъ насмѣшки. Теперь я прошу васъ прочесть слѣдующій отрывокъ изъ вашей брани на меня за г. Юркевича. Выписавъ вторую половину моего отзыва о статьѣ г. Юркевича, гдѣ я говорилъ, что читать статью г. Юркевича мнѣ не за чѣмъ, потому что по самой рекомендаціи „Русскаго Вѣстника“ я вижу совершенное сходство ея съ вещами, которыя некогда заставляли меня учить наизусть, — сдѣлавъ эту выписку, статейка „Отеч. Записокъ“ продолжаетъ:

„Понимаете ли вы, что это такое? Видите ли, куда мы гнемъ?“ (ужь не знаю, видно ли вамъ хоть теперь, куда я гну; а куда гнетъ г. Юркевичъ, вы навѣрное не видѣли, когда писали эти строки.) „Сказано, что все это вздоръ, который мы не станемъ читать. Вотъ что подразумѣваемъ мы подъ словами г. Чернышевскаго.

„Да помилуйте, г. Юркевичъ вамъ доказываетъ: 1) что вы не знаете той философіи, о которой говорите; 2) что вы смѣшали

методъ естествознанія, примѣняемый къ психическимъ явленіямъ съ самымъ изъясненіемъ душевныхъ явленій ; 3) что вы не поняли важности самонаблюденія, какъ особеннаго источника психологическихъ познаній ; 4) вы перемѣшали метафизическое ученіе о единствѣ матеріи ; 5) вы допустили возможность превращенія количественныхъ разностей въ качественные ; 6) наконецъ, вы допустили, что всякое воззрѣніе есть уже фактъ науки, и такимъ образомъ утратили разницу жизни человѣческой отъ животной. Вы уничтожили нравственную личность человѣка и допускаете только эгоистическія побужденія животнаго.

„Кажется, ясно; дѣло идетъ уже не о комъ-либо другомъ, а о васъ, не о философіи и фізіологіи вообще, а о вашемъ незнаніи этихъ наукъ. Къ чему же тутъ громоотводъ о семинарской философіи? За чѣмъ смѣшивать вещи, совершенно разныя и говорить, что вы все это знали уже въ семинаріи, и даже теперь помните наизусть?“

На все это я хотѣлъ бы сказать одно : да какъ же не говорить мнѣ того, что по моему мнѣнію совершенно справедливо? Но въ удовольствіе вамъ разъясню дѣло, — впрочемъ, опять-таки ссылкой на тѣ же самыя тетрадки, незнакомство съ которыми не дозволило вамъ понять, въ чемъ дѣло.

Если бы потрудились вы пересмотрѣть эти тетрадки, вы увидѣли бы, что всѣ недостатки, которые г. Юркевичъ открываетъ во мнѣ, открываютъ эти тетрадки въ Аристотелѣ, Бэконѣ, Гассенди, Локкѣ и т. д. и т. д., во всѣхъ философахъ, которые не были идеалисты. Слѣдовательно, ко мнѣ, какъ отдѣльному писателю, эти упреки вовсе не относятся ; они относятся собственно къ теоріи, которую популяризировать я считаю полезнымъ дѣломъ. Если вы не вѣрите, загляните въ принадлежащій тому же, какъ г. Юркевичъ, направленію „Философскій словарь,“ издаваемый г. С. Г., — вы увидите, что тамъ про каждаго не идеалиста говорится тоже самое : и психологіи-то онъ не знаетъ, и естественныя-то науки ему неизвѣстны, и внутренній-то опытъ онъ отвергаетъ, и передъ фактами-то онъ падаетъ во прахъ, и метафизику-то онъ съ естественными науками смѣшиваетъ, и человѣка-то онъ унижаетъ, и т. д. и т. д. — Скажите же, какая мнѣ надобность

серьезно смотрѣть на автора ли извѣстной статьи, на людей ли его хвалящихъ, когда я вижу, что лично противъ меня они повторяютъ вещи, изъ поконъ-вѣка повторяемые про каждаго мыслителя школы, которой я держусь? Я долженъ судить такъ: или они не знаютъ, или они притворяются незнающими, что эти упреки не противъ меня, а противъ цѣлой школы; слѣдовательно, они люди или плохо знакомые съ исторіей философіи, или только дѣйствуютъ по тактикѣ, фальшивость которой сами знаютъ. Въ томъ или другомъ случаѣ такіе противники недостойны серьезнаго спора.

Скажите, напримѣръ, если бы кто сталъ лично васъ упрекать въ незнаніи за то, что вы считаете народность важнымъ для литературы элементомъ, — относился ли бы этотъ упрекъ лично къ вамъ? Нѣтъ, онъ относился бы къ цѣлой школѣ. Почли ли бы вы за нужное доказывать, что дескать „если я называю народность важнымъ элементомъ литературы, это еще не признакъ моего незнанія,“ — конечно, вы почли бы ниже своего достоинства доказывать это.

Но вамъ, по вашему незнакомству съ предметомъ спора, мои слова быть можетъ еще не совсѣмъ ясны. Постараюсь сдѣлать для васъ еще нѣсколько объясненій.

Изволите ли вы знать, что называли невѣждою, — не то что меня, а напримѣръ Гегеля? Извѣстно ли вамъ, за что его называли невѣждою? За то, что онъ имѣлъ извѣстный образъ мыслей, не нравившійся нѣкоторымъ ученымъ. Какъ вы полагаете, невѣжда былъ Гегель или нѣтъ? А кто вы думаете называлъ его невѣждою? люди той самой школы, къ которой принадлежитъ г. Юркевичъ.

Извѣстно ли вамъ, что называли невѣждою Канта? За что называли, справедливо ли называли, какіе люди называли, — это все то же что въ прежнемъ примѣрѣ.

Извѣстно ли вамъ, что называли невѣждою Декарта? — За что, справедливо ли и какіе люди называли, — это все то же, какъ въ прежнемъ примѣрѣ.

Возьмите какого угодно другаго мыслителя, подвигавшаго

науку впередъ, каждый подвергался тому же самому обвиненію, за то же самое и отъ тѣхъ же самыхъ людей.

Умѣете ли вы сдѣлать выводъ изъ этихъ фактовъ? Если бы умѣли, мнѣ не пришлось бы объясняться съ вами; но по всему видно, что не умѣете: стало быть я долженъ подсказать его вамъ. Вотъ онъ:

Люди рутины упрекаютъ въ невѣжествѣ всякаго нововводителя за то что онъ — нововводитель.

Прошу васъ запомнить это. Память объ этомъ избавить васъ отъ многихъ промаховъ.

Но вы знаете этотъ выводъ только какъ фактъ. А вы расположены, какъ видно, любопытствовать о философскихъ матеріяхъ. Для вашего удовольствія я выведу неизбѣжность этого факта изъ психологическихъ законовъ.

Положимъ, что извѣстный человѣкъ совершенно удовлетворяется извѣстнымъ умственнымъ или житейскимъ положеніемъ. Если приходитъ другой человѣкъ и говоритъ: „оно неудовлетворительно,“ у человѣка, удовлетворявшагося этимъ положеніемъ непремѣнно рождается мысль: „онъ не удовлетворяется имъ потому, что не знакомъ съ нимъ.“ Рождается она вотъ какъ. Что совершенно удовлетворительно, то хорошо. Кому хорошее не кажется хорошо, тотъ не видитъ, что оно хорошо. Кто говоритъ о хорошемъ, не видя, что оно хорошо, тотъ не знаетъ хорошаго. — Такимъ-то путемъ люди, удовлетворяющіеся чѣмъ нибудь неудовлетворительнымъ, приходятъ къ мысли, что неудовлетворяющійся этимъ неудовлетворительнымъ, не знаетъ его. Это неизмѣнно бываетъ во всѣхъ сферахъ жизни и мысли. Если на-примѣръ, вы скажете пьяницѣ, что пьянство не хорошо, онъ непремѣнно возразитъ вамъ: „а попробуй-ко выпить, увидишь, что хорошо.“ Если вы предлагаете купцу, торгующему по нашимъ обычаямъ, продавать товары по неизмѣнной цѣнѣ, *prix fixe*, безъ торгу, безъ запрашиванья, онъ непременно возразитъ вамъ: „это вы говорите потому, что нашего торговаго дѣла не знаете.“ Помните ли, когда стали рекомендовать стетоскопъ для распознаванія грудныхъ и другихъ внутреннихъ болѣзней, опытные практиканты возражали: „вы толкуете о стетоскопѣ потому, что

лечить не умѣете; намъ стетоскопъ не нуженъ. “Такъ и во всемъ; такъ между прочимъ и въ философіи. Поняли?”

Или все еще непонятно для васъ? Но если все еще непонятно для васъ, то мнѣ уже наскучило объяснять. Оставайтесь при своемъ непониманіи. Значить, ужь не судьба вамъ понимать что-нибудь въ философіи. Но чтобы не огорчать васъ, я предположу, что вы наконецъ поняли, и скажу вамъ заключеніе изъ всего прочитаннаго вами, какъ будто вы поняли то, что прочли. Вотъ это заключеніе.

Теорія, которую считаю я справедливой, составляетъ самое послѣднее звѣно въ ряду философскихъ системъ. Если вы этого не знаете, а вѣрить мнѣ на слово не хотите, рекомендую вамъ взять какую вы хотите исторію новѣйшей философіи, — въ каждой такой книгѣ вы найдете подтвержденіе моимъ словамъ. По одному историку, теорія эта справедлива, по другому несправедлива; но всѣ они единодушно скажутъ вамъ, что эта теорія дѣйствительно послѣдняя, вышедшая изъ гегелевской точно такъ же, какъ гегелевская вышла изъ шеллинговой. Вы можете осуждать меня за то, что я признаю прогрессъ въ наукѣ и нахожу послѣднее слово ея самымъ полнымъ и справедливымъ. Это какъ вамъ угодно. Быть можетъ по вашему старое лучше новаго. Но допустите же возможность думать иначе.

Припомните теперь психологическій законъ, что всякаго нововводителя рутинисты называютъ невѣждой. Вы поймете, что основателя теоріи, которой держусь я, называютъ невѣждою приверженцы предшествовавшихъ теорій.

Но уже надѣюсь и безъ всякихъ моихъ объясненій сами вы поймете, что когда извѣстными людьми взводится извѣстное порицаніе на учителя, то распространяется оно ими и на учениковъ, вѣрныхъ духу учителя; слѣдовательно должно распространяться и на меня въ числѣ другихъ.

Но вамъ все-таки можетъ быть еще не ясно дѣло, — вамъ вѣроятно хотѣлось бы узнать, кто же такой этотъ учитель, о которомъ я говорю? Чтобы облегчить вамъ поиски, я пожалуй скажу вамъ, что онъ — не русскій, не французъ, не англичанинъ; — не Бюхнеръ, не Максъ Штирнеръ, не Бруно Бауеръ, не

Мошоттъ, не Фохтъ, — кто же онъ такой? Вы начинаете догадываться: „должно быть Шопенгауеръ!“ восклицаете вы, начитавшись статей г. Лаврова. — Онъ самый и есть, угадали.

Но скажите сами: виновать ли я въ томъ, что говорю съ вами такъ свысока, — виновать ли я въ этомъ, когда вы ставите себя относительно меня въ такое положеніе, что я долженъ разъяснять вамъ подобныя вещи? — Если, на примѣръ, вы скажете, что императоръ Петръ Великій побѣдилъ Карла XII подъ Полтавою и если какой нибудь господинъ закричитъ вамъ: „невѣжда, вы не знаете русской исторіи!“ — вы ли будете виноваты въ томъ, что станете отвѣчать этому господину такимъ тономъ, какимъ вотъ я отвѣчаю вамъ?

Полюбуйтесь теперь на правоученіе, которое извлеку я для васъ изъ окончанія статейки „Отечественн. Записокъ.“ Она вопрошаетъ, обращаясь ко мнѣ:

„Вы говорите, что не читали этой статьи?“ (то есть, статьи г. Юркевича) „Правда ли это? Нѣтъ ли и здѣсь той скрытой, преднамѣренной причины, чтобъ оставить за собою мнѣніе въ публикѣ о вашемъ глубокомыслии, такъ сильно пострадавшемъ? Мы, молъ, этакихъ статей читать не станемъ... А вѣдь, выходитъ, что вы прочли статью, и знаете, что въ ней кроется. Вашъ отвѣтъ вы сами начинаете такъ: „Вотъ капитальнѣйшая статья полемическаго отдѣла IV-й книжки „Русскаго Вѣстника.“ Почему жъ это вы узнали, что это капитальнѣйшее возраженіе на ваши умствованія?“ (Отеч. Зап. Іюль. Лит. стр. 60, 61).

Вамъ кажется невѣроятно, что я не полюбоществовалъ прочесть статью г. Юркевича. Очень вѣрю, что для васъ кажется это невѣроятно. Каждый человѣкъ измѣряетъ другихъ собою. Что ниже его или равно ему въ другихъ, то онъ понимаетъ, возможности того онъ вѣритъ; что выше его способностей или развитія, того онъ не понимаетъ, тому онъ не вѣритъ. Доказать вамъ это? Извольте. Въ комъ не пробудилось желанье учиться грамотѣ, тотъ не понимаетъ, какъ это другіе люди находятъ удовольствіе въ чтеніи книгъ. А мы съ вами, усѣвшіе статью выше этого человѣка, понимаемъ его мысли. Но мы съ вами не занимались высшей математикой, — признайтесь, что вамъ не

совсѣмъ понятно, какъ это люди могутъ съ наслажденіемъ сидѣть по цѣлымъ днямъ за формулами интеграловъ: это намъ съ вами кажется странно. Вотъ вамъ относительно степени развитія способностей. Теперь относительно природной силы способностей. Человѣкъ съ характеромъ, способнымъ къ самопожертвованію, понимаетъ самопожертвованіе; человѣкъ съ сухимъ сердцемъ не понимаетъ, какъ это люди могутъ жертвовать собой для другихъ людей или для идей, — ему это представляется помѣшательствомъ или лицемѣріемъ. Кто неловокъ отъ природы, тотъ рѣшительно не понимаетъ, какъ это люди могутъ держать себя изящно; и если онъ станетъ заботиться объ этомъ, онъ станетъ держать себя еще нелѣпѣе прежняго; это значитъ, что онъ дѣйствительно не понимаетъ, въ чемъ же состоитъ изящество. Вотъ точно то же и наше съ вами дѣло.

Считайте слѣдующія мои слова самохвальствомъ, или чѣмъ вамъ угодно, но я чувствую себя настолько выше мыслителей школы г-на Юркевича, что рѣшительно нелюбопытно мнѣ знать ихъ мысли обо мнѣ, — точно такъ же, какъ напримѣръ вамъ вовсе нелюбопытно знать, какія достоинства или недостатки находятъ въ вашихъ критическихъ статьяхъ какойнибудь почитатель романовъ г. Рафаила Зотова.

Теперь вообразите, что этотъ почитатель романовъ г. Рафаила Зотова напечаталъ разборъ вашихъ статей; если у васъ работы довольно много и для часовъ досуга есть другіе планы развлеченій или любимыхъ занятій, то удивительно ли будетъ, что вы не прочтете эту статейку? Вотъ точно таково же мое отношеніе къ статьѣ г. Юркевича.

Вамъ кажется это невѣроятно? Что жъ дѣлать, — вы только заставляете меня предполагать, что многое мелкое для меня, для васъ крупно.

Гдѣ же вамъ вести полемику, когда вы подводите себя подъ такіе отвѣты.

Да, вѣдь у васъ остается очень сильный аргументъ: если я не читалъ статью г. Юркевича, то почему же я знаю, что она „капитальнѣйшая полемическая статья въ 4 № *Русскаго Вѣстника*. Да вѣдь *Русскій Вѣстникъ* объявлялъ объ этомъ

самъ въ статьѣ „Старые боги и новые боги,“ — что вотъ дескать мы помѣстимъ извлеченіе изъ превосходной статьи г. Юркевича, которой придаемъ необыкновенную важность. Въ прочтенномъ мною предисловіи къ этому извлеченію онъ опять повторялъ то же самое, — вотъ я въ насмѣшку и назвалъ эту статью самую капитальною. А вы и того не поняли, что слово „капитальный“ тутъ употреблено въ насмѣшку? Что за наивность такая въ васъ; какъ же не знать, что если въ полемикѣ употребляются похвальные или торжественныя выраженія, то ихъ надобно понимать за насмѣшку? Чтобы это вамъ было понятней, приведу примѣръ: „восхитительная статья „Отечественныхъ Записокъ“ о г. Юркевичѣ прочитана была мною съ благоговѣніемъ къ великой философской учености ея автора,“ — ну вотъ попробуйте разобрать теперь, въ какомъ это смыслѣ я говорю, въ прямомъ или ироническомъ? Или и этого не разберете?

Удивляете вы меня своею провѣстительностію. Какъ вы не сообразили хоть слѣдующаго факта: беру я цѣлыхъ 9 страницъ изъ статьи г. Юркевича, изъясняющей мое невѣжество, и перепечатаваю эти страницы въ своей статьѣ безъ всякаго возраженія, — ну какъ вы полагаете, сдѣлалъ ли бы я это, еслибъ не былъ очень твердо убѣжденъ, что перепечатаваемые мною страницы слишкомъ плохи? Если бы вы умѣли соображать, этотъ одинъ фактъ уже показалъ бы вамъ, какъ слабы должны быть возраженія, которыя можетъ придумать противъ меня философъ, такого направленія, какъ г. Юркевичъ.

Я обращался съ своею рѣчью къ вамъ, Дудышкинъ, потому только, что вы завѣдуете отдѣломъ, въ которомъ помѣщена разобранная мною статья; но быть можетъ, она и не вами написана, — если не вами, то я очень радъ за васъ.

Я люблю дѣлать сюрпризы. Вы, Дудышкинъ, конечно, ждете, что я посоветую вамъ не помѣщать такихъ полемическихъ статей, какъ эта разобранная мною, — какъ это можно, развѣ я врагъ себѣ? Сдѣлайте одолженіе, побольше, побольше такихъ статей печатайте, обяжете меня этимъ до крайности.

Чѣмъ-то поразвлечься мнѣ на слѣдующій разъ? Думаю совокупить „Русскій Вѣстникъ“ съ „Отечественн. Записками;“ — да развѣ не прибавить ли тоже нѣсколькихъ красотъ изъ „Русской Рѣчи“ и еще откуда нибудь, какъ случится.

НБ ПНУС

5583